ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Серия научных изданий и справочников, посвященных малоизученным проблемам истории и идеологии русской цивилизации:

Русская цивилизация: история и идеология
Слово и дело национальной России
Экономика русской цивилизации
Экономическое учение славянофилов
Денежная держава антихриста
Энциклопедия Черной сотни
История русского народа в XX веке
Стратегия восточных территорий
Мировоззрение славянофилов
Биосфера и кризис цивилизации
Начальная история русской цивилизации
Третий Рим против нового мирового порядка
Энциклопедия славянофилов
Русские монастыри и храмы
Русские святые и подвижники Православия
Государственно-правовой идеал славянофилов
Россия на рубежах США, Японии и Китая
Русская цивилизация: философия и литература
Россия и Польша
Славянофилы, их сподвижники и последователи
Политическая экономия национального хозяйства
Космология духа и циклы истории
Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию
Русская цивилизация: экологический аспект
Синодикъ или Куликовская битва в лицах

Священник Валерий Мешков
Перова Галина Васильевна

СИНОДИКЪ

или Куликовская битва в лицах

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2012

УДК 94(47).034
ББК 63.3(2)42
С 38

Священник Валерий Мешков, Перова Г. В.

С 38 Синодикъ или Куликовская битва в лицах / Под общей редакцией академика Ю. К. Бегунова. Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2012. — 736 с.

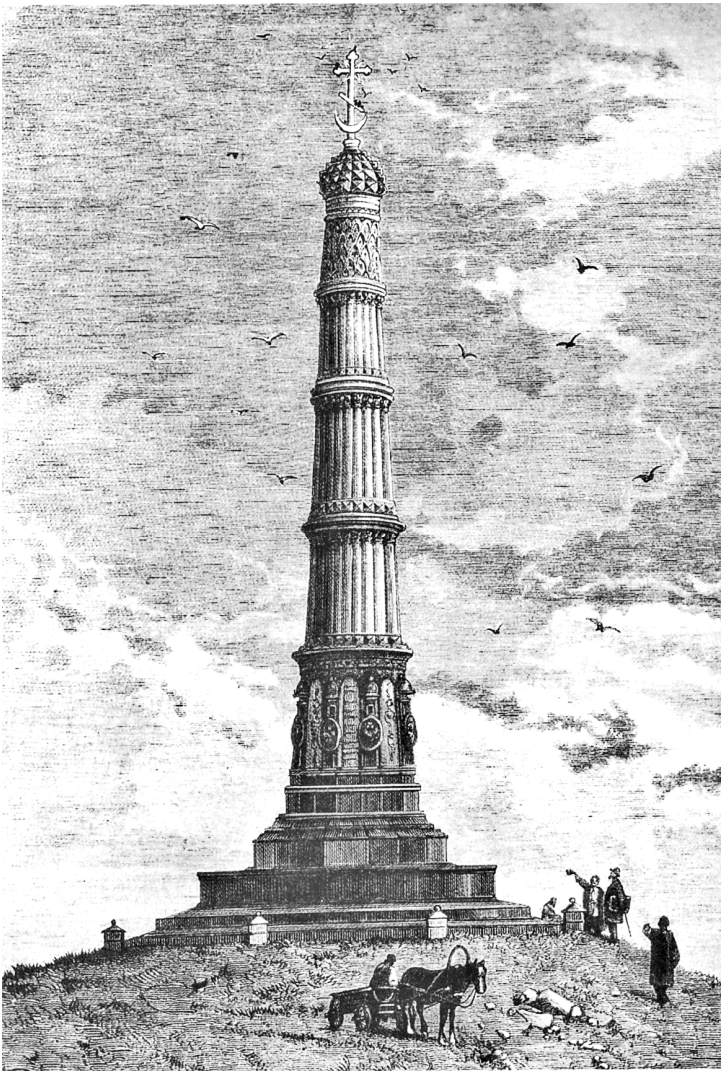
Русь-Россия сложилась великими трудами, подвигами и молитвами наших замечательных предков. После Святого Крещения русский народ стал народом православным, и таковым в основном он остается по сию пору. Не только бремя тяжких испытаний выпало на его долю, но и слава многих побед, одной из которых является победа над многочисленными мамаевыми ордами на Поле Куликовом.

Предлагаемая уважаемому читателю книга предназначена для всех, интересующихся отечественной историей. В каждой христианской семье раньше был и сейчас должен быть *помянник*, в который занесены имена предков. Имена Куликовских героев-воинов достойны быть частью достояния великой семьи всего русского народа и должны быть занесены в Великий Воинский Помянник. Многолетний труд «Синодикъ или Куликовская битва в лицах» — Книга Памяти. В ней чуткий сердцем встретит немало открытий, что позволит более глубоко и объемно осмыслить ту эпоху.

Наша задача — восстановить историческую преемственность и ощутить себя хранителями и защитниками памяти, и эта книга — лепта в это важное дело.

ISBN 978-5-4261-0014-5

© Священник Валерий Мешков, Перова Г. В., 2012
© Художественное оформление Соболева Е. С., 2012
© Оформление Институт русской цивилизации, 2012



Колонна-памятник Дмитрию Донскому
на Красном холме Куликова Поля
(арх. А. П. Брюллов, 1850 г., гравюра XIX века)

От авторов-составителей

Перед вами долгожданная для нас книга ***«Синодикъ или Куликовская битва в лицах».*** **Ничего подобного раньше не выходило.** Это подарок нашим героям-витязям и всем тем, кому дорого ПЕРВОЕ ПОЛЕ Славы Руси – ПОЛЕ КУЛИКОВО. Труд по сбору материалов и исследовательская работа аналитического характера велись нами на протяжении многих лет. Мы уверены, что актуальность и востребованность его будут расти.

По окончании грозного побоища, когда отлетали стрелы и копья, оставшиеся в живых русские воины более недели хоронили соратников по оружию, собратьев во Христе, и после отдания последней чести и служения заупокойных панихид возвращались домой в свои уделы, малые родины. Память о героях жила в памяти витязей-однополчан, их сродников... До нас не дошел полный поминальный синодик, да, скорее всего, его и не было вовсе. Поэтому дело нашей памяти и нашей совести побудило заняться этой работой. Кто-то может сказать: «зачем ворошить прошлое, и до того ли ныне; надо думать о настоящем...». Но **«памятью, как совестью, проверяем себя»**. Чтобы лучше понять настоящее и меньше делать ошибок в будущем, нужно обращаться к прошлому и внимательнее изучать его.

*

В начале 90-х годов теперь уже прошлого XX века куликовские подвижники – воин-афганец Андрей Даценко и иже с ним – собрали максимально возможное на то время количество (*порядка 120*) имен людей, упоминавшихся в источниках в связи с участием в Кули-

ковской битве. Этот первый Синодикъ многие годы являлся помянникомъ не только в нашем древнейшем московском Храме Рождества Богородицы на Старом Симонове, усыпальнице героев Куликовской битвы святых Александра (Пересвета) и Андрея (Осляби), а также (по преданию) и иных представителей московского ополчения, но и был передан для поминовения славных участников Битвы в Храмы Рождества Богородицы в с. Монастырщина на Куликовом Поле, Успения Пресвятой Богородицы в Епифани и во многие другие храмы, где чтят память об этой Великой Победе Русского народа. К сожалению, на этом этапе не были записаны (кроме имен) ни известия об этих людях, ни названия источников, в которых были найдены сведения.

**

В 2004 г. возникла идея к 625-летию Куликовской Битвы обновить Синодикъ и поискать новые имена. Работа оказалась настолько интересной, что мы стали **по каждому имени выписывать и анализировать все найденные известия, а также по возможности собирать информацию о том, кем были эти ратники в миру, как они жили.** Многие участники Куликовской битвы были людьми, истории известными, и о таковых мы писали более подробные статьи. Другие же (некоторые из князей и бояр) не были упомянуты в родословных книгах (либо потому, что род исхудал, либо потому, что далеко не все роды записывались в эти книги) — о них мы собирали все встречающиеся в источниках сведения и прилагали к ним свои комментарии. Работа сопровождалась неожиданными открытиями, нахождением новых имен, исключением некоторых недостоверных имен из Куликовского Синодика.

Надо отметить, что наиболее полным списком участников Куликовской битвы до наших исследований считался Синодикъ, составленный в эмиграции замечательным русским человеком, патриотом, ученым и писателем Михаилом Дмитриевичем Каратеевым, ныне покойным. Он писал: «*Имя каждого участника этой Битвы, встречающееся в том или ином документе эпохи, кому бы оно ни принадлежало, князю, воеводе или простому воину — является достоянием истории и заслуживает того, чтобы его потомки помнили. Много ли сохранилось таких имен?*» К сожалению, Каратеевский Синодикъ практически не сопровождается сведениями об источниках информации, но мы проанализировали и входящие в него имена, сопроводив их своими комментариями.

В результате проведенных исследований был составлен новый Список-Синодикъ для поминовения славных русских воинов. В отличие от прежнего, он стал не простым перечнем имен, но каждое имя сопровождалось в нем кратким комментарием об этом воине (князь, боярин, какого княжества, убит или остался жив в Куликовском сражении). А все собранные и проанализированные сведения об участниках Куликовской битвы с их жизнеописанием были помещены в объемный, полезный по информации и интересный по содержанию сборник "Синодикъ или Куликовская битва в лицах", который был художественно оформлен тщательно подобранными и созданными иллюстрациями, позволяющими живее воспринимать «дела давно минувших дней».

***

В 2008 году, когда у нас появилась статья академика Ю. К. Бегунова «*Новонайденный* ***Ростовский***

источник о Куликовской битве», начался новый этап в пополнении и изменении нашего Синодика. Юрий Константинович Бегунов в своей статье поместил дословный летописный фрагмент, касающийся Куликовской битвы, из текста *ростовского предания по рукописи Российской национальной библиотеки, из собрания А. А. Титова под названием:* ***«Ростовский летописец»*** *А. Я. Артынова*, сопроводив статью словами о том, что *материал Артынова из Ростовского Летописца следует изучить и проверить*.

Мы взялись за эту трудоемкую работу. По результатам ее была заново написана глава «Ростовское княжество» и обновлен *Список-Синодикъ* для поминовения куликовских ратников. Комментарии к каждому имени в новом Помяннике мы дополнили еще и ссылками на источники, в которых упоминались имена в связи с участием в Битве, а также сведениями о том, известно ли имя родословным книгам.

Этот венчающий нашу работу Поминальный Синодикъ имен куликовских ратников ***является на сегодняшний день наиболее полным и обоснованным,*** поскольку составлен на основании анализа и сопоставления найденной по каждому имени, упоминавшемуся в связи с участием в Куликовской битве, информации в ***многочисленных летописных и исторических источниках, родословных книгах, энциклопедических и других изданиях со ссылкой на эти труды***. Все остальные куликовские помянники представляют собой **списки обезличенных имен**, выписанных из необозначенных источников, а также без анализа возможности участия в этом Великом Сражении носивших их людей. Новый Список-Синодикъ уже передан для

поминовения в некоторые храмы, в том числе на Поле Куликово.

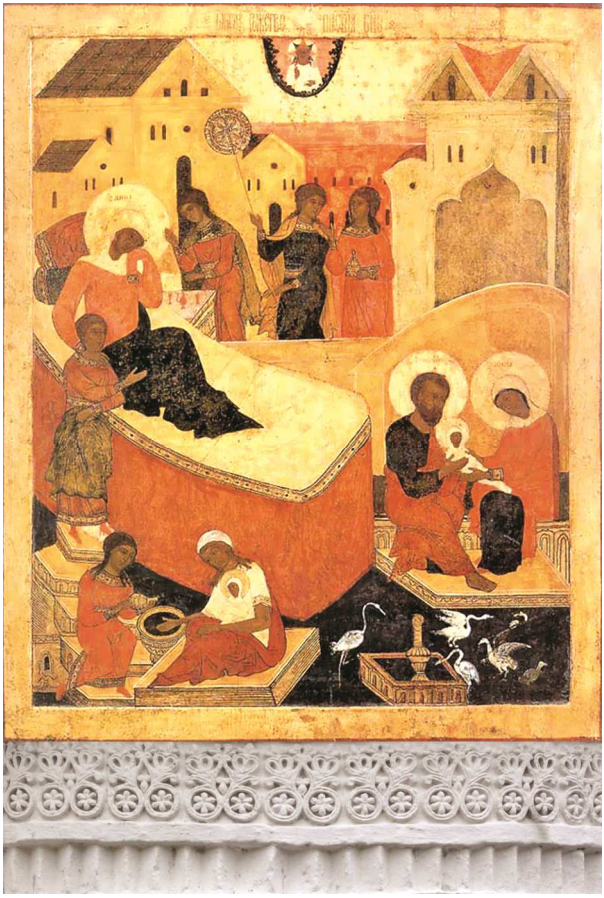
Всего на сегодняшний день нами **найдено 247 имен** людей, упоминавшихся в различных источниках в связи с участием их в Куликовской битве, а также имеется информация **о 20-ти безымянных воинах. Подтверждение участия в Сражении** получили **172 ратника**, среди них: **142 воина с известными именами** (в том числе трое святых); **20 безымянных ратников**; а также **10 споспешествовавших Победе людей,** среди которых и посольская служба великого князя Димитрия Ивановича Донского. Кроме того, составлены **два дополнительных списка**: в **один** из них вошли **имена людей, признание участия в Битве которых требует более достоверных сведений (31 имя),** в **другой — имена тех, чье участие в Побоище на Дону было невозможно по обоснованным нами причинам (64 имени).**

В работе было использовано ***более 150 источников***, среди которых основными являлись летописи и все доступные редакции и списки «Сказания о Мамаевом побоище» и «Задонщины», а также российские родословные книги и труды российских историков XVIII-XX веков.

Мы считаем, что ***Куликовский Синодикъ — труд «живой»,*** и он ждет дальнейших и постоянных исследований, к чему, собственно, и призываем всех неравнодушных искателей. Божией вам помощи!

Благодарим всех, помогавших нам в подготовке и издании этой книги.

Предисловие



Рождество Богородицы. Икона XVII века из храма Рождества Богородицы в Старом Симонове в Москве, усыпальницы героев Куликовской битвы.

На титульной странице — Часовня на Прощеном колодце (берег р. Дон близ с. Грибоедово). Архитектор М. А. Панкратов, скульптор В. М. Клыков, 1991–1993 (фото свящ. Валерия Мешкова)

Синодикъ – есть книга, в которую внесены (и вносятся) имена умерших для всегдашнего поминовения при Богослужении и домашней молитве. Это слово греческого происхождения (т.к. веру мы приняли от греков); по-русски говоря, это ПОМЯННИКЪ. Раньше же на Руси такие сборники печальных перечней назывались «Книги животные» («*животъ*» по церковно-славянски означает «жизнь»), ибо у Бога все живы.

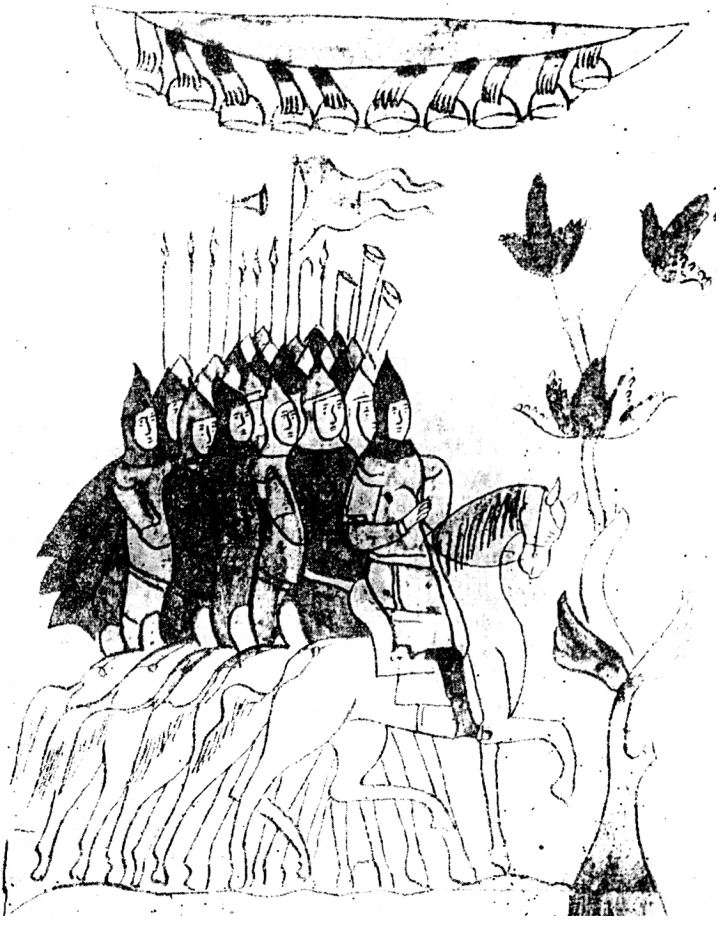
Нам до́лжно поминать не только сродников по крови, но и было заповедано: **пока стоит и будет стоять Русь/Россія**, чтить своих братьев (и сестер), погибших «***за землю русскую и за веру христианскую***». Пока мы помним, мы живем.

---

* На рисунке вверху страницы приведено изображение резного каменного креста из Софийского собора в Великом Новгороде, выполненного по повелению архиепископа Новгородского Алексия в 1380-е годы

«Любовь к отеческим гробам» — это не только зов крови. Это наш долг не только как православных (ибо предки наши были практически все крещеные люди), но и долг нравственный. Что мы можем им дать, чем и как мы можем отблагодарить тех героев, чьи имена уже написаны на Небесах? Только сохранением Святой Отеческой Веры, любовью к Отчизне и защитой Ее, живой памятью, покаянием и исправлением жизни и поминовением их, где бы мы ни были и не оказались: у себя ли на Родине или на краю земли. Однозначно, это нужно более нам, чем им, ибо было откровение одному из очевидцев Мамаева побоища, который узрел венцы, опускавшиеся с неба на головы многих русских витязей. У Бога нет мертвых. Тем паче у Него живы подвижники духа, пожертвовавшие за святыни и за народ свой (в том числе и за нас с вами, ведь если бы не было их Победы, то, возможно, не было бы и нас сейчас) самым дорогим — ж и з н ь ю . Господь же сказал, что тот, кто ради Него, Евангелия и ближних своих положит душу (жизнь) свою, тот не потеряет ее

Отечество.
Икона первой трети XVII века
из праотеческого ряда
Успенского собора
Кирилло-Белозерского монастыря



Миниатюра Лондонского лицевого списка «Сказания о Мамаевом побоище» XVII века

со смертью временной, но обретет Жизнь Вечную с Отцом Небесным в Царствии Его, «*идеже несть болезнь, ни печаль*». Это Царство Любви, Света и Правды. И когда Ангел вострубит при наступлении

апокалиптического времени для верных сынов Божиих и верных сынов своего Отечества — это будет радостный день. Тогда воскреснут все и восстанут из гробов в телесах, но только те облекутся в славу Господню, которые оказались достойными этого своей земной жизнью. Поэтому кладбища на Руси именовались также и п о г о с т а м и (от слова «гость»), ибо мы здесь временны и «пришельцы есьмы», и мать сыра земля, из которой Богъ нас создал, до времени принимает нас во чреве своем. Кто-то из воинов погиб на Поле на Куликовом в бою, кто-то остался жив и отошел в мир иной и приложился к ним и прочим предкам позже, когда время приспе (пришло)...

Куликовская битва — без преувеличения можно утверждать — крупнейшее сражение XIV века и по масштабу, и по значению. Слава его дошла до Железных Ворот, до Рима и самого Царьграда, до Тырнова (столицы тогдашней Болгарии) и Кафы (Феодосии), и возвестила о том, что *«Русь великая одолела Мамая»*. Состоялось оно 8 (21) сентября 1380 года, в праздник Рождества Богородицы. В Битве принимали участие более 75 русских князей, не считая многочисленных бояр-воевод, простых ратников и ополченцев. Кроме **московских** полков, по призыву великого князя Димитрия Ивановича (Донского) собрались рати из городов:

Серпухова
Дмитрова
Звенигорода
Владимира
Юрьева
Переяславля-Залесского
Кеми
Каргополя
Пскова
Ростова
Ярославля
Углича
Оболенска
Кашина
Стародуба
Городца Мещерского
Смоленска
Боровска
Можайска
Коломны
Суздаля
Костромы
Бело-Озера
Карголома
Андомы
Брянска
Устюга Великого
Мологи
Тарусы
Новосиля
Холма (тверского)
Ельца
Мурома
Дорогобужа...

ЧИСЛО ПОГИБШИХ РАТНИКОВ НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМЪ

по княжествам, уделам и городам, согласно указанным источникам

№ п/п	Посланники от княжеств (городов), князи и знатные бояре	Письменные летописные источники, свидетельства											
		«Задонщина» «Слово Софония Рязанца»	«Задонщина» Пространная редакция по музейному I списку (Г.Пашини, Энциклопедия Куликова поля, 1997г.)	«Задонщина» Пространная редакция по списку Государственного Исторического музея	«Задонщина» Пространная редакция по списку В.М.Удольского	«Сказание о Мамаевом побоище» Основная редакция	«Сказание о Мамаевом побоище» Летописная редакция	«Сказание о Мамаевом побоище» Распространенная редакция	«Сказание о Мамаевом побоище» По Забелинскому списку	«Сказание о Мамаевом побоище» Вариант В.М.Удольского	«Сказание о Мамаевом побоище» Основная редакция по Ермолаевскому списку	«Сказание о Мамаевом побоище» Редакция летописца князя И.Ф.Хворостина	«Сказание о Мамаевом побоище» Редакция Синописа	«Сказание о Мамаевом побоище» Редакция 1681 г. Пантелеймона Кохановского.
1	Московские	40	40	40	40	40	40	40	40	40	40	43	40	40
2	Белозерские князи	12	12	12	12	12		12	12	12	12	17	12	12
3	Коломенские	20	20	20	20			20	20	20		25	20	
4	Серпуховские	40			40	40	30	40			40	42	40	40
5	Литовские (паны)	30			30		30	30		30		62	30	
6	Переяславские	40	40	40	20	20	22	15		15	20	16	20	20
7	Костромские	30	25	30	25	25	20			25	25	25	25	25
8	Владимирские	40	35	40	35	35	30	25	40	35	35	35	35	35
9	Суздальские	50	50	50	8	50	50	50	50	50	8	51	8	8
10	Муромские	40	40	40	40	40	40	40	40	40	40	44	40	40

11	Ростовские	30	30	30	3/4	33	3/4				30		30	30
12	Дмитровские	23	23	23	23	20	23	23	23	25	25	23	23	25
13	Можайские	60			60	70	60	60	60	60		60	60	
14	Звенигородские	60	60	60	30	60	30	30	30	30	60	37	30	60
15	Угличские (углецкие)	15	15	15	15	15	15	15	15	15	15	30	15	15
16	Ярославские							70	70	70		70	70	
17	Новгородские посадники и бояре пособники		30	30	30	13		30		30	13	30	30	13
18	Нижнего Новгорода					50			100	100		120		
19	Галичские					20								
20	Рязанские	70	70	70	70									
21	Тверские							10/4	11/4	10/4		10/4	15	

“...И иные мнози, их же имена не суть писана в книгах сих.
Сии же писаны быша князи только и воеводы и нарочитых и старейшинх богатх имена, а прочих богат и слуг оставих имена. И не писах множества ради имен, яко число превосходит ми, мнози бо на тои бранн побиени быша”.

“Побито многое множество, безчисленное, а убито поганых в четыре раза больше того”.

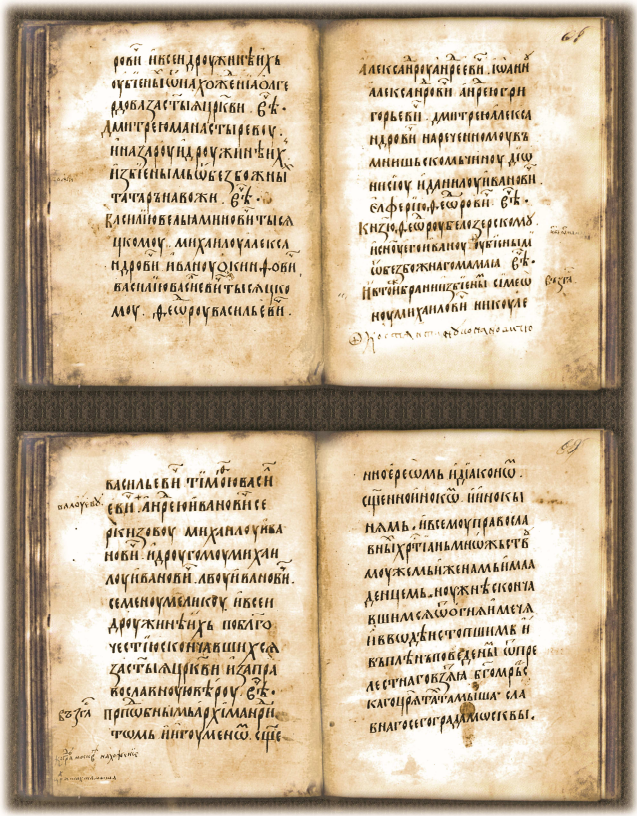
По подсчетам академика М. Н. Тихомирова, мобилизация для сражения с Мамаем охватила от половины до двух третей всех возможных военных сил Руси.

Некоторыми исследователями ставится под сомнение участие в Битве ополчения из Рязани, Твери и Новгорода; мы не ставим перед собой задачи доказать обратное. Вполне возможно, что если даже эти города и не отряжали на Битву свои дружины, какие-то из их жителей по своему собственному почину, малыми отрядами пошли защищать родную сторонушку. Нашей целью не является исследование масштабных исторических вопросов — мы просто исходим из убеждения, что **каждое имя — достояние Отечества**.

В селении Березуй, находящемся на расстоянии 23 поприщ от реки Дон, примкнули к русскому войску литовские князья Ольгердовичи — Андрей Полоцкий и Димитрий Брянский со своими дружинами. Близ современного села Себино располагался стан русских сил. Туда позже «*пришло много пешего воинства*», «*люди многие и купцы со всех земель и городов*», которых привел окольничий Тимофей Вельяминов.

Мы не знаем, существовал ли когда-либо полный поименный синодикъ погибших и участников того Великого Сражения. Известно из летописи, что 8 дней стояли на костях, отпевали и хоронили дорогих другов, а кого-то в дубовых колодах повезли до дому. Над братскою могилою в память их из стволов дубравы, где скрывался победный Засадный Полк, срубили церковку. Когда же вернулись в Москву, великий князь Димитрий поехал в Троицкий монастырь, чтобы преподобный Сергий отслужил по соратникам панихиду. С тех пор Димитриевская родительская суббота служится

ежегодно. Удивительно то, что пока шла сеча, святой Сергий, находясь далече на Маковце, в лесной пустыни, духом был на Поле Куликовом, и Господь избраннику своему по ходу Битвы открывал имена русичей, сраженных вражеским оружием, о упокоении которых он тут же начинал молиться. Его же молитвами и ворога одолеша...



До наших времен, после лихолетий, дожил древнейший синодикъ, в котором, к великому сожалению, перечислено всего лишь несколько имен павших в Ку-

ликовской битве. Сей священный список существует не отдельно, но включен в пергаментный помянникъ главного храма Русской Митрополии — Кремлевского Успенского собора. Начальные листы Успенского синодика относятся к концу XIV века, однако запись имен «*избиенных от Мамая*» была сделана позднее, вероятно, в 70-х годах XV века, во время подготовки стояния на Угре и окончательного свержения ордынского ига.

Список павших на Куликовом Поле, хотя и известен в сравнительно поздних рукописях (второй известный список героев Битвы датируется 1490—1493 годами), все же восходит к записям конца XIV — начала XV века, которые были использованы при составлении Краткой Летописной Повести 1408 года. Убитые бояре и воеводы перечислены и в Синодике, хранящемся в Государственном Историческом музее в Москве (Синод. собр., №667, листы 68—68 об., рукопись на пергаменте написана полууставом XV в.):

Князю Феодору Белозерскому и сыну его Ивану, убиенным от безбожнаго Мамая, вечная память (на полях приписано: ***Костянтину Кононовичю***).

И в той же брани избиеным Симеону Михайловичу, Никуле Васильевичу, Тимофею Васильевичу (на полях приписано: ***Валуеву***), ***Андрею Ивановичу Серкизову, Михаилу Ивановичу и другому Михаилу Ивановичу, Лву Ивановичу, Семену Мелику и всей дружине ихъ, по благочестию скончавшихся за святыя церкви и за православную веру, вечная память*** (сбоку написано: ***возглас***) [1].

Особая благодарность — Михаилу Дмитриевичу Каратееву, который, будучи в эмиграции, составил наиболее, по всей видимости, представительный перечень

Эскиз картины «Конец Куликовской битвы»
С. Коровина (1890 г.)

русских ратников — участников того немеркнущего события. Конечно, в его списке имеются неточности и недоработки. Но в те годы (список был опубликован в 1967 году), да еще при жизни автора вдали от России иначе быть и не могло. В целом же труд его заслуживает внимания и признательности.

Автор «Сказания о Мамаевом побоище» повествует:

«*Грозно видеть и жалостно смотреть на кровопролитие русских сынов: человеческие трупы, точно стога сена великие, наворочены; конь не может быстро через них перескочить, а в крови по колено бродят, и реки три дня текли кровию...*».

Помиловал БОГЪ Русскую Землю...

Победа досталась дорогою ценою, «*осталося всей дружины войска сорокъ тисечей и пять*».

«*Была на Руси радость великая, но была и печаль большая по убитым от Мамая на Дону*, — говорит летописец, — *оскудела совершенно вся земля Русская воеводами, и слугами, и всяким воинством, и от этого был страх большой по всей земле Русской*».

По мнению военных историков, погибла примерно половина русского войска, что свидетельствует о жестокости сражения и стойкости русичей.

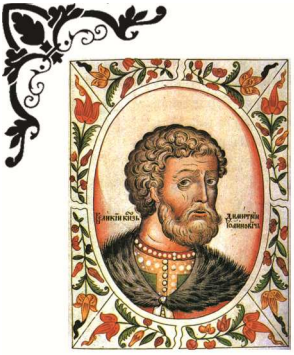
Сохранившиеся имена русских воинов почерпнуты нами из летописей, списков «Задонщины» и «Сказания...», жития Димитрия Донского, трудов русских ученых по истории нашего Отечества и исследователей-родословцев, справочной литературы и многих других изданий, а также местных преданий. Большинство же имен нам сегодня неведомо и не записано в этой книге, но, мы уверены, вписаны они в Книгу Жизни. У Бога никто не забыт. Надеемся, что помянникъ будет пополняться новыми именами.

Воздохнем о них всех вместе и поименно,
и Господу помолимся, а они помолятся о нас.
Простите нас, братие, и благословите
в этом веке и веце будущемъ.

ВЕЧНАЯ ВАМ ПАМЯТЬ

Главнокомандующий и главные воеводы

П. Бубнов. Утро на Куликовом поле (фрагмент)



Димитрий Иоаннович Донской

[12 (25 н. ст.) октября 1350 г. — 19 мая (1 июня н. ст.) 1389 г.]

Святой благоверный великий князь
Владимирский и Московский,
верховный главнокомандующий
всех русских сил в Куликовской битве

Великий князь Димитрий, **получивший после Битвы с Мамаем имя «Донской»**, грозно восстал на ордынских поработителей. Он был первым государственным деятелем, сумевшим практически объединить разрозненные и враждовавшие княжества.

Димитрий Иванович возглавил общенародную борьбу с завоевателями. В распоряжении его были не прежние самостийные феодальные дружины, а собранное под единым командованием русское войско. В нем состояло около 80 русских князей (по нашим данным), не считая многочисленных бояр-воевод. «Это было объединенное войско складывавшейся великорусской (русской) народности, однородное по национальному составу».

Князь Димитрий занял активную наступательную позицию. Чтобы встретиться с Мамаем, он вышел во чисто-поле, не дав соединиться ордынцам с литовцами. Далеко продвинувшись от Окских рубежей, перешел реку Дон, сжигая за собой мосты. Для коварного врага это было роковой неожиданностью.

Новаторским стратегическим ходом было выделение отдельного Сторожевого Полка, а также второго резервного – сильного Засадного Полка, оказавшегося незамеченным врагом. Сторожевой Полк был поставлен впереди основного боевого строя и Передового Полка, чтобы его решительная и легкая конница мешала ордынским лучникам приблизиться к главным малоподвижным русским силам. Тем самым враг лишался эффективности (и неожиданности) своего первого мощного удара. Губительные налеты ордынских конных лучников при так называемом маневре «карусель» изматывали противника и наносили ему к тому же большие потери от ливня стрел еще до начала рукопашного боя. Так же быстро ордынцы откатывались назад, чтобы затем вновь повторить нападение. Таким образом, в ряды противника вносилось замешательство, и бывало, что он физически и психологически не выдерживал обстрела и начинал отступать.

Кроме того русские войска были построены на Куликовом Поле так, что завоеватель был принужден к невыгодной для себя фронтальной атаке. Наш же Сторожевой Полк нейтрализовал действие очень важного первого удара противника. А неожиданный удар второго резервного мощного Засадного Полка решил исход Битвы в нашу пользу.

Великий Князь Димитрий Иоаннович перед решительной битвой молит Всевышнего даровать победу. Рис. В. П. Верещагина

Еще один стратегический маневр заключался в движении основного общерусского войска под водительством великого князя из Коломны — вдоль левого берега Оки на запад, к устью Лопасни, где была назначена встреча с Владимиром Андреевичем. У противника создавалось впечатление, что Димитрий Иванович хочет дождаться Мамая у Оки и здесь организовать ему отпор. Этим на целую неделю укрывался главный замысел Димитрия Московского — дать сражение Мамаевой орде за пределами Залесской Руси, в «ничейном» поле, чего не случалось от самого начала татаро-монгольского нашествия.

В год Куликовской битвы великому князю Димитрию исполнилось тридцать лет. Отдав перед Битвой все знаки великокняжеского отличия своему любимцу Михаилу Андреевичу Бренку, **великий князь Димитрий Иванович сражался как обычный ратник на самых опасных участках сечи**. Не из желания

похвастать силой надел он боевые доспехи. Димитрий вручил верховное руководство над войском самому мудрому и искушенному воеводе Дмитрию Михайловичу Боброк-Волынскому. Сам же решил личным примером повести за собой воинов. Князья и воеводы отговаривали его: «**Не подобает тебе, государю Русской земли и великому князю, самому биться в полках. Тебе, государю, подобает под знаменем стоять!**» Но Димитрий был категоричен и непреклонен: **«Хочу с вами общую чашу испить и тою же смертью умереть. Если же умру, то с вами, если спасусь, то с вами!»**. Великий князь «сел на боевого коня и взял копье свое и палицу железную, и выехал из большого полка, захотел прежде всех сам биться». После него уже никто и никогда из великих князей и русских царей не дерзал поступать подобным образом! Он, конечно же, мог бы остаться в ставке и наблюдать за ходом боевых действий из великокняжеского шатра. Тогда, случись врагу прорваться к войсковому знамени, князь успел бы бежать со своими оруженосцами, как это и сделал Мамай. Но Димитрий Иванович был не таков. Да и мосты он приказал сжечь, чтобы не было прилогов к подобным греховным помыслам.

Сначала он был в Сторожевом Полку, который **первым** завязал битву с ордынским авангардом. Затем, перед началом генерального сражения, когда вступили в бой основные силы, «*отъехал в великие полки*», где и сражался с оружием в руках до конца битвы. Летописец свидетельствует о том, что Димитрий «*бился с татарами в лице, став на первом сступе, и много ударяли по голове его и по плечам его*». Однако крепкие дружинные доспехи защитили великого князя от ордынских сабель и копий. «*Все доспехи его избиты и*

пробиты, но на теле его не было ни одной раны. А бился с татарами лицом к лицу, став впереди в первой схватке, справа и слева от него дружину его били, самого его обступили вокруг, как обильная вода по обе стороны, много ударов ударялось по голове его и по плечам и по животу, но от всех ударов Бог защитил его в день битвы, и таким образом среди многих воинов он сохранен был невредимым».

Многие воины видели, как сражался с ордынцами великий князь Димитрий Донской, и эти рассказы очевидцев сохранены до наших дней русскими летописцами (об этом рассказывается в главе «Другие участники Битвы», раздел «Очевидцы того, как сражался великий князь Димитрий Иванович»).

Памятник Димитрию Донскому в селе Монастырщина

На старинной карте «Реставрированный планъ Куликовской битвы» 1849 года [38] даже обозначено место, где князь Димитрий предположительно лежал раненый.

Народные предания Поля Куликова хранят память о камне Димитрия Донского, который до сих пор лежит на склоне оврага Рыбий Верх, что километрах в 1,5–2-х от села Монастырщина, чуть позади предполагаемого

места расположения наших Большого Полка и Полка Правой Руки. Сказывают, что якобы здесь нашли израненного великого князя, а на камне имеется след огромной ладони, который приписывают Димитрию Ивановичу, опиравшемуся на него...

Страшные картины открывались перед великим князем Димитрием Ивановичем, когда он объезжал поле брани. Многие его соратники пали в сражении. Но ордынские потери оказались гораздо бóльшими... Орде был нанесен сильнейший удар, была развеяна традиционная вера в непобедимость завоевателей. **Куликовская битва положила начало полному освобождению Руси от ордынского ига.**

С. М. Соловьев писал в «Истории России» [93]: «Лучшим доказательством особенно важного значения, придаваемого деятельности Димитрия современниками, служит существование особого украшено написанного жития его. *Наружность Димитрия* описывается таким образом: **“Бяше крепок и мужествен, и телом велик, и широк, и плечист, и чреват вельми, и тяжек собою зело, брадою ж и власы черн, взором же дивен зело”».**

Димитрий Иванович проявил огромное личное мужество и самопожертвование. После Битвы он прожил всего 9 лет. Летопись вкладывает в уста умирающего великого князя высокие слова похвалы боярам: *«ведаете каков обычай мой есть и нрав, родился пред вами, и при вас возрос, и с вами царствовал, землю Русскую держал 27 лет... и мужествовал с вами на многие страны, и противным был страшен в бранех, и поганыя низложил с Божиею помощью и врагов покорил. Великое княжение свое вельми укрепил, мир и тишину земле Русской сотворил... **Вы же не наре-***

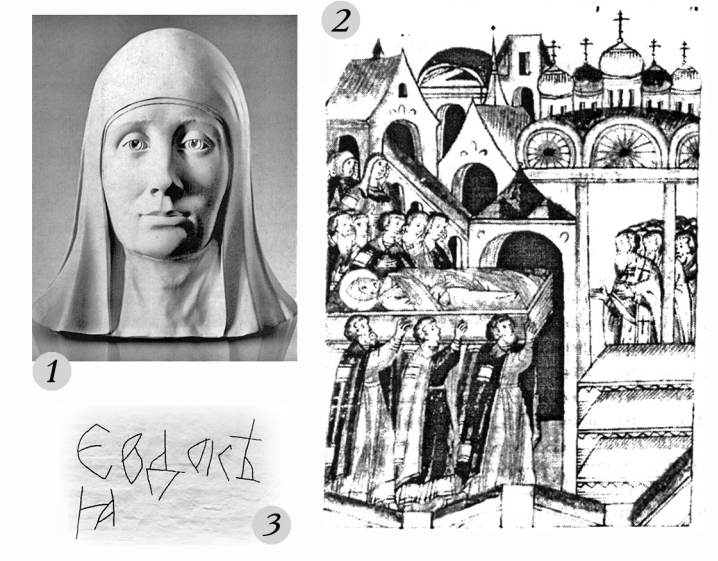
кались у меня боярами, но князьями земли моей...». Погребен великий князь Димитрий Донской в Архангельском соборе Московского Кремля.

Поместный собор Русской Православной Церкви, посвященный 1000-летию Крещения Руси, проходивший в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре 6-9 июня 1988 года, определил **причислить к лику святых угодников Божиих для Всероссийского церковного почитания благоверного великого князя московского Димитрия Донского**, «показавшего подвиг праведной и благочестивой жизни. В своем ревностном служении Церкви Христовой, патриотических трудах Отечеству и народу в грозные годы вражеского ига он явился истинным сыном Церкви Русской, вдохновляющим и ныне ее верных чад на самоотверженное служение Богу и людям...»

Память святого благоверного великого князя Димитрия Донского празднуется 19 мая (1 июня н.ст.)

Необходимо сказать и несколько слов о второй половине великого князя Димитрия Донского — его благоверной супруге Евдокии Дмитриевне. Ведь в Таинстве Венчания муж и жена становятся одним целым. Тем паче в 2007 году исполнилось ровно 600 лет со дня ее блаженной кончины.

Она была «заступницей вдов и сирот, обездоленных и обиженных». Княгиня, втайне предаваясь подвигу поста, под пышными одеждами носила вериги. Она тоже причислена к лику святых.



1 – Скульптурный портрет великой княгини Евдокии (реконструкция С.А.Никитина)
2 – Погребение великого князя Димитрия Донского (Лицевой летописный свод XVI века. Т. 1. Рис. 603)
3 – Надпись-граффити на крышке белокаменного саркофага великой княгини Евдокии

Брак дочери Суздальского князя Димитрия Константиновича (†1383) и Великого князя Московского Димитрия в 1367 году стал залогом союза и мира между Москвой и Суздалем[1]. Большое влияние на духов-

[1] Не можем умолчать и о найденных нами в Родословной Ростовских князей А. А. Титова [34] судя по всему неизвестных доселе широкой публике ***сведениях о матери прп. Евфросинии Московской***. Расскажем об этой находке/наблюдении своими словами, ссылаясь на №№ и страницы указанного Родословца. Итак, в списке дочерей Константина Васильевича (№ 17, с. 571) есть **княгиня Василиса Константиновна** (с. 573), которая в Родословце показана женою вел. кн. Димитрия-Фомы Константиновича Суздальского и матерью супруги Димитрия Донского св. Евфросинии Московской (с. 573). Супругой же отца Василисы

Константиновны, а, стало быть, и матерью самой княгини Василисы (других жен в Родословце не показано), была (№ 17, с. 571–572) Мария Ивановна Московская, показанная дочерью великого князя Иоанна Даниловича Калиты. Согласно этим известиям *прп. Евфросиния Московская по материнской линии является правнучкой князя Иоанна Даниловича Калиты, пра-правнучкой св. князя Даниила Московского и пра-пра-правнучкой св. князя Александра Невского*. Насколько это достоверно, пока не ведаем, т.к. даже в подробном житии преподобной Евфросинии, опубликованном в книге «Покровительница» [84], равно как и в других изданиях ее Жития, сказано только, что мать ее звали Анной (без ссылки на источники), и что она «отличалась кротким нравом, послушанием мужу и любовью к своим подданным». Что интересно: *св. вел. блгв. князь Димитрий Донской* (супруг прп. Евфросинии Московской)– тоже *приходится правнуком Иоанну Даниловичу Калите, пра-правнуком св. блгв. князю Даниилу Московскому и пра-пра-правнуком св. блгв. князю Александру Невскому, но только по отцовской линии*. Получается, что святых супругов объединяет не только их святой брак, но и то, что они оба являются потомками наших святых великих благоверных князей Даниила Московского и Александра Невского. Кроме того, в Родословце Титова [34] среди дочерей того же князя Константина Васильевича (№ 17, с. 571) видим Марию Константиновну (сестру матери прп. Евфросинии), которая показана женой князя Андрея Ивановича Боровского, т.е. она – мать Владимира Андреевича Серпуховского, двоюродного брата Димитрия Донского. Что здесь? А то, что и прп. Евфросиния (равно, как и ее святой супруг) тоже приходится двоюродной сестрой (по материнской линии) Владимиру Андреевичу Серпуховскому Хороброму.

Когда уже был подготовлен приведенный нами выше комментарий, мы обнаружили у А. В. Экземлярского [45, т. II, с. 51, сноска 174] в главе, посвященной князю Константину Васильевичу, такие строки: «По приложенной к труду Титова “Ростовский уезд” родословной у Константина были еще две дочери: Мария и Василиса; из них первая, по родословной, была за Андреем Ивановичем, кн. боровским, а вторая – за Димитрием Константиновичем суздальским, и была матерью супруги Димитрия Донскаго. Мы знаем, что Андрей Иванович боровский действительно был женат на Марии, но какого происхождения была она, не знаем; притом, мы знаем за Андреем Ивановичем только один брак, а родословная, приложенная к труду Титова, брак Андрея Ивановича на Марии считает вторым. – Что касается Василисы, то и другия родословныя, как Головина, называют этим именем жену Константина Дмитриевича. М. Д. Хмыров (№№ 24 и 41) говорит,

ную жизнь Евдокии оказали святитель Алексий и преподобный Сергий Радонежский, который крестил одного из их с великим князем Дмитрием сыновей. Всего им Господь даровал шесть сыновей и двух дочерей [сведения из 84, с.26]. Иные источники сообщают о том, что детей было 11 или 12, из них 8 сыновей, а остальные дочери.

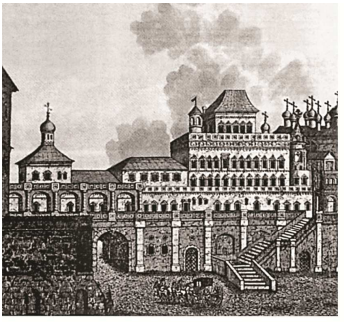
Раньше на Руси не ставили памятников, а строили храмы, где память творилась постоянно. Стараниями великой княгини в память о великой Победе на Куликовом Поле и в благодарность Богу в Кремле был воздвигнут Храм, посвященный Рождеству Богородицы, ибо именно в этот день русское войско одолело Мамая. Именно тогда княгиня Евдокия положила начало празднованию со всей торжественностью той незабываемой ПОБЕДЫ.

Оставшись без мужа, вырастив детей, в конце земной жизни она постриглась в монахини с именем Евфросиния, что значит Радость, каковой она была для всех людей. Согласно преданию, в день пострига вели-

что одни сказания (которых, признаемся, мы не доискивались) называют жену Константина Димитриевича Василисой, другия же — Анной, и, во всяком случае, в монашестве Ириной. Действительно, в Нижегородском Архангельском соборе похоронена какая-то Ирина. (См. Храмцовскаго: "Краткий очерк истории и описание Н.-Новгорода", II, 49). К сожалению, местный историк не дает описания гробниц и надписей на них. Заметим еще, что в Ник. лет. (IV, 185) помещено нечто вроде похвального слова Димитрию Донскому, в котором, между прочим, говорится: "седми же десять летъ поятъ дщерь великаго князя Димитрия Константиновича суздальскаго и великия княгини *Анны*, именем Евдокию…". Не были ли эти три имени жены Димитрия Константиновича: одно — мирскимъ, другое — монашескимъ, а третье — схимническимъ? Правда, до нас не дошло известий о томъ, чтобы жена Димитрия Константиновича приняла схиму, но это могло быть, хотя летописи и не упоминают о томъ».

кой княгини исцелилось от различных болезней тридцать человек.

Перед смертию ей было явление архистратига Михаила, который возвестил о ее скорой кончине. По ее указанию был написан знаменитый образ архангела Михаила, ставший впоследствии храмовой иконой Архангельского собора Кремля.



Вознесенский монастырь в Московском Кремле

Церковь Рождества Богородицы (слева) рядом с Теремным дворцом XVII в. в Московском Кремле. Офорт Ф.Дюрфельда, 1792 г.

Погрузка белокаменного саркофага для перевозки в Архангельский собор Кремля. 1929 г.

Погребли ее в основанном ею в 1387 году кремлевском Вознесенском монастыре (по преданию, монастырь этот был выстроен на том месте, где великая княгиня провожала на Куликово Поле своего супруга и после Победы встречала его). К великому прискорбию, сия чудная обитель в 1929 году была разрушена. Но накануне в одну ночь мощи преподобной (как и останки других великих княгинь) были перенесены в подвалы Архангельского собора Кремля, именуемые Судной палатой. Так, по промыслу Божию, супруги и по смерти чудесно оказались плотью вместе в одном святом месте...

Память преподобной Евфросинии Московской (в миру великой княгини Евдокии) празднуется 17 мая (30 мая н.ст.) и 7 июля (20 июля по н.ст.)

Князь Владимир Андреевич Серпуховской[1] *и Боровский, Хоробрый (Донской)*

[15 (28) июля 1353 г. — 1410 г.[2]]

В Куликовской битве командовал *Засадным Полком*.

Князь Владимир был внуком Ивана Калиты и двоюродным братом Димитрия Донского. Родился на сорочины смерти своего отца. По смерти старшего брата своего Ивана в 1358г. он один остался с матерью на отцовском уделе и опекался святым мужем, святителем Московским Алексием, причисленным к лику святых.

Особое место в становлении и упрочении нравственного идеала Владимира Андреевича занимает препо-

[1] Герб города Серпухов был составлен в 20-х годах XVIII в. герольдмейстером Ф. Санти. Основанием для помещения в герб города павлина послужило присланное в герольдию из города сообщение о том, что там «в монастыре одном родятся павлины». Интересно, что во Владычном монастыре Серпухова павлины живут и ныне.

[2] Дата смерти князя Владимира Андреевича Серпуховского в разных источниках дается неодинаково; вот что сообщает А. В. Экземплярский [45, т. II, с. 302]: «Он умер по некоторымъ летописям 4, по другим 14 мая, а по Никоновской — просто в мае. Хмыров и Петров говорятъ, что он умер 12 августа, но не знаем, откуда они взяли это и почему не оговорили летописных известий по этому предмету».

добный Сергий Радонежский. Даже Троицкий монастырь был основан на Радонежской земле, наследно принадлежавшей Серпуховскому княжеству.

Памятный знак на Аллее Памяти в селе Монастырщина

В 15-летнем возрасте началась ратная жизнь юного князя Владимира, когда Димитрий Иванович отправил брата с дружиною отвоевывать град Ржев у литовского князя Ольгерда. И с тех пор практически чуть ли не каждый год он в седле и ратоборствует: 1369 г. — оборона Пскова от ливонских рыцарей; 1370 г. — собирает рать в Перемышле и идет к Москве, что вынудило Ольгерда заключить мирный договор. В 1371 г. был, правда, небольшой перерыв, когда он обручился в 18-летнем возрасте с дочерью Ольгерда Еленой, в глубине души надеясь избавить Москву от притязаний литовцев. В песне поется, что «жениться по любви не может ни один король». Может быть, и было обоюдное чувство, но это был и серьезный политический шаг, жертва ради Отечества, княжеский крест... В 1376 г. — князь вновь отбивает у литовских захватчиков Ржев; в 1377 г. — поход на Нижний Новгород и отвоевывание у царевича Арапши мордовской земли; в 1378 г. — участвует вместе с князем Димитрием Ивановичем в битве против орд Мамая на р. Воже в Рязанском княжестве; в 1379 г. — освобождение Трубчевска и Стародуба; в 1380 г. — принимает участие в Куликовской битве (тогда ему было

27 лет); в 1382 г. Владимир Андреевич с семитысячным войском нанес чувствительный удар Тохтамышу, после чего монголо-татары бежали восвояси... Как видим, когда необходимо было (в 1376 и 1379 г.), он, несмотря на родственные отношения с великим литовским князем, выступал против притязаний Литвы в поддержку общерусских интересов и интересов Великого Московского княжества. «Владимир Храбрый, будучи человеком высокой духовности и недюжинного ума, не только ни разу и ни в чем не нарушил договорных условий с Дмитрием Донским, но лишь споспешествовал Дмитрию в главных делах устроения великого Московского княжества...» [Г. Паншин, 116, с. 46].

Объективность требует более подробно рассмотреть участие серпуховского князя в одном из величайших событий русской истории — ***Куликовской битве***, так как широко известен лишь один эпизод Битвы, связанный с именем Владимира Андреевича, — решающий удар Засадного Полка.

Первая «прямая» весть о походе Мамая на Залесскую Русь пришла к великому князю в конце июля 1380 года. По тогдашнему правилу Димитрий Иванович извещает князей об опасности нашествия и зовет их с боярами-воеводами на совет. Первым по его зову приходит в Москву Владимир Андреевич Серпуховской. Он же, как самый близкий кровно и верный сподвижник, стал и первым советчиком в том, как дать отпор Мамаю.

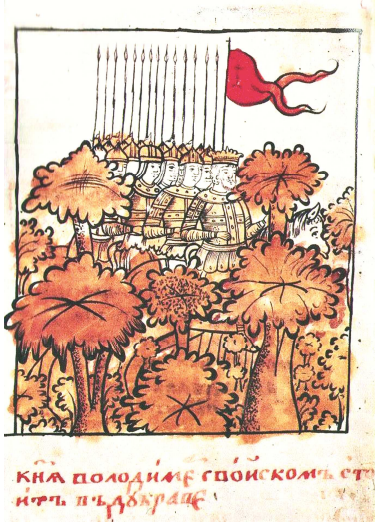
Сбор всех русских войск состоялся в Коломне. Владимир Андреевич во главе своих дружин и великий воевода Тимофей Васильевич Вельяминов, при котором была часть пеших московских полков, выступают не в общем направлении на Коломну, а в сторону Серпухова, как бы наперерез движению литовцев, угрожая кня-

зю Ягайле «преждевременной» встречей «один на один» с московским войском. Вследствие этого Ягайло, опытный политик и воин, замедляет движение, еще не дойдя до Калуги, а позже, после переправы русского войска через Оку, и вовсе останавливается у Одоева, в 135–140 км прямого пути до Куликова поля. Таким образом, стратегический маневр, исполненный Владимиром Серпуховским, полностью удался, исключив из Куликовской битвы Ягайлову рать.

Смотр русских полков в Коломне великим князем Дмитрием Ивановичем и серпуховским князем Владимиром Андреевичем. Миниатюра из Списка XVII в. "Сказания о Мамаевом побоище"

26 августа (по ст. ст.) 1380 года его дружина соединилась с остальным войском близ устья р. Лопасни. В день легендарного побоища Димитрий поручил сроднику командование Засадным Полком. Князь Владимир очень эмоционально переживал ход боевых действий, видя, как погибают русские витязи. Только хладнокровие опытнейшего воеводы Дмитрия Боброка сдерживало до поры праведный гнев и решительность князя. Вот как рассказано об этом в Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» [24, с. 270-271]: «Поганые уже начали одолевать, христианские же полки оскудели — уже мало христиан, а все поганые. Видя же такой урон русских

сынов, князь Владимир Андреевич не мог терпеть и сказал Дмитрию Волынцу: "Какая польза в стоянии нашем, какой будет у нас успех, кому будем пособлять? Уже наши князья и бояре, все русские сыны жестоко погибают от поганых, как трава клонятся". И сказал Дмитрий: "Беда, князь, велика, но еще не пришел наш час: начинающий не вовремя получает для себя вред; колосья пшеничные подавляются, а сорняки растут и буйствуют над благородными. Но потерпим немного до подходящего времени и в тот час воздадим своим противникам. Ныне только вели всякому воину молиться Богу прилежно и призывать святых на помощь, будет с этого часа благодать Божия и помощь христианам". Князь же Владимир Андреевич поднял руки к небу и прослезился горько и сказал: "**Боже, Отец наш, сотворивший Небо и землю, дай помощь роду христианскому. Не дай же, Господи, порадоваться врагам нашим, мало накажи и много помилуй, ведь милость Твоя безконечна**". Сыны же русские в полку горько плакали, видя своих друзей, побиваемых погаными, непрестанно стремились они в бой, точно званные на свадьбу, чтобы пить сладкое вино. Волынец же запрещал им...».

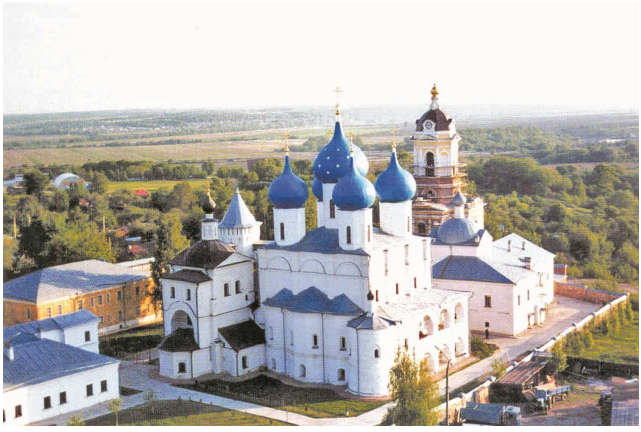


Засадный полк в Зеленой дубраве. Миниатюра из Списка XVII в. "Сказания о Мамаевом побоище"

Когда же татары прорвали левый фланг и попытались зайти в тыл, чтобы закрепить успех, как соколы ринулись русские войска во главе с князем Владимиром на ворога. Неожиданное появление, их смелость и умение решили исход Битвы в нашу пользу. Враг в панике бежал.

Только через целых 10 лет после женитьбы, на следующий год после подвига в Куликовской битве, за что князь получил прозвище Хоробрый (Храбрый), у него, как дар, родился наследник-сын.

Скончался князь Владимир Андреевич Серпуховской на 57-м году жизни, в 1410 году. Погребен в Архангельском соборе Московского Кремля, усыпальнице великих московских князей.



Серпуховский Высоцкий монастырь. Основан в 1374 году князем Владимиром Андреевичем по благословению преподобного Сергия Радонежского (современная фотография)

Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский (Волынец)

Точное происхождение историки однозначно не показывают (возможно, из Гедиминовичей). Родоначальник Волынских. В списке московских бояр того времени поставлен на первое место. *Опытнейший воевода, основной стратег Куликовской битвы.* Непосредственно в Битве вместе с князем Владимиром Андреевичем Серпуховским командовал *Засадным Полком*, своевременный и внезапный удар которого принес победу русскому войску.

Источник информации и содержание:

Задонщина. Слово Софония Рязанца [9]

Стр. 213: ...О, соловей, летняя птица, что бы тебе, соловей, воспеть земли Литовской* двух братьев Ольгердовичей, Андрея, да брата его Дмитрия Ольгердовичей, **да Дмитрия Волынского****. Они ведь сыновья храбрые, кречеты в ратное время, известные полководцы, под трубами и под шлемами взлелеянные, концом копья вскормленные в Литовской земле.

Комм. на стр. 221–222:

* **Земля Литовская** – в XIV в. общее обозначение великого княжества Литовского, состоявшего из литовских, украинских и белорусских земель, политически объединявшихся под властью великих князей литовских (9/10 литовского княжества состояло из русских земель. – *Прим. сост.*).

** **Дмитрий Волынский** — ***князь*** Дмитрий Михайлович Боброк Волынский, **воевода,** *литовец* по происхождению (о происхождении Димитрия Михайловича есть разные мнения, это всего лишь одно из них. — *Прим. сост.*), выехавший в Москву из Волыни. Был **женат на сестре великого князя Анне.** В Куликовской битве участвовал под начальством серпуховского князя Владимира Андреевича. В «Слове Софония Рязанца» он упоминается два раза, но образ его не раскрыт. Русские родословцы, впрочем, ***не называют его князем***: «*Род Дмитрея Михайловича Волыньского Бобровков; у Дмитрея Михайловича два сына... с теми двема сыны приехал к Москве*» (Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1893, стр. 377).

Сказание о Мамаевом побоище.
Основная редакция [24]

Стр. 263: Некий воевода пришел с литовскими князьями, по имени **Дмитрий Бобровков**, *родом из Волынской земли, был он видным полководцем*, расставил полки по достоинству, как где кому подобает стоять.

Комм. на стр. 286: **Дмитрий Боброк Волынский**, *боярин и, возможно, один из князей*, потерявших свой удел на Волыни, пришел на службу к великому князю московскому. Он принимал активное участие во всех походах Дмитрия Донского и отличался незаурядным военным талантом.

Сказание о Мамаевом побоище *по Забелинскому списку* [27]

Стр. 313: Брата же своего, князя Владимира Андреевича, великий князь послал **вверх по Дону в дубраву,** чтобы утаился от полков, **и дает ему достойных** «*ведомцев*» **своего двора, удалых людей 17**, **а с ним же** отпустил и своего **знаменитого воеводу Дмитрия Волынца.** Уже и ночь пришла накануне светоносного праздника Святой Богородицы... Была тогда тою ночью теплота великая и тихость большая, заморозки росные начались...

Стр. 313-314: **И сказал Дмитрий Волынец** великому князю: «Испытаю, князь, свою **примету** ратную, кому будет Божия помощь»... И сказал Волынец**: «Будет победа христиан и державы твоей,** ...но только вели каждому воину Богу молиться и призывать святых на помощь. А рано утром вели всем воеводам и всякому воину вооружаться в доспехи, уже есть оружие непобедимое на супротивных». (Подробно на указанных страницах. — *Прим. сост.*).

Стр. 320: (во время Битвы, в Засадном Полку. — *Прим. сост.*): ...Сыны русские в полку его плачут, видят, как погибают их братья непрерывно, рвутся в бой, как званые гости на брачный пир вино пить. **Волынец же Дмитрий запрещает им, говоря**: «Подождите, буйные сыны, будет для вас время расправиться с ними, с нечестивыми». И пришел восьмой час, и вдруг Дух (*комм. на стр. 320:* в подлиннике «Дух Он», т.е. «Святой Дух») (в других редакциях Сказания: «Дух южны потягну

«Припадохъ убо ухомъ на землю и слыша землю плачющу надвое, горко зело и страшно...»

сзади их», т.е. «южный ветер потянул сзади их». — *Прим. сост.*) повеял на нас. **Волынец же закричал громким голосом:** «Государь, князь Владимир Андреевич, **час наш пришел!»** И опять сказал Дмитрий Волынец: **«Братья и друзья милые, ныне дерзайте, сила Святаго Духа помогает нам»**... Так смело сыны русские наехали на войско татарское и сражались, **а знамена их направлены крепким воеводою.**

Стр. 324: (после Битвы. — *Прим. сост.*): И привели великому князю коня, и выехал он на побоище и увидел, что войска его побито многое множество, безчисленное, *а убитых поганых в четыре раза больше того.* И обратился к **Волынцу** и **сказал: «Воистину, Дмитрий,** не лжива твоя примета, **подобает тебе всегда быть воеводою в полках».**

Димитрий Иоаннович Донской, или История о Мамаевом побоище [3]

Стр. 65: Наконец наступил решительный день... Густой туман расстилался над Куликовым полем до третьего часу дня. **Великий князь** воспользовался

сим мраком, **отпустив двоюродного брата своего с литовским воеводою Димитрием Боброком и нарочитым числом отборных войск** вверх по Дону **в Зеленую дубраву на засаду,** с тем, чтобы они ни от своих, ни от татар примечены не были...

Стр. 75: (во время Битвы — Засадный Полк. — *Прим. сост.*): ...**Тогда Волынец громогласно воскликнул**: «Почтеннейший князь, Владимир Андреевич! Се наступило благодатное время; се настал вожделенный для нас час!» — и, обратясь ко всему воинству, возопил: «Отцы и братья! Чада и друзья! Ныне дерзайте и подвизайтеся! Приспело для нас благонадежное время! Сила Духа Святаго помогает нам». По сему гласу все храбрые русские витязи и богатыри двинулись из лесу, с яростью и во имя Господа Бога пустились на неверных врагов, сразились весьма крепко и поразили их безчисленное множество... Сим ужасом пораженные, татары в крайнем безпорядке обратились в бегство...

В. Н. Ашурков. На поле Куликовом [39]

Стр. 26: Под знамена московского князя собрались со своими дружинами многие русские князья. Они сознавали свой долг перед Родиной, видели в московском князе «брата старейшего» и боевого вождя. **В числе их был и князь Димитрий Боброк,** ранее выехавший «из земли Волынския» (свояк великого князя), **вместе с которым пришли воины-украинцы.**

Стр. 33-34: Русские войска переходили Дон, утром предстояла битва. **Глубокой ночью князь**

Дмитрий и воевода Боброк выехали далеко в поле и стали «промеж двумя великими силами». Они наблюдали обстановку, стремились постичь замыслы приближавшегося врага. **Эта ночная разведка вошла в Сказания как «испытание примет» перед битвой...** Князь Дмитрий и Боброк слушали ночные звуки, долетавшие со стороны обоих станов, ...Боброк будто слышал «землю плачущу на двое горько зело и страшно», что сулило победу ценой жестокого кровопролития.

Стр. 34: Был выделен **засадный полк «удалых витязей, крепких воинов» – резерв под командою Владимира Серпуховского и воеводы Боброка, скрытно поставленный в Зеленой дубраве.** Он прикрывал то направление, где враг мог прорваться в тыл и к переправам. Все это заранее ограничивало возможность маневра татарской конницы.

Ф. Шахмагонов. На Куликовом поле [108]

Стр. 78-79: Дмитрий Иванович, князь великий и по тем понятиям государь, вручил верховное воеводство над войском самому мудрому и искушенному воеводе Дмитрию Михайловичу Волынскому-Боброку... Полки наряжал и готовил на протяжении многих лет Дмитрий Волынский, ему ли не угадать момент, когда вводить в бой Засадный полк?

Здесь надлежит сказать несколько слов об этом деятеле, **выделяя его из всех князей и воевод** на Куликовом поле вслед за Димитрием Ивановичем.

Дмитрий Михайлович пришел на службу к Димитрию, когда тот был еще отроком. Пришел он с Волынской земли, славной и звонкой в те

времена на всю Русь. Еще многие помнили *великого князя Волынского и Галицкого Даниила Романовича*, современника Александра Ярославича Невского и даже его родственника. Андрей, брат Александра Ярославича, был женат на дочери Даниила. Будто бы Дмитрий Михайлович вышел из племени знаменитого Даниила (еще одна версия происхождения Дмитрия Михайловича. — *Прим. сост.)*. Имел он прозвище «Боборок», так называется речка, протекающая неподалеку от Галича. Пришел он к Димитрию Ивановичу в зрелом возрасте, искушенным воином и воеводой. Он был поставлен одним из предводителей русского войска.

Впервые имя Дмитрия Волынского появляется **в летописях под 1371 годом**. Рязанцы собрали войско против Москвы и шли отобрать Коломну. Димитрий Иванович послал свое войско на рязанцев во главе с Дмитрием Волынским. Рязанцы были жестоко побиты**. В 1376—77 годах** Дмитрий Михайлович водил московское войско на Казань (во время похода на Волжкую Булгарию — *Прим. сост.*), привел в покорность казанских эмиров, **в 1379 году** водил московское войско против Ягайлы на Трубчевск и Стародуб. Как мы видим, **все походы были важнейшими, изо всех Дмитрий Волынский возвращался победителем.** Естественно предположить, что Дмитрий Волынский был участником и других походов Димитрия Ивановича. **В списке московских бояр того времени он поставлен на первое место**.

Г. Паншин. Энциклопедия Куликова поля [117]

Стр. 110: Дмитрий Михайлович Боброк Волынский, *по версии Н. М. Карамзина* — потомок Святополка II или Романа Галицкого; *по другим источникам* — сын великого князя литовского Кориата (Михаила Гедеминовича). Видимо, будучи безудельным князем на Волыни, или по иным причинам, выехал оттуда во Владимирскую землю.

В конце княжения Дмитрия Донского воевода Дмитрий Боброк, женатый на сестре великого князя Анастасии (в других источниках — Анна или Анна-Любовь. — *Прим. сост.*), **делается одним из самых** приближенных бояр. Так, под второй духовной грамотой (завещанием) Дмитрия Донского, среди **свидетелей, его подпись стоит** уже **первой,** раньше, чем окольничего Тимофея Васильевича Вельяминова и других родовитых бояр.

В. В. Богуславский. Держава Рюриковичей [111]

Стр. 525: **Волынские** — русский дворянский род, Гедиминовичи по происхождению. **Родоначальник Волынских — безудельный Волынский князь Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский,** выехавший на Русь в начале 2—й половины XIV в. и прославившийся в Куликовской битве. Он был **женат на сестре Дмитрия Ивановича Донского Анне и оставил двух сыновей: Бориса и Давыда**, служивших боярами на Москве и **князьями уже не писавшихся. Внук Давыда** — Михаил Григорьевич Волынский, — служил дворецким у Ивана III Васильевича Великого и получил прозвище «Вороной», **став родоначальником**

Вороных-Волынских (подробнее в родословной таблице на с. 526 и в тексте на с. 525–530 указанного труда. – *Прим. сост.)*.

Стр. 244: **Боброк-Волынский Дмитрий Михайлович** – безудельный князь, сын литовского князя на Волыни Кориата (Михаила) Гедеминовича (*внук Гедемина*), воевода великого князя Дмитрия Ивановича Донского. **Выехал с Волыни и был сначала тысяцким у нижегородского князя Дмитрия Константиновича Старшего, а затем в 1370-е гг. перешел на службу в Москву.** В декабре 1371 г. разбил у с. Скорнищево под Рязанью великого князя Рязанского Олега Ивановича и посадил на Рязанский стол прон. Владимира Ярославича. В 1376-1377 гг. руководил совместным с нижегородским князем Дмитрием Старшим походом русского войска против булгар волжско-камских, заставив последних платить дань Москве и Нижнему Новгороду. В 1379-1380 гг. вместе с Серпуховским князем Владимиром Андреевичем Храбрым и Псковским князем Андреем Ольгердовичем был послан воевать в Литву: тогда были взяты гг. Трубчевск и Стародуб.

Православные русские обители [127]

Стр. 317: **Коломенский Бобренев монастырь близ Коломны.** Общежительная Бобренева, называемая еще Богородице-Рождественской, обитель находится в одной версте от города Коломны. Расположен монастырь на возвышенной местности, при реке Москве, близ деревни Бобреневой. Предание говорит, что обитель эта устроена в конце XIV века князем Димитрием Донским.

Наименованием же своим этот монастырь **обязан воеводе этого князя Дмитрию Михайловичу Волынскому, который** после Куликовской битвы и победы **носил прозвище «Боброк». К тому же предание приписывает основание обители почину именно этого благоговейного воеводы...**

В. Солоухин. Древо [94]

Стр. 30: ...**Боброк-Волынец женился на сестре Дмитрия Донского** не после Куликовской битвы, а **вскоре по приезде на русскую землю.** А приехал он из Волыни уже с двумя сыновьями Давыдом и Борисом. (Кто была его первая жена, мы не знаем). **От Анны Ивановны у него был сын Василий, но он в пятнадцатилетнем возрасте убился, упав с лошади.** Так что в роду Волынских, которые пошли от Давыда и Бориса, нет крови Рюриковичей (как это было бы, если бы их род пошел от преждевременно погибшего Василия, ибо Дмитрий Донской, а, следовательно, и его сестра Анна были Рюриковичами). Ну, что же, мы уже знаем, что сам Боброк был внук Гедимина, а СЭС (Советский энциклопедический словарь) утверждает, что **гедиминовская ветвь на Руси «вторая по знатности после Рюриковичей».** Впрочем, нет никаких сомнений, что впоследствии на протяжении веков Волынские роднились с именитейшими фамилиями России: Пожарскими, Воронцовыми, Плещеевыми, Дашковыми, Шаховскими, Салтыковыми, Лопухиными, Нарышкиными, Щетиниными, Татищевыми, Мещерскими... и таким образом к их крови Гедиминовичей примешалась, несомненно, и кровь Рюриковичей.

Стр. 207: **Выписка (***из Общего Гербовника дворянских родов, 1799 г.***)**

Предок рода Волынских Князь Дмитрий Михайлович Волынский-Боброк выехал в Москву к Великому Князю Дмитрию Иоанновичу Донскому из Галицко-Волынской земли из города Бобрки, и Великий Князь отдал за него в супружество сестру свою Княжну Анну Ивановну. Сего Дмитрия Михайловича дети, Борис и Давыд, были в Боярах, и от Давыда пошли Вороные-Волынские, а от Бориса Волынские. Происшедшие от сего рода потомки многие Российскому Престолу служили Наместниками, Стольниками, Окольничими, Воеводами и в иных знатных чинах и жалованы были от Государей поместьями...

А. В. Кузьмин. Родословная князя Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского [69]

Стр. 111: Его (Д. М. Боброка. — *Прим. сост.)* железная выдержка в критический момент сражения на Куликовом поле с войсками темника и беклярибека Орды Мамая, правильный выбор времени атаки Засадного Полка достойно оценены потомками.

Стр. 130: Между 13 апреля и 16 мая 1389 г. Дмитрий Михайлович в последний раз прямо отмечается в источниках. Он фигурирует в документе как первый свидетель из 10 бояр, послухов второй духовной великого князя Дмитрия Донского... На основе данных родословца Волынских и синодика Клопского монастыря 1650 г. (Клопский монастырь находится в 3—х верстах от Новгорода, на берегу р. Вережи. — *Прим. сост.)* исследователь

(В. Л. Янин. — *Прим. сост.)* восстановил картину личной драмы, которая произошла в семье. Она была связана с ранней смертью третьего сына Дмитрия Михайловича — Василия, бывшего, кстати, племянником великого князя Дмитрия Московского. Эта трагедия привела к уходу боярина Д. М. Боброка и его жены Анны из мирской жизни. В. Л. Янин полагает, что ***монашеским именем Боброка стало Максим*** *(*А. В. Кузьмин высказывает также предположение, что имя Максим могло принадлежать не Д. М. Боброку, а одному из его младших сыновей. — *Прим. сост.)*. Он *(*Максим. — *Прим. сост.)* дожил до начала XV века. Его сыном, по

Бобренев Рождества Богородицы монастырь под Коломной

мнению исследователя, был известный позднее новгородский святой Михаил Клопский. В целом такая версия последних лет жизни Д. М. Боброка благожелательно встречена в историографии...

Благословение преподобного Сергия Радонежского

Благословение преподобного Сергия Радонежского на Куликовскую битву (икона)

На титульной странице рисунок художника А. Мосесова

Преподобномученики
‡ *Александр (Пересвет), схимонах;*
‡ *Андрей/Родион (Ослябя), схимонах*[1]

Почитаются в сонме Радонежских, Брянских, Московских и Тульских святых как местночтимые преподобные схимонахи-воины[2] или по традиции Симонова монастыря — преподобномученики.

Передовой (Сторожевой) Полк

Оба они происходили из знатного рода бояр Брянского княжества. О Пересвете в самом древнем литературном памятнике «Задонщина» говорится вполне определенно, что он был «бряньский боярин». Об Ослябе, о том, что он был любутским боярином, мы узнаем только из «Сказания о Мамаевом побоище» (г. Любутск территориально входил в Брянское княжество). Но на сей счет существует предположение, что он также был родом из Брянска; в одном месте даже сказано об обоих: «брянские бояре»[3]...

Существует предание, согласно которому Александр (Пересвет) принял монашеский постриг в Ростовском Борисоглебском монастыре, что на р. Устье,

[1] Есть мнение, что инок Ослябя остался жив, и что это он участвовал в посольстве в Константинополь в 1398 году. Мы же придерживаемся мнения, что схимонах Андрей Ослябя погиб в Куликовской битве (подробно об этом можно прочитать в книге «Благословение преподобного Сергия», М.: Изд. Совет РПЦ, 2005. с. 69—71).

[2] См.: Митрополит Макарий (Булгаков). История Русской церкви. Кн. 3. М., 1995. с. 631; Минея. Июль. Ч. 1. М.: Изд. Московской Патриархии, 1988. с. 357.

[3] Здесь и далее тексты из «Сказания о Мамаевом побоище», «Задонщины», «Летописной повести о Куликовской битве» цитируются по [82], [83].

среди величавой красоты сосновых боров (где впоследствии прославился преп. Иринарх Затворник, носивший великие вериги). Обитель была основана монахами Феодором и Павлом по благословению Сергия Радонежского в 1363 году.

Впоследствии эти два воина оказались в обители Живоначальной Троицы, где они подвизались вместе с преподобным игуменом Сергием, молясь о мире своего Отечества и всего мира. Вероятно, они перешли к нему как к более искусному воину Христову, видя в нем того руководителя, авторитет которого был непререкаем, кого слушались не только люди и звери, но и ангелы...

Темник Мамай покушался на святое: помимо оккупации Русской земли, он хотел истребить Веру православную. Хитрословесный говорил так: «Я не хочу так же делать, как Батый. Но когда войду на Русь и убью их князя, то какие грады прекрасные подойдут нам, там сядем и будем Русью владеть... Пусть ни один из вас не пашет хлеба, будьте готовы на русские хлеба... Христианство истребим, а церкви Божии огнем спалим, закон их погубим, а кровь христианскую прольем»...

В те предавние времена витал в воздухе миф о непобедимости ордынских воинов (хотя на р. Воже уже была одержана небольшая победа двумя годами раньше). Ходили слухи о том, что одолеть их в честном бою было невозможно, ибо будто бы они владели некоей мистической силою. И чтобы превозмочь их коварство, одних физических данных было недостаточно. Нужна была великая сила духа, нужна была помощь Свыше. Поэтому усердный молитвенник пред Господом святой Сергий, узнав волю Божию, решился послать на битву духоносных монахов. Нужно было воодушевить русское воинство...

Преподобный Сергий Радонежский благословляет князя Димитрия. Настенная роспись в храме Рождества Пресвятой Богородицы в Старом Симонове

Помолившись за Божественной Литургиею, преподобный старец окропил священною водою великого князя со всем христианским воинством, благословил его крестом святым и сказал ему: «*Иди, господин, помянув Бога; Господь Богъ да будет тебе помощником и заступником*». А тайно предсказал ему: «*Погубишь супостатов своих, как должно твоему царству... Только мужайся и крепись и призывай Бога на помощь*». И сказал ему князь великий: «*Дай мне из своего полка двух воинов, Александра Пересвета и брата его Андрея Ослебяту, и ты с нами вместе поборешься*». Преподобный Сергий тут же повелел старцам Александру и Андрею готовиться. Они были уже немолоды, но сильные, зрелые и умудренные духовно и в воинском искусстве. Известна была эта двоица как великие и знаменитые наездники в ратные

времена: «Андрей сотню гнал, а Александр двести гнал, когда сражались». Были они в миру известными витязями в сражениях.

Монахи сделали по слову игумена своего. И дал им Сергий «вместо тленного оружие нетленное: Крест Христов нашит на схимах. И повелел им вместо шеломов возложить на себя», и отдал их в помощь великому князю, промолвив: «*Вот тебе мои воины, а за тебя, государь, поборники*». Напоследок сказал им угодник Божий: «*Мир вам, братья мои, пострадайте как добрые воины Христовы!*» И всему православному войску дает он Христово знамение, мир и благословение. Князь же великий Димитрий Иоаннович возвеселился сердцем. Святой старец напутствовал его: «*Иди ко граду Москве!*» И пошел он, взяв как некое сокровище некрадомое благословение от старца. Так Пересвет и Ослябя оказались в русском войске, не по своей воле, а по Промыслу Небесному, Божией воле, ибо святые старцы, как духоносные пророки, от себя ничего никогда не делают...

По одному из преданий[4] инок Александр Пересвет перед Битвой пришел в келью к отшельнику, который проживал при часовне святого воина великомученика IV века Димитрия Солунского, покровителя православного воинства (Солунского небожителя видели на небе в самый день боя, он помогал победить врага). Часовня

[4] Описание монастыря св. вмч. Димитрия Солунского в г. Скопине. Под ред. А. Доброклонского // Житие. Акафист. Служба. Молитва святому великомученику Димитрию Солунскому мироточивому. Описание Свято-Димитриевского монастыря в г. Скопине. Изд-во Свято-Димитриевского монастыря, 2000. с. 119–139. См. также: Рязанские епархиальные ведомости. 1891. № 2, 3.

располагалась в Рязанском княжестве, приблизительно в сорока километрах от Куликова Поля и в семи — от г. Скопина, на левом берегу р. Верды, на горе, именуемой Дмитриевскою, близ д. Дмитриевки. Здесь Пересвет, помолясь перед предстоящим кровавым сражением, оставил свой посох. Ставка русичей находилась рядом. После победы над Мамаем здесь же на возвратном пути останавливался великий князь Димитрий, который имел своим небесным заступником и покровителем святого Димитрия Солунского.

Посох Пересвета (Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник)

Позже на месте часовни вырос мужской Димитриевский Ряжский монастырь, основанный Димитрием Донским. Чудесный же яблоневый посох Александра Пересвета до революции находился в святой обители, а после атеистической вакханалии священная реликвия оказалась в зале краеведческого музея г. Рязани. Он имеет 2 аршина длиною и 5,5 фунтов весу, снизу же обрезан на 6 вершков, а в рукояти обгрызен. Боголюбивый народ приписывал ему целительную силу от зубной боли. А при Петре I молодые местные дворяне при поступлении на воинскую службу испытывали свою силу, поднимая посох и размахивая им...

Но устремим свой взгляд непосредственно к легендарному событию, которое произошло на просторном Поле Куликовом между Непрядвою и Доном...

Вот уже первые полки идут. Передовой светлый полк ведут князья смоленские Димитрий Всеволодович да брат его Володимир Всеволодович, у которого в строю и был Пересвет... Уже близко сходятся сильные полки... Выехал злой печенег из великого полку вражьего, показывая свое мужество на виду у всех. Злодей грозно потрясал оружием перед русскими рядами, и был он всем страшен, и никто не смел против него идти. И говорили русичи друг другу о том, кто бы мог против него пойти, но никто не осмеливался. Тогда преподобного игумена Сергия Радонежского усердный его послушник инок Пересвет сказал великому князю и всем князьям: «Ничтоже о сем смущайтеся: велий Богъ наш и велия крепость Его. Аз хощу Божиею помощию, и Пречистыя Его Матере, и всех святых Его, и преподобнаго игумена Сергия молитвами с ним видетися».

Чернеца Пересвета на место суда (поединка) привели, и сказал он великому князю Димитрию: «Лучше нам убитыми быть, чем полоненными быть погаными». Смерть или свободная от богоборческой клики Отчизна!..

И сказал далее Александр: «Хорошо бы, брат, в то время старому помолодеть, а молодому чести добыть, удалым плеч испытать».

Был же сей хоро́брый Пересвет в миру славный богатырь, «велию силу и крепость имея, величеством и широтою всех превзыде, и смыслен зело к воиньственному делу и наряду», то есть слыл умеющим уставлять полки. Никто не решался на поединок кровавый, это понять можно — в глубине сердца каждый чаял вернуться живым в родной дом. Побаивались Димитриевы воины: кому по силам одолеть «человека-гору», что лезть на рожон — только позору снискать.

Пересвет же, приняв монашеский постриг, уже умер для мира, чтобы наследовать блаженство вечное. Шел он к этой великой, торжественной и страшной минуте, может, в с ю свою жизнь.

По повелению преподобного игумена Сергия, возложив на себя святую схиму, матерчатый шелом ангельского образа с нашитым на нем оружием спасения с голгофами, осенив себя святым крестом и окропившись святою водою, попросил прощения у духовного отца, у великого князя, у всех князей, у всего христианского воинства и у брата своего Осляби. И восплакал князь великий, и все князья, и все воинство великим плачем, со многими слезами глаголюще: «*Помози ему, Боже, молитвами Пречистыя Твоея Матере и всех святых, якоже древле Давиду на Голиафа*»[5]. Туман рассеялся, и луч света словно выхватил из волнующегося людского

Миниатюра из «Летописной повести о Куликовской битве»

[5] По одной из версий (Забелинская редакция «Сказания») «доблестный черноризец Александр (Пересвет), сказав: “Святой преподобный Сергий, помогай своими молитвами святыми”, сел на коня и, взяв в руки *посох* (Выделено нами. — *прим. В.М.*) преподобного Сергия, устремился на противника безбожного... И ударились копьями друг против друга, и копья их переломались, и пали оба на землю, и скончались». Не тот ли это посох, упоминаемый нами прежде?

моря воина Христова в монашеском одеянии. И пошел инок Пересвет, «свет мира»[6], против Челубея, избранника темникова. И ударились так крепко, громко и сильно, что земля сотряслась, и упали оба на землю замертво...

У русских дружинников[7] словно крылья выросли, ведь упала «гора с плеч». Витязи наши теперь изготовились полететь на врага на лютого, вдохновленные подвигом светлого ученика Сергиева, для которого уже воссиял вечный день в Царствии Небесном, где светильник — не солнце, но Солнце Правды — Сам Христос...

После Битвы Димитрий, прозванный Донским, стал обходить Великое Поле, засеянное телесами его дорогих соратников и политое русскою кровью, на котором взошла Первая Великая Слава Руси. Даже деревья от «великия печали преклонилися». Увидев светоносца Пересвета и тут же поблизости лежащего знаменитого богатыря Григория Капустина, Великий князь промолвил: «*Видите, братья, своего зачинателя, ибо этот Александр Пересвет, пособник наш, благословлен был игуменом Сергием и победил великого, сильного, злого татарина, от которого многие люди испили бы смертную чашу*»...

Летописец восклицает: «Возвысил БОГЪ род христианский, а поганых уничижил и посрамил их суровство». Имена красных воинов Земли Русской Небесный Воевода облек в лепоту; имена двоих из них — Александра Пересвета и Андрея Ослябы — с того времени прославляются как имена местночтимых святых Радонежских...

[6] Мф. 5, 14.

[7] Дружинник — от слова друг, ведь «за други своя шли жизни свои положити».

Восемь дней «стояли на костях» — хоронили героев за Веру и Отечество живот (жизнь) свой положивших. Срубили церковку Рождества Богородицы над братской могилой у р. Непрядвы. А Пересвета и Ослябю схоронили не

Гробницы Пересвета и Осляби, доблестных иноков Сергиевых, почивающих на Старом Симонове. Начало XX века (фотография протоиерея Иакова Остроумова)

здесь, и не в Сергиевой пустыни, и не на Кулишках в столице (храм построен в честь всех убиенных на Куликовом Поле), но в Старом Симоновом монастыре близ Москвы (сейчас это уже территория первопрестольной: рядом с метро «Автозаводская» внутри завода «Динамо»). Можно сказать, что Симоново было родным для Троице-

Сергиевой обители. Видимо, здесь бывали и монахи Сергиевы Пересвет и Ослябя, так как архимандрит Феóдор Симоновский тоже подвизался сначала в обители Святой Троицы в это же время. Как духовные собратья-сотаинники, они посещали друг друга и, вероятно, были привязаны друг к другу.

Везли их с места последней сечи в дубовых колодах и погребли рядом с Храмом Рождества Пресвятой Богородицы. Он промыслительно был воздвигнут на

Рис. А. Мосесова

подступах к Москве, собирательнице Руси, как духовный форпост, за целых 10 лет до Куликовской битвы. В XVIII веке при разборе старой колокольни храма был открыт кирпичный склеп, покрытый надгробными

камнями без надписей, длиною 1 аршин 14 вершков. Когда сняты были камни, тогда увидали через отверстие склепа гробы духовных витязей. Усыпальницу их закрыли, а древние камни надгробные вставили в северо-западный угол трапезной[8]...

Димитрий Донской пробыл на Москве четыре дня и затем направил стопы свои к Живоначальной Троице, к отцу Сергию. Преподобный встретил его с крестами близ монастыря и, осенив его победным Животворящим Христовым оружием, изрек: «*Радуйся, господин князь великий, и веселись твое христолюбивое войско!*» И вопросил его о своих любимцах. Великий же князь отвечал ему: «*Твоими, отче, любимцами, а моими служебниками победил своих врагов. Твой, отче, вооружитель, названный Пересвет, победил подобного себе. А если бы, отче, не твой вооружитель, то пришлось бы, отче, многим христианам от того пить горькую чашу!*»

Проект памятника Пересвету и Ослябе (скульптор Ю. Кондрашов)

Отслужили поминальную Великую панихиду о всех убиенных, и с тех пор названная Димитровскою родительская суббота стала служиться в Церкви из года в год доднесь и будет, покуда стоит Русь. При

[8] Трапезная — расширенный притвор храма.

захоронении воинов Великий князь провозгласил им: "Да будет вечная память всем вам, братья и друзья, православные христиане, пострадавшие за православную веру и за все христианство... Помолитесь за нас, ибо вы увенчаны нетленными венцами от Христа Бога".

(*по книге: Житие преподобномучеников Александра и Андрея Радонежских. Сост. священник Валерий Мешков. М., 2005* [54])

Живые лампады перед Храмом-усыпальницей Пересвета и Осляби. Храм Рождества Богородицы в Старом Симонове (фото священника Валерия Мешкова)

Посольство и разведка

"...Князь же великий посла в поле вторую сторожу... заповеда имъ вскоре возвращатися...".

На титульном листе миниатюра: "...Князь великий отпусти в поле под Орду Мамаеву избранного своего боярина и крепкого воеводу Семена Мелика и с ним избранных своих..."

Захарий (Назарий) **Тютчев** *(Тутшев, Тушинин, Тушев, Тушишин, Тутьшов, Тетюшков)*

Посол великого князя Димитрия Ивановича к Мамаю

***Источник информации и содержание*:**

Сказание о Мамаевом побоище.
Основная редакция [24]

Стр. 249: Князь же великий Дмитрий Иванович послал избранного своего юношу, разумного и смышленого, по имени **Захарий Тутшев** и дал ему двух переводчиков, знающих язык половецкий, и посылает с ним к нечестивому царю Мамаю много золота. Захарий же дошел до земли Рязанской и услышал, что Олег рязанский и Ольгерд литовский присоединились к поганому царю Мамаю, и тотчас же тайно послал вестника к великому князю.

Сказание о Мамаевом побоище
по Забелинскому списку [27]

Стр. 296: Князь великий... **послал своего приближенного юношу, достаточно умелого, по имени Захария Тутшева,** и с ним отпустил Андрея Попова сына Семенова, который прибежал от царя Мамая с вестью к великому князю. И дает им двух переводчиков, хорошо знающих татарский язык, и иных многих с ними людей отпустил и много золота послал царю Мамаю. Захарий же и Андрей дошли до земли Рязанской и услышали, что Олег Рязанский и Ольгерд Литовский пере-

шли на сторону Мамая. **Захарий вскоре тайно послал вестника своего к великому князю**...

Сказание о Мамаевом побоище (*вариант Ундольского*) [22]

Стр. 203 (*примечание к тексту на стр. 145*): **«...посла избранного своего уношу доволна смысломъ именемъ Захарью Тушева...».** Другим источникам (кроме «Сказания о Мамаевом побоище») Захарий Тушев неизвестен. **Его фамилия** (или прозвище) варьирует **в различных редакциях и списках** «Сказания»: **Тушев, Тутшев, Тутьшов, Тютчев и др**. Из всех вариантов фамилий в источниках встречается только фамилия **Тютчевых.** Наиболее ранние документальные (дошедшие до нас) данные об этой фамилии относятся к 60–80 гг. XV века. (Б. М. Слепец Тютчев – *Веселовский, 1947, стр. 246–247).* Некоторые исследователи полагают, что Борис Матвеевич Слепец Тютчев приходился внуком Захарию Тютчеву, и на этом основании считают Захария реальным историческим лицом (Бегунов, 1966, с. 487, прим. 60).

Князь Димитрий получает вести от Захарии Тютчева

Стр. 149–150: Захария пришедъ в Орду и поемше его темные кня-

зи, поставиша пред царемъ Мамаем. Захария же все посланные дары великаго князя Димитрия положьши пред нечестивым Мамаем, рече: государь нашъ великии князь Димитрии Ивановичь всея России во Отечествии своемъ здравствует и твоего государьскаго здравия присла мя вопросити и сия дары присла царьския ради почести. Нечестивыи же царь возъярився и паче исполнися ярости и гордости, окаянныи, абие свергъ башмагъ от правыя ноги и рече: Захарие, се ти дарую от великия славы твоея пришедшу от ноги моея отпадше, такова бо есть наша царьская почесть, аще кого хощем жаловать. Захария же воздаде честь мудре нечестивому цареви. Царь же подивися мудрым ответом Захариинym и повеле присланные дары воином взяти, рекуще: возмете себе то и купите себе плети на коне, злато бо и сребро князя Димитрия все будет в руку моею, землю же его разделю служащим мне, а самого приставлю стадо пасти верблюжее. Тогда Захария ревностию разжегшися о государе своем и рече Мамаеви: что глаголеши сие таковому великому государю, Богъ елико хощет, то и сотворит, а не яко же ты хощеши. Предстоящии же хотяху Захарию убити, но запрети Мамаи и нача прелщати Захарию мяхкими словесы, **обещая его властителя в России сотворити** (выделено нами. — *Сост.*). Захария же такожде лесть прием в сердци своем, да от рукъ его скорее свободится, рече к царю: не подобает послу не совершивши посолства своего государя к иному царю пристати, прежде повели ми книги дати посолныя и посолство совершу и паки к тебе возвращуся, царю, да тако и тебе веренъ буду, яко не солгахъ первому государю.

Нечестивыи же царь уловленъ бысть мудрыми словесы Захариины́ми и отпусти его с писанием къ великому князю Димитрию, посла же съ Захариею и четырех князеи честных и любимых своихъ, постельника своего Дадяка да ключника и конюшего и с ними неких татаръ. Грамота же от царя Мамая сицевым образом написана бяше: «От Восточнаго царя от Болшия Орды, от широких поль, от силных татаръ, царь цареи Мамаи и многим ордам государь, рука моя многими царствы обладает и десница моя на многих царствах облежит, — ратаю нашему Димитрию московскому. Ведомо ти есть, яко улусы нашими обладаеши, нашему царьству пришед не поклонишися, да есть ти ведомо, днесь рука моя хощет тя казнити. Аще ли еси младъ, то приди ко мне и поклониши ми ся, да помилую тя и в твое место пошлю тя царствовати. Аще ли сего не сотвориши, вскоре вся грады твоя имам разорити и огню предати и самого тя велицеи казни предам». Отшедши же Захария от проклятого Мамая, благодарение возсылаше Богу, яко отпусти его Мамаи и не размыслив послати окаянных своих любимых с ним. И егда приближишися ко реце Оце и прочии послании татарины с четыреми нарочитыми, в Русь посла з дороги Захария таино к великому князю вестника, чтобы послалъ в сретение ему. А татаром рече: уже вас честно стретятъ от великаго князя. Великии же князь скоро посла в сретение Захариино триста человекъ избранныхъ двора своего и стретоша Захарию недалече от реки Оки. Захария же дождався своихъ, абие повеле хватати татар и вязати. И вземъ грамоту Мамаеву, посланную к великому князю, предра ю надвое и выбрав

хуждьшаго татарина, вда ему раздранную грамоту и отпусти его к Мамаю, глаголя: рцы безумному царю, яко не объретохъ в человецехъ безумнеиша его, а грамоту его безумия пред пресветлыя очи государя своего великаго князя не принесохъ и прочтохъ азъ самъ ю и видевъ безумие Мамаево, посмеяхся. Прииде же татаринъ и возвести сия вся Мамаю и грамоту раздрану даде ему. Царь же нечестивыи воскочи и нача яритися и повеле всячески подвизатися воем своимъ на Русь. Захария же прииде благополучно в славныи град Москву и удари челом своему государю великому князю Димитрию Ивановичу, и татаръ всех связанныхъ приведоша ту. Князь же великии радостенъ бяше велми о возвращении Захарииномъ и о умномъ посольстве его. Уведавши же известно от Захарии о неложномъ восстании безбожного Мамая и яко скоро грядетъ, нача радоватися наипаче и утешатися о Бозе, укрепляя брата своего и всех князей русскихъ...

Сказание о Мамаевом побоище в *редакции Летописца князя И. Ф. Хворостинина* [20]

Стр. 257: И избрав великии князь Дмитреи Иванович юношу довольна смыслом, именем **Назария Тетюшкова** и иных многих юнош с ним, и дав ему два толмача (переводчика. — *Прим. сост.)*, умеющих языку еллинскому, и злата и сребра много отпустиша с нимъ къ царю Момаю...

Прим. на стр. 303: Имя Назария Тетюшкова появилось в результате искажения имени Захария Тютчева.

Димитрий Иоаннович Донской, или История о Мамаевом побоище [3]

Стр. 41–46: ...Димитрий Иоаннович... немедленно **отправил к Мамаю в звании полномочного своего посланника**, мужа избранного, испытанной мудрости и добродетели, **Захария Тютчева, или Тушинина,** придав ему двух переводчиков.

Ю. М. Лощиц. Дмитрий Донской [76]

Стр. 241: Это сообщение (*о том, что Мамай идет на Русь. – Прим. сост.)* совпадало с тем, которое Дмитрий получил несколько раньше еще от одного **разведчика, прибывшего прямо из ставки Мамая. То был известный на Москве Захарий Тютчев**. Он ездил в ставку совершенно открыто, ибо был послан с дарами Мамаю от великого князя московского. Это был хитро задуманный способ вызнать побольше да поточнее. Подарки, понятно, сердце Мамая не растопят. Но смышленый Захарий в ставке все же побывает, и за это не жаль заплатить как следует. Ставка не двор великокняжеский, откуда несолоно хлебавши подались намедни Мамаевы послы. **Ставка – воинский лагерь,** а считать Захарий умеет не только деньги.

В. В. Каргалов. Куликовская битва [63]

Стр. 63: Хотя великий князь и отправил к Мамаю ответное посольство, но он не рассчитывал предотвратить войну дипломатическим путем: требования Мамая носили категорический характер, а принять их Москва не могла. **Посольство к Мамаю имело скорее военный, разведывательный харак-**

тер. Об этом свидетельствует состав посольства. Во главе его был поставлен не князь и не высокородный боярин, как было принято в отношениях с ордынскими «царями», а **«некий юноша от двора великокняжеского,** именем **Захарий Тютчев**. С ним отправился «крепкий сторож» Андрей Попов и «два толмача, умеющих татарский язык».

В. Федорченко. Дворянские роды, прославившие Отечество [120]

Стр. 391—393: **Тютчевы — дворянский род.** Восходил **к XIV веку**. **Захарий Тютчев** участвовал в Куликовской битве (1380). Его внук, Борис Матвеевич Слепой-Тютчев, был воеводой в Суздале (1464). Его потомки служили по Зубцову, Дмитрову, Кашину и Рязани... **Наиболее известным представителем рода был** сын гвардии поручика Ивана Николаевича Тютчева — **выдающийся поэт Федор Иванович Тютчев (1803—1873),** имевший чин тайного советника, придворное звание камергера, служивший председателем Комитета иностранной цензуры. (*Подробно о других потомках — на указанных страницах. — Прим. сост.).*

В. В. Кожинов. История Руси и русского слова [66]

Стр. 423—425: Автор «Сказания» явно стремится «оправдать» решение князя поручить столь ответственную задачу именно ***юноше***, подчеркивая, что он — «избранный», что он **особо разумный и смышленый.** И все же — почему юноша, а не богатый опытом муж?.. Характерно, что автор изданного в 1985 году сочинения о Куликовской битве,

невзирая на вполне определенное сообщение «Сказания», написал о княжеском после: «...уже *пожилой* и сметливый боярин Захар Тютчев»... Но в другой современной книге дана верная «разгадка»: **Захарий** *был сыном итальянца Дудже, или Тутче*, поселившегося в Москве в 1350-х годах, и, очевидно, **владел языком своих предков**.

Необходимо также отметить, что отправляясь в поход на Мамая, Дмитрий Иванович взял с собой десяток «московских гостей сурожан» (*сурожане — купцы, торговавшие с богатым генуэзским/итальянским городом на берегу Черного моря в Крыму — Сурожем, современным Судаком, а «весь Крымский полуостров называли Сурожским полуостровом и даже само Черное море — Сурожским». — Прим. сост.)*.

...Дмитрию Ивановичу была *вполне известна* **огромная роль итальянцев Кафы в стане Мамая** (*Кафа — город в восточной части Крыма, в конце XIV в. — колония генуэзцев. В настоящее время — Феодосия. — Прим. сост.)*.

Не приходится уже говорить о том, что, согласно тому же «Сказанию», Мамай после Куликовской битвы сделал не что иное, как «прибеже ко граду Кафе... И собрав остаточную свою силу, и еще хотяше изгоном (набегом) итти на Русскую землю», — то есть именно в Кафе «организовался» его новый поход. И когда затем по дороге на Русь он был в причерноморской степи перехвачен и окончательно добит Тохтамышем, «Мамай же прибеже пакы (снова, опять) в Кафу... и ту(т) убиен бысть фрязи» (то есть убит итальянцами — очевидно, как не оправдавший возлагавшихся на него надежд воитель).

Наш комментарий:

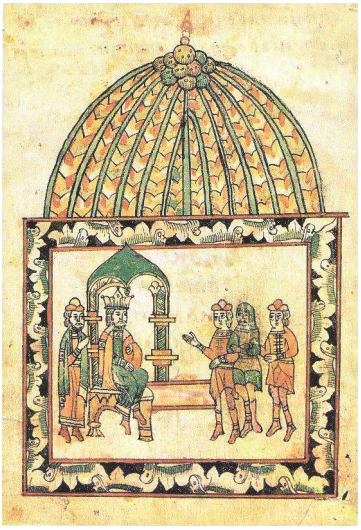
Чтобы понять значение Кафы, до́лжно сказать о том, что по населенности и укрепленной площади она уступала только Царьграду — Константинополю. Стена вокруг этого града имела протяженность около 5(!) километров в целом, что в 2 раза превышало длину белокаменной стены Московского Кремля. По хроникам, в ордах Мамая принимала участие генуэзская пехота, состоявшая из католиков. Есть обоснованное мнение, что центром западной цивилизации на тот момент было папство.

Стр. 421: П. Н. Надинский, известный крымский историк, в труде «Очерки по истории Крыма» писал:

«Генуя и Венеция являлись крупнейшими колониальными государствами Средневековья. В руках этих государств находилась почти вся мировая торговля. Значение этих государств особенно возросло в связи с "крестовыми походами"... Эти грабительские походы, освященные религией, прокладывали пути для генуэзских и венецианских купцов-колонизаторов в страны Ближнего Востока и Причерноморья... В XIII веке, после взятия крестоносцами Константинополя (в 1204 году. — *Прим. В.К.*) и разгрома Византийской империи, венецианцы, а следом за ними и генуэзцы, проникли на побережье Черного моря... И совершенно не случайно, что генуэзцы оказались в числе *вдохновителей*, а может быть, и прямых *организаторов* похода незадачливого татарского полководца Мамая на Москву».

Заметки о посольской службе великого князя Димитрия Ивановича

О том, что у великого князя Димитрия Донского существовала надежная посольская служба, свидетельствуют упоминания в отдельных списках Сказания эпизодов с именами русских посланников, выполнявших поручения великого князя и других важных государственных персон. Особенно много внимания этой службе уделено в Сказании о Мамаевом побоище в редакции Летописца князя Хворостинина [20]. Здесь очень подробно рассказывается о посольстве Захарии Тютчева в ставку Мамая. При этом упоминается имя *боярского сына* **Федора Скворцова** — в эпизоде, где тот послан Захарием к великому князю с земли Рязанской, чтобы сообщить, что «царь Момай идет воиною на Русскую землю неложно, да к Момаю же приложился князь Ягаило Литовский да князь Олгъ Резанский...» [20, с. 257]. В другом эпизоде, когда Захарий уже возвращался из ставки Мамая, прихватив с собой обманным путем «мурзы и князи лутчия от царя Момая», он послал гонца к великому князю, чтобы «выслал встре-



Великий князь Димитрий Иванович узнает от пленного татарина о планах Мамая завоевать Русь. Миниатюра XVII в. ГИМ.

чю великий князь». Здесь посланника уже зовут *сын боярский* **Андрей Сворцов** [20, с. 261–262]. Об одном ли и том же человеке идет речь – нам неведомо (может быть, это братья). Понятно только то, что выполнявших курьерскую службу людей были не единицы, и служба сия была весьма непроста и ответственна.

В той же Хворостининской редакции приводится эпизод [20, с. 274], указывающий имена ***русских послов*** **«сына боярского Григория Сурина, да Игнатия Орлова с товарищи»,** которые могут быть не вымышленными участниками того исторического события. Дословно приводить этот эпизод не будем, но люди эти, во время следования русского войска к Дону, были посланы великим князем Димитрием Ивановичем к князю Олегу Рязанскому, чтобы «он готов был со мною на брань против безбожнаго царя Момая». Однако Олег Рязанский, согласно этому эпизоду, ответил отказом.

Еще одно имя в Сказании в редакции Летописца князя Хворостинина – **Тимофей Воронцов** [20, с. 276]. Этого посла великий князь отправил к митрополиту Московскому, дабы сообщить ему о том, что литовские князи «Ольгердовы дети князь Ондреи да князь Дмитреи приидоша ко мне на помочь».

В другом эпизоде вышеупомянутой редакции [20, с. 283] игумен Сергий присылает перед Битвой к Димитрию Ивановичу **старца Нектария**, с которым передал великому князю и всему русскому воинству свое благословение (подробнее об этом рассказано в главе «Споспешествовавшие победе и воспевшие ее»).

Таким образом, посольскую службу несли не только бояре, но и старцы-монахи. Дело это во все времена было весьма важным, а посему, несмотря на то, что составители сборника «Памятники Куликовского цикла»

комментируют все эти эпизоды, как поздние вставки (предание было живо), низко поклонимся всем тем, кто нес эту нелегкую, ответственную и опасную службу. **Занесем эти имена в наш Синодикъ,** и с ними будем поминать всех, принимавших участие в подготовке к великому сражению и споспешествовавших Великой исторической Победе.

Русские послы:

— **Федор Скворцов,** *сын боярский*, из посольства Захарии Тютчева;

— **Андрей Скворцов,** *сын боярский*, из посольства Захарии Тютчева;

— **Григорий Сурин,** *сын боярский*, посол к Олегу Рязанскому;

— **Игнатий Орлов,** посол к Олегу Рязанскому;

— **Тимофей Воронцов,** посол с места Битвы к Московскому митрополиту;

а также:

— **инок Нектарий,** *принесший перед Битвой послание от преподобного Сергия с благословением и Богородичную просфору*.

Заметки о русской разведке (сторо́же) времен Куликовской битвы

Прежде, чем сступились (*сшиблись, сошлись*) в яростном бою огромные рати, на заранее выбранной позиции действовала **сторо́жа** — русская конная разведка.

«**Сторо́жа — передовой отряд войска, авангард, пикет**. Сторо́жа, как форма военной разведки, была призвана не допустить внезапного нападения противника, ее задача — заблаговременное вызнавание и упреждение опасности. В XIV в. сторо́жа могла быть либо подвижным отрядом ратников, либо небольшим воинским поселением на границах княжества, а если позволяли условия или вынуждала обстановка, то и выдвинутыми в сторону предполагаемой угрозы» [116, с. 208–209].

«В предприятии, небывалом по охвату пространств и по числу участвующих в нем ратников (имеется в виду Куликовская битва. — *Прим. сост.*), без разведки, четко действующей, разветвленной и прочно связанной со ставкой великого князя, обойтись было просто немыслимо. Известно, что во времена первой Литовщины Москва еще не располагала достаточно опытной и надежной дальней сторо́жей. В течение десяти с лишним лет такая сторо́жа была при великокняжеском войске не просто создана, но и закалена буднями изнурительной, полной риска и смертельной опасности службы. Это был **цвет московского воинства, содружество витязей наподобие былинной богатырской заставы.** Разведчики, числясь личными слугами великого князя, были приписаны к его двору. В народе знали их по именам и прозвищам, лучшую часть жизни они проводили в седле, отвага была их невестой, ветер прирастал к их плечам подобием крыль-

ев, большинство из них сложило голову, не повидав напоследок родных и близких...

Дмитрий Иванович имел на юге в своем распоряжении... **долговременно действующую порубежную заставу, и она насчитывала не менее пятидесяти воинов**... Застава была, были жестокие порубежные стычки с разведкой врага, были гонцы, покрывавшие в полтора-два дня сотни верст, не щадившие лошадей и самих себя, были великие, поистине богатырские образцы преданности и отваги» [76, с. 301–303].

«Летом 1380 года **одна из таких московских сторóжей располагалась возле Дона**, на обычном пути ордынцев в Залесскую Русь. В этом разведочном отряде были "крепкие сторожевые по имени Родион Жидовинов, да Андрей Попов сын Семенов, Федор Стремен Милюк, и иных 50 человек удалых людей великого князя". Разъезды Мамая смогли захватить в плен московскую сторóжу, видимо слишком увлекшуюся глубокой разведкой. Но одному из разведчиков – Андрею Попову – удалось бежать, и 23 июля (5 августа) он, по прибытии в Москву, доложил великому князю Дмитрию Ивановичу: "Идет на тебя, государь, царь Мамай со всеми силами ордынскими, а ныне на реке на Воронеже"» [116, с. 208–209].

Это была предваряющая (самая первая) разведка. Есть сведения еще о трех сторóжах, посылавшихся в разведку перед Битвой на Поле Куликовом. **Эти сторóжи были чрезвычайными воинскими подразделениями.** Все они приносили очень важные сведения о продвижении и планах татар, чем сыграли огромную роль в принятии верных решений относительно времени и места битвы. ***Первая разведка,*** в которую входил и

погибший впоследствии сын Андрея Осляби Иаков, и состоявшая, кроме командиров, из «иных крепких 70 юношей», была послана **к Быстрой Сосне**[1]. И «повели

[1] Относительно этого географического пункта имеется несколько мнений:

1. **Быстрая Сосна** (Сосна, Тихая Сосна) – «река Быстрая Сосна, или просто Сосна, является правым притоком Дона. Если следовать представлениям автора "Сказания...", помещавшего стоянку Мамая в устье р. Воронеж, то упоминание Быстрой Сосны вполне логично: высланная Дмитрием сторожа оказывалась к северу от расположения орды Мамая...» [82, с. 204].

2. **Тихая Сосна** – приток Дона, течет в направлении с запада на восток. Река Сосна составляла передовую линию русской обороны от татар, на нее посылались «сторожи». В различных редакциях Сказания она называется по-разному: **Тихая Сосна, и Быстрая Сосна, и просто Сосна**... Бассейн Быстрой Сосны в конце XIV века был относительно заселенным. Здесь находилось Елецкое княжество, разоренное позже Тимуром и после этого надолго запустевшее [83, с. 279].

3. «...*И повеле им у* ***Тихой Сосны***...» – имеется в виду река Сосна, приток Дона (течет с запада на северо-восток в районе городов Ливны и Ельца). Через эту реку проходили дороги, по которым татары продвигались на Русь. Разведывательные отряды Мамая должны были находиться как раз в районе реки Сосны [88, с. 359].

Наш комментарий:

На современной географической карте (Географический атлас для учителей средней школы. М., 1980) мы видим, что *у реки Дон есть два притока с указанными названиями:*

– **река Сосна** – впадает с запада в реку Дон в районе г. Ельца, примерно в 120 км к северу от впадения в Дон реки Воронеж и также приблизительно в 50–60 км южнее впадения в Дон реки Красивая Меча, и к югу от Куликова поля на 80–90 км. На наш взгляд, именно эта река указывается в «Сказании», как Быстрая Сосна, или Сосна, или Тихая Сосна.

– **река Тихая Сосна** – впадает в реку Дон также с запада в районе нынешнего г. Георгиу-Деж, примерно *в 80–100 км к*

им, стрещи *(стеречь. — Прим. сост.)*... и подо Орду ехати и языка добыти, истину слышати царева хотениа...» Когда они замедлили в степи, великий князь «**вторую стражу послал к ним**... И приказал им вскоре возвратиться». Видим, что вторая сторожа была послана на помощь первой, т.е. **также к Быстрой Сосне**. Кроме командиров этот отряд состоял из 33 удальцов. По дороге они встретили Василия Тупика (из первой разведки), ведущего языка. Кроме того, есть сведения о том, что некоторые ***разведчики второй сторожи*** (в частности, говорится о бывшем разбойнике Фоме Кацибее) поставлены были от великого князя «**на реке Чуре на Михайлове**[2] для крепкой мужественной стражи от пога-

югу от Воронежа и приблизительно в 300 км к югу от Куликова поля. Скорее всего, так далеко наши сторожи не заходили, ведь на момент отправки первой сторожи в разведку Мамай, по сообщениям, был уже на реке Воронеж, что, как указано выше, значительно севернее реки Тихая Сосна. Так что название «Тихая Сосна» в текстах Сказания не вполне корректно и действительности не соответствует. Кроме того, есть информация, что «течение Дона примерно ниже впадения в Дон р. Воронеж принадлежало Орде. В низовьях Дона в XIV веке находилась кочевая ставка ордынских ханов (ПСРЛ, т. V. СПб, 1851. с. 210). Путь по Дону или вдоль него был самым коротким путем, соединявшим центральные районы Северо-Восточной Руси с Ордой Мамая (ПСРЛ, т. XVIII. 1897. с. 124; т. XI. с. 95—96). Этим путем и воспользовался Мамай в 1380 г.» [82, с. 17].

[2] «**Чур Михайлов** — небольшой городок на левом берегу р. Дон, в 80-х гг. XIV века превратившийся в неукрепленное поселение. В таком качестве он упоминается в описании хождения митрополита Пимена в Царьград в 1389 г. (ПСРЛ, т. XI. 1897. с. 95—96). По мнению К. В. Кудряшова, Чур Михайлов лежал близ впадения в Дон р. Кочуры в 50 с лишним километрах ниже по Дону от устья Непрядвы и примерно в 80 км выше впадения в Дон р. Мечи (Кудряшов, 1948, с. 20—21 и карта на с. 23)» [82, с. 106].

ных». Этот же Фома Кацибей стоял на страже и во время Битвы, когда уже Засадный Полк гнал остатки Мамаева войска (см. об этом в разделе «Вторая сторожа»). То есть кто-то из разведчиков во время сражения явно продолжал выполнять все ту же службу — четко следить за противником и докладывать своему начальству. Но многие из сторожевых людей в самой Битве сражались во главе русского войска.

Видение Фомы накануне Куликовской битвы — небесный полк во главе со святыми Борисом и Глебом разит татар. Лиц. летописный свод XVI в.

После того, как русские переправились через р. Оку, была откомандирована последняя, ***третья застава*** избранных витязей, **«чтобы встретились с татарскими сторожевыми в степи».** Преследуемые ворогом, они все же успели добраться до своих, а также доставить знатного пленника «из сановников двора царева».

Сторожевой Полк вместе с Передовым **первым принял бой** с несметными силами Мамая и, скорее всего, многие из его воинов погибли.

Имеются и другие сведения о работе разведки с указанием других местных географических названий: «...тогда наступил **пятый день месяца сентября**, на память святого пророка Захарии... Приехали тогда двое из сторожевых, Петр Горский и Карп Олексин, и привели знатного пленника, из сановников царева двора.

Тот пленник поведал: "Уже **царь на Кузьмине гати**[3] стоит, ...а после трех дней будет он на Дону"». «...Семен же Мелик поведал великому князю: "Уже царь **Мамай пришел на Гусин брод**[4], одна только ночь разделяет нас, **наутро он придет на Непрядву**"».

[3] 1. «**Кузьмина Гать** – так называлось село в верхнем течении р. Цны в 20 км от современного г. Тамбова (Бегунов, 1966, с. 490). Если верно отождествление с этим селом Кузьминой Гати "Сказания", тогда возникают трудноустранимые противоречия: Мамай то подходит к устью р. Воронежа, то отходит оттуда далеко на северо-восток и почему-то там ожидает подхода литовского и рязанского князей. Дмитрий московский, узнав, что Мамай на Кузьминой Гати, т.е. к юго-востоку от него, почему-то переправляется через Дон и двигается на запад. По-видимому... неверно отождествление Кузьминой Гати, сделанное исследователями...» [82, с. 215].

2. «Кузьмина Гать – это место в XV веке, по-видимому, располагалось на правом берегу реки Цны, в 20 км выше нынешнего Тамбова» [51, с. 608].

Наш комментарий:

На наш взгляд, указанное в комментариях место – это не та Кузьмина Гать, которая упоминается в Сказании – невероятно, чтобы практически накануне битвы – за 2–3 дня до нее – Мамай так далеко ушел на восток от прежних позиций, стоял в 160–180 км к юго-востоку от места предстоящей Битвы! Наверняка была где-то рядом с полем Куликовым, чуть южнее, другая Кузьмина Гать. Совсем не обязательно она должна была сохраниться до наших дней как географический объект. Это вообще могло быть какое-то болотистое место, прозванное местными «Кузьмина Гать».

[4] «**Гусин Брод** – местоположение Гусина Брода точно не определено. Если следовать одной из версий «Сказания», помещавшей Мамая на Кузьминой Гати, а последнюю отождествлять с Кузьминой Гатью на р. Цне, то Гусин Брод нужно искать где-то в районе р. Дона, как это и делает Ю. К. Бегунов (Бегунов, 1966, с. 490). Но если Мамай шел от р. Мечи, то Гусин Брод располагался совсем в другом месте. **Само название Гусин Брод не было редким**» [82, с. 215].

Наш комментарий:

Слова Мелика: «Наутро Мамай придет на Непрядву» указывают, все-таки, на то, что шел Мамай с юга, со стороны реки Мечи,

«В описаниях современников ее роль (*разведки. — Прим. сост.*) обрисована весьма полно: поименно перечислены начальствующие люди всех... "сторо́ж", посланных в степь, описаны их подвиги — наблюдения, захват знатных и осведомленных о планах Мамая татарских воинов. Среди этих разведчиков были родоначальники нескольких дворянских фамилий — Карп Алексин, Григорий Судок, Петр Горский, Иван Слава... Был в "сторо́же" и Родион Ржевский, представитель древнего рода, ведущего свое начало от князей Смоленских и Березуйских. Род Ржевских здравствует и по сей день. Особую известность приобрел начальник третьей "сторо́жи" Семен Мелик. Посланный разведать неприятеля уже после переправы русских через Оку, Мелик за семь часов до начала битвы прискакал на Куликово поле и принес великому князю весть, что татары перешли Гусиный брод и наутро подойдут к берегам Непрядвы... Узнав об этом, русские успели подготовиться к бою. В самом же сражении Семен Мелик бился в передних рядах... и пал, защищая великокняжеский стяг, к которому рвались татары. Потомки Мелика получили позже фамилию Милюковых и благополучно существовали до XX столетия...» [74, с. 80—87].

а не с далекого юго-востока от реки Цны. Думаем, что Гусин Брод был где-то недалеко от места Битвы, через какую из многочисленных рек и речушек, неведомо — возможно Дон, возможно Красивая Меча. Да и мало ли гусиных бродов существовало тогда?

Предваряющая (самая первая) разведка (сторожа)

Родион Жидовинов, Андрей Семенович Попов, Федор Стремен Милюк

Источник информации и содержание:

Сказание о Мамаевом побоище
по Забелинскому списку [27]

Стр. 292–293: **Князь же великий** Дмитрий Иванович **не знал о приходе царя**, ни о союзе Олега Рязанского и Ольгерда Литовского с царем. И были у великого князя Дмитрия Ивановича поставлены **крепкие сторожевые** по имени **Родион Жидовинов, да Андрей Попов сын Семенов, да Федор Стремен Милюк, и иных 50 человек удалых людей двора великого князя.**

Комм. на стр. 331: В числе удалых людей назван **Федор Стремен Милюк**, далее же упоминается *Семен Мелик*, названный вместе с дружиною в Синодике. Но это, видимо, *разные люди*. Прозвище «стремен», может быть, является указанием на то, *что Федор Милюк был стременным великого князя*. В XVII в. стременные конюхи при дворе ездили вместе с царем, подавали ему лошадь, сопровождали в поездках, дневали и ночевали в конюшнях по 4–5 человек.

Стр. 293: ...по Ильине дне на третий день (*23 июля по ст. ст. – Прим. сост.*), князь ве-

ликий Дмитрий Иванович **у себя на пиру** в набережных теремах изволил чаши поднимать за своего брата, за князя Владимира Андреевича. В это время **примчался Андрей Попов сын Семенов из степи и говорит великому князю**: «Нынче не подобает тебе, государю Русской земли, веселиться и сладкие меды испивать, теперь, князь, время всем молиться Богу и думать о том, как бы сделать, чтобы в Земле Русской было тихо и безмятежно. **Идет на тебя, государь, царь Мамай со всеми силами ордынскими, а ныне он на реке на Воронеже. И мы его силу объезжали 12 дней**, и подстерегли нас **сторожевые царя, поймали меня.** И спрашивал меня царь: "Знает ли мой слуга, а ваш государь князь Дмитрий Иванович, что я иду к нему гостить со многими силами, а силы моей — 12 орд да три царства, а князей со мною 73, помимо главных, степных 31 князь, а силы моей 453 000. И после исчисления моего войска прибыли два алпаута *(алпаут — бояринъ, вельможа. — Прим. сост.)* великих с двумя своими отрядами, а числа их я и сам не знаю. Может ли слуга мой, а ваш государь, нас всех накормить и одарить меня". **Царь велел меня по полкам водить и показывать приготовленное снаряжение для взятия русских городов, которое они привезли. Но милостью Божиею и Пречистой Богородицы, молитвами святого Сергия игумена и твоим государевым счастьем, убежал я из рук самого царя и примчался к тебе с вестью».**

Стр. 296: Князь великий, по совету отца своего митрополита, послал своего приближенного

юношу, достаточно умелого, по имени Захария Тутшева, **и с ним отпустил Андрея Попова сына Семенова,** который прибежал от царя Мамая с вестью к великому князю. И дает им двух переводчиков, хорошо знающих татарский язык, и иных многих с ними людей отпустил и много золота послал царю Мамаю. Захарий же и Андрей дошли до земли Рязанской и услышали, что Олег Рязанский и Ольгерд Литовский перешли на сторону Мамая. Захарий вскоре тайно послал вестника своего к великому князю...

Наш комментарий:

1. Имена и повествование об этих разведчиках найдены нами только в Забелинском списке Сказания.

2. Сюжет «на пиру» напоминает о том, как князь великий Дмитрий Иванович во время пира у Микулы Васильевича Вельяминова получил весть о том, что Мамай идет на Русь. Это отражено в Пространной редакции «Задонщины» по списку В. М. Ундольского [8, с. 112]: «*Князь великии Дмитреи Ивановичь со своим братом с княземъ Владимером Андреевичем и своими воеводами* ***были на пиру у Микулы Васильевича****. Ведомо намъ, брате, у быстрого Дону царь Мамаи пришел на Русскую землю, а идет к намъ в Залесскую землю*».

Первая сторо́жа (разведка)

Василий Тупик (*Тупи, Тупикин, Тупин*), *Родион/Иоанн Ржевский, Андрей Волосатый,* ‡ *Яков (Иаковъ) Андреевич Ослебятинъ* (*Ослебятев*)

Источник информации и содержание:

Сказание о Мамаевом побоище (*вариант Ундольского*) [22]

Стр. 147: Князь же великыи Дмитрии Ивановичь говоритъ у Микули у Василевича на пиру з братомъ своимъ съ княземъ Володимером Андреевичемъ, со всими рускими князми и воеводами, здумаша, яко и сторожу уготовати тверду в Поли. И посла въ сторожу избранных своих крепкых оружник: **Родиона Ржевскаго** и **Ондрея Волосатого**, **Василия Тупика** *и иныхъ крепых унот*, и повели имъ стрещи (*стеречь, сторожить. — Прим. сост.*) **на Быстреи Съсни** съ всякимъ усердиемъ и подо Орду ехати и **языка добыти**, истину слышати царева хотениа...

...Тии же стражи замедливше в Поли. Князь же великыи вторую сторожу посла... Они же сретоша Василия Тупика, ведуща языкъ к великому князю Дмитрию...

Комм. на стр. 204: ...Андрея Волосатого считают предком дворянского рода Волосатово. Первые достоверные сведения о представителе этого рода относятся только к последней четверти XVI в.

(АСВР, т. 1. М., 1952. № 488, с. 368), но нужно сказать, что прозвище Волосатый было распространенным (ср. АСВР, т. 2. М., 1958. № 263, с. 174; АСВР, т. 3. М., 1964. № 232, с. 254). Нет серьезных оснований принимать Андрея Волосатого «Сказания» за основателя рода Волосатово. В первой четверти XVI в. жил дьяк Андрей Волосатой, которого позднее и могли принять за основателя названного рода (см.: С. Б. Веселовский. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. с. 106). Неизвестен *Василий Тупик*, но род Тупиковых, белозерских землевладельцев, известен с первой половины XV в. (АСВР, т. 3. № 15. с. 21; № 168. с. 104; № 322. с. 304)...

Сказание о Мамаевом побоище *по Забелинскому списку* [27]

Стр. 297: И все постановили так: поставить в степи сторожевых твердых. И послал великий князь в сторожевые крепких избранных мужей, своих оружников: **Родиона Ржевского**, **Андрея Волосатого**, **Василия Тупика**, **Якова Ослебятева** и **иных крепких 70 юношей**. И повелел им быть на Быстрой Сосне, стеречь и ехать к орде добывать пленника, чтобы как следует узнать царево хотение...

Они же (*вторая сторóжа. — Прим. сост.*) встретили **Василия Тупика**, который вел татарского пленника к великому князю, пленник тот был знатным, из царева двора. И поведал пленник великому князю, что действительно царь идет на Русь, что с ним вел переговоры и соединился Олег рязанский, спешит царь, требует «осени» (В комм.

на стр. 280 сказано: «Осени ожидает». Эту фразу можно толковать двояко: либо Мамай ожидает осени, как времени года, либо «осень» означает дань. Возможность второго толкования подтверждается целым рядом списков Сказания, в которых читается не «осени ожидает», а «осени требует». — *Прим. сост.*).

Сказание о Мамаевом побоище.
Летописная редакция [23]

Стр. 84: Князь же Димитрей Иванович з братом своим Володимером Ондреевичем и со всеми русскими князи и воеводы начаша стражи готовити тверды. И посла на сторожу крепкаго стража **Родивона Ржевского, да Якова Ондреева сына Волосатого, да Василья Тупика,** и повеле им ехати близ Орды и языка добыти...

Сказание о Мамаевом побоище.
Распространенная редакция [25]

Стр. 120: Князь же великий Дмитрей Иванович с братом своим, с князем Володимером Андреевичем, и с всеми рускыми князьми избраша думу, яко стража изготовиша тверду. Избраша отроцы тверды от вельмож и разумныи храбрыи зело ради: **Иоанна Ржевскаго**, **Иакова Андреевича Усатаго**, **Василия Тупика**. И посла их на сторожу...

Наш комментарий:

Фамилия (прозвище) **Василия Тупика** в некоторых списках звучит как **Тупи** — Ермолаевский список, **Тупикин** — редакция Летописца князя И. Ф. Хво-

ростинина, **Тупин** — редакция Пантелеймона Кохановского; но в большинстве списков она все же **«Тупик».**

Димитрий Иоаннович Донской, или История о Мамаевом побоище [3]

Стр. 46: Великий князь вследствие совещания послал сильный воинский отряд под начальством храбрых оруженосцев своих с таким повелением, чтоб они остановились на реках Быстрой или Тихой Сосне со всякою осторожностью, а вместе с тем, приблизившись к Орде, старались о поймании языков для узнания, что действительно хочет предпринять Мамай... Посланные на Сосну стражи еще не возвращались. Великий князь с таким же намерением послал еще вторую стражу с повелением возвратиться как можно скорее. **На пути она встретилась с княжеским оруженосцем Тупиком, ведущим татарского пленника.** Сей, будучи представлен великому князю, объявил, что Мамай действительно идет на Русскую землю.

Задонщина. Слово Софония Рязанца [9]

Стр. 215: И говорил брат его Ослябя чернец: «Брат Пересвет, уже вижу на теле твоем раны, уже голове твоей лететь на траву ковыль, **а сыну моему Якову на ковыли зеленой лежать на поле Куликовом за веру христианскую и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича».**

Комм. на стр. 225: **Яков** — сын монаха Осляби. Упоминается по Кирилло-Белозерскому списку в числе убитых на Куликовом поле под именем Яков Ослебятин, в Сказании значится в числе

сторожевых людей, направленных в степь разведывать о татарах.

Задонщина. Краткая редакция *по Кирилло-Белозерскому списку* [5].

Стр. 91: Тогда же не тури возрыкаютъ на поле Куликове на речке Непрядне, взопаша (в сноске указано, что в рукописи «взопиша», по-видимому от слова «возопити» — закричать, испускать вопль. — *Прим. сост.*) **избиении от поганыхъ князи великых и боляръ сановных,** князя Федора Романовича Белозерскаго и сына его князя Ивана, Микулу Васильевича, Феодора Мемко, Ивана Санно, Михаило Вренковъ, **Иаковъ Ослебятинъ**, Пересветъ чернецъ и иная многая дружина.

Ю. М. Лощиц. Дмитрий Донской [76]

Стр. 300—302: **В первую сторо́жу,** посланную к Тихой Сосне, как мы помним, **еще в июле,** входили: **Родион Ржевский, Андрей Волосатый, Василий Тупик.** Это — по редакции «Сказания», использованной Никоновским летописцем. Остальные «оружники» первой сторожи по именам тут не названы, о них говорится лишь вообще, как о «крепких мужественных» бойцах. Судя по всему, поименованные разведчики были начальниками десяток или даже более крупных подразделений.

Но **иные редакции «Сказания»** дают *множество разночтений* в именах и прозвищах разведчиков по всем трем сторо́жам. **В некоторых списках,** например, мы **вместо Андрея Волосатого** встречаем **«Якова Ондреева сына Волосатого»** или **«Якова Андреевича Усатова»**, и это не кто

иной — подсказывает нам еще один список, — как «**Яков Ослебятев»,** то есть **сын Андрея Осляби.** Какому же списку верить больше? Видимо, последнему, ведь об участии Якова Ослебятева в битве говорит и автор «Задонщины» словами безутешного Осляби: «Брате Пересвет, уже вижу на тели твоем раны тяжкие, уже голове твоей летети на траву ковыл, а чаду моему Якову на ковыли зелене лежати на поли Куликове...»

В. В. Богуславский. Славянская энциклопедия. Киевская Русь—Московия [113]

Стр. 247: **Ржевские** — дворянский род, происходивший от удельного князя г. Ржева Федора Федоровича (происходившего в свою очередь от удельных фоминско-березуйских князей). И хотя Ржев в его княжение формально входил в состав Тверского княжества, князь Федор служил московскому князю Юрию Даниловичу. Его потомки князьями уже не писались (поскольку великий князь тверской отобрал у него за это удел), но фамилию Ржевские сохранили. Связав свою судьбу с Волоцким уездом, они влились в общую массу дворовых детей боярских и в дальнейшем высоких чинов не добивались, служа чаще всего головами, стряпчими, дьяками и иногда — воеводами; лишь один из них стал думным дворянином.

Стр. 249: **Ржевский Родион Федорович** — московский воевода, старший из четырех сыновей Ф. Ф. Ржевского. **Один из начальников 1-й сторожи,** посланной великим князем накануне Куликовской битвы в Поле следить за передвижени-

ем войска темника Мамая в районе р. Быстрая Сосна. Стороже необходимо было доставить в ставку Дмитрия «языка», чтобы выяснить подлинные замыслы Мамая и количество воинов. **Убит в Куликовском сражении**... Потомства не оставил.

Наш комментарий:

О том, что Родион Ржевский убит на Поле Куликовом, подтверждения в других источниках нами не найдено. Отправлено письмо В. В. Богуславскому с просьбой указать источник этой информации, однако ответ не получен.

Послесловие:

Имена начальственных разведчиков из первой сторожи в разных источниках представлены по-разному, особенно смущает разночтение имен Андрея Волосатого и Якова Ослебятева. Это заметил и Ю. Лощиц, провели свое исследование и мы. Как показано выше, в приведенных фрагментах из различных редакций текстов «Сказания» иногда упоминается какое-либо одно из этих имен — то имя Якова, то — Андрея. В других случаях упоминаются оба имени, а еще в иных — происходит объединение этих имен в одно — «Яков Андреевич Волосатый», или «Яков Андреев сын Волосатого»... Из этой весьма разноречивой информации можно сделать **следующие предположения:**

1. В первой стороже находились **оба** упоминаемых нами **лица,** а именно — **Андрей Волосатый и Яков Ослебятов (Ослебятинъ):** Яков — сын схимонаха Андрея Осляби; Андрей Волосатый — о нем говорится в комментарии на стр. 206 в книге «Памятники Куликовского цикла» под ред. Б. А. Рыбакова так: **«Анд-**

рея Волосатого считают предком дворянского рода Волосатово».

2. **В первой стороже** служил и воевал **только «Иаков Андреев сын Волосатого» («Иаков Андреевич Усатый, Иаков Андреев Волосатый, Иаков Ослебятев)**. При поздних переписываниях «Сказания» могло произойти разделение этого имени на два: Андрей Волосатый и Яков Ослебятев. *(Писатель Ю. Лощиц пришел именно к такому же выводу).*

Можно было бы, конечно, сделать и еще одно предположение, о том, что в первой стороже участвовали отец и сын Осляби (схимонах Андрей Ослябя, посланный на Битву преподобным Сергием, и сын его Яков), и Андреем Волосатым называют именно инока Ослябю. Однако все это летописями не раскрывается, а наши рассуждения — это всего лишь произвольные догадки. Посему оставляем в Синодике для поминания два имени: **Андрей Волосатый и Иаков Андреевич Ослебятинъ (Ослебятев).**

В центре Поля Куликова. Вдали Зеленая Дубрава (фото свящ. Валерия Мешкова)

Вторая сторо́жа (разведка)

Климент *(Климентий, Клементий)*
Полянин *(Полев, старый поляник Святославля)*,

Иван Святослав *(Святославич)* ***Свеславин*** *(Свесланин, Всеславин, Всеслаев, Свесланик, Свясловъ, Слава)*,

Григорий Судоков
(Судаков, Судок, Судокъ),

Фома Кацибей *(Гацабесов, Хабесов, Хацыбесов, Хабычеев, Хецибеев, Кацыбеевъ, Халцыбеевъ)*

Источник информации и содержание:

Сказание о Мамаевом побоище.
Основная редакция [24]

Стр. 250: Сторожевые (*1-я сторо́жа. — Прим. сост.*) замедлили в поле, ***и князь послал вторую заставу:*** **Климента Полянина, Ивана Святослава Свеславина, Григория Судокова и иных с ними**, велев им поскорее возвратиться.

Наш комментарий:

В Основной редакции Сказания 80—90-х годов XV в. (опубликованной в книге «*Живая вода Непрядвы*», *М.*, «*Молодая Гвардия*», *1988* [51]) на стр. 530 эти имена звучат несколько иначе: **Климентий Полянин, Иван Святославич Свесланин, Григорий Судаков.**

Сказание о Мамаевом побоище (*вариант Ундольского*) [22]

Стр. 147: ...Князь же великыи **вторую сторо́жу посла: Климентия Полянина, Ивана Святослава, Григорья Судока и иных**.

Наш комментарий:

В подобном контексте в различных списках Сказания встречаются следующие варианты имен разведчиков из второй сторо́жи:

– **Климент Полянин, Иоанн Свесланик, Григорий Судоков** (Сказание по Ермолаевскому списку);

– **Клементий Полев, Иван Всеслаев, Григорий Судоков** (Сказание в редакции Летописца князя Хворостинина);

– **Климентъ Полянинъ, Иванъ Свясловъ, Григорий Судокъ** (Сказание в редакции Синопсиса);

– **Климент Полянин, Иван Свесланик** (Сказание в редакции Пантелеймона Кохановского) и т.д.

Сказание о Мамаевом побоище в *редакции Летописца князя И. Ф. Хворостинина* [20]

Стр. 265: Великому же князю Дмитрею Ивановичю время нужно есть, яко приидоша к нему весницы. В те же поры приидоша **воеводы Клементеи Полев с товарищи** к Живоначальной Троице. И рече великому князю Дмитрею Ивановичю Клементеи Полев с товарищи, что царь Момаи блиско Руския земли идет, а люди ево ходят воиною по сю сторону Воронежа, а «языка нам

добыти нельзя было потому, что оне страшно и крепко воиною ходят».

Сказание о Мамаевом побоище *по Забелинскому списку* [27]

Стр. 297: ...Сторожевые замедлили в степи, и князь великий Дмитрий **вторую стражу послал к ним: Климента, старого поляника Святославля, Григория Судакова, Фому Гацабесова и иных крепких юношей 33 человека**. И приказал им вскоре возвратиться.

Комм. на стр. 331: Старый поляник — человек, привычный к сторожевой службе в степи, в поле. Имя «Святославль» возможно указывает на то, что Климент был из Святославлевой слободки в Ростовском уезде, принадлежавшей митрополиту...

Наш комментарий:

Вышеприведенный комментарий составителей сборника «Повести о Куликовской битве» не кажется нам правдоподобным. На наш взгляд, здесь произошло некоторое смешение двух имен, а именно: фамилия «Полянин» превратилась в «старого поляника», а неправильно поставленные запятые имя «Святославль» превратили в географическое название. На самом деле, в этом тексте все те же имена — Климент и Святославль.

Как показано выше (в Забелинском списке Сказания), среди участников 2-ой сторо́жи появилось новое имя — **Фома Гацабесов.** В подобном контексте в других известных нам списках Сказания этого имени не встретили. Однако сторожевой разбойник Фома, прозвище которого созвучно этому, известен по многим редакциям. Информацию о нем приводим ниже, причем

начнем с того же Забелинского списка, где прозвище Фомы трижды видоизменяется — **Гацабесов, Хабесов, Хацыбесов**. Такая явная созвучность прозвищ, одинаковость имени и информация о его (прежнем) роде деятельности («разбойник») позволяют считать, что речь идет об одном и том же человеке.

Сказание о Мамаевом побоище *по Забелинскому списку* [27]

Стр. 314: Тогда же **некто разбойник, именем Фома Хабесов**, поставлен был от великого князя Дмитрия Ивановича **на реке Чуре на Михайлове** *для крепкой, мужественной стражи* от поганых (*накануне сражения. — Прим. сост*). **И Бог, утверждая разбойника в вере, открыл ему видеть ночью великое видение...** И с того времени человек тот утвержден был в вере и умудрен Богом.

Утром разбойник рассказал великому князю Дмитрию Ивановичу наедине: «Видел я на небесах видение». Сказал ему князь великий: «Не говори, брат, никому об этом; премудрая эта вещь и страшная, если так произойдет»...

Стр. 322: **Некто же, Фома Хацыбесов, разбойник**, стоял на страже по поручению великого князя (*в конце Битвы, когда Засадный Полк гнал остатки татарского войска. — Прим. сост.)* и увидел **князя Владимира**, стоящего под знаменем. *И Фома-разбойник быстро прискакал к нему под знамя, сам десятый с товарищами.* И рад был князь Владимир своим людям, а из Владимирова войска ни один человек не остался под знаменем, все гнались за татарами.

Сказание о Мамаевом побоище. *Основная редакция* [24]

Стр. 266: В ту же ночь (*в ночь перед Битвой. — Прим. сост.)* некий муж, именем **Фома Кацибей, разбойник, был поставлен сторожевым от великого князя на реке Чурове, потому что был он мужественным и крепким сторожевым от поганых**. *И Бог дал ему в ту ночь увидеть великое видение.* Стоя на высоком месте, видел он великое облако, идущее с востока, точно некие полки, идущие на запад. С южной стороны пришли двое юношей, одетых в светлые одеяния, лица их сияли, как солнце, в обеих руках у них были острые мечи. И сказали они начальникам татарским: «Кто вам позволил уничтожать Отечество наше, которое даровал нам Господь?» И начали их убивать, всех перебили, ни один из них не спасся. **Тот же Фома после того видения стал целомудренным и разумным**, а о том видении утром рассказал одному великому князю. Князь же великий сказал ему: «Не говори о том, друг, никому». И подняв руки к небу, начал плакать, говоря: «Владыко, Господи Человеколюбец, ради молитв святых мучеников Бориса и Глеба помоги мне... Не по грехам моим воздай мне, но пролей на нас милость Свою, простри на нас милосердие Свое, не выдай нас на издевательство нашим врагам, чтобы не порадовались враги наши, чтобы не сказали неверные страны: “Где Бог их, на которого они уповали?” Но помоги, Господи, христианам, которые величают имя Твое Святое!».

Сказание о Мамаевом побоище (*вариант Ундольского*) [22]

Стр. 216–217 (комм. к тексту на стр. 172–173: «...некто **разбойникъ** был именем **Фома** от великого князя на реци на Чюру на Михаилови...»): В других списках Основной редакции «Сказания» и в других редакциях памятника приводятся **прозвища Фомы** («Повести о Куликовской битве» [83]: с. 65 – Фома **Кацибей**, с. 98 – Фома **Хабычеев**, с. 144 – Фома **Хецибеев**, с. 190 – Фома **Хабесов**).

Наш комментарий:

В книге «Памятники Куликовского цикла» [82] в аналогичных контекстах прозвище Фомы звучит так: **Кацей** (в Ермолаевском списке, с. 242 и в редакции Пантелеймона Кохановского, с. 359, 363), **Кацыбеевъ** (в редакции Летописца князя Хворостинина, с. 282), **Халцыбеевъ** и **Халцыбиев** (в редакции Синопсиса). *В комм. на стр. 630 в книге «Живая вода Непрядвы»* [51] о многочисленных вариантах прозвища Фомы сказано: «Отметим желание переписчиков непременно передать ***тюркскую форму прозвища».*** В прим. на стр. 596 в той же книге приведено имя *Хази-бей* и приписано татарскому «князю», упомянутому русской летописью при перечислении убитых на реке Воже. Прозвище «*Кацибей*» действительно очень созвучно этому татарскому имени.

Сказание о Мамаевом побоище в *редакции Летописца князя И. Ф. Хворостинина* [20]

Стр. 288: И видев то руския воины, что царь Момаи с Куликова поля в свою землю побежал, а с ним всево четыре человеки. Князи же руския и вое-

воды и сынове руския многия гнаше за царем Момаем, и не догнаше их, поне же кони их не утомишася, целы суще. И возвратишася руския князи и воеводы назад ис степи къ полкам своим, и обретоша руския полки побито поганых много множество подле реки Непрядвы, иже бе не проходимо полком рускимъ от побитых татар. Сии же суть бысть побиты полки татарския от святых мученикъ Бориса и Глеба и ото иных воевод небесных. **И провидев то побоище Фома разбойникъ, егда он на стороже стоял,** кабы много погибло поганых Агарен.

Россійская Родословная книга, издаваемая княземъ Петромъ Долгоруковымъ [35]. **Часть IV. Судаковы**.

Стр. 37: ...Одна из фамилий Судаковых произошла от Рюрика и от князей смоленских. Другая фамилия Судаковых происхождением из бояр великаго Новагорода. В 1332 году упоминаются в новгородских летописях бояре, братья Семен и Ксенофонт Судаковы, и в мятеже в том году в Новгороде произшедшем разграблены были дом перваго и села последняго. Боярин Семен Судаков (не тот ли самый?) послан был новгородцами в 1353 году просить хана о возведении на великокняжеский престол князя суздальскаго Константина Васильевича. ***Григорий Судаков*** **был воеводою в войсках великаго князя Дмитрия Донскаго в день битвы Куликовской...**

Третья сторо́жа (разведка)

‡ ***Семен Мелик***
(Меликов, Малик, Милюк),
московский боярин и воевода

Игнатий Кренъ *(Кренев)*,

Фома Тынин *(Тина)*,

Петр Горский *(Готский, Юрский)*,

Карп Олексин *(Алексин)*,

Петр Чуриков *(Чураков, Чириков, Чюриков, Чураксов)*,

Семен Жеребцов,

Федор Меледиков

Источник информации и содержание:

Сказание о Мамаевом побоище.
Основная редакция [24]

Стр. 257: ...и перебрался через реку Оку со всеми силами. И отпустил в поле **третью сторожевую заставу избранных своих витязей**, чтобы встретились с татарскими сторожевыми в степи: **Семена Мелика, Игнатия Креня, Фому Тынину, Петра Горского, Карпа Олексина, Петрушу Чурикова** и иных многих с ними известных *полянищ (прим.: воины, привычные к сторожевой службе в степи — в «поле»)*.

Стр. 262: ...тогда наступил **пятый день месяца сентября**, на память святого пророка Заха-

рии... Приехали тогда двое из сторожевых, **Петр Горский и Карп Олексин, и привели знатного пленника, из сановников царева двора**. Тот пленник поведал: «Уже **царь на Кузьмине гати** стоит, но не спешит, ожидает Ольгерда литовского и Олега Рязанского, а о твоем войске царь не знает, не ждет и встречи с тобой.., а после трех дней будет он на Дону».

...В шестой час дня *(накануне Битвы. — Прим. сост.)* **прибежал Семен Мелик с дружиною** своею, а **за ним гнались многие татары.** Так безстыдно гнались, что и русские полки увидели и возвратились поспешно к царю и поведали ему, что русские князья приготовились к бою у Дона. Божьим промыслом видели татары великое множество приготовившихся людей и поведали царю, что у русских князей вчетверо больше воинства, чем собрано у нас... **Семен же Мелик** поведал великому князю: «Уже царь **Мамай пришел на Гусин брод**, одна только ночь разделяет нас, **наутро он придет на Непрядву**. Следует тебе, государю, великому князю, нынче приготовиться к бою, чтобы не опередили поганые».

Стр. 274—275: ...И недолго проехав, наехал на место, где вместе лежат **убитые** князья Белозерские... Тут же поблизости лежит убитый Михайло Васильевич... И потом приехал на иное место и нашел наперстника[9] своего Михаила Андреевича Бренка, **а поблизости от него лежит стой-**

[9] **Наперсникъ** — пользующийся особою доверенностью, любимец [118, с. 332].

кий страж Семен Мелик... И сказал великий князь: **«Крепкий мой страж, твердо охраняем я твоею стражею».**

Наш комментарий:

Все эти эпизоды повторяются практически во всех редакциях Сказания, разве что с некоторым изменением звучания имен разведчиков. Приведем их по некоторым источникам:

– ...**Семена Милюка, да Игнатия Кренева, да Фому Тынина, да Петра Горского, да Карпа Олексина, Петрушу Чуракова** и иных многих **бывалых людей 90 человек** (*Сказание по Забелинскому списку*);

– ...**Семена Мелика, Игнатия Креня, Фому Тину, Петра Юрского, Карпа Олексина, Петрушю Чирикова** и иных многих ведомцев (*Сказание по Ермолаевскому списку*);

– ...прийдоша два от страж его **Петр Готский, Карп Олексин** *(там же)*;

– ...**Семена Малика да Игнатия Креня, да Фому Тынину, да Петра Горского, да Карпа Алексина, да Петра Чюраксова** с товарищи (*Сказание в редакции Летописца князя Хворостинина*);

– ...**Семена Мелика, Игнатия Креня, Фому Тину, Петра Юрскаго, Карпа Алексина, Петра Чирикова**... *(Сказание в редакции Синопсиса)*...

Не видим смысла продолжать этот перечень далее. В заголовке указаны все встреченные в первоисточниках варианты имен и прозвищ разведчиков из дружины Семена Мелика.

Сказание о Мамаевом побоище *в редакции Летописца князя И. Ф. Хворостинина* [20]

Наш комментарий:

Хворостининская редакция Сказания, по мнению специалистов (см. стр. 251–252, 300–303 в указанном издании), была написана в конце 40-х годов XVII века. Напечатана она в этом сборнике «как очень интересная переделка Распространенной редакции памятника» [82, с. 6]. «*Многочисленные вставки*, отличающие эту редакцию от Распространенной... указывают ***не*** на народную среду своего возникновения, *а на военно-служилую*. Во всяком случае, основные сюжеты вставок – это исчисления войск, военные действия, разведывательные донесения, пожалования на службу» [82, с. 302].

Приводим ниже фрагменты из текста данной редакции, которые, зачастую, сильно отличаются от всех других списков Сказания по участникам рассказываемых сюжетов или некоторым деталям. Да не смутят они в последующем тех, кто пожелает более подробно ознакомиться с Памятниками Куликовской битвы, и чтобы не решили любознательные, что мы упустили некоторые имена. Даем здесь, также, и свои комментарии на прочитанное, с учетом сопоставления аналогичных эпизодов и имен участников их.

> *Стр. 277:* А великому князю Дмитрею Ивановичю бывшу на месте речном, стояще на берегу со всемъ своим воискомъ, *яко за 20 верстъ и за 3 поприща* до Дону*. И месяца **сентября въ 5 день...** приехаша к великому князю Дмитрею Ивановичю **два воина от третьеи сторожи Петръ Горскии да Иван Олексин,** ***а те ихъ товарищи***

все побиты и **приведоша оне языка нарочита,** яко от сановитых царевых Момаевых людеи...

Наш комментарий:

1) Выделенное нами полужирным курсивом похоже на сообщение о гибели дружины Мелика. Однако, из других источников нам известно, что на следующий день (6 сентября) **уже сам Мелик со своей дружиною** прискакал к Дмитрию Ивановичу с важнейшим сообщением. Стало быть, Горский и Олексин были посланы Меликом, чтобы доставить языка, а о том, что товарищи их побиты, скорее всего добавлено во время написания данной редакции – в XVII в.

2) * **Верста = поприще,** известная мера расстояния [118, с. 72]. **Одна верста** по соотношению между старыми русскими и метрическими мерами **равна 1,067 км.** Таким образом, расстояние от места нахождения русского войска до Дона было в тот день порядка 25 км.

3) В вышеприведенном отрывке разведчику Олексину приписано имя «Иван», хотя у того же летописца на стр. 273 его имя «Карп», т.е. такое же, как и во всех других редакциях Сказания. Будем считать это ошибкой переписчика.

Стр. 278–279: Весницы же и стражи ускоряют к руским полком. И глаголаше великому князю Дмитрею Ивановичю, яко приближаются погани, уже бо непрестанно бежаще руския от татар, яко ***въ 6 час дни месяца сентября въ 6 день*** воспоминаше чюдеси от архистратига Михаила прибежал страж и(с) степи к великому князю Дмитрею Ивановичю в полки именем **Федор Меледиков с товарищом своим Семеном Жеребцо-**

вым. И рекоша оне великому князю, Дмитрею Ивановичю, что гнаше за ними много татар, бесметно и «руския, государь, полки оне видели».

...Рече же страж Федор Меледиков с товарищем своим Семеном Жеребцовым великому князю Дмитрею Ивановичю, яко «**Гусинои,** государь, **брод царь Момаи переидоша** со всем своим воискомъ, уже бо, государь, об едину нощь имать с собою стояти между тебе, утре имать приити на Непрядву реку...»

Комм. на стр. 311 (авт. Кузьмина Л. Ф. при участии Кучкина В. А.): Здесь переобработан эпизод, встречающийся в различных редакциях «Сказания...», об извещении Семеном Меликом Дмитрия Московского о приближении Мамая. *Семен Мелик превратился в Федора Меледикова* и к нему оказалось приписанным еще одно имя — Семен Жеребцов.

Наш комментарий:

Можно предположить, что под именем Федор Меледиков скрывается Федор Милюк, разведчик самой первой сторожи. Однако нам кажется, что оба воина все-таки служили в составе именно *этой дружины* под руководством Семена Мелика, и это — новые имена, просто они вместе с Меликом были в разведке и принесли донесение о приближении Мамая...

Надо заметить, что **фамилия Жеребцовых** в те времена была известна в московских кругах. Во всяком случае, в книге С. Б. Веселовского «Исследования класса служилых землевладельцев» [47] в главе о роде Серкизовых (Старковых) на стр. 397—411 упоминается имя некоего Алексея Игнатьевича Жеребцова в связи с

возможным родством его с Серкизовыми, либо с Жеребцовыми-Кобылиными (род Андрея Кобылы). Также у Веселовского на стр. 484 сказано: «Четвертым крупнейшим родом второго периода образования московского боярства был род Андрея Ивановича Кобылы... От первого сына Андрея Кобылы, **от Семена Жеребца**, пошли Лодыгины, Коновницины и др...». Именно этот Семен Андреевич Жеребцов, сын московского боярина Андрея Кобылы, известный родословным книгам (Бархатная книга), и мог реально быть разведчиком 3-й стороже. Имя Федора Мелединова в родословных не обнаружили.

Летописная повесть о побоище на Дону [10]

> *Стр. 235:* **Тогда же на том побоище убиты были в схватке: ...**Иван Александрович**,** Андрей Серкизов, Тимофей Васильевич, Акатьевичи, называемые Волуи, Михайло Бренков, Лев Мозырев, **Семен Меликов**, Дмитрий Мининич, Александр Пересвет... и многие другие, имена которых не написаны в этих книгах; были написаны только князья и воеводы и имена знатных и старейших бояр...
>
> *Стр. 241, комм. 27:* Убитые бояре и воеводы перечислены в Синодике [1], хранящемся в ГИМ в Москве (Синод. собр. № 667, листы 68–68об., рукопись на пергаменте написана полууставом XV в.): *...И в той брани избиенным: Симеону Михайловичу, Никуле Васильевичу, Тимофею Васильевичу (*на полях приписано: *Валуевичу), Андрею Ивановичу Серкизову, Михаилу Ивановичу и другому Михаилу Ивановичу, Льву Ивановичу, **Семену Мелику** и всей дружине их, по благочестию скон-*

чавшимся за святыя церкви и за православную веру, вечная память (сбоку написано: *возглас*)».

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев [47]

Стр. 492: Ко времени княжения великого князя Дмитрия относится, по родословцам и другим данным, возникновение еще нескольких родов, собственно не боярских, известных в истории и попавших в родословцы либо по своему выдающемуся родоначальнику, либо по нескольким думцам, вышедшим из этих родов. К этим родам принадлежат:

...

10. **Меликовы (Старые и Милюковы),** ведущие свое происхождение от воеводы великого князя Дмитрия Семена Мелика, выехавшего будто бы из «немец» и убитого на Дону...

Стр. 499 (Из главы «Личный состав бояр великого князя Дмитрия»): ...Это небольшое количество родов, едва достигающее двух десятков, образует очень сплоченный круг лиц, связанных с князьями и между собой узами родства и свойства. Даже отрывочные сведения, дошедшие до нас, дают очень выразительную картину... Брат Свибла *Иван Андреевич Хромой, Александр Андреевич Белеут,* ***Семен Мелик*** *и Иван Толбуга,* двоюродный брат боярина Ивана Собаки, — **все были женаты на родных сестрах, дочерях боярина Д. А. Монастырева**. **У** третьего **сына Ивана Мороза,** Дмитрия, одна **дочь — замужем за Иваном Семеновичем Меликовым**, а другая — за Юрием Степановичем Бяконтовым...

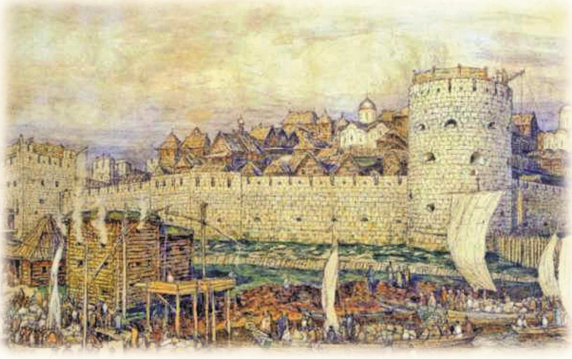
В. В. Богуславский. Славянская энциклопедия [112]

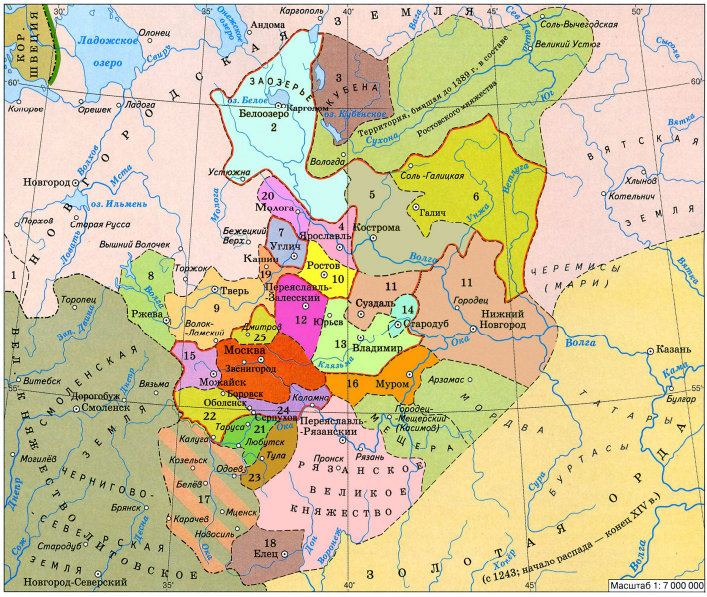
Стр. 707: **Мелик Семен** — (по др. сведениям Милюк) — **московский боярин и воевода**. По одним родословным преданиям, приехал на службу к великому князю владимирскому и московскому Дмитрию Ивановичу с братом Василием из Германии, по другим — из Новгорода Великого, по третьим — из Литвы. В 1380 году был поставлен во главе сторожевого полка накануне Куликовской битвы и назначен начальником 3-ей по счету сторо́жи...

Стр. 717: **Милюковы** — дворянский род, происходивший, по-видимому, от выходца из Новгорода Великого с. Мелика или Милюка, бывшего воеводой в сторожевом полку и погибшего в 1380 г. в Куликовской битве. Один из его внуков, Семен Иванович Милюков, по прозвищу «Старый», стал родоначальником Старово-Милюковых. Михаил Иванович Милюков в 1506 г. был сокольничим великого князя Василия III Ивановича и наместником московской трети. Многие Милюковы служили воеводами, стольниками, стряпчими и т.д.

Стр. 308: **Горские** — дворянский род, происходивший от выходца из Золотой Орды, крещеного под именем Петра. **Фамилию «Горский» получил по вотчине «Гора», пожалованной ему великим князем московским Дмитрием Ивановичем Донским за участие в Куликовской битве**.

Московское княжество





Северо-Восточная Русь в конце XIV века

Территория Московского княжества к 1300 г.

Граница Московского княжества к 1389 г.

Цифрами на карте обозначены:

1 Псковская земля (независима от Новгорода с 1348 г.)

Русские княжества:

2 Белозерское	8 Ржевское	13 Великое Владимирское	19 Кашинское
3 Ярославское (Кубена)	9 Великое Тверское	14 Стародубское	20 Моложское
4 Ярославское	10 Ростовское	15 Можайское	21 Тарусское
5 Костромское	11 Суздальско-Нижегородское	16 Муромское	22 Калужское
6 Галицкое	12 Переяславское	17 Верховские	23 Тульское
7 Угличское		18 Елецкое	24 Серпуховское
			25 Дмитровское

Северо-Восточная Русь в конце XIV века.

На титульном листе — Худ. А. М. Васнецов. Московский Кремль при Дмитрии Донском.

Московское княжество было образовано во второй половине XIII столетия.

Столица — Москва, «город чудный, город древний». Хотя первое летописное упоминание о ней дается под 1147 годом при князе Юрии Долгоруком, основана она была князем Олегом[1]. Археологические же раскопки городищ дьяковской культуры показывают, что на территории первопрестольной люди проживали 2000 лет назад и более! Значение ее в освободительной всенародной борьбе против иноземных супостатов непреходяще. Куликовская битва и Москва неразрывно связаны, ибо столица Руси/России заняла активную позицию и явилась центром объединения разрозненных русских уделов в одно мощное государство.

В 1177 году Москву во время междоусобиц сжег князь Глеб Рязанский. Но Кремль был возрожден.

В 1238 году 150-тысячная армия хана Бату (Батыя) после разгрома Рязанской земли угрожала Владимиро-

[1] Согласно «Пантеону российских государей», Олег «в **880** году на прекрасном месте, где Москва-река и Яуза с Неглинною соединялись, основал малый тогда город и назвал его по имени той реки Москвою».

Суздальскому княжеству, в которое тогда входил мал городок Москва. А столицей на то время в Северо-Восточной Руси был город Владимир. Под Коломной состоялась жестокая сеча, в которой участвовали и москвичи. Ордынцы «задавили» защитников своим численным превосходством и «татарове поидоша к Москве». Осада длилась целый 5 дней (Владимир великокняжеский смог удержаться только 4 дня). Летописец сокрушается: «...людей избили от старца и до сущего младенца, а град и церкви огню предали, и монастыри все и села пожгли...». Не скоро возродилась Москва — но главное, что люди все-таки не покинули своего любимого города.

Выделение небольшого московского удела в отдельное княжество состоялось после 1276[2] года. Первым московским князем стал малолетний Даниил, младший сын святого благоверного князя Александра Невского. Во оно время в сие незначительное княжество входило всего 3 укрепленных города: Москва, Звенигород и Радонеж. С этого все и началось... Москва вся тогда умещалась между Москвой-рекой и Неглинной.

Молодой богобоязненный князь сторонился усобиц и не искал милостей в Орде. Меч был поднят против Литвы, а затем и против монголо-татар в 1285 году, хотя официально считается, что первую победу над ордынцами мы одержали только в битве на р. Воже.

В очередной раз Москва была сожжена во время нашествия Дюденевой рати в 1293 году, но снова она воскресла.

Приятно отметить тот факт, что князь Даниил не поднимал оружия, чтобы захватить чужие земли, и не

[2] Есть мнение, что выделение града Москвы с областью князю Даниилу состоялось в 1272 году.

отнимал собственности у других русских князей ни обманом, ни насилием. Лишь в 1300 году по необходимости, когда рязанский князь Константин Романович призвал на помощь ордынцев и хотел внезапно напасть на слабое тогда Московское княжество, Даниил смело выступил к Рязани и победил врагов, избив много татаро-монгол. Пленного же князя Константина держал как гостя, и они примирились. Наверное, за это миролюбие и за праведную жизнь Господь «раздвинул» впоследствии границы его княжества...

Не мстил благочестивый Даниил и своему старшему брату Андрею, в 1293 году тайно приведшему на Русь ордынцев, которые в очередной раз пожгли Москву. Видимо, за такое великодушие Андрей передал ему в 1296 году власть свою и титул Великокняжеский.

Авторитет Божия человека Даниила был столь высок, что племянник его Иван завещал ему в собственность отчину — Переяславскую область, которая вместе с Дмитровым была по численности населения и по крепости главного города на 2-м месте после Ростова. Но Данило-князь не стал менять место жительства и остался верен Москве. Итак, в 1303 году в основном формирование государственной территории Московского княжества было завершено.

При князе Иване Даниловиче Калите продолжалось дальнейшее собирание русских земель. При сем искусном дипломате «...бысть отселе тишина велика на 40 лет, и престаша погани воевати Русскую землю и заколоти христиан, и отдохнуша...». Святитель Петр, митрополит Киевский и всея Руси, переселившийся в им любимую Москву, благословил ее как собирательницу Русской Земли. Святой Владыко, обращаясь к великому князю,

Владимирская икона Божией Матери. По преданию, пред сим святым образом молились русские витязи перед тем, как идти на Куликово Поле

пророчествовал: «...град сей славен будет среди других городов русских, и святители поживут в нем, и взыдут руки его на плеща врагов его, и прославится БОГЪ в нем...».

Новый этап борьбы за независимость Руси начался при великом князе Московском и Владимирском Димитрии (Донском). Москва **первой** подняла знамя **общерусской** борьбы, стараясь защитить не только свои местные интересы. Другие князья восставали против монголо-татарских захватчиков и раньше, но все это носило локальный характер, с целью защиты лишь собственного княжества При князе Димитрии была воздвигнута неприступная цитадель — величественный белокаменный Кремль (взамен дубового), и Москва стала настоящей столицей.

По промыслу свыше Московское княжество взяло на себя ответственную миссию возглавить строительство единого и крепкого Православного Царства. Впоследствии, после падения Царьграда, Московии уже было по плечу стать защитницей всех теснимых христиан, подъять крест и быть Третьим Римом, «...а четвертому не быти» (старец Филофей).

‡ *Михаил Андреевич Бренк* (*Бренко, Бренков, Бренок, Бренник, Брянок, Брянский*)

Московский воевода, боярин.
Сражался в *Большом Полку* в доспехах великого князя Димитрия Ивановича. Погиб от смертельной раны в голову.

Источник информации и содержание:

Сказание о Мамаевом побоище
по Забелинскому списку [27]

Стр. 316: И приехав (*великий князь. — Прим. сост.*) под свое знамя под черное (д.б. *чермное — темно-красное. — Прим. сост.*), пересел со своего коня на другого и снял с себя красную царскую одежду и надел другую. **Своего же коня дает любимому своему постельнику Михаилу Бренку и свою одежду на него надевает, потому что любил его чрезвычайно. И повелел великий князь Бренку на коне и в его княжеской одежде стоять на месте великого князя...**

Сказание о Мамаевом побоище.
Основная редакция [24]

Стр. 267: Укрепив полки, он (*великий князь. — Прим. сост.*) снова пришел под свое чер(*м*)ное знамя и сошел с коня, и сел на иного

*Вверху — рисунок художника В.Криворучко

коня, и снял с себя царскую одежду, и надел другую. **Своего же коня дает Михаилу Андреевичу Бренку**, и ту одежду возложил на него, потому что он **любил Бренка чрезвычайно**, и то чер(*м*)ное знамя велел своему оруженосцу возить над ним. **Под тем знаменем Бренк и убит был за великого князя.**

Стр. 273: ...И наехали **на убитого Михаила Андреевича Бренка**: он лежит в одежде и в шлеме, что ему дал князь великий...

Стр. 274: ...И потом приехал на иное место и **нашел своего наперстника Михаила Андреевича Бренка**... И князь великий, остановившись пред их трупами, прослезился и сказал: «Братья мои возлюбленные, **ради меня он убит. Какой раб может так господину служить, как вы: ради меня сами на смерть добровольно пошли**...».

Летописная повесть о побоище на Дону [10]

Стр. 235: **Тогда же на том побоище убиты были в схватке:** ...**Михайло Бренков**, Лев Мозырев, Семен Меликов, Дмитрий Мининич, Александр Пересвет... и многие другие, имена которых не написаны в этих книгах; были написаны только князья и воеводы и имена знатных и старейших бояр.

Стр. 241, комм. 27: Убитые бояре и воеводы перечислены в Синодике, хранящемся в ГИМ в Москве (Синод. собр. № 667, листы 68–68об., рукопись на пергаменте написана полууставом XV в.): *...И в той брани избиенным: Симеону Михайловичу, Никуле Васильевичу, Тимофею Васильевичу* (на

полях приписано: *Валуевичу*), *Андрею Ивановичу Серкизову, Михаилу Ивановичу и другому Михаилу Ивановичу, Льву Ивановичу,* ***Семену Мелику*** *и всей дружине их, по благочестию скончавшимся за святыя церкви и за православную веру, вечная память* (сбоку написано: *возглас*)».

Димитрий Иоаннович Донской, или История о Мамаевом побоище [3]

Стр. 78: Мгновенно рассеялись все воины по полю битвы искать великого князя. **Одни нашли Михаила Андреевича Бренника, убитого и лежащего в доспехах,** в шлеме и во всем княжеском украшении, **почли его сперва за Димитрия Иоанновича**, но тотчас узнали свою ошибку.

Сказание о Мамаевом побоище *по списку Михайловского* [28]

Стр. 32: Утвердивше полки, прииде под свое великое знамение и всед на иной конь и совлече с себя приволоку свою и во иную облечеся. Той же конь свой даст под **князя Михаила Андреевича Брянскаго** и приволоку свою на него же возложи — занеже любим ему паче меры, и то великое знамя повеле над ним возити. И под тем знамением **убиен бысть Михаил за великаго князя**.

Наш комментарий:

Князем здесь Михаила Андреевича **называют ошибочно**. Возможно, он был боярином, как показано ниже (см. «Новгородскую летопись по списку П. П. Дубровского»). **Прозвище** же **«Брянский»,** данное ему в этом списке, имеет под собой косвенные

основания (об этом — ниже, в заметках к разделу «Некоторые сведения о возможном брянском происхождении Михаила Андреевича Бренка»).

Новгородская летопись
по списку П. П. Дубровского [13]

> *Стр. 134:* Князю же великому Дмитрию Ивановичю пришедшю за Дон в поле чисто, в Мамаеву землю, на усть Непрядвы реки, и став ту князь великии подостоящю полки разрядив и воеводы учинив... **У себя же** имеяше князь великии Дмитреи в полку (*в Большом Полку. — Прим. сост.)* некоего боярина своего и воеводу Ивана Родивоновича Квашню, да **боярина же своего и воеводу Михаила Брянка**, да князя Ивана Васильевича Смоленского.

В. Н. Татищев. История Российская [96]

> *Стр. 148:* Убиени ж быша нарочитые, и велицые, и удалые зело, их же имена суть сия: **...Михайло брянский,** ...их же имена писашась.

Наш комментарий:

Данный отрывок текста приводится для того, чтобы показать, что прозвище «Брянский» приводится не в единичном источнике, а значит, может оказаться действительно не случайным.

Ю. М. Лощиц. Дмитрий Донской [76]

> *Стр. 266-267:* Объехав полки, он *(великий князь. — Прим. сост.)* напоследок вернулся в серединный, над которым червонел великокняжеский стяг. Спешившись, Дмитрий Иванович попросил по-

дозвать к нему **боярина Михаила Бренка.** После стремительной верховой езды князь был возбужден, на загорелом обветренном лице, обрамленном черной бородой, проступил румянец. **Когда Бренок подошел, князь,** шумно дыша, **разоблачился:** отстегнул золотую брошь, снял расшитое травами корзно на алой подкладке, снял золоченый шлем со стальным переносьем и наушниками; слуги помогали ему отстегивать наручи и зерцало, начищенное до блеска. От великолепного убора на нем оставалось теперь только исподнее да золоченый мощевик на цепи, тот самый, с изображением мученика Александра, что завещал ему двадцать лет назад перед смертью отец.

...Дмитрий попросил принести ему одежды и кольчугу простого ратника, а **Михаила Бренка велел обрядить в свой праздничный убор, чтобы отныне стоять тому на поле боя под его великокняжеским стягом**. На лице Михаила отражалось недоумение, но он **безропотно исполнил волю своего господина**. В облачении великого князя, под большим стягом его, объяснил Бренку Дмитрий, и свои и враги будут считать князя, который, как и положено, стоит непоколебимо позади ратных. Он же, Дмитрий, сможет теперь свободно переноситься из полка в полк, подбадривая воинов, давая советы воеводам.

В. В. Богуславский. Держава Рюриковичей. Славяне–Русь–Россия [111]

Стр. 302: **Бренок Михаил Андреевич**. ...Оставил единственного **сына Ивана**.

Стр. 308: **Брянчаниновы – русский дворянский род, восходивший к Михаилу Андреевичу Бренку,** прибывшему на службу к великому

князю владимирскому и московскому Дмитрию Ивановичу Донскому. За верную службу были жалованы поместьями в Вологодской, Ярославской и других волостях. В родословной Брянчаниновых (стр.308) – **род Брянчаниновых начался** в III колене **от внука Михаила Андреевича Бренка – Игнатия Брянчанинова.**

Шафранова О. И.
К истории рода Брянчаниновых [107]

Стр. 61: **Древо рода Брянчаниновых** – это несколько сильно разветвленных стволов. Различные источники сводят все стволы к одному родоначальнику, знаменитому боярину великого князя Московского Дмитрия Ивановича Донского, **Михаилу Андреевичу Бренко.** С него же начинал родословие и Иван Афанасьевич Брянчанинов, проделавший в последней четверти XVIII в. огромную работу по восстановлению цепочки имен своего рода (*Брянчаниновых*).

Также **Михаила Андреевича Бренко считали своим родоначальником и представители другого известного рода – Челищевых**. По их семейному преданию, **предком Михаила Андреевича был правнук Оттона, курфюрста Люнебургского, Вильгельм Люнебургский**. В приложении к гербу Челищевых об этом записано следующее: «В лето 6745 (1237) князю ко Александру Невскому на Невское побоище приехал из немецких полков служить из Люнебургской земли от поколения короля Оттона муж честен, именем Вильгельм и, послужа немного в Литве, пришел в Великий Новгород и крестился, и во крещении имя

ему дано Леонтий... **Праправнук сего Леонтия, Михайло Андреевич Бренко был у великого князя Дмитрия Ивановича боярином»**.

Если сообщение правдиво, то можно сказать, что в потомстве Михаила Андреевича у Брянчаниновых сохранялось несколько капель крови германских императоров. Однако предание темно. Один из комментаторов родословия Челищевых приводит следующую запись: «Выехал из Семиградской земли к великому князю Ивану Даниловичу Калите — **Андрей Максимович Бренько**, и крестил его он, великий князь Иван Данилович и женил на Углецких» (т.е. на княжне Углецкой). Это известие представляется более достоверным. Именно в это время в Москву выехали родоначальники целого ряда известных фамилий. Как правило, были это люди незаурядные, Москва принимала их «в любовь», воздавая каждому честь по заслугам. Под словом «честь» тогда понимали не только почет и материальные выгоды, но и положение при дворе, на которое эти люди могли рассчитывать по своей службе. Воздавая честь, князья могли вступать с ними в родство, как это случилось с отцом Михаила Андреевича Бренко, которого князь «женил на Углецких». Сыновья и внуки таких выходцев из других земель вступали в состав московского боярства, образуя крепкое ядро, на которое опиралась княжеская власть. Вместе со старейшими московскими боярами они становились советниками князя, помощниками по управлению княжеством, организаторами ратных сил, полководцами в бою. В числе таких бояр при великом князе Дмитрии Ивановиче был Михаил Андреевич Бренко.

Летописные источники вообще-то очень скупы на характеристики отдельных действующих лиц эпохи. Только из сказаний о Куликовской битве можно узнать, что Михаил Андреевич занимал при Дмитрии Ивановиче особое положение, т.к. любил его великий князь сверх меры. По любви была и честь, ему оказанная...

Дмитрий Иванович знал, что в ходе битвы противники будут стремиться достичь и опрокинуть главное знамя, а его самого убить или захватить в плен. Знал он также, что его смерть произвела бы самое гибельное впечатление на войско. Оставив при знамени двойника, он мог безопаснее исполнять свою роль главнокомандующего и выезжать в горячие точки, вдохновляя воинов своим присутствием. Никоновская летопись сообщает, что татары главное внимание обращали на Бренко, и, в конце концов, «великий стяг великого князя подсекоша и наперстника его любимаго, Михаила Андреевича Бренка, убиша».

...Михаил Андреевич пал смертью героя на Куликовом поле. Его потомки продолжали служить службу государству. После его сына Ивана родословие Брянчаниновых называет его внука Игната, первого, кто начал писаться Бреньчениновым, затем правнука Софрония и праправнука Василия. Имена сыновей последнего, Бориса и Максима, также сохранились в отчестве их сыновей, о которых уже имеются прямые сведения в различных архивных источниках...

...О Дмитрии Александровиче (святителе Игнатии) Брянчанинове имеется довольно обширная литература...

Наш комментарий:

Ныне здравствуют потомки Михаила Андреевича Бренка – представители **рода Бобринских**, происходящих от боярского рода Челищевых (Н. Н. Бобринский, г. Москва). В роде Бобринских существует предание о том, что **потомки** Михаила Андреевича Бренка **Челищевы получили свое почетное прозвище** (фамилию) в связи с тем, что Михаил Андреевич, погибший под великокняжеским знаменем, **был смертельно ранен в чело**.

Нами найдено подтверждение этому семейному преданию в книге И. Афремова «Куликово Поле...» [38, с. 34]: «...Летописи называютъ его "Бренокъ". Пораженный ***в самое чело*** храбрый боярин этот оставил потомков – подъ именем дворян ***Челищевых***».

Потомки рода Брянчаниновых проживают также за границей. Одна из них – Татьяна Александровна Шуберт, проживающая в Праге, начиная с 1994 г. ежегодно вместе с мужем приезжает на родину своих предков (сведения из статьи О. И. Шафрановой [107]).

Некоторые сведения о возможном брянском происхождении Михаила Андреевича Бренка

Изучая тексты летописей и Сказания, мы встретили показавшееся нам странным **прозвище Михаила Андреевича Бренка** – «Михаил Андреевич **Брянский**» (*в Сказании по списку Михайловского* [28, с. 32]; *у В. Н. Татищева в «Истории Российской»* [96, с. 147]*)*. Поначалу мы отнесли это к невнимательности переписчиков, однако нашлись некоторые сведе-

ния, говорящие о том, что **Михаил Андреевич мог быть родом из земли Брянской.** Приводим их ниже.

«Другия летописи называютъ его “Бренокъ” (*комментарий* к тексту, в котором упоминается имя «бояринъ Михаилъ Александровичъ[2] **Брянокъ**». — *Прим. сост.*) — Пораженный в самое чело храбрый боярин этот оставил потомков — под именем дворян ***Челищевых.*** — Бояре ***Бряноки*** не пришли ли с матерью Донскаго инокинею Мариею (Александрою) Димитриевною, рожденною княжною Брянскою, изъ Брянска? — и может быть прозваны потом по родовому своему городу?... Михаил Александрович, вероятно, с юных лет был взят ко двору и воспитывался вместе с Димитрием в Москве; почему и был самым близким его другом» (*И. Афремов* [38, с. 34]).

Все возможно, только вот при изучении нами источников открылись весьма интересные подробности. Например, то, что ***мать Димитрия Ивановича Донского была не брянскою княжной, а из московского боярского рода Вельяминовых***, а именно — сестрой московского тысяцкого Василия Васильевича и московского окольничего и воеводы Тимофея Васильевича, а также родной теткой Микулы Васильевича *(двое последних — герои Куликовского сражения)*. Эта информация приводится также в главе «Род Вельяминовых».

«Происхождение Александры так навсегда и осталось бы неизвестным, если бы не один документ, скрепленный печатью ее сына и составленный между 1362 и 1374 годами. На бумажном листе крупными полуустав-

[2] Отчество «Александрович» приписано здесь Бренку ошибочно, так как основные летописные источники называют его «Андреевичем» (*Прим. сост.*).

ными буквами выведено: “Се аз князь великий Дмитрии Ивановичь пожаловал есмь Евсевка Новоторжъца, что идет из Торжку в мою вотчину на Кострому...». И далее, после перечня многочисленных льгот, которыми пожалован княжий человек Евсевка, читаем: «...а приказал есмь его блюсти ***дяде своему Василью тысяцькому***; а чрез сию грамоту кто что на нем возьмет, быти ему в казни». В XIV столетии *слово «дядя»* в русском языке *употреблялось лишь в одном-единственном значении: родственник, брат отца либо матери.* Значит, *московский тысяцкий Василий приходился дядей Дмитрию по материнской линии?* ...Вопрос решался бы проще, знай мы отчество матери Дмитрия. Но ни в одной из русских летописей отчество великой княгини Александры не упомянуто (известно лишь, что ее второе, монашеское имя... было такое же, как и у теток Дмитрия — Мария)... По нашему убеждению, тысяцкий Василий Васильевич Вельяминов был родным дядей московского великого князя Дмитрия, но в силу нескольких весьма серьезных обстоятельств при потомках Дмитрия саднящая память о родстве была сознательно и полностью вытеснена из летописных сводов» (*Ю. М. Лощиц* [76, с. 12—15]).

Однако все это не мешает нам порассуждать далее и позволяет не отказаться от версии возможного брянского происхождения Михаила Андреевича, т.к. косвенное подтверждение этому все-таки есть.

«Иван Иванович (*отец Димитрия Ивановича Донского. — Прим. сост.*) **был женат дважды**: а) на княжне **Феодосее, дочери Дмитрия Романовича брянскаго**, которая чрез год или чрез год с небольшим умерла; б) **на Александре,** известной нам только по имени. Дети у Ивана Ивановича были только от втораго брака,

а именно: Димитрий (Донской) и Иван и... дочь, выданная въ 1356 году за Гедиминова внука, Димитрия Кориадовича» (*А. В. Экземплярский* [45, с. 92]).

Таким образом, И. Афремов ошибочно указывает на то, что мать Димитрия Донского из Брянска, но предлагает версию приезда из Брянска родителей Михаила Андреевича вместе с первой женой Ивана Ивановича, отца Димитрия Донского. Вышеприведенные источники опровергают брянское происхождение *матери* Дмитрия Донского, но подтверждают то, что *первая супруга* отца Димитрия Ивановича *действительно была княжной брянской*. Напрашивается такое предположение: *род Михаила Бренка мог оказаться близок великокняжескому дому именно в связи* ***с приездом его семьи из Брянска вместе с первою женою*** великого князя Ивана Ивановича Красного. Княжна Феодосия вскоре умерла, а Бренки, по-видимому, так и прижились при дворе великокняжеском. Отсюда и возможно, что Димитрий Иванович в детстве рос вместе с другом своим Михаилом, и взаимная их привязанность сохранилась до конца жизни. Поэтому еще один из вариантов прозвища Михаила Андреевича Бренка — **Брянокъ или Брянский — связан с возможным** его **брянским происхождением.**

Род Вельяминовых

В битве на Куликовом Поле мужественно сражались практически все мужчины знатнейшего в те времена рода московских бояр Вельяминовых. Расскажем вначале словами историков об этом роде, а после приведем и летописные свидетельства об участии его представителей в Куликовской битве.

«**Вельяминовы** — дворянский род. Происходил, согласно родословному преданию, от **Шимона, сына варяжского князя Африкана, по смерти которого изгнан был из отечества дядей Ягуном Слепым; в 1027 году он пришел на Русь с дружиной из трех тысяч варягов и принял православие**. Его потомок, боярин Протасий Федорович (ум. 1341), был тысяцким при вел. князе московском Иване Даниловиче Калите; эту же должность занимал и Василий Взолмень Вельяминов. Последним тысяцким в Москве был Василий Васильевич Вельяминов (ум. 1374). Брат последнего, **Тимофей Васильевич, во время Куликовской битвы 1380 года командовал Большим полком, а Микула Васильевич** (*сын Василия Васильевича Вельяминова*), **командовавший Коломенским полком, погиб в этой битве**. В XV—XVI веках представители рода служили боярами, окольничими и воеводами, но в XVII веке не поднимались выше начальных дворцовых чинов, стольников и городовых воевод» *(В. Федорченко* [120, с. 74—75]*)*.

Герб рода Вельяминовых

«В середине XVI в. кн. Андрею Курбскому была известна легенда о происхождении Вельяминовых “от Немецка языка, а с племени княжат решских”. Весьма возможно, что это та самая легенда о варяге Шимоне (Симоне) Африкановиче, от которого выводят происхождение Вельяминовых частные родословцы и позднейшие... предания.

Государев родословец отверг легенду и начинает род Вельяминовых с Протасия Федоровича...

Во всей легенде заслуживают внимания только показания о том, что великий князь Ярослав “отпустил сына своего Всеволода на княжение на Володимер, а ему дал Юрья Шимановича” и что Протасий “приехал из Володимеря к Москве с великим князем Даниилом Александровичем, а был у великого князя (Ивана Даниловича) тысяцкой”. Подобные факты прикомандирования князем своих бояр к сыновьям и переходы бояр вслед за своими князьями не подлежат сомнению. Весьма также вероятно, что Протасий Федорович прежде, чем стать тысяцким Ивана Калиты, служил его отцу, т.е. вел. кн. Даниилу.

Неизвестно, был ли Протасий Федорович “Вельяминовым”, т.е. внуком или потомком Вениамина, кстати сказать, неизвестного родословной легенде, или Протасий было его прозвище, а “прямое” или “молитвенное” имя его было Вениамин. Дело в том, что его сын Василий в летописях и в Синодике Успенского собора называется то Василием Протасьевичем, то — Вельяминовичем.

...Протасий Федорович в течение всего княжения Ивана Калиты, еще до того времени, когда Калита стал великим князем, был московским тысяцким, то есть первым среди бояр...

Протасий Федорович немногим пережил своего князя и умер, вероятно, около 1341 года. Это можно заключить из того, что на договоре 1341 г. великого князя Семена Гордого с братьями подписался на первом месте **единственный сын Протасия тысяцкий же Василий Вельяминович.**

...Несколько позже мы видим **Василия Васильевича Вельяминова** *(сын Василия Протасьевича/Вельяминовича. — Прим. сост.)* в должности **тысяцкого.** Несомненно, что он занимал эту должность в малолетство великого князя Дмитрия Ивановича и соответственно занимал первое место среди бояр, которые во главе с митрополитом Алексием были опекунами Дмитрия и продолжателями великокняжеской политики Ивана Калиты и его преемников. Занимая первое место среди бояр, В. В. Вельяминов упрочил его родственными связями с великим князем: он женил своего старшего сына Микулу на кн. Марье Дмитриевне Суздальской, а в 1366 г., вероятно при его деятельном содействии, вел. кн. Дмитрий Иванович женился на кн. Евдокии Суздальской, сестре Марьи...

У **Василия Васильевича** было три брата: **Федор Воронец**, родоначальник Воронцовых, **Тимофей** и **Юрий Грунка**, от которого пошла фамилия Вельяминовых.

О Федоре Васильевиче Воронце известно только то, что при великом князе Семене и в малолетство Дмитрия он был боярином.

Тимофей Васильевич, как полагалось младшему в семье, *был окольничим*. Следует, впрочем, заметить, что в XIV веке у великих князей бывал только один окольничий, и что с этим чином были связаны важные обязанности: он был как бы квартирмейстером армии и церемониймейстером великокняжеского двора. В памят-

ном бою с татарами на р. Воже большим воеводой был Дмитрий Александрович Монастырев, а воеводами правой и левой руки были окольничий Тимофей Васильевич и князь Даниил Пронский. В 1380 г., во время Куликовского боя, Тимофей Васильевич стоял на Лопасне, для охраны тыла армии, вышедшей против татар... (*Здесь не вполне достоверно обозначена роль Тимофея Васильевича в Битве. Да, он задержался на Лопасне, но для встречи оставшегося войска, дабы сопроводить его к месту сражения. В Битве же он сражался как один из воевод Большого Полка — см. раздел «Тимофей Васильевич Вельяминов». — Прим. сост.*).

О Юрии Васильевиче Грунке известно, что на Куликовом поле он был вторым воеводой правой руки, а позже, при великом князе Василии Дмитриевиче, был боярином.

У последнего тысяцкого **Василия Васильевича** было **три сына: Иван, Микула и Полиевкт.** Положение Вельяминовых в это время было настолько прочно, что даже измена и **казнь Ивана** не повредили их карьере... Братья и другие сородичи Ивана Васильевича настолько решительно и своевременно отмежевались от его крамолы, что могли безпрепятственно продолжать свою карьеру.

Микула Васильевич, *свояк великого князя*, на Куликовом поле стоял во главе Коломенского полка и был убит в бою. Сыновей у него не было, а дочь была замужем за боярином Иваном Дмитриевичем Всеволожем, потомком смоленских княжат, бежавших от литовского засилья в Москву...

...В XIV веке Вельяминовы занимали в боярской среде и среди придворной знати первые места, возвышаясь над всеми боярскими родами. В последней чет-

верти века их постигают одно за другим тяжелые несчастья. Микула и Полиевкт Васильевичи и Семен Тимофеевич (*сын Тимофея Васильевича окольничего. — Прим. сост.)* умирают без мужского потомства. Иван Васильевич казнен за измену. И в браках дочерей неудачи... В начале XV века род Вельяминовых был представлен только двумя лицами — Иваном Федоровичем Воронцовым и Юрием Васильевичем Грункой Вельяминовым...

Можно считать вероятным, что Вельяминовы пришли с князем Даниилом в Москву из Владимира, но пока не удается установить ни одной их старой вотчины ни во Владимире, ни в других уездах великого княжения в собственном смысле слова. Все старые, многочисленные вотчины Вельяминовых мы находим на территории Московского княжения, под Москвой — в Московском уезде, в Верее, *в Коломне* и в Дмитрове». (*С. Б. Веселовский* [47, с. 211—229]).

«Наиболее опасными для московских князей были тысяцкие, которые назначались великими князьями из числа знатнейших бояр... В первой половине XIV века власть тысяцких в Москве была настолько велика, что в договоре Симеона Гордого с братьями для тысяцкого отведено место тотчас после великого князя... Ведая судебной расправой над городским населением, распределением повинностей и торговым судом, тысяцкие вступали в близкие отношения с верхами городского населения, а при благоприятных условиях могли опереться на широкие круги горожан. Поэтому смена тысяцкого затрагивала интересы многих горожан и была важным политическим делом, а не простой сменой одного княжеского чиновника другим...» (*М. Н. Тихомиров* [103, с. 215—219]).

«Не довольствуясь союзом с Литвой и Рязанью, Мамай попытался внести раскол в самом московском княжестве. Еще раньше к нему на службу в Орду перебежал московский боярин Иван Васильевич Вельяминов. Отец Ивана был одним из самых влиятельных бояр в окружении Дмитрия, был московским тысяцким, род Вельяминовых издавна служил московским князьям. Дмитрий Иванович после смерти Василия упразднил должность тысяцкого в Москве, Иван обиделся и ушел в орду. Мамай послал Ивана Вельяминова на Русь с тайной миссией. Сообщения летописей об этой миссии глухи. Ивана схватили в Серпухове, а спустя некоторое время осудили как изменника и казнили публично на Кучковом поле. Это была первая публичная казнь в Москве. Еще ранее Иван подбивал Михаила Тверского против Москвы... Принимая во внимание, что Иван был схвачен в Серпухове, не исключено, что он шел подбить Владимира Андреевича против Дмитрия...» (*Ф. Шахмагонов* [108, с. 59]).

При изучении нами литературных источников открылись весьма интересные подробности о семействе Вельяминовых. Например, то, что ***мать Димитрия Ивановича Донского,*** очень *вероятно,* ***была из рода Вельяминовых***, а именно, *сестрой московского тысяцкого Василия Васильевича и воеводы Тимофея Васильевича, а также родной теткой Микулы Васильевича* (эта информация уже давалась нами в главе о Михаиле Бренке, но считаем полезным повторить ее еще раз).

«Происхождение Александры так навсегда и осталось бы неизвестным, если бы не один документ, скрепленный печатью ее сына и составленный между 1362 и 1374 годами. На бумажном листе крупными полууставными буквами выведено: “Се яз князь великий Дмит-

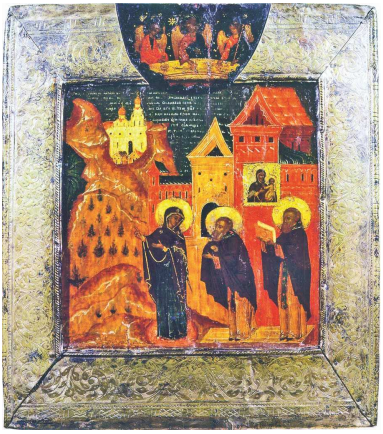
Церковь Рождества Богородицы в Старом Симонове. Литография из альбома иллюстраций к книге В. В. Пасека «Историческое описание Московского Симонова Монастыря» (М., 1843). Памятный знак на месте келии преподобного Кирилла

рии Ивановичь пожаловал есмь Евсевка Новоторжъца, что идет из Торжку в мою вотчину на Кострому...". И далее, после перечня многочисленных льгот, которыми пожалован княжий человек Евсевка, читаем: "...а приказал есмь его блюсти *дяде своему Василью тысяцькому*; а чрез сию грамоту кто что на нем возьмет, быти ему в казни". В XIV столетии *слово "дядя"* в русском языке *употреблялось лишь в одном-единственном значении: родственник, брат отца либо матери.*

Значит, *московский тысяцкий Василий приходился дядей Дмитрию по материнской линии?* ...Вопрос решался бы проще, знай мы отчество матери Дмитрия. Но ни в одной из русских летописей отчество великой княгини Александры не упомянуто (известно лишь, что ее второе, монашеское имя... было такое же, как и у теток Дмитрия — Мария)... По нашему убеждению, тысяцкий Василий Васильевич Вельяминов был родным дядей московского великого князя Дмитрия, но

в силу нескольких весьма серьезных обстоятельств при потомках Дмитрия саднящая память о родстве была сознательно и полностью вытеснена из летописных сводов» (*Ю. М. Лощиц* [76, с. 12–15]).

Нами найдено еще одно интересное свидетельство: **о замечательном родстве семейства Вельяминовых с великим русским святым, преподобным Кириллом Белозерским.** Нам это особенно дорого, так как преподобный Кирилл Белозерский, приняв монашеский постриг, **подвизался именно в нашем монастыре**, на Старом и Новом Симонове; **здесь же он сподобился явления Божией Матери, указавшей ему путь на Белоозеро.** Посему приводим подробный рассказ о родстве и взаимоотношениях великого святого с участником Куликовской битвы «большим воеводой» Тимофеем Васильевичем Вельяминовым.



Явление Божией Матери прп. Кириллу Белозерскому в Симоновом монастыре. Икона, XIX век. Русский Север

«Преподобный отец наш, Кирилл, родился от благочестивых христианских родителей. Крестили его во имя Отца и Сына и Святого Духа и нарекли ему в святом крещении имя Козьма. Окрепнув и выучившись божественному Писанию, отрок и далее рос во всяческом благоговении, чистоте и просвещенном разуме и за это был всеми любим и почитаем. Затем пришло время, и родители его, оставив земное, отходят к Господу,

передав этого вышеназванного **Козьму, своего сына, родственнику своему по имени Тимофей. Был этот Тимофей** (*Тимофей Васильевич Вельяминов. — Прим. сост.*) **окольничим у великого князя Дмитрия и много превосходил других богатством и честью.** Как родственнику ему вручили они тогда сына, чтобы он пекся о том и заботился... А имевший в сердце добродетель вышеназванный Козьма, пережив отшествие ко Господу своих родителей, ...хотел облачиться в иноческие одежды, *но никто не смел совершить его рукоположение из-за того вельможи.* И так он и жил, прилежно ходя в церковь Божию, преуспевая в посте и молитвах. Вышеупомянутый же Тимофей, видя, что тот так преуспевает в благом, еще больше начал любить его... Когда же Козьма достиг совершеннолетия, он удостоил его права сидеть рядом с собою на трапезе, а вскоре затем сделал его казначеем своего имения... Козьма же держался тех же мыслей, что и прежде... и поэтому пребывал он в большой печали и, никому не смея рассказать свою тайну, ...ходил по монастырям, ища, где бы смог получить желанный ему иноческий чин... Случилось как-то прийти в Москву Махрищскому игумену Стефану (святой преподобный. — *Прим. сост.*), мужу в добродетели совершенному, всем известному своей жизнью. Узнав о его приходе, с радостью побежал к нему Козьма... и умолял его возложить на него иноческий образ... Повелевает ему Стефан перестать лить слезы и говорит: “Перестань, чадо. Как соизволит Бог, так и будет”... И придумал Стефан вот что: просто так, не совершая пострига, облачить его как инока, что он и сделал... и нарек ему имя Кирилл, а прочее предоставил Божьей воле. И, сделав это, пошел вышеупомянутый Стефан к тому Тимофею, когда соби-

рался тот в полдень отдохнуть от мирских забот, поспав. Подошел Стефан к дверям и постучал. Тимофею сообщили о приходе Стефана. А тот имел большое доверие к игумену Стефану, и потому, когда Стефан вошел, Тимофей встал и поклонился ему, прося благословения. А когда игумен Стефан сказал: "Богомолец ваш Кирилл вас благословляет", — заинтересовавшись именем, тот спросил: "Какой такой Кирилл?". Игумен ответил: "Козьма, бывший ваш слуга. Ныне ему захотелось стать иноком, служить Господу и о вас молиться". Когда тот это услышал, он разгневался и, исполнившись горечи, высказал в неких словах свою досаду Стефану. Игумен же Стефан, там стоя, сказал: "Велено нам Христом Спасителем: "Где принимают вас и слушают, там пребывайте, а где не принимают и не слушают, уходите оттуда и прах их, приставший к ногам вашим, отрясайте перед ними во свидетельство им". И с этими словами, ничего больше не добавив, он ушел прочь. Жена же того Тимофея, по имени Ирина, женщина благочестивая и богобоязненная, тяжело восприняла Стефановы, вернее же Христовы, слова. И начала она своего мужа укорять, что такого человека он оскорбил, тем более, вспоминая сказанные им слова. И муж ее, знавший Стефана как человека святого, раскаялся в сказанных тому словах. Так что вскоре же он послал за ним, чтобы тот возвратился. И когда тот пришел, Тимофей попросил у него прощения, и одновременно Стефан принес ему извинения. А после этого он предоставил Козьме, нареченному Кириллом, жить по своей воле, как тот хочет. С тем Стефан и ушел, радуясь, что приобрел брата. Придя к Кириллу, Стефан сказал ему обо всем, что сотворил для него Бог. Освободившись тогда от всего, Кирилл обрадовался, воздав хвалу Гос-

поду и Пречистой Его Богоматери и великую благодарность за это Стефану. И потому все, что имел, разделил он и раздал нищим, ничего себе не оставив для телесных нужд... И когда это произошло, пошел игумен Стефан в монастырь Успения Пречистой, называемый Симонов (здесь, похоже, автор Жития иеромонах Пахомий со Святой Горы Афон несколько неточен, ибо в это время, предположительно 1370–1375 гг., Старо-Симонова обитель называлась в честь **Рождества** Пресвятой Богородицы, а Новосимоновский монастырь был основан только в 1379 г. Самый первый храм Новосимоновской обители действительно был назван в честь **Успения** Пресвятой Богородицы, но его начали строить только в 1379 г. – *Прим. сост.)*, взяв с собой Кирилла, и там передал его в руки архимандрита той обители, Феодора именем (Феодор Симоновский – племянник и воспитанник Сергия Радонежского, основатель и игу-

Симонов монастырь в Москве. Литография XIX века

мен, а с 1383 г. — архимандрит Московского Симонова монастыря; духовник великого князя Дмитрия Донского; с 1390 г. — архиепископ Ростовский. Вновь автор жития неточен — во время прихода в монастырь преподобного Кирилла святитель Феодор Симоновский был игуменом, а не архимандритом. — *Прим. сост.)*, мужа великого в добродетели и разуме. Феодор сразу же с радостью принял его туда и постриг его по-настоящему и дал ему то же имя — Кирилл...» *(«Житие и подвиги преподобного отца нашего игумена Кирилла...». Написал иеромонах Пахомий со Святой Горы* [52, с. 50—167]*)*.

Таким образом, с семьей Вельяминовых, в частности с участником Куликовской битвы Тимофеем Васильевичем, ***явно близкими родственными узами*** связан великий русский святой — преподобный наш отец Кирилл Белозерский. В указанном выше издании есть информация о том, что родился Кирилл в 1337 г., пострижен в иноки был в возрасте 30 или немногим более лет, т.е. около 1370 года (это год основания Симоновской обители), скорее всего, года на 2—3 позднее, т.е. за 7—10 лет до Куликовской битвы. Стало быть, жил он в доме у Тимофея Васильевича Вельяминова и был полноправным членом семьи московского окольничего и великого воеводы с ранней юности до 30—35 лет.

Тимофей Васильевич Вельяминов

Московский боярин, окольничий[1].
Собрал многотысячную пешую рать
в Москве и Междуречье[2] и привел на Битву.
Один из воевод *Большого Полка*.

***Источник информации и содержание*:**

Летописная повесть о побоище на Дону [10]

Стр. 230: И пошел он (великий князь. — *Прим. сост.*) из Коломны с великой силой против безбожных татар..., возлагая надежду на милосердие Божие и на Пречистую Его Мать Богородицу Приснодеву Марию, призывая на помощь чтимый крест. И прой-

[1] Окольничий:
1). Сан особо приближенного к князю по государевой службе лица, второй сверху [В. И. Даль, 114, т. II, с. 665].
2). В Древней Руси: один из высших боярских чинов [С. И. Ожегов, 115, с. 385].
3). Придворный чин и должность в Русском государстве XIII — нач. XVIII вв. Возглавлял приказы, полки. С середины XVI в. — 2-й думный чин Боярской думы [В. Федорченко, 120].

[2] Междуречье:
1). Русское Междуречье или Земля Залесская. В старину земля эта звалась Залесской, у географов теперь зовется Волго-Окским Междуречьем, у историков считается «колыбелью Московского государства» [Ю. Лощиц, 76, с. 9].
2). Термин «земля Залесская» относится к Владимиро-Суздальской Руси, которая находилась к северу от Киевской земли за «великим лесом», тянувшимся в стране вятичей от Брянска к Воронежу. В списке русских городов конца XIV — начала XV в. московские и владимирские города названы «залесскими» [83, с. 221].

дя свою отчину, великое свое княжение, **стал у Оки при устье Лопасни, перехватывая вести от поганых. Тут приехал Владимир, брат его, и великий его воевода Тимофей Васильевич** и все воины остальные, которые были оставлены в Москве.

Наш комментарий:

Эта информация подтверждает, что **упоминаемый здесь Тимофей Васильевич – не Волуевич,** т.к. последний был в Коломне при устроении там войск и был назначен воеводой Владимирским и Юрьевским.

Летописный сборник, именуемый Патриаршая или Никоновская летопись [11]

Стр. 54: И поиде князь великий съ Коломны съ многими силами и, пришедъ, ста у Оки на усть-Лопасны рекы. **И ту прииде къ нему великий его воевода Тимофей Васильевичь, тысяцкаго внук Васильевъ, правнукъ Веньяминов** (в сноске указывается, что в других списках этой летописи – Вельяминов. – *Прим. сост.*), со многыми воинствы и что были осталися на Москве. И ту о вестехъ розслушавъ, и повеле имъ Оку реку возитися, и заповеда коемуждо полку, глаголя сице: «аще кто идетъ по Рязаньской земле, да никтоже ничемуже коснется, и ничтоже возметъ у кого, и ни единому власу коснется»...

И прешедшу всему воиньству его чрезъ Оку реку въ день недельный, и назаутрие въ понедельникъ самъ перевезеся. И бе ему печаль, яко мало пешиа рати**: и остави у Лопасны великого воеводу своего Тимофея Васильевича тысяцкаго,** да егда пешиа рати или конныа поидетъ за нимъ, да

проводить ихъ безблазно, и никтоже от техъ ратныхъ, идя по Рязаньской земле, да не коснется ничему и ничтоже да не возметь у кого. И повеле счести силу свою, колико ихъ есть, и бяше ихъ вящше двоюсотъ тысящь...

Наш комментарий:

В этой летописи однозначно указывается *на участие в походе великого воеводы Тимофея Васильевича Вельяминова*. Кроме брата последнего на Москве тысяцкого — «великим воеводой Тимофеем Васильевичем тысяцким» назвать некого. Ведь всего за два года до этой битвы он участвовал в битве на р. Воже в качестве воеводы полка правой руки. Однако есть некоторая неточность: **согласно Бархатной книге и С. Б. Веселовскому** (см. «Род Вельяминовых»), в действительности, он приходился **внуком** (но не правнуком) **Протасию** (или Веньямину) и **сыном** (*но не внуком*) **тысяцкому Василию** (Веньяминовичу или Протасьевичу). Родословная в Бархатной книге [31] выглядит так:

«У Великаго Князя Ивана Даниловича былъ Боярин Протасей (он же Вениамин по Веселовскому. — Прим. сост.), *и въ Петрове житии Чудотворца написанъ.*
У Протасья сынъ былъ одинъ Василей Протасьевичь (он же Вениаминович или Вельяминович по Веселовскому. — Прим. сост.).
У Василья 4 сына:
Василей Васильевичь, былъ Тысяцкой,
Да Федоръ Воронецъ,
Да Тимофей Окольничей,
Да Юрья Грунка; отъ него пошли Вельяминовы...»

Стало быть, в летописи составитель или переписчик несколько ошибся в родственных связях Тимофея Васильевича.

Димитрий Иоаннович Донской, или История о Мамаевом побоище [3]

> *Стр. 53:* Путеводительствуя сим многочисленным и благоустроенным воинством, великий князь выступил из Коломны в поход и остановился при Оке на устье речки Лопасни. **Здесь соединился с ним знаменитейший его воевода Тимофей Васильевич Тысяцкий.**

Наш комментарий:

Надо иметь в виду, что последним тысяцким на Москве был Василий Васильевич Вельяминов, а Тимофей был **братом** тысяцкого. Так как Тимофеев Васильевичей в войске князя Дмитрия Ивановича нам известно два (второй — Волуевич), то здесь (да и в вышеприведенной Никоновской летописи) летописец акцентирует внимание именно на том, что сей Тимофей — из рода Вельяминовых.

С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев [47]

> *Стр. 216:* У Василия Васильевича было три брата: Федор Воронец, родоначальник Воронцовых, Тимофей и Юрий Грунка...
>
> **В 1380 г. во время Куликовского боя Тимофей Васильевич стоял на Лопасне**, для охраны тыла армии, вышедшей против татар. На первой духовной великого князя Дмитрия Тимофей Васильевич подписался окольничим, а во время со-

ставления второй духовной он был, по-видимому, уже боярином. В некоторых списках летописей Т. В. Вельяминов ошибочно показан в числе убитых на Куликовом поле. В действительности был убит Тимофей Васильевич Волуй, который один показан убитым в синодике Успенского собора.

Ю. М. Лощиц. Дмитрий Донской [76]

Стр. 254: В два неполных дня рассчитывали поспеть к Усть-Лопасне. **Там назначалась встреча** с князем Владимиром Андреевичем, шедшим из Серпухова, **и «великим воеводой» Тимофеем Васильевичем Вельяминовым.** Этот должен был подвести с собой из Москвы остаток ополченцев, по разным причинам задержавшихся...

25 августа... Дмитрий стал на Лопасненском перевозе, и его воины освежили изнуренные лица водою большой реки. В тот же день к назначенному месту встречи подошли ратники из волостей князя Владимира Андреевича... **Окольничий Тимофей Васильевич также успел вовремя с добором московских ополченцев, в том числе пеших воинов,** а заодно с поклоном великому князю от супруги и деток.

Стр. 258: ...На Дону слишком многое будет зависеть от устойчивости пешцев. Как раз **накануне окольничий Тимофей Васильевич привел от Лопасни многотысячное ополчение**, собранное напоследок по градам и весям Междуречья. Пришли люди разных сословий и состояний — крестьяне, ремесленники, купцы.

Стр. 278: ...Но в эти же полчаса, в разрыв, образовавшийся между **большим** и **полком левой руки,** вошло еще одно запасное соединение русских войск, возглавляемое князем Дмитрием Ольгердовичем и до сих пор стоявшее как бы в тени большого полка. Силами этого подкрепления удалось не только вышибить ордынцев из бреши, но и глубоко вклиниться в их главный полк. **При виде такой решительной перемены воспрянули духом ратники владимирского и суздальского полков** — *та самая русская середина, которая до сих пор медленно пятилась, обескровленная, лишенная множества своих воевод, потерявшая великокняжеский стяг.* **Тимофей Васильевич Вельяминов — а он стоял именно здесь — сделал все возможное, чтобы поддержать прорыв** Дмитрия Брянского. И содрогнулась середина, напряглась всеми жилами, перестала пятиться, так, что и мертвые, стиснутые со всех сторон, стояли не шевелясь, не имея места, куда упасть...

В. Н. Ашурков. На поле Куликовом [39]

Стр. 274: Пробившись через ряды передового полка, ордынцы вступили в бой с большим полком. Воины мужественно сражались с врагом, но все же он стал одолевать. Был подрублен великокняжеский стяг, под ним пали Михаил Бренк и другие воеводы, бояре и воины. **Владимирские, суздальские, брянские дружины под командой Тимофея Вельяминова** и Дмитрия Брянского **вскоре восстановили положение.** Вновь гордо реяло княжье знамя... **Большой полк** непоколебимо встретил жестокий натиск врагов...

‡ *Микула/Никула/Николай Васильевич Вельяминов*

Московский боярин, *Коломенский воевода*, свояк великого князя, участвовал в Битве в командном составе *Полка Правой Руки*

Источник информации и содержание:

Задонщина. Пространная редакция *по списку В. М. Ундольского* [8]

Стр. 112: Князь великии Дмитреи Ивановичь со своим братом с княземъ Владимером Андреевичем и своими воеводами **были на пиру у Микулы Васильевича**. Ведомо намъ, брате, у быстрого Дону царь Мамаи пришел на Русскую землю, а идет к намъ в **Залесскую землю**[1].

Задонщина. Краткая редакция *по Кирилло-Белозерскому списку* [5]

Стр. 91: Тогда же не тури возрыкаютъ на поле Куликове, на речке Непрядне, возопиша **избиении от поганыхъ князи великых и боляръ сановных**, князя Феодора Романовича Белозерскаго и сына его князя Ивана, **Микулу Васильевича**, Феодоръ Мемко, Иванъ Сано, Михило Вренковъ, Иаковъ Ослебятинъ, Пересвет чернець и иная многая дружина.

[1] Термином **«земля Залеская»**, т.е. находившаяся за лесами, обозначалась Северо-Восточная Русь.

Тогда же восплакашася горко жены болярыни по своих осподарехъ въ Красне граде Москве. **Восплачется жена Микулина Мария,** а ркучи таково слово: «Доне, Доне, быстрыи Доне, прошелъ еси землю Половецкую, пробилъ еси берези харауужныя[2], прилелеи моего Микулу Васильевича». Восплачеся жена Иванова Феодосия: «Уже наша слава пониче в славнее городе Москве».

Прим. 21, стр. 94: ...**Микула Васильевич**, сын последнего московского тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова, был женат на дочери суздальского князя Дмитрия Константиновича Марии. На ее младшей сестре Евдокии был женат московский великий князь Дмитрий Иванович.

Летописная повесть о побоище на Дону [10]

Стр. 235: Тогда же на том побоище убиты были в схватке: князь Федор Романович Белозерский и сын его Иван, князь Федор тарусский, брат его Мстислав, князь Дмитрий Монастырев, Семен Михайлович, **Микула, сын Васильев тысяцкого,** Михайло и Иван Акинфовичи, Иван Александрович, Андрей Серкизов, Тимофей Васильевич, Акатьевичи, называемые Волуи, Михайло Бренков, Лев Мозырев, Семен Меликов, Дмитрий Минич, Александр Пересвет... и многие другие, имена которых не написаны в этих книгах; были написаны только князья и воеводы и имена знатных и старейших бояр...

[2] ***Харалужныя:***
1) копья, мечи;
2) булатные, стальные [118, с. 782].

Стр. 241, примеч. 27: Убитые бояре и воеводы перечислены в Синодике, хранящемся в ГИМ в Москве (Синод. собр. №667, листы 68–68об., рукопись на пергаменте написана полууставом XV в.):

«*Князю Федору Белозерскому и сыну его Ивану, убиенным от безбожного Мамая, вечная память* (на полях приписано: *Константину Ивановичу*). *И в той брани избиенным: Симеону Михайловичу,* ***Никуле Васильевичу****, Тимофею Васильевичу* (на полях приписано: *Валуевичу*), *Андрею Ивановичу Серкизову, Михаилу Ивановичу и другому Михаилу Ивановичу, Льву Ивановичу, Семену Мелику и всей дружине их, по благочестию скончавшимся за святыя церкви и за православную веру, вечная память* (сбоку написано: *возглас*)».

Сказание о Мамаевом побоище *в редакции Синопсиса* [21]

Стр. 322–323: Великий князь Димитрий пришел в субботу на Коломну... И постави великий князь надъ полками воеводъ: себе в полкъ приялъ князей Белозерских. Правую руку себе содела брата своего князя Владимира, давши ему ярославских князей. А левую руку себе устроил князя Глеба Бранского. Передового полку воевода Димитрий Всеволож, **коломенского же полку Микула Василиевич.** Володимирский воевода Юревский Тимофей Волуевич, костромской воевода Иванъ Радионович, переяславский воевода Андрей Серкозовский...

Стр. 330: Въ том же времени начаша передовыи полци сходитися з Татарами. Первое полкъ

поведе Дмитрий Всеволодъ и Владимиръ братъ его. **Правою рукою ишол Микула Василевич с Коломны со устроенными ратьми.**

Стр. 334: И наехавъ место, на нем же лежаша князи белозорстии вкупе побиеннии, иже толма бишася крепко, яко един другаго ради умре. **Зде же близко лежаше и Микула Васильевич. Над ним же став, великий князь нача плакатися** и глаголати: «Братия моя милая, князи и сынове русскии, положивши за веру святую главы своя, аще имате дерзновение у Бога, молитеся за ны».

Димитрий Иоаннович Донской, или История о Мамаевом побоище [3]

Стр. 80: ...**Недалеко от них** (Белозерских князей. — *Прим. сост.*) **узрел он** (великий князь. — *Прим. сост.*) **великого Микулу Васильевича Тысяцкого и с ним 15 трупов князей и многое множество бояр и воевод, бездыханно распростертых**.

В. В. Богуславский. Держава Рюриковичей [111]

Стр. 413: **Николай (Микула) Васильевич Вельяминов** — боярин и воевода в княжение Дмитрия Ивановича Донского, 2—й из 4—х сыновей последнего московского тысяцкого В. В. Вельяминова. Участвовал почти во всех походах Дмитрия Ивановича. В Куликовской битве командовал Коломенским полком и пал на поле боя. **Был женат на княжне Марии,** дочери суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича Старшего, **родной сестре жены Дмитрия Донского,** от брака с которой осталась един-

ственная дочь, выданная замуж за боярина Ивана Дмитриевича Всеволожа (сына воеводы Дмитрия Всеволожа, участвовавшего в Куликовской битве. — *Прим. сост.*).

Наш комментарий:

У С. Б. Веселовского [47], а также в Бархатной книге [31], сказано, что у последнего московского тысяцкого было **три сына** (а не четыре, как сказано у В. В. Богуславского): **не называется Тимофей**, обозначенный в родословном древе на с. 411 боярином и не имевший потомства. Текстовой информации о Тимофее и ссылок на источник при составлении родословного древа у В. В. Богуславского нет.

Ф. В. Соболев. История и подробное описание села Никульского... [92]

Стр. 3-13: С давних пор **село Никульское** расположилось на склоне гористой местности, лежащей в 7 верстах на северо-запад от уезднаго древняго города Коломны. С южной стороны от села, в четверти версты расстояния, пролегла, протянулась большая шоссейная Московско-Рязанская дорога... С северной стороны Никульския поля орошаются **рекою Северкою, которая... впадает в реку Москву, в расстоянии от села около версты...**

Никульское село лежит на дороге, соединяющей Москву с Коломною и Рязанью, лежит с древних времен на пути шествия парадов, их князей и вождей, **лежит на дороге, по которой с древних времен шли разныя дикия полчища татар или на Москву, или обратно с Москвы на Рязань**... Село Никульское невольно, по своему

положению при большой дороге, имело связь со всеми происшествиями, бывшими и в городе Коломне, и в Москве, при общем движении народа... В древности положение города Коломны и соседних с нею сел, в том числе и села Никульского, в стратегическом отношении было очень важно для московских князей: она запирала устье реки Москвы и Северки, почему Коломна и становилась яблоком раздора между князьями московскими и рязанскими. Ближайшия села к городу Коломне постоянно переживали волнения и раздоры своих князей и бояр. К этому несчастию еще присоединялись нашествия татар...

Князь Георгий Данилович отнял Коломну от Рязанского князя Василия Константиновича со всеми ея селами и волостями. Это было в 1305 году. С тех пор Коломна и ея села и село Никульское стали принадлежать Московскому княжеству.

Присоединив город Коломну к Московскому княжеству и сделав его оплотом на юге от врагов, князья московские очень часто посылали свою дружину в Коломну, и последняя остановка в путешествии — стоянка перед Коломною — была в селе Никульском, почему оно и называлось в летописях и в родословиях поместных бояр... большим станом, т.е. стоянкою, долгим отдыхом.

Название свое село Никульское по преданию получило от имени знаменитого воеводы города Коломны, Николая Васильевича, по прозвищу «Микулы», который вероятно очень часто встречал и провожал знаменитых гостей: князей, воевод и бояр московских из Коломны до

Покровская церковь села Никульское Коломенского района Московской области (современная фотография)

Никульской горы, до третьего ея подъема, **где и устроилась резиденция воеводы Микулы**. Здесь и расположилось село Никульское. **И до сих пор, на языке простого народа... село называется Микульским**. Сначала и в летописях это село называлось Микульским, как это видно из летописи, в которой помещено духовное завещание Дмитрия Донскаго (История Карамзина, т. 5, стр. 41. Примечание)... Но спустя много лет, в летописях село Микульское стало называться Никульским, вероятно, от имени св. Николая Чудотворца, во имя которого основан храм при селе и который существует до сих пор... **(В память и честь своего ангела** *(святителя Николая)* **построил деревянный храм знаменитый воевода коломенский «Микула»)**.

Далее, следя за течением событий... **князь Дмитрий Донской, двинув войска свои на Мамая**, хана татарского, остановился в виду города Коломны при устье реки Северки, на лугу села Никульскаго, на так называемом в настоящее вре-

мя «Свиблов» (***название луг получил от Куликовской рати: Свиблов – т.е. сила была, рать была, русское воинство здесь собиралось***), где собралось русскаго войска около 150 000. Летописец вот как рассказывает об этом событии: «*Из Москвы князь Владимир Андреевич пошел к Бронницам в покровскую заставу, а князь Дмитрий Иванович пошел к Котлам, потому что нельзя было идти всему войску одною дорогою, – было очень тесно... Под городом Коломною, за несколько верст не доходя до города, Дмитрий Донской расположил приведенное им воинство "станом" на берегу Москвы реки, в том месте, где пала в нее устьем речка Северка. Здесь он принял бояр и воевод, выехавших к нему на встречу от коломенских полков, которые были раскинуты в заливных лугах Москвы реки...* ***Знаменитый воевода Коломенский "Микула", Николай Васильевич, вывел свою тысячу к князю Московскому и встретил его с крестным ходом, с сопровождавшим его молитвенником епископом коломенским Гермогеном*** (имеется в виду Герасим. Этого коломенского епископа источники совершенно определенно представляют как митрополичьего наместника и местоблюстителя в 1379-1381 гг. – информация из издания: А. Б. Мазуров. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв. – *Прим. сост.*)» *(История И. В. Павлова, т. 1, стр. 233)*.

В настоящее время есть остатки древняго леса, кустики, мелкий березовый кустарник, который называется народом **«Куликовские кустики»**. Это **название** передается **по преданию...** как **место, где**

некогда была собрана рать, приготовленная для знаменитого Куликовского сражения с татарами.

После Куликовской битвы... многие воины, возвращаясь на родину, везли с собою в запечатанных гробах (дубовых колодах) — тела дорогих, незабвенных своих покойников, многих знатных воинов, бояр, дружинников для погребения в своих землях. **Таковыя могилы находятся на земле Никульскаго села — это так называемые *«курганы»*, число коих 10.** Они расположены на очень красивом, возвышенном месте, откуда открывается приятный вид в даль, в окрестности на 15 верст. В конце 60-х годов XIX века были произведены раскопки курганов доктором Анастасьевым. В курганах нашли много костей и черепов людей, золотые украшения: перстни и серьги, сабли, остатки украшения от збруи лошадей. И теперь еще многие жители села, оставшиеся в живых, помнят работы по раскопкам курганов. Место, где находятся курганы, в народе Никульском называется **«полати»**. Вероятно, название свое получило от палаток — «пикетов солдатских», которые здесь находились, будучи сторожевыми постами, откуда наблюдалось за неприятелем.

В истории Российскаго Государства (*Карамзин, т. 5, стр. 65, примечание*), в первый раз в XIV веке упоминается в летописи село Никульское, названное «Микульским», по всей вероятности, как прежде упомянул, от имени воеводы города Коломны «Микулы». Так, в духовном завещании великаго князя Дмитрия Иоанновича Донскаго говорится: «...город Коломну и соседния ея волости и деревни и село “Микульское” даны сыну моему

князю Василию Дмитриевичу». Следовательно, от Микулы, Коломенского воеводы, основателя летней резиденции при селе Никульском, перешло Никульское князю Дмитрию Иоанновичу Донскому, а потом его сыну князю Василию Дмитриевичу.

Н. Иванчин-Писарев. Прогулка по древнему Коломенскому уезду [59]

Стр. 23-24: **Село Микулино.** Некогда оно было станом Микулиным. Старожилы села и его окрестностей рассказывают, что оно, **«в старые годы, которых и прадеды не помнили, принадлежало какому-то воину Микуле».** Название села по имени владельца имоверно, ибо все села, названныя по храму или иконе Святителя Николая, слывут Никольскими, Микольскими или Микульскими, а храм этого села во имя Покрова Богородицы. **Сказание о каком-то воине Микуле напоминает о витязе Димитрия Донскаго, предводительствовавшем Коломенскою дружиною и павшем на Куликовом поле.**

Наш комментарий:

1. **Имя Микулы Васильевича Вельяминова** не обошел вниманием практически ни один летописный источник, а также многочисленные списки «Задонщины» и «Сказания». Кроме того, **в большинстве источников** указывается на то, что **Микула Васильевич командовал коломенским войском в составе Полка Правой Руки.** Исключение составляет лишь Забелинский список «Сказания», где говорится о том, что Микула Васильевич идет с «левым полком». В книге «Куликовская битва» [110, с. 68] пишется иначе: *якобы он командовал Пере-*

довым Полком. Но это явное недоразумение, возникшие из-за невнимательности авторов, т.к. *у них никаких ссылок на первоисточники нет*. Мы предполагаем, что авторы сделали такие выводы из-за неправильного прочтения «Сказания»: «...передового полку воевода Дмитрий Всеволож, коломенского же полку Микула Васильевич...» Правильно: Микула Васильевич командовал Колменской дружиной в составе Полка Правой Руки.

2. Согласно родословной, *от второго сына тысяцкого Василия Вениаминовича (Протасьевича)* — Федора Васильевича Воронца Вельяминова (родного дяди Микулы Васильевича) — *пошел род Воронцовых-Вельяминовых*. Ныне здравствует потомок Вельяминовых — Георгий Михайлович Вельяминов-Воронцов (г. Москва).

Памятный знак на Аллее Памяти в селе Монастырщина

‡ *Юрий Васильевич Грунка-Вельяминов*

и

Федор Васильевич Воронец-Вельяминов
(брат Юрия Васильевича Грунки-Вельяминова)

или

Федор Юрьевич Грунка-Вельяминов
(сын Юрия Васильевича Грунки-Вельяминова)

Московские бояре из рода Вельяминовых.
Воеводы *Полка Правой Руки*

Источник информации и содержание:

Новгородская летопись
по списку П. П. Дубровского [13]

> *Стр. 134:* ...Князю же великому Дмитрию Ивановичю пришедшю за Дон в поле чисто, в Мамаеву землю, на усть Непрядвы реки, и став ту князь велики подостоящю полки разрядив и воеводы учинив... **А с правои руке воеводы учини:** князя Андрея Федоровича Ростовского, **да Федора Грунку,** да князя Ондрея Федоровича Стародубскаго...

Наш комментарий:

Подобную информацию дает также и **Н. М. Карамзин** в своей ***«Истории Государства Российского»***, где тоже **называет Грунку Федором**, но добавляет **«боярин».** *Прозвище* **«Грунка»** в то время *принадлежало младшему брату* последнего *московского тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова* — **Юрию. Федором** же звали второго по старшинству (после тысяцкого) брата Вельяминовых, и прозвище его было **«Воронец».**

И. Афремов. Куликово Поле [38]

Стр. 18—21: ...Войско огромными колоннами двинулось, перешло Дон и растянулось по правому берегу Непрядвы, где Димитрий... повелел устроивать все шесть полков (корпусов) к битве. ...**полк *правой руки*, под начальством** князя Андрея Феодоровича Ростовскаго и князя Андрея Феодоровича Стародубскаго **с боярином Грунком...**

Наш комментарий:

И. Афремов, видимо, почерпнул информацию из вышеприведенной Новгородской летописи и «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина. Однако он **не** называет Грунку по имени (скорее всего из-за возникшего сомнения, кто же из братьев имелся в виду в летописи: Юрий или Федор), и, ***вслед за Карамзиным, приписывает ему боярский чин***.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев [47]

Стр. 216: У Василия Васильевича (Вельяминова. — *Прим. сост.)* было три брата: **Федор Воронец**, родоначальник Воронцовых, Тимофей и **Юрий Грунка, от которого пошла фамилия Вельяминовых**, от которых в XV в. в свою очередь ответвились другие фамилии — Аксаковы, Исленьевы, Соловцовы и Башмаковы...

О **Федоре Васильевиче Воронце** известно только то, что **при великом князе Семене и в малолетство Дмитрия он был боярином**.

О **Юрии Васильевиче Грунке** известно, что **на Куликовом поле** он **был вторым воеводой**

правой руки, а позже**, при великом князе Василии Дмитриевиче, был боярином**.

Наш комментарий:

Мы не знаем, какими источниками пользовался С. Б. Веселовский утверждая, что участником Куликовской битвы был **Юрий** Грунка. Возможно, также как и мы, логически рассуждая, что прозвище «Грунка, Грунок» принадлежало в те времена именно брату последнего московского тысяцкого — Юрию Васильевичу. Однако не исключено, что С. Б. Веселовский имел под рукою другие источники.

И все же из вышеприведенного материала не становится ясно, кто из братьев подлинно участвовал в Куликовской битве. Мы бы и рады довериться профессионалу-родословцу, но, поскольку он не ссылается на источники, не можем исключить из поминовения имя **«Феодор»** — летопись доводит до нас именно это имя. Такого же мнения придерживался и М. Д. Каратеев — в его списке значится Федор Грунко (Юрия же он не упоминает).

Порассуждаем далее. Как сообщается выше, среди братьев последнего московского тысяцкого Василия Вельяминова были **Федор Воронец** и **Юрий Грунка.** Мы предполагаем, что в летописи могло произойти **объединение этих двух имен в одно — Федор Грунка**: от одного брата было взято имя — Федор, от другого прозвище — Грунка (**Федор**/Воронец — Юрий/**Грунка**).

В связи с нашими сомнениями, предлагаем следующие **версии:**

1. Если в Куликовской битве, как сообщает С. Б. Веселовский, участвовал только Юрий Грунка, и

ему ошибочно приписали имя его брата Федора, то возникает вопрос: почему Федор Воронец, единственный из всей многочисленной семьи Вельяминовых-старших, **не** принял участие в защите Отечества? Следует также обратить внимание на то, что в Новгородской летописи воевода Грунок (Грунка) не назван боярином, а Н. М. Карамзин приписывает ему боярский чин. По данным С. Б. Веселовского (см. выше) ***Юрий Грунка стал боярином*** только ***при великом князе Василии Дмитриевиче*** *(т.е. после Куликовской битвы)*, а вот ***Федор Васильевич Воронец,*** второй по старшинству среди братьев Вельяминовых (*согласно Бархатной книге*), ***боярином был еще при «великом князе Семене и в малолетство Дмитрия». Делаем предположение,*** что на Поле Куликовом могли сражаться ***оба – и Федор Воронец, и Юрий Грунка***, только летопись действительно ошибочно объединила их имена в одно.

2. Другой вариант: ***возможно, что был в этой семье кто-то с таким именем – Федор Грунка – и это именно он был участником Куликовской битвы.*** Подтверждение нашли в Российской Родословной книге издания кн. Петра Долгорукова [35, ч. IV, стр. 72]: у Юрия Васильевича Грунки показан сын с именем Андрей-Федор Юрьевич Колома. И хотя прозвище названного Андрея-Феодора по родословцу «Колома», но оно ведь могло появиться после Куликовской битвы, в более зрелом возрасте. В юности же он мог называться именно Федором Грунком **(Федор Юрьевич Грунка).** Кроме того, Андрей-Федор Колома-Грунка принадлежал к поколению детей и племянников последнего московского тысяцкого, а к этому же колену отно-

сится и погибший в Куликовской битве Микула Васильевич Вельяминов, который был двоюродным братом сему Федору Юрьевичу Грунке (Коломе). **Считаем, что в летописных источниках под именем «Федор Грунка» вполне мог подразумеваться сын Юрия Васильевича Грунки – Федор/Андрей Юрьевич Грунка/Колома.** И эта наша версия выглядит также вполне достоверно.

Как бы там ни было, записываем в **наш Синодикъ два имени:**

– **Юрий** Васильевич **Грунка-Вельяминов**;

– **Федор** Васильевич Воронец-Вельяминов или **Федор** Юрьевич Грунка-Вельяминов.

Аллея Славы в с. Монастырщина.
Слева на переднем плане памятный знак от благодарных москвичей (фото свящ. Валерия Мешкова)

‡ *Тимофей Васильевич Волуевич (Волуй, Валуевич, Волуечъ, Волоевичъ, Волуев)* *Окатьевич*

Московский боярин,
воевода *Владимирского и Юрьевского* полков
и

Иван Окатьевич (Акатьевич) Волуй

Московский боярин, дядя Тимофея Васильевича.
Участие в Битве под сомнением

Источник информации и содержание:

Задонщина. Слово Софония Рязанца [9]

Стр. 215: ...Не туры рычат на поле Куликовом, побежденные у Дона великого, застонали **побитые князья русские и воеводы великого князя** и князья Белозерские, побитые погаными татарами: Федор Семенович, **Тимофей Волуевич,** Семен Михайлович, Микула Васильевич, Андрей Серкизович, Михайло Иванович и иной много дружины. А другие лежат побитые у Дона на берегу.

...Запели птицы жалобные песни, все заплакали княгини и боярыни и воеводские жены об убитых... **Жена Тимофея Волуевича Федосья** (в других источниках Настасья, либо без имени. — *Прим. сост.)* так плакала, приговаривая: «Вот уже веселие мое поникло в славном городе Москве, уже ведь не вижу своего государя Тимофея Волуевича в живых».

Задонщина. Пространная редакция *по Синодальному списку* [6]

Стр. 100: А воеводы у нас поставлены крепкия *70 бояринов*, а князи белоузерстии, Федор Семенович, два брата Олгирдовичи, князь Андреи Бранскии, а князь Дмитреи Волынскии, а **Тимофеи Волоевичъ**, Андреи Серкизовичъ, а Михаило Иванович...

Стр. 101: ...вои и князи белоозерстии**, побитыи и посеченыи от паганых татар,** Федор Семенович, Ондреи Серкизович, Михаило Иванович, Семен Михайлович, Микула Васильевич, **Тимофеи Волуечъ,** иная многа дружина у Дона на березе лежит побита и постреляна.

Рассказ о Куликовской битве в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи [16]

Стр. 10: И ту **убиени быша** на суиме князь Федоръ Романович Белозерскыи, сынъ его князь Иванъ Федорович, Семенъ Михайлович, Микула Васильевич, Михаило Ивановичъ Окинфович, Андреи Серкизовъ, **Тимофеи Волуи,** Михаило Бренковъ, Левъ Морозовъ, Семенъ Меликъ, Александр Пересветъ и иные мнози...

Стр. 18, комм.: **Тимофей Волуй — старший сын Василия Окатьевича, боярина** великого князя Симеона Гордого**.** Его брат Семен был боярином великих князей Дмитрия Ивановича и Василия Дмитриевича... *(Веселовский, 1969, с. 231—235*).

Летописная повесть о побоище на Дону [10]

Стр. 235: Тогда **же на том побоище убиты были в схватке: ...Тимофей Васильевич, Акатьевичи, называемые Волуи,** Михайло Бренков, Лев Мозырев, Семен Меликов, Дмитрий Мининич, Александр Пересвет... и многие другие, имена которых не написаны в этих книгах; были написаны только князья и воеводы и имена знатных и старейших бояр.

Наш комментарий:

Из прочтения этого отрывка как будто следует, что в роде Волуев **пал в Битве** не только Тимофей Васильевич, но и его родственники — **«Акатьевичи, называемые Волуи»**. Однако более подробных данных здесь не находим.

Стр. 241, прим. 27: **Убитые бояре и воеводы перечислены в Синодике, хранящемся в ГИМ в Москве** (Синод. собр. № 667, листы 68—68об., рукопись на пергаменте написана полууставом XV в.): «*Князю Федору Белозерскому и сыну его Ивану, убиенным от безбожного Мамая, вечная память* (на полях приписано: *Константину Ивановичу*). *И в той брани избиенным: Симеону Михайловичу, Никуле Васильевичу,* ***Тимофею Васильевичу*** (на полях приписано: *Валуевичу*), *Андрею Ивановичу Серкизову, Михаилу Ивановичу и другому Михаилу Ивановичу, Льву Ивановичу, Семену Мелику и всей дружине их,* ***по благочестию скончавшимся за святыя церкви и за православную веру, вечная память*** (сбоку написано: *возглас*)».

Устюжский летописный свод, Архангелогородский летописец [30]

Стр. 77: …Тогда же убиенных князеи было русских и воивод, и бояр, и детеи боярских: князь Федор Романовичь Белозерскии, сын его князь Иван, князь Федор Туровски и брат его князь Мстислав, князь Дмитреи Монастырев, Семен Михаиловичь, Микула Васильвич, Василеи Перфирьевичь, Каргаша Михаиловичь, Иван Александровичь, Андреи Серкизовичь, **Тимофеи Васильивичь, Волуи Окатьивичь,** Михаило Бренко… И стоял князь великии над костьми русским 8 днеи и велел приметных людеи погребыти, а иных к Москве вести в колодах…

Наш комментарий:

Думается, что и здесь ошибка переписчика, просто поставлена лишняя запятая между «Тимофеи Васильивичъ» и «Валуи Окатьивичъ», а читать надо одним именем «Тимофеи Васильивичъ Валуи Окатьивичъ»

Сказание о Мамаевом побоище. *Основная редакция* [24]

Стр. 257: (Коломна. — *Прим. сост.*) Князь же великий с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, выехал на высокое место, увидел множество людей и возрадовался **и назначил воеводу в каждый полк.** К себе же в полк взял великий князь Белозерских князей, а в правую руку назначил брата своего, князя Владимира, дав ему в полк ярославских князей**,** а в левую руку поставил князя Глеба Брянского. В передовом полку — Дмитрий Всеволож, да брат его Владимир Всево-

лож. С коломенцами — воевода Микула Васильевич. **Владимирский и Юрьевский воевода — Тимофей Волуевич**; костромской же воевода — Иван Квашня Родионович, переяславский воевода — Андрей Серкизович. А у князя Владимира Андреевича воеводы: Даниило Белеут, Константин Конанов, князь Феодор Елецкий, князь Юрий Мещерский, князь Андрей Муромский. (Подобная информация об уряжении полков в Коломне приводится во всех вариантах Сказания. — *Прим. сост.)*.

Стр. 269: **Уже, братья, в то время ведут полки** (на Битву. — *Прим. сост.*), передовой полк ведет князь Дмитрий Всеволодович, да брат его, князь Владимир Всеволодович, а справа ведет полк Микула Васильевич с коломенцами, *а слева ведет полк* ***Тимофей Волуевич*** *с костромичами.*

Наш комментарий:

В этом списке Сказания обнаруживается явная ошибка переписчика: **Тимофей Волуевич командовал владимирцами и юрьевцами, а не костромичами;** костромским воеводой был назначен Иван Родионович Квашня. Выделенное курсивом сообщение при детальном изучении большинства списков Сказания **обнаружено только в этом Списке** (в других подобной информации вообще нет), а посему предполагаем, что оно почему-то искажено переписчиком и **не является достоверным**. **Тимофей Васильевич Волуевич вместе со своей владимирско-юрьевской дружиной скорее всего в Битве участвовал в составе Большого Полка** (такое предположение можно сделать исходя из того, что убитым он был найден рядом с Михаилом Андреевичем Бренком).

Сказание о Мамаевом побоище (*вариант Ундольского*) [22]

Комм. на стр. 211: Едва ли достоверно сообщение о том, что Владимирские и Юрьевские полки возглавил один воевода, именно **Тимофей Волуевич**. Судя по материалам XV века, управление Юрьевым и Владимиром разделялось, очевидно, разделялось и командование полками этих городов.

Сказание о Мамаевом побоище *по Забелинскому списку* [27]

Стр. 324: И став перед трупами любимых воевод, князь великий долго их оплакивал... И приехав на иное место, увидел своего наперстника Михаила Андреевича Бренка, **близко от него лежит Тимофей Валуевич.** Став перед ними, князь великий много плакал... (подобная информация приводится во всех прочитанных нами вариантах Сказания. — *Прим. сост.*).

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев [47].

Стр. 230—236: К **древнейшим московским** родам принадлежит **род Окатия (Акатия)**, от которого произошла известная **фамилия Валуевых.** В XIV в. это был крупный боярский род. В XV в. Валуевы как-то незаметно сходят со сцены и в дальнейшем так опустились и захудали, что их род не попал не только в Государев родословец, но не встречается и в частных родословцах, которые составлялись после Государева родословца в XVI и XVII вв. ...**Прозвище Волуй носил** не Окатий, а его внук

Тимофей... Окатий, современник Ивана Калиты, был, несомненно, крупным человеком и, вероятно, боярином... Этот Окатий... был отцом боярина Василия Окатьевича... **Сын Василия Окатьевича, Тимофей Волуй, был убит на Куликовом поле...**

С именем Окатий и прозвищем Волуй связан целый ряд существующих ныне селений бывшей Московской губернии, т.е. древнейшей территории Московского княжества... (см. на указ. стр. — *Прим. сост.*).

В летописях и актах упоминаются *три значительных лица*, которые не могут быть причислены ни к одному из известных боярских родов (кроме Волуевых Окатьевичей. — *Прим. сост.)*. Это *Федор и Данила Тимофеевичи и Семен Васильевич*. Семен Васильевич несомненно боярин, был свидетелем второй духовной грамоты вел. кн. Дмитрия Донского... О Федоре Тимофеевиче мы находим в Никоновской летописи под 6891 (1382 г.) следующее сообщение: «Тоя же осени Федор Тимофеевичъ убиен бысть от своего лукаваго раба»... О Даниле Тимофеевиче летописи упоминают в 1392 г... Другие источники дают возможность доказать, что *эти три лица — потомки Окатия*... В известном ***Харатейном синодике Московского Успенского собора*** среди других боярских имен написано ***вечное поминание «Тимофею Васильевичу и брату его Семену Васильевичу и сыну его Феодору и Данилу»...***

В числе первых сотрудников первых московских князей были Окатий и его потомки, занимавшие в четырех поколениях в течение всего XIV и в начале

XV вв. видное место среди московских бояр. Их многочисленные вотчины находились возле самой Москвы и в уездах Московского княжения... (Подробно см. на указ. страницах. — *Прим. сост.*).

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Статья «Валуевы» [122].

Валуевы — русский дворянский род. В старину писались Волуевы. Предок их *Окатья-Вол* — по одним источникам, а по другим — *Вала*, литовский уроженец, выехал в Россию и принял православие. Он имел двух сыновей. Старший, *Василий Окатьевич Волуй*, в качестве свидетеля подписал договор великого князя Симеона Гордого с его братьями; **младший, *Иван Окатьевич* (иногда именуемый Волуй Окатьевич), был воеводой в войсках великого князя Дмитрия Донского**. ***Тимофей Васильевич* Валуев,** от которого и ведут свой род Валуевы, был боярином, в день Куликовской битвы предводительствовал владимирским и юрьевским полками и в этой битве был убит.

Ю. М. Лощиц. Дмитрий Донской [76]

Стр. 252: В сводный Владимирский и Юрьевский полк уряжен воеводой **боярин Тимофей Васильевич, по прозвищу Волуй Окатьевич.** Отец его служил князю Семену Гордому, при кончине его стоял у изголовья княжеского честным послухом и свидетелем. А дед воеводы, Окатий, Ивану Даниловичу был верным рабом, за что и отметил его Калита милостями многими: в одном только Московском уезде не менее дюжины дере-

вень Окатьевых да Акатовых. Встали бы ныне из праха дед с отцом, полюбовались бы на внука Тимоху Волуя, важно именуемого всеми Тимофеем Васильевичем, порадовались бы: не в обиде их род, не в запустении.

М. Д. Каратеев.
«Участники Куликовской битвы» [62].

Стр. 11: **Б.** ВОЕВОДЫ И НАЧАЛЬНЫЕ ЛЮДИ

…

4. Иван Окатьевич Валуй

…

Наш комментарий:

Участие в Куликовской битве Ивана Окатьевича Валуя не подкреплено М. Д. Каратеевым никакими ссылками на источники и доказательствами.

В. В. Богуславский. Держава Рюриковичей [111]

Стр. 522: **Волуевы** — русский дворянский род, ***происходивший,*** по родословцам, от ***литовского выходца Окатьи Вола или Вала,*** приехавшего на Русь в 1-ой половине XIV в. Сын его Василий был окольничим у великого князя московского Семена Ивановича Гордого**, а 2-й сын, Иван (*Окатьевич*) Волуй, принимал участие в Куликовской битве с племянником Тимофеем**.

Волуев Тимофей Васильевич — воевода великого князя владимирского и московского Дмитрия Ивановича Донского, **сын окольничего Василия Окатьевича Волуя**. В Куликовской битве ко-

мандовал Владимирским и Юрьевским полками и погиб смертью героя. Его имя было внесено на вечное поминовение в Синодик Московского Успенского собора...

Наш комментарий:

Как видим из показанных нами выше материалов, имя Ивана Окатьевича Волуя (дяди Тимофея Васильевича Волуя, реального по всем основным источникам участника Куликовской битвы) в связи с участием в Мамаевом побоище на Дону упоминается лишь в современных источниках — М. Д. Каратеевым и В. Богуславским — без ссылок на источники информации. В основных источниках нами найдено лишь одно (слабое для признания его достоверным) известие о возможном участия в Битве кого-то еще из рода Волуевых (см. выше в *Летописной повести...*). Считаем, что имя Ивана Окатьевича Волуя пока не может быть занесено в список участников Куликовской битвы. Помещаем его в список тех имен, которые упоминались в связи с участием в Куликовской битве в тех или иных источниках, но без достаточного обоснования, а посему нуждаются в дальнейшем подтверждении.

Иван (Иоанн) Родионович (Радивонович) *Квашня* (Кувашня, Кувашия)

Московский боярин, воевода, в Битве командовал *костромской* дружиной в составе *Большого Полка*.
Умер в 1390 году, приняв
монашеский чин с именем Игнатий.
Похоронен в усыпальнице Квашниных
в Спасо-Преображенском монастыре на Всходне

Источник информации и содержание:

Сказание о Мамаевом побоище.
Основная редакция [24]

Стр. 257: (Коломна. — *Прим. сост.*): Князь же великий с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, выехал на высокое место, увидел множество людей и возрадовался **и назначил воеводу в каждый полк.** К себе же в полк взял великий князь Белозерских князей, а в правую руку назначил брата своего, князя Владимира, дав ему в полк ярославских князей, а в левую руку поставил князя Глеба Брянского. В передовом полку — Дмитрий Всеволож, да брат его Владимир Всеволож. С коломенцами — воевода Микула Васильевич. Владимирский и Юрьевский воевода — Тимофей Волуевич; **костромской же воевода — Иван Квашня Родионович,** переяславский воевода — Андрей Серкизович. А у князя Владимира Андреевича воеводы: Даниило Белеут, Константин Конанов, князь Феодор Елецкий, князь Юрий Мещерский, князь Андрей Муромский. (*В эпизо-*

де, сообщающем об устроении полков в Коломне с информацией о том, что Иван Родионович Квашня/Кувашня — костромской воевода, говорится практически во всех списках Сказания; во избежание повторов фрагменты из остальных редакций здесь не приводим. — Прим. сост.).

Новгородская летопись
по списку П. П. Дубровского [13]

Стр. 134: Князю же великому Дмитрию Ивановичю пришедшю за Дон в поле чисто, в Мамаеву землю, на усть Непрядвы реки, и став ту князь великии подостоящю полки разрядив и воеводы учинив... **У себя же** имеяше князь великии Дмитреи в полку (в Большом Полку. — *Прим. сост.*) некоего **боярина своего и воеводу Ивана Родивоновича Квашню**, да боярина же своего и воеводу Михаила Брянка, да князя Ивана Васильевича Смоленского.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев [47].

Стр. 263-284: **Первым историческим лицом рода Квашнина является Иван Родионович Квашня**, боярин великого князя Дмитрия Ивановича, умерший в 1390 г., **но**, несомненно, этот **род принадлежит к древнейшим родам, служившим московским князьям задолго до великого князя Дмитрия**. Бархатная книга, повторяя Государев родословец, говорит о происхождении Квашниных коротко: «***Из Литвы*** *пришел Нестер, а Нестеров сын — Родион, а у Родиона сын Квашня...*» Многие редакции частных родословцев, взяв в основу это сообщение, приурочивают выезд Нестера

ко времени великого князя Ивана Калиты. Прозвище Рябец некоторые родословцы приписывают Нестеру, а другие — сыну его Родиону. Наконец, *есть родословцы, которые говорят о* ***выезде не из Литвы, а из Киева***, и считают выехавшим не Нестера, а Родиона Нестеровича...

Легенда говорит, что по приглашению вел. кн. Ивана Даниловича приехал в 1332 г. служить в Москву ***киевский вельможа*** *Родион Нестерович* и привел с собой княжат, детей боярских и слуг, двор свой, всего 1700 человек. **Великий князь** принял его с радостью и честью, дал ему не только боярство, но и старшинство среди бояр и **пожаловал ему «на приезд»...** *«село во область, круг реки Восходни на пятнадцати верстах»*, и *«в вотьчину пол Волока Ламского, а другая бысть половина новгородская»*.

И. В. Рогов, С. А.Уткин.
Ипатьевский монастырь [87]

Стр. 13: **Рубеж XIV—XV веков является переломным в истории Костромы** и Ипатьевского монастыря. Перестав быть центром удела, этот **город** превращается в **опорный пункт Великого Московского княжества** в Среднем Поволжье. Костромские землевладельцы переходят на службу к московским князьям. **Городом и землями** бывшего удельного княжества **начинают управлять московские воеводы**. Нам **известно имя Ивана Родионовича Квашни,** возглавлявшего рать костромичей в Куликовской битве.

Лощиц Ю. М. Дмитрий Донской [76]

Стр. 252-253: Боярину великокняжеского совета Ивану Родионовичу Квашне достался кост-

ромской полк. «Вернейший паче всех», как отличали его летописцы, Квашня действительно был одним из любимцев Дмитрия Ивановича. Недаром еще в 1371 году, когда перед отправлением в Орду князь московский на всякий случай составил духовную грамоту-завещание, Квашне в числе избранных послухов было доверено присутствовать при скреплении грамоты печатью.

Священник Валерий Мешков. Священный зов [79]

...Оказывается и в моем родном московском районе Тушино схоронены герои той Великой брани. Первое летописное сведение (*Симеоновская летопись*) об этой местности (*Тушино*) относится к 1390 году: «Тое же весны в великое говение **преставился раб Божий Иван Родионович**, нареченный **во мнишьском чину Игнатий...** и положен бысть у Святого Спаса в монастыри, иже на Въсходне (*речке.* — В. М.)». Умер он на следующий год после смерти своего главнокомандующего Димитрия Иоанновича. Сия обитель является усыпальницей Квашниных. **Иван Родионович носил прозвище Квашня**, да так оно и закрепилось за ним. Он был очень влиятельным **боярином при Димитрии Донском,** ибо **имя его стоит вторым и третьим в списках ближайших бояр,** подписавших духовные грамоты-завещания князя в 1372 и 1389 годах. **В Куликовской битве он командовал костромским полком, а в 1390 году умер, приняв монашеский постриг.** Его потомки большей степенью носили фамилию Квашниных, затем разделились на множество новых фамилий. *От младшего сына — боярина Василия Ивановича, по прозвищу*

Туша, — пошла фамилия Тушиных, а от нее и сама местность Тушино.

Храм Преображения Господня в Тушино (построен в 1880-х недалеко от места расположения Спасо-Преображенского монастыря на Всходне, упраздненного в 1764 г.)

В. Федорченко.
Дворянские роды, прославившие Отечество [120]

Стр. 191-192: **Квашнины-Самарины** — дворянский род... **Иван Родионович Квашня,** имел правнука Степана Родионовича Самару. Потомки их Квашнины-Самарины Российскому Престолу служили в боярах, стольниками, окольничими и в иных знатных чинах и жалованы были от Государей поместьями... Василий Богданович в 1666—69 гг. был воеводой в Мезени. Кирилл Иванович был постельничим царя Иоанна Алексеевича, а затем окольничим (1689), Петр Андреевич служил (1686—1692 гг.) стольником царицы Прасковьи Федоровны, а в 1696 г. вместе со старшим братом Михаилом участвовал в Азовском походе (*подробнее о потомках на с. 192.* — Прим. сост.).

‡ *Андрей Иванович Серкизов*
(Серкиз, Серкизович, Серкозовский, Черкизович, Черкисович)

Московский боярин из рода Серкизов (в потомстве — род Старковых), сын бывшего ордынского царевича.
Один из воевод *Сторожевого Полка*;
в Битве командовал *Переяславской дружиной*

Иван Серкиз

Московский боярин, бывший ордынский царевич.
Участие в Битве под сомнением

Источник информации и содержание:

Сказание о Мамаевом побоище.
Основная редакция [24]

Стр. 257: (Коломна. — *Прим. сост.*): Князь же великий с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, выехал на высокое место, увидел множество людей и возрадовался **и назначил воеводу в каждый полк**... Владимирский и Юрьевский воевода — Тимофей Волуевич; костромской же воевода — Иван Квашня Родионович, **переяславский воевода — Андрей Серкизович**. А у князя Владимира Андреевича воеводы: Даниило Белеут, Константин Конанов, князь Феодор Елецкий, князь Юрий Мещерский, князь Андрей Муромский. (*Подобная информация об уряжении полков в Коломне приводится практически во всех вариантах Сказания. — Прим. сост.*).

Новгородская летопись *по списку П. П. Дубровского* [13]

Стр. 134: ...Князю же великому Дмитрию Ивановичю **пришедшю за Дон** в поле чисто, в Мамаеву землю, на усть Непрядвы реки, и став ту князь великии подостоящю полки разрядив и воеводы учинив... **В сторожевомъ полку тогда воеводы учини**: Михаила Ивановича сына Окинфовича, да князя Семена Костянтиновича Оболенского, да брата его князя Ивана Поружскаго, **да Андрея Серкиза**...

Худ. А. Плотнов. Перед Куликовской битвой

Стр. 136: И наеха тогда убитых воевод своих на побоищи. Тогда же **на том побоищи убъен бысть** на сступе: князь Федор Романович Белозерский и сын его князь Иван, ...Микула Васильевич, сын тысецкого, Михаило Иванов, сынъ Окинфовича, Иван Александрович, **Андреи Серкиза**...

Наш комментарий:

Имя Андрея Серкизовича в списке воевод и в списке убиенных упоминается в Симеоновской летописи, в Московском летописном своде конца XV в., в Никоновской, Устюжской и многих других летописях, а также в многочисленных редакциях и списках Задонщины и Сказания. Есть только некоторые видоизменения фамилии (прозвища), а именно: Серкизов, Серкизович, Черкизовичь, Секиров, Серкозовский и другие. Приведем ниже лишь выдержки из варианта Сказания по списку Михайловского, в котором описание происходящего порой очень существенно отличается от многих других списков.

Сказание о Мамаевом побоище *по списку Михайловского* [28]

Стр. 24–25 (*в Коломне. – Прим. сост.*): Князь же великий Дмитрей Иванович поим с собою брата своего, князя Володимера Андреевича, выеха на поле и виде много множества войска своего и возрадовася душею и сердцем и учреди коемуждо полку воеводу. Себе же приим в полк Белозерских князей, правую же руку учреди брата своего князя Володимера Андреевича и дав ему в полк ярославских князей, а левую руку учреди князя Глеба Брянскаго, передовой же полк урядив Дмитрея Всеволодовича Холмецкого, сторожевому же полку воеводу учреди Микулу Василевича, да Тимофея Валуевича, да Ивана Родионовича Квашня Углецкой. **А у князя Володимера Андреевича в полку воеводы Андрей Черкисович,** Данил да Костянтин Конович, да князь Федор

Елецкий, князь Георгий Мещерский, князь Андрей Муромский.

Наш комментарий:

Здесь, в отличие от других списков, указано на то, что Андрей Серкизович в Коломне был определен воеводой в Полк к Владимиру Андреевичу и ничего не сказано о том, что он руководил переяславской дружиной.

Стр. 36: И оттоле поехав и наеха убита Ивана Родионовича Квашню да Андрея Черкисовича. Князь же Володимер Андреевич нача плакати над ними и поведати великому князю: «Гонишася за мною четыре татарина с мечи, Божиею милостию Иван Родионович Квашня да **Андрей Черкисович** увидев и прогонив меня, скоро смялися с ними з безбожными и главы своя за мя поклали! Аз же от них спасохся!» И повеле те телеса подняти и нарядити в белы отласы и положити во гробех и отослати в вотчину их ко женам и детям их.

Наш комментарий:

Вышеприведенный текст из списка Михайловского вызывает некоторые недоумения, однако показали его, чтобы не ввести в смущение тех, кто столкнется с этим списком. Рассказ о том, что за Владимиром Андреевичем гнались четверо татар, правдоподобным показаться никак не может, так как Серпуховской князь командовал Засадным Полком, который, как известно, появился неожиданно для татар из Зеленой Дубравы и сам гнал перепугавшихся татар аж до самой Красивой Мечи. Кроме того, Иван Родионович Квашня вовсе не погиб на Куликовом Поле, а дожил до 1390 года, и

Углецким не был — таких свидетельств нет. Андрей Черкисович (Серкизович) действительно погиб, о чем сообщается в Синодике, хранящемся в ГИМ (см. ниже), но погиб он, сражаясь в Сторожевом Полку, по-видимому, еще в начале Битвы, во всяком случае, гораздо раньше выхода из Дубравы Засадного Полка.

Летописная повесть о побоище на Дону [10]

Стр. 235: **Тогда же на том побоище убиты были в схватке**: ...Михайло и Иван Акинфовичи, Иван Александрович, **Андрей Серкизов,** Тимофей Васильевич... и многие другие, имена которых не написаны в этих книгах; были написаны только князья и воеводы и имена знатных и старейших бояр.

Стр. 241, прим. 27: **Убитые бояре и воеводы перечислены в Синодике, хранящемся в ГИМ в Москве** (Синод. собр. № 667, листы 68–68об., рукопись на пергаменте написана полууставом XV в.): «*Князю Федору Белозерскому и сыну его Ивану, убиенным от безбожного Мамая, вечная память* (на полях приписано: *Константину Ивановичу*). *И в той брани избиенным: Симеону Михайловичу, Никуле Васильевичу, Тимофею Васильевичу* (на полях приписано: *Валуевичу*), ***Андрею Ивановичу Серкизову,*** *Михаилу Ивановичу и другому Михаилу Ивановичу, Льву Ивановичу, Семену Мелику и всей дружине их,* ***по благочестию скончавшимся за святыя церкви и за православную веру, вечная память*** (сбоку написано: *возглас*)».

Худ. В. В. Тараторин. Конец Куликовской битвы

Задонщина. Слово Софония Рязанца [9]

Стр. 215: Не туры рычат на поле Куликовом, побежденные у Дона великого, **застонали побитые князья русские и воеводы** великого князя и князья Белозерские, побитые погаными татарами: Федор Семенович, Тимофей Волуевич, Семен Михайлович, Микула Васильевич, **Андрей Серкизович,** Михайло Иванович и иной много дружины. А другие лежат побитые у Дона на берегу.

Стр. 216: ...**И Андреева жена Марья**, да Михайлова жена Аксинья рано **плакали**...

Комм. на стр. 225: Андрей Серкизович — воевода... По имени его отца Серкиза, возможно, получило свое название подмосковное село Черкизово (в завещании митрополита Алексия — Серкизовское).

Кирпичников А. Н. Куликовская битва [64]

Стр. 38: **Общевойсковое походное построение армии** произошло **на Девичьем поле в Коломне**. Для эпохи зрелого русского средневековья коломенский «разряд» полков по его подробности — древнейший документ своего рода. Он интересен в отношении организационного членения крупного войска, состоявшего из пяти полков (схема 1)... В росписи полков, которую приводят источники (см. выше в первом тексте этого раздела. — *Прим. сост.*), вкралась одна описка — **выпало наименование «строжевой полк»**. К счастью, данный пробел удается исправить. Наименование полка **сохранилось** в тексте Сказания по списку Михайловского. Именно в этот полк, по своему положению авангардный, **входили возглавляемые московскими воеводами** (т.е. «Владимирский и Юрьевский воевода — Тимофей Волуевич; костромской воевода — Иван Квашня Родионович, **переяславский воевода — Андрей Серкизович».** — *Прим. сост.)* **отряды из Коломны, Юрьева, Костромы, Переяславля и Владимира.**

Наш комментарий:

Однако здесь в труд самого Кирпичникова вкралась ошибка, т.к., согласно списку Михайловского (*см. выше*), Андрей Серкизович в Коломне был назначен в полк к Владимиру Андреевичу, а по остальным спискам — переяславским воеводой. Впрочем, то, что все полки вышеперечисленных городов входили в состав Сторожевого Полка, нам кажется вполне реальным, хотя в Коломне такого полка могло еще и не быть, ведь

все сторо́жи (дружины разведчиков), наверняка входившие в Сторожевой Полк во время Битвы (этому подтверждение участие и гибель во время боя Семена Мелика, одного из воевод третьей сторо́жи), были во время устроения войск в Коломне в разведке. Название «сторожевой» полк мог получить, скорее всего, по участию в нем сторожевых дружин, а, стало быть, был организован только перед боем. Посему, будем называть Андрея Серкиза Переяславским воеводой, участвовавшим в Битве в качестве одного из воевод Сторожевого Полка.

С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев [47]

Стр. 397-411: **Родоначальником Старковых**, по Государеву родословцу, **был царевич Большой орды Серкиз (Черкиз),** который выехал на Москву к великому князю Дмитрию Ивановичу и получил **при крещении имя Иван**. Время его выезда можно определить с большей или меньшей вероятностью. Из летописей и других источников, например из синодика Успенского собора, известно, что **сын Серкиза, Андрей Иванович Серкизов, был убит в 1380 г. на Куликовом поле, будучи воеводой Переяславского полка.** С другой стороны, надо принять во внимание «великую замятню», которая началась в Орде в 1341 г. после смерти хана Узбека и составила целый период в разложении Золотой орды...

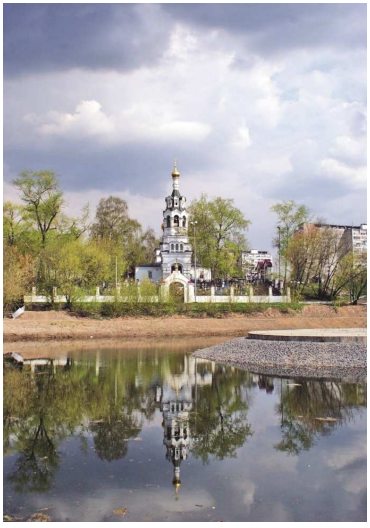
Летом 1371 г. великому князю Дмитрию в борьбе за великое княжение с князем Михаилом Тверским пришлось вторично ездить в Орду, причем ему удалось получить ярлык ценой огромного

выкупа. К этому времени разложения Орды... относится, вероятно, выезд Серкиза...

Серкиз выехал со всей своей семьей, так что его сын в 1380 г. мог выступить на Куликовом поле против Мамая, временщика и узурпатора ханской власти, с которым у него и у его отца могли быть старые счеты. Впрочем, как бы там ни было, Андрей Иванович Серкизов, сражаясь против Мамая, пролил свою кровь за русское дело.

У Андрея Серкизова, по Государеву родословцу, **было два сына**: Федор, умерший бездетным, и **другой Федор, по прозванию Старко, потомки которого стали писаться Старковыми**... Единственный сын Федора Старка, Иван Федорович Старков, упоминается в летописях два раза...

С именем Серкиза связаны четыре существующих ныне селения бывшей Московской губернии: 1) с. Черкизово на р. Сосенке (приток Яузы), на окраине Москвы, в бывшем Васильцове стану Московского княжения; 2) Черкизово на р. Клязьме, километрах в двадцати от Москвы, в бывшем Бохове стану; 3) с. Черкизово километрах в двадцати трех от Москвы, в бывшем Горетове стану, между р. Всходней и верхним течением р. Клязьмы; 4) с. Черкизово на



Храм Илии пророка в Черкизово и Черкизовский пруд, Москва

р. Москве в двенадцати км от Коломны.

...Серкиз, наверное, был пожалован «за выезд» вотчинами. Возможно, что он привез с собой из Орды остатки своих богатств и приобрел земли также на свой счет...

Слабая рождаемость Серкизовых была благоприятным для сохранения вотчин обстоятельством. У Серкиза был один сын — Андрей, у Андрея один наследник — Федор Старко, у Старка один же сын — Иван... (подробно на указ. стр. — *Прим. сост.*).

М. Д. Каратеев. Участники Куликовской битвы [62]

Стр. 11-12: **Б.** ВОЕВОДЫ И НАЧАЛЬНЫЕ ЛЮДИ

...

11. †† Серкиз, Иван, московский боярин из ордынских царевичей...

12. †† Серкизов Андрей Иванович, сын предыдущего (его потомки Старковы).

Наш комментарий:

М. Д. Каратеев без ссылки на источники приписывает участие в Куликовской битве родоначальнику Серкизовых — **царевичу Серкизу**, в крещении Ивану. Мы нигде подобной информации не встретили. Кроме того, если бы сам бывший ордынский царевич погиб в Куликовской битве, участвуя в ней на стороне русского войска, его имя непременно было бы занесено в Синодикъ Успенского собора, однако там поминается только его сын Андрей Иванович Серкизов. Пока воздержимся вводить это имя в список воинов до нахождения подтверждения этих сведений по достоверным источникам.

Московские бояре
из рода Морозовых

‡ *Лев Иванович*

один из воевод *Полка Левой Руки*,

‡ *Юрий Елизарович*,
‡ *Федор Елизарович*

двоюродные дядья Льва Ивановича

Иван Семенович, *Фирс Иванович*

отец и брат Льва Ивановича

Участие в Битве двух последних под сомнением.

***Источник информации и содержание*:**

Новгородская летопись
по списку П. П. Дубровского [13]

Стр. 134: ...Князю же великому Дмитрию Ивановичю пришедшю за Дон в поле чисто, в Мамаеву землю, на усть Непрядвы реки, и став ту князь великии подостоящю полки разрядив и воеводы учинив... **В левои руке воеводы учини**: князя Васильевича Ярославского **да Льва Морозова,** да князя Федора Михаиловича Моложскаго.

Н. М. Карамзин.
История Государства Российского [61]

Стр. 38—39: ...Войско перешло за Дон, и стало на берегах Непрядвы, где Дмитрий устроил все полки к битве... **На левом** (*крыле*) князь Василий Васильевич Ярославский, Федор Михайлович Моложский и **боярин Лев Морозов**...

Стр. 41: ...Димитрий, провождаемый князьями и боярами, объехал поле Куликово, где легло множество Россиян, но в четверо более неприятелей, так, что, по сказанию некоторых Историков, число всех убитых простиралось до двух сот тысяч... **Лев Морозов** и многие другие **положили головы за отечество**...

Рассказ о Куликовской битве *в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи* [16]

Стр. 10: И ту **убиени быша** на суиме князь Федоръ Романович Белозерскыи, сынъ его князь Иванъ Федорович, Семенъ Михайлович, Микула Васильевич, Михаило Ивановичъ Окинфович, Андреи Серкизовъ, Тимофеи Волуи**,** Михаило Бренковъ, **Левъ Морозовъ,** Семенъ Меликъ, Александр Пересветъ и иные мнози...

Наш комментарий:

Подобный список убиенных на Поле Куликовом с упоминанием имени Льва Морозова приводится также в «Рассказах о Куликовской битве», относящихся к Софийской I летописи старшего извода и Новгородской IV летописи, в Московском летописном своде конца XV века**.**

Летописная повесть о побоище на Дону [10]

Стр. 37 и 235: Тогда **же на том побоище убиты были в схватке:** ... Тимофей Васильевич, Акатьевичи, называемые Волуи, Михайло Бренков, **Лев Мозырев,** Семен Меликов, Дмитрий Минич, Александр Пересвет... и многие другие, имена которых не написаны в этих книгах; были написа-

ны только князья и воеводы и имена знатных и старейших бояр.

Стр. 241, прим. 27: **Убитые бояре и воеводы перечислены в Синодике, хранящемся в ГИМ в Москве** (Синод. собр. № 667, листы 68–68об., рукопись на пергаменте написана полууставом XV в.): «*Князю Федору Белозерскому и сыну его Ивану, убиенным от безбожного Мамая, вечная память* (на полях приписано: *Константину Ивановичу*). *И в той брани избиенным: Симеону Михайловичу, Никуле Васильевичу, Тимофею Васильевичу* (на полях приписано: *Валуевичу*), *Андрею Ивановичу Серкизову, Михаилу Ивановичу и другому Михаилу Ивановичу,* ***Льву Ивановичу****, Семену Мелику и всей дружине их,* ***по благочестию скончавшимся за святыя церкви и за православную веру, вечная память*** (сбоку написано: *возглас*)».

Наш комментарий:

В «Летописной повести», в «Патриаршей или Никоновской летописи», в «Истории Российской» В. Татищева и некоторых других источниках фамилия Морозов, как считают основные исследователи, искажена и заменена на «Мозырев». Имя «Лев Иванович» в приведенном выше синодике специалисты отождествляют со Львом Ивановичем Морозовым.

С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев [47]

Стр. 196–210: О происхождении Морозовых в середине XVI века существовало такое предание. К великому князю Александру Невскому приехал «из

Немец из Прусские земли» Михаил Прушанин с сыном Терентием. Последний на Невском побоище проявил большое мужество и храбрость «и самим великим князем видим бысть на битве», за что был пожалован в бояре. У Терентия сын Михаил, у Михаила — Семен и Елизар, от которого пошли Вешняковы, у Семена сын Иван Мороз, от которого пошли Морозовы, Шеины, Салтыковы, Скрябины, Тучковы и т.д. Другая версия приписывает подвиги на Невском бою не Терентию, а самому Михаилу, Мише Прушанину, погребенному в Великом Новгороде «у Михаила святаго на Прусской улице», и считает его одним из шести храбрых мужей великого князя Александра, в числе которых был Гаврила Алексич, отец Акинфа Великого. Интересно сравнить дальнейшую деформацию легенды в памяти князя Курбского. О Морозовых он пишет, что они «вышли от Немец, вкупе с Рюриком, прародителем русских княжат, седмь (! — *Прим. С. В.*) мужей храбрых и благородных», в числе которых — Миша Морозов. Мне кажется, что в этом предании есть элемент правды — весьма вероятно происхождение Морозовых, как и Акинфовичей, из Великого Новгорода.

...О времени выезда Морозовых (на службу в Москву. — *Прим. сост.*) нет никаких указаний, но несомненно, что они были исконным московским родом, который служил уже великому князю Ивану Даниловичу.

...О самом Иване Морозе, жившем приблизительно во второй трети XIV века, указаний нет, но о том, что существовал и занимал видное положение, свидетельствует список боярынь великого князя Василия Дмитриевича. Первое место занимала кн. Анна,

дочь вел. кн. Василия, которая была замужем за кн. Юрием Патрикеевичем, второе — Анастасия, жена тысяцкого Василия Вельяминова, третье — Анна, жена Ивана Мороза, четвертое — Марья, жена Микулы Васильевича Вельяминова, тетка вел. кн. Василия...

При великом князе Дмитрии (Донском — *Прим. сост.*) **сыновья Ивана Мороза и его двоюродные братья выступают как исторические лица**.

По родословцам, у Михаила Терентьевича было **два сына**: **Семен,** от которого пошли различные отрасли рода Морозовых, и **Елизар.**

...**Два сына Елизара, Юрий и Федор, были убиты в 1380 г. на Куликовом поле** (*см. родословцы, например РК*[1]*, стр. 183 — Прим. С. В.*)**.** Потомки их писались в XV—XVII вв. разными прозвищами. От Юрия — Кузьмины и Бурцевы, ...от Федора — Боландины...

...У **Семена,** по Бархатной книге и некоторым родословцам, было **два сына: Иван Мороз и** Василий Туша.

...**У Ивана Мороза** было **шесть сыновей**: Михаил, Федор, Дмитрий, **Лев**, Фирс и Левкей. Михаил упоминается в летописях в 1382 г. как боярин, посланный великим князем Дмитрием после Куликовского боя в Тверь за митрополитом Киприаном. О Федоре ничего не известно, а про Дмитрия родословцы говорят, что он имел только дочерей. Одна из них была замужем за Иваном Семеновичем Меликовым, сыном воеводы, убитого

[1] Из библиографии в труде С. Б. Веселовского:
РК — Родословная книга, под названием «Временник ОИДР», кн. X. Материалы. М., 1851, стр. 183.

на Куликовом поле, а другая — за митрополичьим боярином Юрием Степановичем Бяконтовым. Остальные сыновья Ивана Мороза умерли бездетными: ***Фирс и Левкей умерли в молодости***, а **Лев был убит на Куликовом поле** (ЦГАДА, Библиотека МГАМИД, № 178, л. 129, об.: ...По этому родословцу Лев был воеводой передового полка. Новгородская IV летопись по списку Дубровского показывает Льва вторым воеводой левой руки. По-видимому, различные разряды полков относятся к разным моментам похода. Лев Иванович записан в синодик Успенского собора — ДРВ, ч. VI, стр. 451. — *Прим. С. В.*).

В. В. Богуславский. Славянская энциклопедия [112]

Стр. 753—754: **Морозов-Мозырь Лев Иванович** — боярин и воевода великого князя московского Дмитрия Ивановича, 4-й из шестерых сыновей И. С. Мороза. 8 сентября 1380 г., командуя полком левой руки, участвовал в Куликовской битве и пал смертью храбрых на поле боя. Потомства не оставил.

М. Д. Каратеев. Участники Куликовской битвы [62]

Стр. 11—12: **Б.** ВОЕВОДЫ И НАЧАЛЬНЫЕ ЛЮДИ

16. †† Мороз Иван Семенович.
17. †† Морозов Лев Иванович, сын предыдущего.
18. †† Морозов Фирс Иванович, брат предыдущего.

Наш комментарий:

Михаил Дмитриевич Каратеев без ссылки на источники приписывает участие в Куликовской битве

родоначальнику Морозовых — боярину Ивану Морозу, а также сыну его Фирсу, который по другим источникам (С. Б. Веселовский) умер в молодости. Введем эти имена в список воинов только в случае нахождения подтверждения в достоверных источниках. Участие в Битве и гибель Льва Ивановича подтверждена. В этом списке отсутствуют имена Юрия и Федора Елизаровичей Морозовых, хотя об их участии в побоище сообщает С. Б. Веселовский, ссылаясь на родословцы.

Таким образом, имена Ивана Семеновича и Фирса Ивановича помещаем в список тех имен, которые упоминались в связи с участием в Куликовской битве в тех или иных источниках, но без достаточного обоснования, а посему нуждаются в дальнейшем подтверждении.

Зеленая Дубрава. Даже березы преклонились здесь пред подвигом русских витязей (фото свящ. Валерия Мешкова)

‡ *Михаил Иванович Акинфов*
(Акинфович, Окинфович)

Московский боярин из рода Ратшичей,
внук Акинфа Великого, *сын* боярина Ивана *Акинфовича*.
в Битве — воевода *Сторожевого Полка*

***Источник информации и содержание*:**

Новгородская летопись
по списку П. П. Дубровского [13]

Стр. 134: ...Князю же великому Дмитрию Ивановичю пришедшю за Дон в поле чисто, в Мамаеву землю, на усть Непрядвы реки, и став ту князь великии подостоящю полки разрядив и воеводы учинив... **В сторожевомъ полку тогда воеводы учини**: **Михаила Ивановича сына Окинфовича,** да князя Семена Костянтиновича Оболенского, да брата его князя Ивана Поружскаго, да Андрея Серкиза...

Стр. 136: И наеха тогда убитых воевод своих на побоищи. Тогда же **на том побоищи убъен бысть** на сступе: князь Федор Романович Белозерский и сын его князь Иван, ...Микула Васильевич, сын тысецкого, **Михаило Иванов, сынъ Окинфовича,** Иван Александрович, Андреи Серкиза...

Н. М. Карамзин.
История Государства Российского [61]

Стр. 38—39: ...Войско перешло за Дон, и стало на берегах Непрядвы, где Дмитрий устроил

все полки к битве... **въ Сторожевомъ полку бояринъ Михаил Иоанновичь, внукъ Акинфовъ,** князь Симеонъ Константиновичь Оболенский, брат его князь Иоанн Торусский и Андрей Серкизъ...

Стр. 41: ...Димитрий, провождаемый Князьями и Боярами, объехалъ поле Куликово, где легло множество Россиянъ, но в четверо более неприятелей, такъ, что, по сказанию некоторыхъ Историковъ, число всехъ **убитыхъ** простиралось до двухъ сотъ тысячь. Князья Белозерские,.. первостепенные Бояре Симеон Михайловичь, сынъ Тысячскаго Николай Васильевичь, **внукъ Акинфовъ Михаилъ**, Андрей Серкизъ, Волуй, Бренко, Левъ Морозовъ и многие другие положили головы за отечество...

Рассказ о Куликовской битве
в составе Рогожского летописца
и Симеоновской летописи [16]

Стр. 10: И ту **убиени быша** на суиме князь Федоръ Романович Белозерскыи, сынъ его князь Иванъ Федорович, Семенъ Михайлович, Микула Васильевич, **Михаило Ивановичъ Окинфович,** Андреи Серкизовъ, Тимофеи Волуи, Михаило Бренковъ, Левъ Морозовъ, Семенъ Меликъ, Александр Пересветъ и иные мнози...

Московский летописный свод конца XV века [12]

Стр. 204: Тогда же на томъ побоищи **убъенъ бысть на съступе** князь Федоръ Романовичь Белозерский,.. Микула Васильевич, **Михаило Ивановъ сынъ Окинфовича**, Иванъ Александровичь, Андреи Серкиз... и инии мнози, ихъ же имена написана суть в книгахъ животных...

Летописный сборник, именуемый Патриаршая или Никоновская летопись [11, с. 65]
и
В. Н. Татищев. История Российская [96, с. 148]

> Бысть же избьеныхъ отъ Мамаа яко и число превозходяше на томъ побоище; **убьени же быша** нарочитые и велицые и удалые зело, ихъже имена суть сиа: князь Феодоръ Романовичь Белозерьский и сынъ его князь Иванъ; князь Феодоръ Семеновичь; князь Иванъ Михайловичь; князь Феодоръ Торусский; князь Мстиславъ брат его; князь Дмитрей Манастыревъ; Семенъ Михайловичь; Микула Васильевичь, тысяцкаго; **Михайло и Иванъ Акинфовичи**; Иванъ Александровичь; Андрей Шуба; Андрей Серкизовъ...

Наш комментарий:

В этих источниках, а также в «Летописной повести о побоище на Дону», вместо одного имени Михаила Ивановича Акинфовича (внука Акинфа, сына Ивана Акинфовича) летописцы называют сразу два имени — Михаила и Ивана Акинфовичей. Считаем, что здесь подмена имени «Михаил Иванович, сын Акинфовича» на «Михаил и Иван Акинфовичи», и читать нужно «Михаил Иванович Акинфович», т.к. об участии в Куликовской битве отца Михаила Ивановича — Ивана Акинфовича — в основных источниках не сказано, а братьев с именем Иван у Михаила не было. Иван Акинфович (сын Акинфа Великого) был настолько значительным лицом в Москве (по данным С. Б. Веселовского, «в середине XIV века был в боярах, записан в Синодике Успенского собора среди самых

крупных бояр XIV века»), что если бы он участвовал в этом бою, то летописи бы о нем не умолчали.

Помещаем имя Ивана Акинфовича в список тех имен, которые упоминались в связи с участием в Битве в тех или иных источниках, но не вошли в Синодикъ по причине невозможности участия их обладателей в этом Сражении.

Летописная повесть о побоище на Дону [10]

Комм. 27 на стр. 241: **Убитые бояре и воеводы перечислены в Синодике, хранящемся в ГИМ в Москве** (Синод. собр. № 667, листы 68–68об., рукопись на пергаменте написана полууставом XV в.): «*Князю Федору Белозерскому и сыну его Ивану, убиенным от безбожного Мамая, вечная память* (на полях приписано: *Константину Ивановичу*). *И в той брани избиенным: Симеону Михайловичу, Никуле Васильевичу, Тимофею Васильевичу* (на полях приписано: *Валуевичу*), *Андрею Ивановичу Серкизову, **Михаилу Ивановичу и другому Михаилу Ивановичу**, Льву Ивановичу, Семену Мелику и всей дружине их, **по благочестию скончавшимся за святыя церкви и за православную веру, вечная память*** (сбоку написано: *возглас*)».

Наш комментарий:

Одно из имен «Михаил Иванович» по мнению известных историков [47, с. 499] принадлежит Михаилу Ивановичу Акинфовичу. Бояре Акинфовичи или Акинфовы (прозвище потомков Акинфа Великого) во времена Дмитрия Ивановича были из наиболее приближенных к великому князю [47, с. 496] и не упомянуть в Синодике имя принадлежавшего к их роду погибшего

защитника Отечества вряд ли было допустимым, да и в летописных источниках имя Михаила Ивановича Акинфовича весьма часто встречается в числе убитых в Мамаевом побоище ратников.

Устюжский летописный свод. Архангелогородский летописец [30]

> *Стр. 77:* Тогда же убиенных князеи было русских и воивод, и бояр, и детеи боярских: князь Федор Романовичь Белозерскии, сын его князь Иван, князь Федор Туровски и брат его князь Мстислав, князь Дмитреи Монастырев, Семен Михаиловичь, *Микула Васильвич, Василеи Перфирьевичь, Каргаша Михаиловичь, Иван Александровичь,* Андреи Серкизовичь, Тимофеи Васильвичь, Волуи Окатьивичь, Михаило Бренко... И стоял князь великии над костьми русским 8 днеи и велел приметных людеи погребыти, а иных к Москве вести в колодах...

Наш комментарий:

Приводим здесь этот текст, чтобы наглядно показать, как при перечислении убиенных знатных воинов в различных летописях, при сопоставлении с другими подобными текстами, совершенно изменяются некоторые имена, несмотря на одинаковый порядок при перечислении их. В конкретном случае, между Микулой Васильевичем и Иваном Александровичем во многих просмотренных нами вариантах летописей стоят имена либо только одного Михаила Ивановича Окинфовича, либо Михаила и Ивана Окинфовичей. Здесь же (*и только здесь!*) вместо этих имен появились Василий Перфирьевич и Каргаша Михайлович.

Задонщина. Слово Софония Рязанца [9]

Стр. 215: ...Не туры рычат на поле Куликовом, побежденные у Дона великого, застонали побитые князья русские и воеводы великого князя и князья Белозерские, побитые погаными татарами: Федор Семенович, Тимофей Волуевич**,** Семен Михайлович, Микула Васильевич, Андрей Серкизович, **Михайло Иванович** и иной много дружины. А другие лежат побитые у Дона на берегу.

Стр. 216: ...И Андреева жена Марья, **да Михайлова жена Аксинья** рано **плакали**...

Комм. на стр. 225: Михайлова жена — жена Михаила Ивановича.

С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев [47]

Стр. 39—40: Род Ратши, из которого вышел А. С. Пушкин, по исторической значительности происшедших от него фамилий, принадлежит к древнейшим русским родам... С Гаврилы Алексича, жившего в середине XIII века, все поколения могут быть фиксированы хронологически, и реальность большинства лиц дальнейших колен может быть проверена и доказана.

...Следует дать схему первых колен рода Ратши. Эта часть родословия одинакова в Государеве родословце, составленном в 50-х годах XVI в., и в различных частных родословцах:

1. Из Немец пришел Ратша.
2. У Ратши сын Якун.
3. У Якуна сын Алекса.

4. У Алексы сын **Гаврила Алексич**.

5. **У Гаврилы дети**: Иван Морхиня **да Акинф Великий**.

6. У Ивана Морхини один сын Александр. **У Акинфа** Гавриловича Великого дети: **Иван** да бездетный Федор.

7. У Александра Морхинина пять сыновей: Григорий Пушка, Владимир Холопище, Давид Казарин, Александр да Федор Неведомица. **У Ивана Акинфовича дети**: Андрей, Владимир, Роман Каменский, **да Михаил, убит на Дону (1380 г.).**

Стр. 45–46: Первым историческим лицом рода Ратши можно считать Гаврилу Алексича, витязя великого князя Александра Ярославича Невского. Летописцы в рассказе о битве великого князя Александра Ярославича на р. Неве с полчищами шведов летом 1240 г. увековечили подвиги шести дружинников Александра Невского, отличившихся в бою. Четыре витязя – Гаврила Алексич, новгородец Сбыслав Якунович, ловчий князя Яков Полочанин и Миша Прушанин – были из старшей дружины великого князя... Гаврила Алексич на коне вскочил на сходни вражеского судна и был сбит в воду, но выскочил из воды, вновь налетел на неприятелей, врубился в середину вражеского полка и убил самого «епископа» и воеводу шведов: «ту убиен бысть пискуп их и воевода их»...

Стр. 50–58: После смерти вел. кн. Александра Невского (1263 г.) сыновья Гаврилы Алексича, как было в обычае у настоящих дружинников, стали служить его сыновьям. В начале XIV века

мы находим их на службе у Андрея Александровича, третьего сына Александра Невского. Андрей Александрович получил великое княжение в 1294 г. и прозывался Городецким, ...погребен в 1304 г., ...и после его смерти возник вопрос: кому быть великим князем. Старшим в роде был князь Михаил Ярославич Тверской, племянник Александра Невского, но у него оспаривал великое княжение Юрий Данилович Московский, старший племянник Андрея Городецкого... Летописцы сообщают, что в связи с распрей Михаила Тверского и Юрия Московского «бысть замятна в Суздальстей земле во всех градех»... Бояре князя Андрея Городецкого остались без государя и решили принять сторону Михаила Тверского: «Болярин же его Акинф с чады своими и прочие бояре идоша во Тверь ко князю Михаилу Ярославичю, братаничю Александрову»...

Акинф Великий на свой страх и риск задумал «засесть» Переяславль и захватить в плен Ивана Даниловича... О бое под Переяславлем летописи рассказывают коротко, что тверская рать была разбита, сам Акинф и его зять Давид были убиты, а сыновья Акинфа Иван и Федор спаслись бегством в Тверь...

Выезд сыновей Акинфа Великого и других Ратшичей в Москву, как и бой под Переяславлем, связан с последующими этапами борьбы тверских князей с московскими за великое княжение... Только после смерти князя Михаила Юрий Московский стал великим князем... После смерти Юрия борьбу продолжал его брат Иван Калита...

В 1338 г. ...в Орде были убиты тверские князья Александр Михайлович и его сын Федор... К этому именно времени относится немотивированное **сообщение летописей о выезде многих тверских бояр в Москву. В числе выехавших в Москву бояр были и Ратшичи, всем родом, как это было тогда в обычае**, т.е. сыновья Акинфа и его брата Ивана Морхини с чадами и домочадцами, со своими дружинами слуг, послужильцев и рабов... В 1349 г. упоминается в Москве сын Акинфа Иван, которого великий князь Семен Гордый посылал со своей ратью на Великий Новгород...

Потомки Акинфа Великого заняли на московской службе высокое положение... Федор Акинфович, в молодости бежавший (в 1304 г.) из-под Переяславля и в 1339 г. бывший воеводой Ивана Калиты, умер бездетным, вероятно, во время одного из моровых поветрий середины XIV в. Его брат Иван Акинфович в середине века был в боярах. В Харатейном (пергаментном) списке синодика Успенского собора он записан среди самых крупных бояр XIV в.

Из четырех сыновей Ивана Акинфовича самым замечательным был старший — Андрей. **Младший сын, Михаил Иванович, в молодости пал на Куликовом поле смертью храбрых и не оставил потомства**.

Стр. 496: Внимательное исследование подписей на духовных великого князя Дмитрия вскрывает состав ближайших бояр этого князя, а также *интересный факт выдвижения* ***Акинфовичей***... Выдвигается старший правнук Акинфа Великого —

Федор Свибло, дядя которого Михаил Иванович, живший в это время и убитый на Куликовом поле, *кажется, не дослужился до боярства*. Вслед за Свиблом попадают в бояре его братья: Иван Хромой и Александр Остей. Если напомнить, что несколько позже выдвигаются другие братья Свибла — Иван Бутурля, Андрей Слизень и Михаил Челядня, то мы должны признать *несомненное выдвижение Акинфовичей*.

Наш комментарий:

О другом представителе рода Ратшичей — Григории Владимировиче Холопищеве — мы рассказываем в разделе «Федор Сабур и Григорий Холопищев».

Поле Куликово (фото свящ. Валерия Мешкова)

Данила *(Даниил)*/***Александр Андреевич Белеут*** *(Белеустъ, Белоусъ, Белоусов, Белеутяк, Белеутя, Велевутъ, Велевуж)*

‡ ***Константин*** *(Костянтинъ)* ***Иванович Конанович*** *(Кононович, Конанов, Кононов)*

Московские бояре, воеводы князя Владимира Андреевича Серпуховского, из Коломны шли с его войском *в составе Полка Правой Руки*, но в Битве могли участвовать в составе *Засадного Полка*

Источник информации и содержание:

Сказание о Мамаевом побоище.
Основная редакция [24]

Стр. 257 (в Коломне. — *Прим. сост.*): Князь же великий с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, выехал на высокое место, увидел множество людей и возрадовался **и назначил воеводу в каждый полк...** а в правую руку назначил брата своего, князя Владимира... **А у князя Владимира Андреевича воеводы**: **Даниило Белеут, Константин Конанов,** князь Феодор Елецкий, князь Юрий Мещерский, князь Андрей Муромский**.**

Комментарии *к Сказанию* [в книге: «За землю русскую!», 56, с. 498]*:*

— *Данило Белеут* — боярин и воевода, потомок касожского князя Редеди. Правильно — Александр Андреевич Белеут.

— *Константин Конанов* — воевода Константин Иванович Кононов; пал на поле Куликовом.

Сказание о Мамаевом побоище
по Забелинскому списку [27]

*Стр. 304 (*в Коломне. — *Прим. сост.):* Каждому полку воеводу поставили... **А у князя Владимира были воеводами Данила Белеутов, Константин Кононов,** князь Федор Елецкий, да князь Юрий Мещерский, князь Андрей Муромский.

Сказание о Мамаевом побоище
(вариант Ундольского) [22]

Стр. 159: ...А у князя Володимера воеводы: **Данила Белеустъ, Костянтинъ Конановичь**...

Стр. 211, комм.: ...приведены имена двух воевод князя Владимира Андреевича Серпуховского: **Даниила Белеута** (в тексте ошибочно — Белеуст) и **Константина Кононовича**. Среди представителей рода Белеутовых известен только один Даниил (Петрович), живший во времена Ивана Грозного. В эпоху Куликовской битвы жил Александр Белеут, но он был боярином Дмитрия Московского. Поскольку многие из рода Белеутовых в XV—XVI вв. служили удельным князьям, возможно, что среди таких Белеутовых и появился рассказ об их предке — воеводе серпуховского князя. О Константине Кононовиче дополнительных данных нет (*Веселовский, 1969, стр. 301, 292, 299*).

Наш комментарий:

В подобном контексте имена этих воевод звучат поразному: ***Данило Велевут и Костантин Кононович*** —

Ермолаевский список; ***Данило Белеут Костянтинович*** — в редакции Летописца князя Хворостинина; ***Данило Велевуж или Белеутяк*** — в редакции Синопсиса; ***Данило Велевутъ, Кононовичъ Константинъ*** — в редакции Пантелеймона Кохановского; ***Данила Белоусов, да Костянтин Конанович*** — в списке Михайловского; ***Данило Белеутя Костантинович*** — Распространенная редакция; ***Данило Белоусъ, Константинъ Конановичь*** — в Патриаршей или Никоновской летописи и т.д.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев [47]

Стр. 287—293: ...род Белеутовых (*начинается*) с Александра Белеута, причем прибавлено: «от Редеги»... В роде Белеутовых сохранился след легенды о Ределе... В Лаврентьевской летописи (под 1022 г.) есть рассказ о касожском князе Ределе, который, не желая губить воинов, предложил князю Мстиславу решить бой единоборством с условием, «да аще одолееши ты, то возмеши именье мое и жену мою, и дети мое, и землю мою; аще ли яз одолею, то възму твое все». Частные родословцы заимствовали из летописей эту легенду и прибавили, что князь Владимир Мстиславович (так! — *Прим. С. В.*), убивши в единоборстве Ределю, взял его двух сыновей, Юрия и Романа, и женил Романа на своей дочери, от которой и пошли указанные роды (Белеутовы, Добрынские, Сорокоумовы. — *Прим. сост.*). Родословцы ничего не говорят о времени и обстоятельствах выезда сыновей Редеди в Москву, так что остается неизвестным, где жили, кому служили и когда стали служить московским князьям потомки Романа... На исторической сцене родичи

Редеди появляются сравнительно поздно. Конечно, они служили и в XIV веке и занимали крупные места (быть может, при дворах удельных князей), но в среду великокняжеского боярства они проникают поздно: в конце княжения Дмитрия Донского — Александр Белеут, при великом князе Василии Дмитриевиче — сыновья Константина Добрынского, а Сорокоумовы еще позже...

Белеутовы. Андрей Иванович Одинец, брат Константина Добрынского, по весьма вероятному свидетельству родословцев, был боярином великого князя Дмитрия Ивановича. **Единственный его сын Александр Белеут** *был, несомненно, боярином и выдающимся человеком последней четверти XIV века.* Женатый на дочери боярина Д. А. Монастырева, Белеут, по жене, был в свойстве с такими крупными лицами, как боярин Иван Андреевич Хромой, боярин Семен Мелик, воевода великого князя Дмитрия, Иван Чепечка и Иван Федорович Толбуга (из рода князей Фоминских)... В Никоновской летописи под 1383/84 г. находятся сообщения: «Того же лета князь великий Дмитрей Иванович, посла бояр своих к Великому Новгороду, Феодора Свибла, Ивана Уду, Александра Белеута, черного бору брати; и даша новгородцы черной бор»... В 1390 г. (осенью) Александр Белеут с боярином Александром Полем и Селиваном (Волынским) исполнил весьма почетное и ответственное поручение в другом роде — привез «из заморья» великому князю Василию Дмитриевичу невесту, княгиню Софью Витовтовну... У Белеута было четыре сына: Феодосий, Роман, Федор и Григорий...

Наш комментарий:

Таким образом, видим, что имени Даниил (Данил, Данила) во времена Дмитрия Донского в роде Белеутовых (Белеутов) нет. По-видимому, воеводой в Куликовской битве был сам родоначальник Александр Андреевич Белеут.

> *Стр. 499:* К сожалению, в синодике приходится констатировать порчу имен и, быть может, пропуски, допущенные переписчиками. Так, из числа многих князей, убитых на Куликовом поле, записаны только князь Федор Белозерский и сын его Иван. **После них записан Константин Иванович, но, очевидно, это — ошибка. В Щукинском списке синодика вместо него — Константин Конанович, как раз тот воевода князя Владимира Андреевича, который указан в летописях в разряде полков, но не упомянут в числе убитых**...

Наш комментарий:

Здесь имеется в виду **Синодик, хранящийся в ГИМе в Москве** (Синод. собр. № 667, листы 68—68об., рукопись на пергаменте написана полууставом XV в.): «*...Князю Федору Белозерскому и сыну его Ивану, убиенным от безбожного Мамая, вечная память* **(на полях приписано: *Константину Ивановичу*)**...»

Сказание о Мамаевом побоище *в редакции Летописца князя И. Ф. Хворостинина* [20]

Наш комментарий:

В этой редакции Сказания, отличающейся от многих других подробностями (не смеем судить о их достоверно-

сти), нашли весьма любопытное известие о Данииле Белеуте, связанном с рассказом о том, как посол к Мамаю Захарий Тютчев (в этой редакции он назван Назарием Тетюшковым) вернулся со своего посольства с большим количеством татар, плененных хитростью:

> *Стр. 262–263:* ...Назареи же Тетюшковъ пришед в славнои град Москву... и всех татар приведох, которых послал Момаи с ним на Русь. Князь же великии Дмитреи Иванович вельми радостен бысть и подивися великому разуму Назариеву, что он таких великих князеи и мурзъ с собою привел, а царя Момая оманул своею мудростию... А татар степных 50 человекъ велеша их великии князь... перевешать за Окою рекою у Красново броду на пути, куды царю Момаю итти, и послаша за ними воеводу Данила Костентиновича Белеута, а с ним послаша воиска 5000 двора своего...

Сказание о Мамаевом побоище *по списку Михайловского* [28]

> *Стр. 36:* ...И поеха по побоищу и **наехав убита крепкаго своего воеводу Данила Белоусова, да Костянтина Конановича**...

Наш комментарий:

Известие о том, что воевода Данила Белоусов (Белеут) убит, встретили только в этом списке. Если исходить из того, что именем Даниила Белеута ошибочно назван Александр Белеут, то известие это неверно, т.к. об Александре есть летописные сведения и после Куликовской битвы (см. выше — у С. Б. Веселовского). Впрочем, сей список (Михайловского) и воеводу Ивана

Родионовича Квашню представил убитым на Поле Куликовом, хотя умер он в 1390 г. Приводим ниже мнение М. Д. Каратеева — он считает (на наш взгляд, безосновательно, т.к. Даниилом во всех источниках называют и Белеута, и Белоусова), что Даниил Белоусов и Александр Белеут — это два разных лица.

М. Каратеев. Участники Куликовской битвы [62]

Стр. 11: Б. ВОЕВОДЫ И НАЧАЛЬНЫЕ ЛЮДИ

23. Кононов Константин.

...

25. Белоусов Даниил.

26. Белеут Александр.

В некоторых летописях он назван Даниилом, так как его путают с предыдущим, и историки считают, что это одно лицо... Однако это не так, ибо согласно родословным книгам в годы княжения Дмитрия Донского они существовали оба.

Наш комментарий:

Не нашли пока подтверждения этому высказыванию; посему пока в нашем Синодике двойное имя Даниил/Александр Белеут, а прозвище его при переписке изменялось многократно (это отражено в заголовке статьи).

‡ *Андрей Шуба*

Возможно, боярин князя
Владимира Андреевича Серпуховского Хоро́бого

Источник информации и содержание:

Летописный сборник, именуемый Патриаршая или Никоновская летопись [11, с. 65]
и
В. Н. Татищев. История Российская [96, с. 148]

> Бысть же избьеныхъ отъ Мамаа яко и число превозходяше на томъ побоище; **убьени же быша** нарочитые и велицые и удалые зело, ихъже имена суть сиа: князь Феодоръ Романовичь Белозерьский и сынъ его князь Иванъ; князь Феодоръ Семеновичь; князь Иванъ Михайловичь; князь Феодоръ Торусский; князь Мстиславъ братъ его; князь Дмитрей Манастыревъ; Семенъ Михайловичь; Микула Васильевичь, тысяцкаго; Михайло и Иванъ Акинфовичи; Иванъ Александровичь; **Андрей Шуба;** Андрей Серкизовъ…

С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев [47]

> *Стр. 490:* …только постоянная служба при дворе великих князей давала роду прочное положение. Переход на службу к удельным князьям, как правило, был безвозвратной деградацией рода. Этим объясняется то, что в источниках XIV века упоминается много бояр и слуг кн. Владимира Ан-

дреевича, и в большинстве случаев мы не можем найти для них места ни в одном роде из числа тех, которые попали в родословцы и Бархатную книгу. Таковы… воеводы Владимира Андреевича — на Куликовом поле Данила Белоус, Константин Конанович (в списке синодика Успенского собора из собрания Щукина — в числе убитых), **Андрей Шуба** (в числе убитых, по летописям) — Акинф Федорович Шуба, убитый в 6876 (1368) г. Ольгердом…

Стр. 498: …Представляют интерес другие лица, поименованные в летописях: Семен Михайлович, Иван Александрович и **Андрей Шуба**. В последнем можно видеть с некоторой вероятностью **родственника боярина кн. Владимира Андреевича, Акинфа Федоровича Шубы**, который был убит Ольгердом в 1368 г…

Наш комментарий:

Это вся информация, которую удалось найти о погибшем ратнике, но думаем, что ее вполне достаточно для того, чтобы внести имя Андрея Шубы в наш ***Поминальный Синодикъ.***

Другие участники Куликовской битвы из московских бояр

Федор Семенович Висковатый

Боярин из великокняжеского *Большого Полка*

Михаил Александрович (Воронцов?)

Полк Правой Руки

Григорий Александрович,

Михаил Андреевич

Бояре, после Битвы участвовали в подсчете погибших ратников

Источник информации и содержание:

Сказание о Мамаевом побоище
по списку Михайловского [28]

> *Стр. 37:* Князь же великий Дмитрей Иванович повеле воем своим Дон возитися и повеле войско свое все исчести. **Князь же Федор Семенович Висковатый, московский большей боярин**, говорит великому князю Дмитрею Ивановичю: «У тебя, государя, у великаго князя Дмитрия Ивановича, в полку большем войска 70 000».

Наш комментарий:

Имя встречается только в этом списке Сказания. Из текста понятно, что сей воевода был в составе Большого Полка, т.к. доложил великому князю о численности именно этого полка (далее по тексту другие

воеводы докладывают о количестве воинов в других полках). Смущает, правда, то, что его называют *и князем, и московским большим боярином*. Не имея более никакой информации об этом участнике Битвы, будем считать его московским боярином.

Задонщина. Пространная редакция *по списку В. М. Ундольского* [8]

> *Стр. 119:* И рече князь великии Дмитреи Ивановичь: «Считаитеся, братия, колько у нас воевод нет и колько молодых людеи нет». Тогды говорит стоя **Михаило Александровичь московскии боярин** князю Дмитрею Ивановичю: «Государь князь велики Дмитреи Ивановичь, нету, государь, у нас...».

Наш комментарий:

Далее по тексту во всех подобных контекстах перечисляется количество убиенных князей и бояр по княжествам. Цифры сведены нами в таблицу, посему не приводим здесь весь текст ответа Михаила Александровича. Заметим только, что именно это имя — Михаил Александрович — упоминается в подобном эпизоде также: 1) в редакции Сказания по варианту Ундольского [22]; 2) в редакции Сказания Летописца князя Хворостинина [20]; 3) в Сказании в редакции Синопсиса [21]; 4) в Основной редакции Сказания по списку ГПБ [24]; 5) в Распространенной редакции Сказания по списку ГПБ [25]; 6) в Забелинской редакции Сказания [27] и, по-видимому, во многих других источниках.

Кроме того, в Сказании по списку Михайловского [28, с. 37] мы обнаруживаем фамилию этого московского боярина — **Михаил Александрович Воронцов**.

Есть также еще одно дополнение к этому имени. В книге «Живая вода Непрядвы» [50, с. 556] в приведенном там варианте Основной редакции Сказания (*к сожалению, не указано, по какому списку*) есть такое сообщение: «*Говорит боярин московский именем Михаил Александрович, а был он в полку у Николая Васильевича, счетчик был гораздый...*» Таким образом, узнаем, что Михаил Александрович сражался под командованием воеводы Микулы Васильевича Вельяминова, т.е. в коломенской дружине Полка Правой Руки.

> *Стр. 249, 365:* «Говорит **Григории Александрович, московский боярин**...» (это имя упоминается также в Основной редакции Сказания по Ермолаевскому списку [26] и в редакции Пантелеймона Кохоновского [19] в контексте подсчета погибших русских ратников. — *Прим. сост.*).

Наш комментарий:

Кроме этих двух имен бояр, подсчитывавших потери нашего войска, в подобном же эпизоде встречается имя **Михаила Андреевича** (*Пространная редакция «Задонщины»* [7, с. 131]). Конечно, возможно, что во всех этих текстах имеется в виду один и тот же человек, и просто по невнимательности переписчиков имя и отчество его перепутаны, а какие из них верные — теперь неведомо. Но возможно и другое: невероятно, чтобы такие огромные потери мог посчитать один человек — скорее всего, подсчетчиков было несколько. К тому же упоминание конкретного имени и отчества воина в Сказании, дает указание на участие данного ратника в сражении, а если даже подсчетом занимался кто-то другой, это не так важно. **Внесем в наш Синодикъ все эти имена**.

Костромское княжество

Кострома — один из старейших городов, сыгравший особую, весьма значительную роль в истории становления Российского Государства. Ровесница Москвы, Кострома была основана в конце XII века. По наиболее распространенным версиям, ее основателем мог быть суздальский князь Юрий Долгорукий или великий Владимирский князь Всеволод Большое Гнездо. Сначала это была крепость для защиты русских земель от иноземных захватчиков с востока. Костромичи приняли на себя новую роль по охране Волжского водного пути в Булгары и Хвалисты по Волге, древнему торговому пути, соединявшему Прибалтику и Западную Европу с богатым востоком, что внесло новые черты в их характер: к предприимчивости и удали первопроходцев добавились отвага и верность долгу воинов, готовых первыми встретить натиск врага. С тех пор шла к нам Кострома, собирая и храня немалую часть великой русской истории. Место расположения первого Костромского кремля (на левом берегу Волги, между реками Костро-

мой и Сулой) в настоящее время отмечено памятным знаком — гранитным камнем с надписью.

Впервые Кострома упоминается в Воскресенской и Тверской летописях под 1213 годом *(у А. В. Экземлярского — 1214 г.)*. Город не одно столетие был свидетелем вражеских набегов и междоусобных войн.

С половины XIII в. Кострома становится удельным княжеством. Первым удельным костромским князем был самый младший (*мезинный* или *мизинный*) сын Великого Владимирского князя Ярослава Всеволодовича Василий, бывший четыре года и великим князем владимирским (1274—1276 гг.). В летописях не говорится, когда именно Василий Ярославич получил Кострому, но — надобно полагать — не раньше 1246 г.

С именем этого князя в истории Костромской земли связано такое яркое событие, как обретение чудотворной иконы Федоровской Богоматери, ставшей впоследствии главной святыней Костромской земли. На месте ее чудесного обретения князем Василием был заложен храм, который позднее стал центром монастырского комплекса (Спасо-Запрудный монастырь) — один из древнейших монастырей, расположенных близ городской черты.

Тяжелая участь постигла Кострому в годы татаро-монгольского ига. Но разоряемая завоевателями, она находила в себе силы быстро возрождаться. Костромичи под предводительством Василия Ярославича первыми показали россиянам пример активной и успешной борьбы с врагом: на берегах озера, названного в честь этого события Святым, была одержана первая победа русского оружия над татаро-монгольским отрядом. В 1262 году (*эта дата приведена по материалам* [141],

у *А. В. Экземплярского это событие описывается под* 1241 г., *в других источниках, например, в книге «Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных Ее икон», составленной С. Снессоревой в* 1897 г., *дата не называется)* к Костроме подступило большое татарское войско. Великий князь, наскоро собрав небольшую дружину, выступил ему навстречу. Не надеясь столь малыми силами одолеть татар, он повелел нести перед собою чудотворную икону Божией Матери Феодоровскую. И тут... произошло чудо: от лика Богоматери в глаза татарам прыснули нестерпимо яркие лучи, и те, поражаемые ими, кинулись врассыпную. Многие из них, как свидетельствует предание, ослепли и в слепоте своей побили друг друга мечами, многие утонули в озере. До наших дней сохранилось само озеро, на берегах которого уцелели остатки дубравы, в которой дружина Василия Ярославича устроила засаду против татар.

Федоровская икона Божией Матери (Кострома)

Богатейший Костромской край притягивал к себе предприимчивых людей со всей Древней Руси — Киевщины, Смоленщины, Владимиро-Суздальского ополья, Великого Новгорода. На неосвоенные новые земли в XIII веке хлынули также простые крестьяне, спасавшиеся от половецких набегов и княжеских междоусо-

биц. Коренные жители края — меря и мари (финно-угорские племена) — мирно встретили пришельцев, и здесь органически соединились местная культура и Православие. Так на Костромской земле зародилась культура Северо-Восточной Руси — самобытная, давшая основу для становления исторического ядра современной России.

В первой трети XIV века Кострома стала частью Великого Московского княжества.

В 1380 году костромичи приняли активное участие в Куликовской битве: на поле брани сражались 25 костромских бояр. Двое костромичей нашли раненого в битве Великого Московского князя.

В критические минуты Кострома служила убежищем для великих князей: так, Димитрий Иванович ушел в Кострому при нашествии Тохтамыша, а Василий Димитриевич бежал туда от Едигея.

Кострома впоследствии стала одним из главных торговых портов в верхнем течении Волги в составе Московского государства. Бывшая долгие годы в стороне от главных событий русской истории, Костромская земля прославилась как родина основателя новой династии на российском троне Михаила Романова. Так с древней Костромской земли началось новое возрождение Российского государства. С тех пор все венценосные потомки Михаила Федоровича считали своим долгом посетить Кострому. Побывавшая в Костроме Екатерина II подарила городу герб, а когда встал вопрос об административно-территориальном делении страны, сделала Кострому центром обширной губернии.

(*По материалам:* [45, с. 261-269]; [141]).

Федор Иванович Сабур
(Сабуров, Субуръ, Събуръ, Собур; Зерновъ/Зовъ)

Сын боярский, костромской вотчинник **из рода Зерновых**.
Основатель родовой ветви Сабуровых.
Погребен в 1-ой усыпальнице семьи Годуновых
в Ипатьевском монастыре г. Костромы.

Григорий Владимирович Холопищев
(Холпищев, Холъпищев, Холопичев, Холоповъ/Василищовъ)

Сын боярский из рода Ратшичей
В летописных источниках называется
«родом из костромичей», хотя Ратшичи в то время
были на службе у великого московского князя.
Оба воина сражались *в костромской дружине*, входящей в состав *Большого Полка*, под командованием воеводы Ивана Родионовича Квашни. Именно они нашли после Битвы израненного великого князя Димитрия Ивановича.

Источник информации и содержание:

Комментарий составителей:

Рассказ о том, как костромичи Федор Сабур и Григорий Холопищев нашли раненого великого князя, приводится во многих летописных источниках и списках Сказания, правда с некоторыми меняющимися деталями. Например, с вестью к князю Владимиру Андреевичу о том, что великий князь жив, в одних источниках отправился Федор Сабур, а в других — Григорий Холопищев. Приводим здесь несколько вариантов этого эпизода с различ-

ными вариациями, а также разными написаниями прозвищ Сабура и Холопищева (некоторые из встречающихся в первоисточниках варианты прозвищ/фамилий молодых костромичей указаны в заголовке).

Устюжский летописный свод. Архангелогородский летописец [30]

Стр. 77: ...И разскочишася по дубраве мнози князи и бояре и дети боярские искати государя, плачюще по нем горько. И отскочиша за версту **2 сына боярския костромичи, имя единому Сабур и имя другому Григореи Холъпищев,** и наехаша государя, седяща под березою посеченою, ранена вельми кровава, во единои срачице седяща. И познаша его, рекоста ему: «Радуися, государь князь Дмитреи Ивановичь». Он же возрев на них и рече: «О дружина милая, чья победа?» Они же рекоша: «Твоя, великаго князя; сташа на костех тотарских твои князи и бояре, и воеводы». **Григореи же Холпищев поскочи с вестью ко князю Володимеру Андреивичю** и ко всем князем и бояром и сказа им: «Князь великии здравъствует». Они же ради быша. Севше на кони и наехаша государя, на дубраве седяща, кровава, **а Сабура над ним стояща и плачющася.** И поклонишася ему вси князи, и бояре, и воеводы, и все воиско...

Вологодско-Пермская летопись [2]

Стр. 143: Некии же воини, великии витязи, уклонишася на десную страну в дубраву, единому имя **Сабуръ,** а другому **Григореи Холопищев**, родом же оба Костромичи, и мало выехаша с побоища, наехаша великого князя бита велми и отдыхающа под древомъ березою...

Сказание о Мамаевом побоище *по Забелинскому списку* [27]

Стр. 323: **Двое же неких воинов** пошли на правую сторону в дубраву, **один именем Сабур, другой Григорий Хлопищев,** оба **родом костромичи.** Немного отъехали от места побоища и **нашли великого князя, тяжко раненного**, в тяжелом состоянии отдыхающего под срубленным березовым деревом. И увидели его и слезли с коней на землю, и поклонились ему: «Радуйся, государь Русской земли!». **Сабур же быстро возвратился** и поведал князю Владимиру: «Государь наш, князь великий Дмитрий Иванович, в добром здравии и царствует вовеки».

Великого князя находят после Битвы. Средневековая миниатюра

Летописный сборник, именуемый Патриаршая или Никоновская летопись [11]

> *Стр. 62:* ...Два же некия отъ простыхъ воя уклонишася на десную страну къ дубраве, единому имя **Феодоръ Зовъ** (в сноске: **Зерновъ,** Д; Д — вариант рукописи Древнего Летописца. — *Прим. сост.*), а другому имя **Феодоръ Холоповъ**, беху же сии отъ простыхъ суще, и наехаша великого князя бита велми, едва точию дышуща, подъ новосъсеченымъ древомъ, подъ ветми лежаще, аки мртвъ; и спадше съ коней своихъ и поклонишася ему, и единъ скоро возвратися ко князю Владимеру...

Наш комментарий:

В данном тексте имена воинов, нашедших великого князя, изменены, скорее всего, при переписывании. Однако и здесь имеется подтверждение того, что это были Сабур и Холопищев: прозвище Сабура звучит «Зовъ» или «Зерновъ», а он, как мы покажем ниже, из рода Зерновых. Накладывается к тому же и печать редакторской работы того времени, когда составлялся данный список: Сабур — было прозвище, а Зернов — из рода Зерно. Зовъ — скорее всего, тот же «Зернов», но с пропущенным надстрочным титлом, указывающим на сокращение. Прозвище Холопищева — Холоповъ, что очень близко к настоящему, а имя — переписчик мог перепутать и написать его не Григорием, а Федором, как первого (при копировании текста такое случается нередко: достаточно отвлечься, и рука автоматически копирует только что уже написанное имя...).

Сказание о Мамаевом побоище (*вариант Ундольского*) [22]

Стр. 183: ...Два же некаа воина уклонишася на десную страну к дубрави, единъ **именем Федоръ Субуръ, а другии Григореи *Василицовъ*** (здесь с фамилией Григория явная ошибка переписчика. — *Прим. сост.*), оба родом костромици...

Събуръ же скоро възвратися къ князю Володимеру и рече: «Князь велики здравъ есть, царствуетъ въ векъ».

Стр. 220, комм.: **Федор Субур — Федор Иванович Сабур, или Сабуров,** лицо историческое (РИИР. Ч. 2. М., 1977. с. 50, 118). Его подпись (правда, последняя среди подписей других бояр-послухов) стоит под второй (около 1417 г.) и третьей (1423 г.) духовными грамотами Василия Дмитриевича (ДДГ, № 21, с. 59; № 22, с. 62). Старший сын Федора — Михаил — дворецкий Василия Темного, умер в 1464 г. (*Веселовский, 1969, с. 163, 171*). Устанавливаемые документально годы деятельности Федора Сабура и его сыновей исключают участие Федора в Куликовской битве. Очевидно, его имя попало в число участников Мамаева побоища с целью прославления рода Сабуровых в начале XVI века. Свидетельство «Сказания» о костромском происхождении Федора Сабура верно (*Веселовский, 1969, с. 169—171*).

Наш комментарий:

На самом деле слова: «*Устанавливаемые документально годы деятельности Федора Сабура и его сыновей исключают участие Федора в Куликовской*

битве. Очевидно, его имя попало в число участников Мамаева побоища с целью прославления рода Сабуровых в начале XVI века» — никакого отношения к Веселовскому не имеют. Он выводов о невозможности участия Федора Сабура в Куликовской битве не делал ни в указанной работе, ни в других. Напротив, он приводит данные, недвусмысленно подтверждающие участие Федора Сабура в этом сражении. Приводимый же нами комментарий составлен Б. М. Клоссом, и это **его** выводы, а не Веселовского. Единственно, в чем сомневался С. Б. Веселовский, так это в происхождении рода Сабуровых от татарского мурзы Чета. Дабы развеять сомнения относительно «ошибок» историка Веселовского, приводим ниже подробные фрагменты из его книги, на которую указал автор комментария.

> *Стр. 220, комм.:* **Григорий Василищов** в других списках и редакциях «Сказания» назван **Холопищевым** (*«Повести о Куликовской битве», с. 72*) и **Холопичевым** (*там же, с. 104, 151, 199*)...

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев [47]

> *Стр. 162—195:* ...жизнь Дмитрия Александровича Зерна... можно отнести приблизительно ко второй и третьей четвертям XIV в., а жизнь его деда Захария Чета — ко второй половине XIII в. Н. П. Лихачев отметил мимоходом это обстоятельство и прибавил, что такие ранние выезды из Орды на Русь (во второй половине XIII в.) мало правдоподобны... Дело в том, что после смут 90-х годов XIII в., в Орде власть в конце XIII века уп-

рочилась, и в 1299—1313 гг. ханом был Тохта, а с 1313 г. его племянник Узбек. Время этих двух ханов было периодом полного расцвета Золотой орды, а «великая замятня» и частые перевороты начались только после смерти Узбека (1340 г.)...

Следует отметить *позднее возникновение легенды о мурзе Чете*. Она неизвестна Государеву родословцу, составленному около 1556 года, и в Бархатной книге... она начинает род Сабуровых-Годуновых с Дмитрия Зерна...

Частные родословцы начинают род с Захария и показывают у него сына Александра и внука Дмитрия Зерна. Существование Захария и Александра подтверждается монастырскими синодиками. В синодике Ростовского Успенского собора род Годуновых записан так: Захарию, Александра, Дмитрия (Зерна), Ивана, Константина (Шеи), Дмитрия, Федора (Сабура), Данила (Подольского), Ивана (Годуна), Григория (Ивановича Годунова) и т.д...

Нет никаких оснований не доверять этим покровам и записям; **с такими вещами, как запись в синодики на вечное поминание, не шутили, и никому не пришло бы в голову записывать в поминание вымышленные имена и класть покровы на гробы несуществовавших предков**...

...представляется вполне возможным считать костромского боярина Александра Зерно, убитого в 1304 г. вечниками, сыном Захария (Чета) и отцом **Дмитрия Зерна**, **с которого Государев родословец начинает род Сабуровых-Годуновых**. За это говорит, во-первых, несомненный факт существования лиц (Захарий-Александр-Дмитрий),

от которых пошли фамилии Сабуровых, Годуновых и Вельяминовых, владевших в XIV веке, а может быть и раньше, огромными вотчинами в Костроме... Во-вторых, за то же говорят одинаковые прозвища Александра и Дмитрия (Зерно). Наконец, это предположение вполне возможно хронологически и неизмеримо естественнее, чем предположение о выезде из Орды Захария Чета в 1330 г...

...Если Государев родословец **начинает род с Дмитрия Зерна**, то это можно объяснить тем, что **он был первым лицом, поступившим на службу к московским князьям**...

Дмитрий Александрович Зерно служил, несомненно, в Москве и был боярином. Боярами же были и три его сына — Иван Красный, Константин Шея и Дмитрий... ***У Ивана Красного*** было три сына: **Федор Сабур,** Данила Подольский (по вотчине в Костроме, с. Подольскому) и Иван Годун... Самые многочисленные и ранние указания мы имеем о вотчинах Сабуровых. О богатстве Федора Сабура мы можем составить себе представление по владениям его ближайших потомков (подробно на указ. стр. — *Прим. сост.*)... Федор Сабур, по-видимому, был очень значительным лицом. **В 1380 г. храбрый костромич Ф. Сабур сражался на Куликовом поле в Костромском полку. При великом князе Василии Дмитриевиче он был боярином.** О близости его великому князю говорит то, что он был свидетелем второй и третьей духовных Василия Дмитриевича. Есть не вполне ясное указание, что Ф. Сабур был женат на дочери боярина Ивана Андреевича Бутурли и через

нее был в свойстве с одним из могущественнейших родов... У Федора Сабура было шесть сыновей — Михаил, Иван, Данила, Василий, Семен Пешек и Константин Сверчок.

И. В. Рогов, С. А. Уткин.
Ипатьевский монастырь [87]

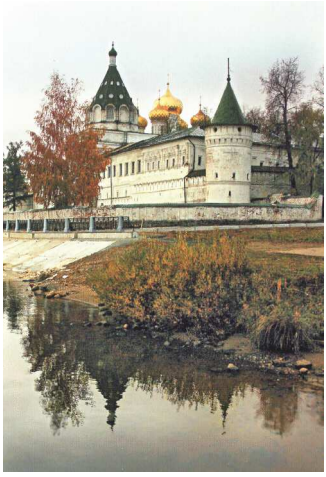
Стр. 13: Рубеж XIV—XV веков является переломным в истории Костромы и Ипатьевского монастыря. Перестав быть центром удела, этот город превращается в опорный пункт Великого Московского княжества в Среднем Поволжье. *Костромские землевладельцы переходят на службу к московским князьям. Городом и землями бывшего удельного княжества начинают управлять московские воеводы.* Нам известно имя Ивана Родионовича Квашни, возглавлявшего рать костромичей в Куликовской битве. **На Куликовом Поле отличился Федор Сабур,** потомок Захарии-Чета, **основатель знаменитого боярского рода Сабуровых.**

Между стр. 96 и 97: **Приложение: «Генеалогическое древо рода Годуновых»** с описанием.

Федор Сабур — (вторая половина XIV века — начало XV века)**, сын Ивана Красного** (Иван Красный — один из трех сыновей Дмитрия Зерно и правнук Захарии-Чета — родоначальника родов Годуновых, Сабуровых и Вельяминовых-Зерновых, основателя Ипатьевского монастыря), **костромской вотчинник**. Основатель родовой ветви Сабуровых. Боярин при великом князе Василии Дмитриевиче. **Участник Куликовской битвы (1380 г.) в полку Ивана Квашни**. Его правнучка Соломония Юрь-

евна Сабурова — первая жена великого князя Василия Иоанновича, отца царя Ивана IV, за бездетность пострижена в монахини (в ин. Сусанна), умерла и погребена в Суздальском Покровском монастыре. **Погребен в 1-й усыпальнице Годуновых в Ипатьевском монастыре.**

Стр. 88: Большинство поминаемых вкладчиков Ипатьевского монастыря из рода бояр Годуновых и других потомков Захарии-Чета погребены в стенах Ипатьевской обители. В XVI—XVII веках, по сведениям исследователей, для их захоронения были устроены три каменных усыпальных палаты. Первая каменная монастырская усыпальница возведена на средства бояр Годуновых, вероятно одновременно со строительством каменных Троицкого собора и церкви Рождества Богородицы в середине XVI века. Она располагалась за алтарем теплой Богородицкой церкви, с южной стороны. **В ней были погребены основатель Ипатьевского монастыря — Захария-Чет,** его сын *Александр Зерно* (умер в 1304 г.), внук *Дмитрий Зерно*, **а также Федор Сабур,** *Иван Годун*, родители Бориса и Ирины Годуновых (*Федор Кривой и Стефанида*), Дмитрий Иванович Годунов, всего не менее 22 человек.



Ипатьевский монастырь

История татарских родов [150]

САБУРОВЫ. По ОГДР Сабуровы происходят от «выехавшего в 1330 году к вел. кн. Иоанну Даниловичу из Орды князя Четы, а по крещении названного Захарием. У него был правнук Федор Иванов сын Сабур, коего потомки Сабуровы служили Российскому престолу...» Фамилия происходит от арабо-тюркского **«сабур» — терпеливый** (Баскаков 1979, с. 57). Происхождение из Орды подтверждают БК (II, с. 373) и А. А. Зимин (1980, с. 273). Этот взгляд оспаривает С. Б. Веселовский (1969, с. 162—195), полагающий, что род происходит от Федора Ивановича Сабура, жившего в первой половине XV века (Веселовский 1969, с. 171), хотя в другой работе он (Веселовский 1974, с. 276) Федора Ивановича Сабурова, родоначальника Сабуровых, относит ко второй половине XIV века и считает его потомком костромского боярина Александра Захарьевича Зерно, убитого в Костроме в 1304 году. Вероятно, следует думать о более раннем выходе Захария-Четы из Золотой Орды. Сабуровы в родстве с Вельяминовыми, Годуновыми, Пильемовыми... Впоследствии Сабуровы — знатные и активные воеводы Ивана IV, сенаторы, государственные и общественные деятели.

Наш комментарий:

Вновь информация некорректна по отношению к С. Б. Веселовскому, который действительно говорит, что Федор Сабур жил в XV в., но при этом вовсе не исключает того, что Сабур родился и участвовал в Куликовской битве в XIV в. Федор Иванович действительно был пер-

вым в этом известном семействе с прозвищем «Сабур», и, возможно, он действительно получил его от великой своей терпеливости, но это совсем не доказывает татарское происхождение его рода. До него и братьев его, Годуна и Подольского, фамилия рода была Зерно (такое имя носили прадед и дед Федора, а к отцу его добавлено прозвище Красный — абсолютно русские прозвища). Утверждение авторов сайта на то, что С. Б. Веселовский в 1974 г. в книге «Ономастикон» якобы поменял свой взгляд на время жизни Федора Сабура, весьма странно — ученому незачем было менять свой взгляд, изначально не соответствовавший приписываемому. Невооруженным взглядом видно весьма поверхностное использование работ известнейшего родословца Веселовского с, по-видимому, единственной целью — указать на татарское происхождение Сабуровых.

М. Н. Макаров. Село Рожествено-Монастырщина и Поле Куликово [78]

> *Стр. 24:* Сабуров получил долю за Красным Холмом (на Поле Куликовом. — *Прим. сост.*), где и теперь также есть селение его имени...

О Воскресенском районе Московской области [149]

> На правом берегу Москвы-реки расположены три населенных пункта: Марчуги, Новлянское, Сабурово... Об одном из них пишет Т. Шеповалов в своей книге «По рекам и озерам Подмосковья»: «От села Ратмир — три километра до расположенного на правом берегу Москвы-реки старинного села Сабурово, древней вотчины бояр Сабуровых. Родоначальник этого боярского рода Федор Сабур... — был одним из виднейших участников Ку-

ликовской битвы 1380 года. В Московской области имеется не менее 10 селений, носящих название Сабурово. Все они могут быть имениями Сабуровых. Но по преданию, именно в этом селе (бывшего Коломенского уезда) была их главная подмосковная усадьба.

Вологодско-Пермская летопись [2]

Стр. 165: **Взятие Новгорода Нижнего.** Тое же осени (от нас — 6903/**1395 г.**) князь Семен Дмитриевич Суздальскии прииде рать к Новугороду к Нижнему, а с ним царевичь Ентяк да Татар 1000. И воеводы великого князя Московскаго Володимеръ Данилович, да **Григореи Володимерович Холопищев,** да Иван Лихорь, не возмогоша стати противу их, но затворишася з гражданы во граде...

Стр. 390, комм. в указателе имен: **Григорий Владимирович Холопищев** — воин, участник Куликовской битвы, затем воевода вел. князя Василия Дмитриевича.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев [47]

Наш комментарий:

Поскольку **Григорий Холопищев был из рода Ратшичей**, *к этому роду относились и потомки Акинфа Великого (Акинфовичи)*, информация о которых приведена в главе о Михаиле Ивановиче Акинфовиче, постараемся не повторяться и дать здесь сведения, касающиеся только Холопищевых, однако часть

родословной Ратшичей из книги С. Б. Веселовского следует привести и в данной статье.

Стр. 39: ...

1. У Алексы сын **Гаврила Алексич**.

2. У **Гаврилы** дети: Иван Морхиня да **Акинф Великий**.

3. У **Ивана Морхини** один сын **Александр**...

4. **У Александра Морхинина пять сыновей**: Григорий Пушка, **Владимир Холопище,** Давид Казарин, Александр да Федор Неведомица...

Стр. 40: Некоторые частные родословцы **старшим сыном Александра Морхинина называют Владимира Холопища**, а Григория Пушку — младшим сыном. По времени жизни следующих поколений это представляется более правильным...

Стр. 52: В числе выехавших в Москву бояр были и Ратшичи, всем родом, как это было тогда в обычае, т.е. **сыновья** Акинфа и его брата **Ивана Морхини с чадами** и домочадцами, со своими дружинами слуг, послужильцев и рабов. Уже в 1339 г. мы видим **на службе в Москве** двух представителей рода. По приказу хана великий князь Иван Данилович отпустил с ханским послом Товлубием к Смоленску своих **воевод — Александра Ивановича Морхинина** и Федора Акинфовича...

У Александра Ивановича Морхинина по родословцам было пять сыновей, причем потомство показано только у Григория Пушки. В действительности **от Владимира Холопища пошла фамилия Холопищевых,** от Давида Казарина пошли Гавриловы, от Федора Неведомицы — Неведоми-

цины. Молчание родословцев о потомстве сыновей Александра Морхинина объясняется тем, что эти фамилии с течением времени захудали, выбыли из среды «родословных» людей и в середине XVI в., когда составлялся Государственный родословец, не подали росписей своих родов. (**У Владимира Холопищева по** летописям известен **сын Григорий Владимирович**, который в 1395 г. был воеводой великого князя Василия Дмитриевича в Нижнем Новгороде. — *Прим. С. Б. В.*).

Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания...» [41]

Стр. 504—505: ...Наконец, два воина костромича находят раненого великого князя в роще, справа от Куликова поля, лежащим под сенью иссеченной березы. Имена этих воинов — Федор Сабур и Григорий Холопичев — исторические: ...**Григорий Холопичев — Григорий Владимирович Холопищев, потомок Гаврилы Олексича, героя Невского сражения 1240 г.** (ссылка на ВОИДР, кн. X, с. 104, 171. — *Прим. сост.*). В 1395 г. был нижегородским воеводой (ссылка на ПСРЛ, т. IV, изд. 1-е, с. 101; т. V, с. 247;, т. VI, с. 128, 130 и др. — *Прим. сост.*).

Заметки относительно участия Углецких (Углицких, Угличских) князей в Куликовской битве

«Углич, теперь уездный город Ярославской губернии, на правом берегу Волги, ниже Калязина, в древности имел два названия: *Угличъ, Углечь* и *Угличе или Углече Поле*. Время основания и личность основателя — неизвестны. В летописях первый раз он упоминается под 1149 годом... Первым углицким князем был внук Всеволода (Большое Гнездо)... — Владимир Константинович (1214 – † 1249)... На Юрии Александровиче († 1320) прерываются известия о *князьях углицких* ***из рода ростовских и владимирских***... Затем, в дошедших до нас грамотах мы встречаем Углич только при Дмитрии Ивановиче Донском. Этот князь уже распоряжается Угличем, Галичем и Белоозером, как своею собственностью, называя эти города куплею деда своего, Ивана Калиты... При *князьях углицких* ***из семьи великих князей московских*** (первый из них — Петр Дмитриевич, 1385 — † 1428, сын Дмитрия Ивановича Донского. — *Прим. сост.)*, Углич то сам составлял главный центр удела, то входил в состав другаго удела...» [А. В. Экземплярский, 45, с. 122—151].

Углич. Терракотовая плита из декора дворца удельных князей. XV в.

Таким образом, во времена Дмитрия Донского, а еще точнее — после 1320 года, никаких известий об углицких князьях и потомках их нет. Однако они были,

только летописи не сохранили их имена. Да, служили великим князьям московским и великому князю Дмитрию, но не исчезли же. Углич в те времена «принадлежал к числу крупнейших городов Заволжья. Через него дороги вели в Ярославль, Нижний Новгород и Орду. Из Москвы зимой шел через Углич путь на Белоозеро. Дороги шли также во Владимир, Суздаль и Переяславль-Залесский. Население занималось земледелием, скотоводством, рыболовством, огородничеством, разведением бобров, ремеслами и торговлей» [В. Богуславский, 113, с. 546].

Участие представителей Углицкого княжества в Куликовской битве обозначено практически во всех использованных нами списках Сказания в одном и том же эпизоде — при подсчете погибших воинов после Битвы: «...Говорит боярин московский Михайло Александрович, ...умел он хорошо считать: “Нет у нас, государь, 40 бояринов московских, ...**да 15 бояринов углецких**...”». Число погибших воинов в подобном контексте по разным княжествам в различных списках несколько отличаются друг от друга, относительно же углицких воинов — во всех цифра 15 (см. табл. в Предисловии). Однако имена ратников сего княжества в использованных источниках встретили только в Сказании по списку Михайловского [28], изданном в книге «Русские повести XV—XVI веков» [88]. В этой редакции, составленной, похоже, кем-то из углицких, ко многим, даже хорошо известным именам, таким, как, например, Иван Родионович Квашня, приписано «углецкий», хотя он был боярином московским и командовал ратью костромичей. Но только в этом Списке названы конкретные люди «углецкие», не встречающиеся более

ни в одном летописном тексте или Сказании. Приведем некоторые фрагменты из текста «*Сказания...*» *по списку Михайловского* [28]:

«...князь же Владимер Андреевич не обрете великаго князя Дмитрия Ивановича... нача плакатися... и искати... **Рече** же **князь Борис Углецкой:** "Яз видех великаго князя в пятом часу, видех крепко бьющеся палицею своею"... Поле же Куликово — не бе видети порожнего места, но все покрыто человеческими телесы: христьяны, но седморицею больши того побито поганых. А лужи и потоки кровью текут. Князь же великий наехав, **лежат побиты** восемь князей Белозерских, да **углецкой князь Роман Давыдович, да четыре сына его: Иван, да Володимер, Святослав, Яков Романович, все вкупе лежат на едином месте...**».

Указанных выше людей в родословных древах ярославских, ростовских и московских княжеских родов того времени по имеющимся у нас источникам найти не удалось. Считаем их московскими вотчинниками.

С учетом всего вышесказанного, *вносим в наш Синодикъ* имена названных углецкими **князей:**

Борис;

‡ **Роман (Давыдович)**;

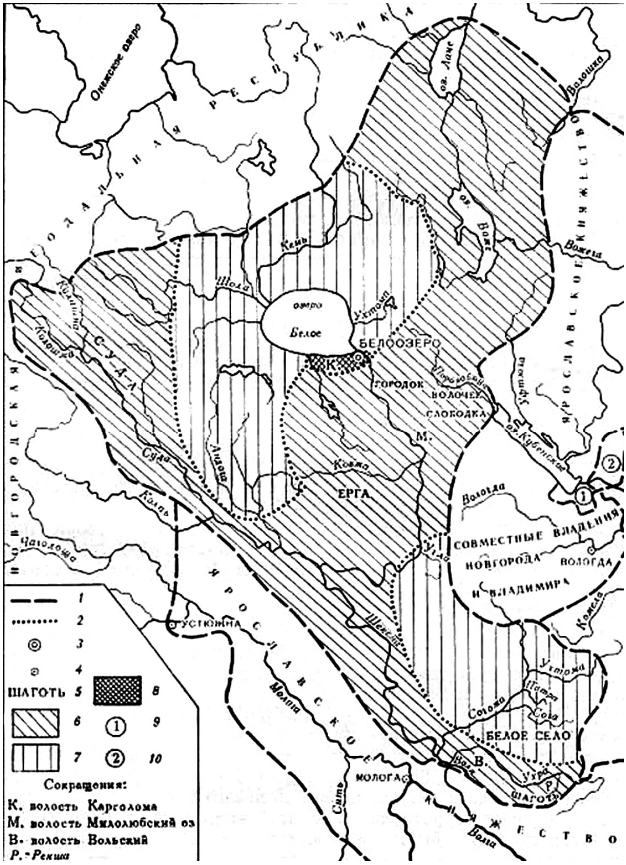
‡ **Иван (Романович)**;

‡ **Владимир (Романович)**;

‡ **Святослав (Романович)**;

‡ **Яков (Романович)**.

Белозерское княжество



Белозерское княжество в XIV веке [В. А. Кучкин, 71]

1. *границы княжеств*
2. *границы уделов*
3. *столица княжества*
4. *города*
5. *волости*
6. *удел великого князя Федора Романовича*
7. *удел великого князя Василия Романовича*
8. *совместные владения белозерских князей*
9. *Ярославское княжество*
10. *Бохтюжское княжество (часть Ростовского княжества)*

На титульной странице — древняя свинцовая печать, найденная при раскопках в Белозерске

Заметки о Белозерском княжестве, его уделах и князьях, участниках Куликовской битвы

Из многочисленных летописных источников, списков «Задонщины» и «Сказания...» видно, что Белозерским князьям-воеводам великий князь Московский Димитрий Иванович особенно доверял, ибо поставлены были они на самых опасных и ответственных участках сражения, где и погибли все как один. Среди представителей Белозерского княжества — участников Куликовской битвы — в источниках упоминаются **удельные князья**: собственно **Белозерские** — Федор Романович и Иван Федорович, Федор Семенович и Семен Михайлович, **Каргопольский** — Глеб, **Кемский** — Андрей, **Карголомские** — Глеб, Андрей, **Андомские** — без имен.

Обратимся прежде всего к истории Белозерского княжества и его столицы, а также очертим границы Белозерской земли и обозначим существовавшие там в XIV веке уделы.

---

* Вверху страницы — герб города Белозерска

Белозерское княжество являлось не только одним из древнейших (начало его развития относится к X веку), но и наиболее удаленным от центра княжеством.

«Что же говорят легенды о Белоозере? Холмогорская летопись содержит рассказ с 2409 года до нашей эры. В этом году "новопришельцы скифстии" основали Словенск град, "иже последи Новград Великий проименовая". Далее повествуется о том, как в I веке нашей эры словен постигла кара за то, что они "невегласи тогда, погана быша", то есть были язычниками: "И изомреша людей без числа во всех градех и весех, яко некому же погребяти мертвых. Оставшии же люди пустоты ради избегоша из градов в дальние страны, *овин на Белыя воды, иже ныне зовется Белоозеро*, овии на озеро Тинном, и нарекошася — *весь*, инии же по иным странам, и прозвашася различными проимяновании..."». [М. Кудрявцев, 68].

«Древнейший город Севера **Белоозеро**, **первое упоминание** о котором **относится к 862 году**, находился когда-то **на противоположном от современного Белозерска, северном берегу озера, у нынешней деревеньки Киснемы**. По сообщению Н. М. Карамзина, недалеко от бывшего Киснемского погоста стоял "Варяжский городок", где, видимо, селилась дружина. "Преданья старины глубокой", отзвуки событий "давно минувших дней" запечатлены в русских и финских названиях многочисленных озер, поселений и отдельных мест — Дружинное озеро, Череповесь (Череповец), Луковесь, Вельск и др.

Небольшой могильник с вещами славянского и финно-угорского типа был раскопан археологами на холме деревни Киснемы. Еще недавно волны Белого озера выбрасывали там на берег различные вещи: кусочки стекла, крестики, глиняные черепки и т.д. Теперь

их уже почти не сыщешь. Вода постепенно, метр за метром, пожирает песчаные берега: когда-то суша вдавалась здесь метров на тридцать в озеро.

Вероятно, наступлением воды и было вызвано повеление киевского князя Владимира **перенести город на исток Шексны**, в район нынешнего посада Крохино. **Здесь город, основанный в X веке, названный, как и прежний, Белоозеро, просуществовал до 1352 года**, до "моровой язвы", от которой вымерло свыше половины населения. **В 1363–1364 годах** (буквально перед Куликовской битвой. — *Прим. сост.*) **он переносится на 20 км в западную сторону, на новое место, где существует и поныне**.

Богоматерь Белоезерская (начало XIII в.) — древнейшая святыня Белозерского края. Возможно, перед этим образом молились белозерские воины...

У Белоозера скрещивались важные торговые пути, что способствовало его росту и процветанию. Основой экономики края являлась торгово-промысловая деятельность, ибо Белоозеро находилось среди земель, малопригодных для земледелия, но богатых промысловыми угодьями. "Реки да озера к Нову-городу, а мхи да болота к Белу-озеру" — поется в одной из древних былин.

В XIII веке Белозерье оформляется в **самостоятельное княжество,** выделившись из Ростовского. *Тер-*

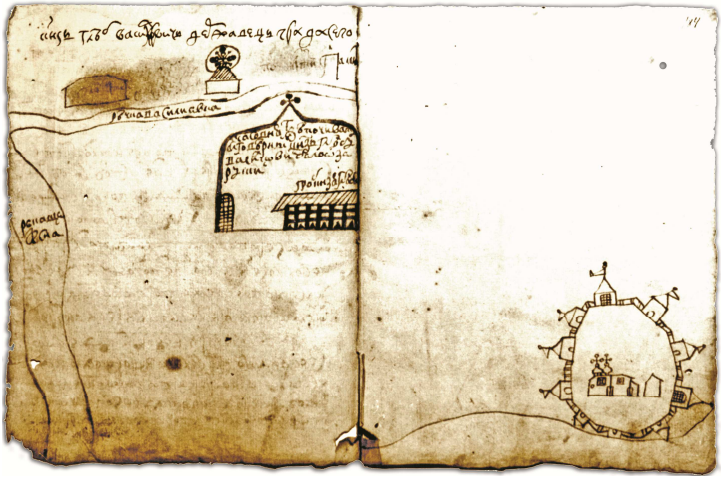


Рисунок-чертеж из «Сказания о Троицком Усть-Шехонском монастыре» (список XVII в.). Схематически передает соотношение Старого Белоозера и Белозерска: на левом рисунке — территория Старого города («речка Васильевка», «река Шексна», часовня, где находится гроб благоверного князя Глеба Васильевича); на правом — изображение крепости города Белозерска с двуглавой церковью в середине и линия, показывающая, вероятно, берег Белого озера

ритория его охватывает весь бассейн Белого озера, течение реки Шексны и Кубенское озеро. Владеет им князь Глеб Василькович — хитрый и умный политик, который ведет тонкую политическую игру с татарами. Сравнительная уединенность и естественная защищенность края превратили его в своеобразное убежище. Естественные рубежи преградили путь монгольским полчищам, но зато сюда стекались люди из центральных районов Руси, пострадавших от тяжелого разорения.

При Иване Калите Белозерье фактически подчиняется Москве, а при Дмитрии Донском эта зависимость оформляется и юридически. По духовной грамоте Дмитрия Донского (уже после Куликовской битвы, в

1389 г. — *Прим. сост.*) Белоозеро переходит в руки его сына Андрея Дмитриевича, князя Можайского. (В Устюжской летописи сообщается, что Дмитрий Донской в своем завещании «третьему сыну своему князю Андрею дасть город Можаеск, а на Белоозере два города Карголом да Каргополь, а прежде того было Белозерское княжение». Эта информация из статьи М. Крючковой «Княжество все же существовало!» в газете «Каргополье» от 11.06.2003. — *Прим. сост.)*. Белозерье и его политический центр — город Белоозеро — достигают к этому времени своего наивысшего расцвета. На "Белое озеро" регулярно приходят торговать "лодьи" из монастырей Троице-Сергиева, московских Симонова и Андроникова, Троицкого Макарьева из Калязина и др. Торговал в Белоозере и Кириллов монастырь. Приходили гости из Тверского княжества, Новгородской и других земель. Везли на белозерский торг свои товары и местные жители. Белоозеро в ту пору — значительный торговый центр, развитый в экономическом отношении, и хорошо благоустроенный город» [Г. Бочаров, В. Выголов, 44].

«Явная деградация Белоозера (старого города. — *Прим. сост.*)... приходится на конец XIII — первую половину XIV в., когда резко сокращается площадь застройки и падает интенсивность жизни в городе... Именно в это время — в первой половине XIV в. — центром Белозерского княжества становится новый белозерский "городок" — Белозерск...

Следствием упадка Старого города стало формирование нового центра края, возникающего всего в 15 км к западу от него, но расположенного в совершенно иных топографических и ландшафтных условиях... Юж-

ный берег Белого озера уже в XII—XIII вв. был плотно заселен и освоен» [С. Д. Захаров, 57, с. 105].

В. А. Кучкин [73] сообщает о том, что Белоозером к 1339 году правил Роман Михайлович Белозерский. Далее он пишет: «Белозерское княжество оставалось независимым до конца 70-х годов XIV в. Князь Федор Романович Белозерский упоминается в числе других владетельных русских князей — участников похода на Тверь в 1375 году. Через 5 лет **Федор Белозерский вместе с сыном Иваном** вновь "сел в стремя" по призыву Дмитрия Московского. В битве на Куликовом поле оба Белозерские князя погибли. Возможно, что власть в их княжестве на короткое время перешла ко второму сыну Романа Михайловича Василию или же к старшему сыну последнего Юрию. Однако пресечение старшей линии Белозерских князей, родственные связи Федора Романовича с московским великокняжеским домом *(как доказал А. И. Копанев, женой князя Федора была дочь Ивана Калиты Феодосия)* способствовали переходу Белоозера в руки великого князя Дмитрия Ивановича Московского».

«Д. И. Иловайский (*в брошюрке о Куликовской битве, изданной для народа по случаю 500-летней годовщины Куликовской битвы)* **в числе Белозерских князей, участвовавших в Битве,** называет **Семена Михайловича Белозерского,** которого считает **племянником Федора Романовича»** [А. В. Экземплярский, 45, с. 162, прим. 484].

Наш комментарий:

Возможно и так, ведь мы не знаем, какими источниками пользовался Д. И. Иловайский.

«**Карголомские князья** — происходили от Василия Романовича, князя Сугорского, сына Романа Михайловича, последнего удельного князя Белозерского. Они назывались так по главному центру своих владений, селу Карголому, волость которого тянулась по берегу Белого озера к Кубенскому, начинаясь несколько выше устья Шексны. Они владели и Ухтомской волостью, которая впоследствии отделилась от Карголома. Первым князем Карголомским был 4-ый сын Василия Сугорского Иван, живший в конце XIV в.» [142].

Наш комментарий:

Эта информация свидетельствует о существовании в то время удельных князей Карголомских, а посему их участие в Куликовской битве вполне реально. Но пока нет информации о карголомском князе Глебе

«**Кемское княжество**. Небольшое феодальное владение на р. Кемь на территории современной Вологодской области (не путать с городом Кемь и рекой Кемь в Карелии, находящихся на побережии Белого моря. — *Прим. сост.*). Во 2-й половине XIV в. удельный князь Белозерский Василий Романович выделился из совместного с братом Федором Белозерского княжения и получил в самостоятельное владение, кроме Сугорья, земли по рекам Кемь, Согожа, Сога, а также часть Череповецкой волости. Уже скоро и этот удел стал дробиться, в результате чего северная его часть, куда входили собственно кемские волости, находившиеся в бассейнах рек Кемь, Ухтома, Шексна и Колокша, оказались в руках старшего сына Василия Семена, который стал первым и последним владетелем Кемского княжества» [В. Богуславский, 112, с. 549].

Наш комментарий:

Вновь убеждаемся, что и Кемское удельное княжество существовало в конце XIV в., но имя кемского князя Андрея также не упоминается.

Каргопольское удельное княжество. С информацией об этом княжестве нам повезло больше. Изначально доступна была информация от составителей замечательного сборника «Повести о Куликовской битве», где они в своем комментарии [83, с. 280], к сожалению, бездоказательно заменили название Каргопольского удела и титул его князя на «Карголомский». Однако местные краеведы оказались не равнодушны к истории своего края. Вот что они сообщают нам:

1. «Каргополь — один из древнейших городов Архангельской области, а район, который он объединяет — один из тех, какие человек начал заселять за несколько тысячелетий до нашей эры. Обширные археологические исследования по берегам рек Свидь и Онега, озер Воже и Лаче, проведенные в последние 60—70 лет, установили, что район в непосредственном соседстве с современной территорией Каргополя был обжит еще задолго до основания города. Древнейшие поселения человека в этом районе относят к 4-му тысячелетию до нашей эры. На стоянках найдено много различных предметов домашнего обихода и промысловых орудий... Большое количество найденного археологического материала позволило установить, что неолитическая культура, сложившаяся в районе озер Лаче, Кенозеро, Воже и верховьев Онеги, во многом отличается от культур других районов, например, беломорской, карельской, печорской. Этой культуре, сложившейся в период от 4000 до 3000 лет до н.э., дано название Каргопольской. О времени осно-

вания города Каргополя документов не сохранилось. Возможно, что населенный пункт, предшественник Каргополя, возник в начале XI века, что заложили его новгородцы, спускавшиеся по реке Онеге к Студеному морю. Тогда этот населенный пункт славянского происхождения... В XII–XIV веках Каргополь входил в состав Белозерского удельного княжества...» [140].

2. «В литературе Каргополь относится к числу древнейших поселений на севере России... Это подтверждают и проведенные на Соборной площади города археологом А. В. Суворовым раскопки, зафиксировавшие слой XIV–XV вв.

Что касается каргопольских князей, то есть два свидетельства, подтверждающие их существование. К. А. Аверьянов *(см.:* Купли Ивана Калиты. М.: Энциклопедия российских деревень, 2001. – *Прим. сост.)* считает, что **первый источник остался до сих пор вне поля зрения историков, занимающихся XIV веком.** (Не знаю насчет историков, но Г. В. Алферова и К. П. Гемп в своих книгах о Каргополе на этот источник указывают. – *Прим. М. К.*). Источник довольно любопытный... **В московском Ново-Спасском монастыре на сводах паперти соборной церкви Преображе-**

Князь Феодор Каргопольский. Фрагмент росписи храма Преображения Господня Новоспасского монастыря в Москве

ния Господня до сих пор сохранилось написанное в XVII веке масляными красками **“Родословное древо российских государей”.** Оно начинается с первых русских князей и заканчивается сыновьями Ивана IV — Федором и царевичем Дмитрием. Представлено в виде дерева (а в средневековье именно так изображались генеалогические таблицы), которое своими ветвями покрывает свод. Среди ветвей находятся круги, в которых изображены великие и удельные князья и цари**. По склонам свода, с правой стороны, среди прочих изображены князья:** Иоанн Дмитровский, **Феодор Каргопольский,** Василий Михайлович, Петр Дмитриевич. Помещение этих лиц в “Родословном древе” московских князей объясняется довольно просто: все они были связаны с ними тесными узами родства и свойства. И хотя имя князя Феодора Каргопольского в других источниках более не встречается, **судя по биографиям лиц, изображенных на соседних с ним портретах, можно полагать, что он жил приблизительно во второй половине XIV века и был связан родственными узами с московским княжеским домом.** Таким образом, можно уверенно говорить о Каргополе как центре особого удела в XIV веке. Такой вывод делает К. А. Аверьянов, проанализировав этот источник.

Второй источник — Киприановская редакция “Сказания о Мамаевом побоище”. Вот что говорится в “Сказании” о белозерских князьях. Узнав об угрозе нашествия Мамая, на помощь к Дмитрию Донскому в Москву пришли белозерские князья: “И приидоша князи белозерстии, крепцы суще и мужествени на брань, с воинствы своими: *князь Федор Семенович, князь Семен Михайлович, князь Андрей Кемский, князь Глеб Каргопольский; приидоша же и Андомскиа князи...*” После завершения битвы князь Владимир

Андреевич Серпуховский послал искать раненого великого князя Дмитрия Ивановича. Только двоим воинам, отклонившимся в сторону от основного места поисков, в итоге удалось обнаружить лежащего без сознания Дмитрия. Едва оправившись от ран, он вместе с князем Владимиром Андреевичем отправился объезжать поле сражения, прощаясь с убитыми товарищами: "И наеха место, идеже лежаху вкупе восемь князей белозерских убиеных, бе же сии мужествени и крепки зело, яко нарочитые и славнии удальци, и яко едина ради умре, и со множеством бояр их". Далее перечисляются имена наиболее знатных или проявивших особую отвагу из числа погибших: "их же имена суть сиа: князь Федор Романович Белозерский и сын его князь Иван, князь Федор Семенович...".

Н. М. Карамзин, описывая Куликовскую битву, заметил, что большинство из упомянутых "Сказанием о Мамаевом побоище" белозерских князей не встречается в уже опубликованном к тому времени их родословии, помещенном в "Бархатной книге". Историограф оценил "Сказание о Мамаевом побоище" как источник... во многом баснословный. Точку зрения Н. М. Карамзина поддержал С. М.Соловьев. По его мнению, значение Куликовской битвы было настолько велико, "что одним сказанием не могли ограничиться. О подобных событиях обыкновенно обращается в народе много разных подробностей, верных и неверных: подробности верные с течением времени, переходя из уст в уста, искажаются, перемешиваются имена лиц, порядок событий; но так как важность события не уменьшается, то является потребность собрать все эти подробности и составить из них новое украшенное сказание; при переписывании его вносятся новые подробности".

Мнение Н. М. Карамзина стало господствующим в отечественной историографии XIX – первой половины XX в. Тем не менее, ряд историков все же выражал сомнение в этом выводе. Впервые вопрос о степени достоверности упомянутых в "Сказании" белозерских князей был поставлен Л. А. Дмитриевым. По его мнению, в том, что в "Сказании" названы князья кемские, андомские, каргопольские, упоминается о смерти 8 белозерских князей[1], есть все основания видеть отражение реальных фактов, по иным источникам нам неизвестных, а не ошибки или выдумки автора "Сказания". **Все эти уделы – Кемский, Каргопольский, Андомский – образуются в составе Белозерского княжества в годы с конца XIV – начала XV в., и уже в том же XV веке все они прекращают свое существование.** Это были настолько мелкие и кратковременно существовавшие уделы, что **упоминание их как самостоятельных единиц в "Сказании" говорит о том, что оно было написано не позже начала XV века, когда эти уделы еще имели какое-то значение.** Л. А. Дмитриев отмечал, что до нашего времени дошло очень много списков "Сказания о Мамаевом побоище" в разных вариантах. Один из таких вариантов с текстом памятника, наиболее близким к первоначальному авторскому тексту произведения, был опубликован Л. А. Дмитриевым в книге "Русские повести XV–XVI вв." (Л., 1958). Прибытие белозерских князей к

[1] *Наш комментарий*: Большинство списков «Сказания» и многие редакции «Задонщины» (см. таблицу в Предисловии) сообщают в эпизоде с подсчетом потерь в русском войске, что погибло 12 князей Белозерских. Собственно, к этой цифре мы и склоняемся более всего и пытаемся показать ее приемлемость и достоверность.

Дмитрию Донскому этот вариант описывает так: “И приидоша к Москве белозерские князи: Феодор Семенович, да князь Семен, ...да князь Глеб Каргопольский с вои своими... доспехи на них и шеломы, яко вода колышет морскими волнами. По числу же с ними приидоша белозерские и каргопольские силы 30000”.

“Этот вариант “Сказания” прямо указывает на принадлежность Каргополя к Белозерскому княжеству, а определение князя Глеба князем каргопольским соответствует действительности”, — таково мнение К. А. Аверьянова по поводу этого источника. Исследователь проанализировал литературу по генеалогии, новгородские и псковские летописи, синодики, вошедшие в научный оборот (синодики считаются у ученых достаточно достоверным источником при изучении родословий), древнейшие акты Кирилло-Белозерского монастыря, датируемые 1397—1408 гг., актовые печати XIV—XV вв., что позволило К. А. Аверьянову составить полное родословие белозерских князей XIV века.

Князь Ф. Белозерский — участник Куликовской битвы. Скульптор В. В. Глебов-Вадбольский, потомок Белозерских князей. Из экспозиции музея Куликовской битвы в с. Монастырщина

Упомянутых в “Сказании о Мамаевом побоище” **князей Федора Семенови-**

ча и Глеба Каргопольского К. А. Аверьянов, исходя из времени жизни этих князей и своих логических рассуждений на основе проработанных источников, **признал братьями** (*т.е. князь Глеб, по К. А. Аверьянову — тоже Семенович*), **а изображенный** в "Родословном древе российских государей" **на паперти соборной церкви Московского Новоспасского монастыря князь Феодор Каргопольский — это он же, Федор Семенович, участник Куликовской битвы, погибший в этой битве.** Будем надеяться, что последующие исследователи обнаружат дополнительные свидетельства, подтверждающие мнение К. А. Аверьянова о Каргопольских князьях Федоре и Глебе, о их родстве. Для нас же на данный момент самым важным является следующий вывод К. А. Аверьянова: уже до своего первого упоминания под 1378 годом в дошедших до нас источниках Каргополь оказывается крупным городом Русского Севера и центром самостоятельного княжества, входившего в состав Белозерской земли.

Ссылаясь на К. А. Аверьянова, мы можем с уверенностью, с гордостью за своих предков говорить о том, что каргопольцы участвовали в Куликовской битве» [М. Крючкова, 67].

Андомские князья. «Андогские или Андомские (как пишутся в Родословце) князья, вероятно, получили прозвание по этой же местности, **но не от реки** (не путать с рекой Андома и Андомской возвышенностью на территории современной Карелии. — *Прим. сост.*), **а от земли (ando — конец и maa — земля).** Этот род Рюриковичей составляет 5-ю ветвь князей Белозерских и с родоначальника тянулся 4 поколения (16 лиц). Родоначальником князей Андомских был правнук Белозер-

ского князя Василия Романовича — Михаил Андреевич. Впрочем, имея в виду, что князем Андомским назывался и младший брат его — бездетный князь Семен — мы должны заключить, что в руках отца их, Андрея Юрьевича, уже соединялись волости Андога (Андома) и Вадбола (по которой дано прозвание князьям Вадбольским)» [134].

Наш комментарий:

Б. М. Клосс [82, с. 205] считает, что правильное название этих князей «андожские», потому что прозвище свое они, якобы, получили по владениям на р. Андоге, правом притоке р. Суды. Нам же кажется, что летописи не случайно их упорно называют «андомскими», и их прозвище действительно произошло от перевода слова «андома» — «конец земли», потому что территория Белоозерского княжества являлась северной окраиной Русской Земли. **Имена андомских князей, участников Битвы, нам неизвестны.**

Храм прп. Сергия Радонежского на Красном холме (фото свящ. Валерия Мешкова)

‡ *Князья Белозерские (числом 12, поименно известны 8)*

В Коломне были определены и шли к Полю Битвы в составе *Большого Полка*. Все они погибли, сражаясь в *Передовом Полку* и в *Полку Левой Руки:*

Феодор Романович

Иоанн Феодорович, *сын его*

Семен Михайлович

Феодор Семенович *Каргопольский*

Глеб *Семенович* ***Каргопольский***

Андрей *Иванович* ***Кемский***

Глеб Карголомский

Андрей Карголомский

Андомские князья

(по-видимому, их было четверо; имен установить не удалось)

Источник информации и содержание:

Материал по Белозерским князьям весьма сложен: очень много разночтений и различных мнений об именах этих князей и принадлежности их к тем или иным уделам Белозерского княжества. Сопоставление материалов по источникам привело нас к мнению, которое мы излагаем в этой работе. Было и у нас желание упростить этот материал и свести число Белозерских князей к тому минимуму, который представлен отечественными историками: хотелось поверить их комментариям,

Князья Белозерские. Художник В.П.Криворучко (1981)

опубликованным в изданных ими трудах, посвященных Куликовской битве. Однако, проанализировав все доступные нам материалы, мы все же решили не изымать из Синодика ни одного имени Белозерских князей, названных первоисточниками. Во вступительных заметках к этой главе мы уже говорили, что Белозерские князья дальше всех проживали от Москвы — на дальнем Русском Севере, но были они не только близкими великому князю по родству, но и верными ему соратниками. Конечно, всех имен Белозерских князей, участвовавших в Куликовской битве, воссоздать не удается, но числом их было, по-видимому, **12** (другие цифры, встречающиеся в отдельных списках Сказания: 15 — в Вологодско-Пермской летописи, 8 — в Сказании по варианту Ундольского, 17 — в редакции Летописца князя Хворостинина, — реальными нам не показались). Б. М. Клосс считает, на наш взгляд бездоказательно (*см. нижеприведенные тексты и комментарии*), что их было только двое: Федор Романович и сын его Иван Феодорович. Повторимся, что Белозерским князьям-воеводам особен-

но доверял великий князь Димитрий Иванович, ибо поставлены были они на самых опасных и ответственных участках сражения, где и погибли все как один.

Попытаемся представить материалы из первоисточников в хронологической последовательности, чтобы не упустить никакой информации о славных сынах нашего Отечества.

Эпизод 1.
О том, как пришли князья Белозерские на помощь великому князю Московскому Димитрию Ивановичу.

Сказание о Мамаевом побоище.
Основная редакция [24]

> *Стр. 251:* И пришли к нему **князья Белозерские**, готовы они к бою и хорошо устроено воинство их: князь **Федор Семенович**, князь **Семен Михайлович**, князь **Андрей Кемский**, князь **Глеб Каргопольский** и **андомские князья**.
>
> *Комм. на стр. 280:* ...Вместо «Каргопольский» следует читать «Карголомский». **Кемский и карголомский — название мелких удельных князей. Их уделы входили в состав Белозерского княжества** и существовали только в конце XIV — начале XV вв.

Наш комментарий:

Этот комментарий авторов сборника устарел и опровергнут нами во вступительных заметках к этой главе: местные краеведы «откопали» информацию о существовании в XIV в. в составе Белозерского княжества Каргопольского удела.

О том, что к великому князю Димитрию Ивановичу пришли готовые к бою князья Белозерские, сообщают практически ***все списки Сказания,*** иногда с некоторыми подробностями, как, например, в списке Михайловского (*см. ниже*). В перечне имен Белозерских князей, пришедших к великому князю, обнаружены следующие:

1. **Федор Семенович** *(во всех списках)*;

2. **Семен Михайлович** *(во всех списках)*;

3. **Андрей Иванович Кемский** *(«кемский» или «кимской» в некоторых списках заменено на: а) «скимский», «скимской» — в Редакции Синопсиса; б) «киевский» — в редакции Михайловского, что, по-видимому, является ошибкой переписчиков. В Летописной редакции по списку ГИМ, Синод. собр. № 485, титул этого князя звучит «кемский и андомский», что вряд ли достоверно. Отчество «Иванович» приведено только в редакции Михайловского)*;

4. **Глеб Каргопольский** *(такое имя названо в следующих редакциях: Основной по списку ГПБ, Синопсиса, Забелинском списке, списке Михайловского и других. В Ермолаевском списке к нему добавлено «Цинодский»; в редакции Пантелеймона Кохановского — «Цинодовский», а в Распространенной редакции по списку ГПБ, собрание Погодина № 1414, звучит «Каргопольский и Андомский». Все «добавки» к «каргопольскому» являются, на наш взгляд, ошибкой переписчиков, ибо в указанных списках мы уже неоднократно замечали подобные «странности». В данном случае «Цинодский/Цинодавский» — вообще непонятные названия. Скорее всего, это искажение слова «андомския». Поскольку в других редакциях после слова «Каргопольский» обычно идут «андомския князи» или просто*

«андомския» — во множественном числе, что также подразумевает князей андомских, то смеем думать, что приписка к имени Глеба Каргопольского «и андомский» — это также искажение слова «андомския» при потере слова «князи» при переписке).

5. **Глеб Карголомский** *(упоминается в Летописной повести о Куликовской битве в составе Вологодско-Пермской летописи);*

6. **Андрей Карголомский** *(упоминается в Основной редакции Сказания по варианту Ундольского);*

7. **Андомские князья** *(упоминаются в большинстве списков, но, к сожалению, не названы по именам).*

Для наглядности этого перечня приведем ниже фрагменты из текстов некоторых редакций Сказания.

Сказание о Мамаевом побоище.
Летописная редакция [23]

Стр. 85–86: К великому же князю на Москву мнози люди приспеша и вси... глаголаху: «Дай же нам, Господи, единеми усты и единем сердцем умрети и Святое Писание совершити, имяни Его ради и веры ради христьянские». Приидоша же **князи белозерския**, подобни суть воином быти, *велми бо доспешно и конно войско их*. И прииде **князь Федор Семенович Белозерский, князь Семен Михайлович, князь Ондрей кемски и андомский, князь Глеб карголомский...**

Сказание о Мамаевом побоище
(*вариант Ундольского*) [22]

Стр. 148–149: Приидоша к нему **князи Белозерские**, подобни бо сущее воеве, велми учреждено

воиско их: князь же **Феодоръ Семеновичь**, князь **Семенъ же Михаиловичь**, князь **Ондреи Кемскои**, князь **Андреи Карголомскыи**, **андомскые князи...**

Сказание о Мамаевом побоище *в редакции Летописца князя И. Ф. Хворостинина* [20]

Стр. 264: И в те поры приидоша к великому князю Дмитрею Ивановичю на помочь **белозерския князи** с своею силою, храбры зело и буявы, а се им имена: **князь Федор Семенович, князь Семен Михаилович, князь Ондреи Кимскои, князь Глеб Каргопольскои и Андомския.**

Сказание о Мамаевом побоище *в редакции 1681 г. Пантелеймона Кохановского* [19]

Стр. 351: Приехали теж тут **же князи белозерскии** з пристройными барзо великими войсками: **князь Феодор Семеновичъ, князь Семен Михайловичъ, князь Андрей Скимский, князь Глеб Каргопольский и Цинодовский**...

Сказание о Мамаевом побоище *по списку Михайловского* [28]

Стр. 21: **И приидоша к Москве белозерские князи: Феодор Семенович да князь Семен, да князь Андрей Иванович киевский** (ошибка переписчика, читать следует «кемский». — *Прим. сост.*), да **князь Глеб Каргопольский** с вои своими вельми учреждено — доспехи на них **и шеломы, яко вода колышет морскими волнами**. По числу же с ними приидоша белозерские и каргопольския силы 30 000.

Довольно интересно о прибытии белозерских дружин в Москву и Коломну рассказывается и в произведениях писателей-историков:

Ю. М. Лощиц. Дмитрий Донской [76]

> *Стр. 242: По Владимирской дороге* уже прибывали в Москву полки из городов и удельных княжеств Междуречья... Не отстали *и самые далеко живущие* — **белозерцы, князь Федор Романович с сыном Иваном.** И Федора Романовича хорошо помнил Дмитрий по походу 75-го года. Поклон белозерцам: притомили коней, притомились сами, зато поспели в срок...

Наш комментарий:

Здесь появляются новые имена князей Белозерских: Федор Романович с сыном Иваном Федоровичем. Это произведение художественно-историческое, и имена в нем представлены в авторском произволении. Мы же покажем их в порядке летописной хронологии чуть позже.

В. А. Чивилихин. Память [105]

> *Стр. 534:* Дисциплинированность, организованность и мобильность армии Дмитрия попросту поражает! *Самая трудная военная дорога ждала* **князя Андрея кемского** — *он собирал своих воев на далекой северной реке Кеми, текущей в Белое озеро*, и устюжских князей с Сухоны, неблизок был путь псковичей с Чудского озера, новгородцев с Ильменя, дружины Глеба Друцкого с правобережья Днепра, витязей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей с литовского пограничья. Все они через болота и леса «лезли воедин день и нощь», пре-

одолевая в сутки по 60–85 километров, что было рекордной скоростью для тех времен и условий.

Эпизод 2.
Об уряжении полков в Коломне.

Сказание о Мамаевом побоище.
Основная редакция [24]

Стр. 257: (Коломна. – *Прим. сост.*): Князь же великий с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, выехал на высокое место, увидел множество людей и возрадовался **и назначил воеводу в каждый полк. К себе же в полк взял великий князь Белозерских князей,** а в правую руку назначил брата своего, князя Владимира, дав ему в полк ярославских князей...

Наш комментарий:

Этот текст сообщает нам о том, что при уряжении русского войска в Коломне **Белозерские дружины** под командованием своих князей были взяты великим князем Димитрием Ивановичем в свой ***Великокняжеский (или Большой) Полк.*** Подобная информация встречается и в других списках Сказания.

Димитрий Иоаннович Донской,
или История о Мамаевом побоище [3]

Стр. 52: Рано поутру великий князь повелел князьям, боярам и воеводам вывести свои войска на лежащее близ города (Коломны. – *Прим. сост.*) Девичье поле, учредил каждому полку воеводу и расставил все воинство в строй. Среднюю часть оного, состоящую из московских, храбрых и опытных

полков, **князей Белозерских, как самых лучших во всем войске, он принял в собственное управление.**

Эпизод 3.
О расстановке войск перед Битвой и об участии белозерцев в Побоище.

Новгородская летопись
по списку П. П. Дубровского [13]

Стр. 134: Князю же великому Дмитрию Ивановичю пришедшю за Дон в поле чисто, в Мамаеву землю, на усть Непрядвы реки, и став ту князь велики подостоящу полки разрядив и воеводы учинив. И быша у него тогда **в передовомъ полку** по божественеи вере самобратныя князь Ондреи и Дмитреи Олгердовичи, да боярин и воевода Микула Васильевич, да **князь Федор Романович Белозерскии**.

Наш комментарий:

Здесь мы встречаем имя **князя Федора Романовича Белозерского**. Кроме того, эта летопись предоставляет нам самую подробную информацию о составе командования русских полков в бою. Так, видим здесь, что Белозерские князи (а самым старшим из них, по-видимому, был Федор Романович, о котором говорится здесь), а с ними и все белозерское войско, были поставлены на передний и самый опасный край — *в Передовой Полк, принявший на себя вместе со Сторожевым Полком самый первый и самый тяжелый удар.*

Н. М. Карамзин.
История Государства Российского [61]

Стр. 38—39: ...Войско перешло за Дон, и стало на берегах Непрядвы, где Дмитрий устроил

все полки к битве. **Въ средине** находились Князья Литовские, Андрей и Димитрий Ольгердовичи, **Феодоръ Романовичь Белозерский** и Боярин Николай Васильевичъ...

Наш комментарий:

С предыдущим текстом, похоже, разночтений нет, т.к. «въ середине», т.е. на средней линии, вполне подходит под расположение Передового Полка в общем устроении русского войска.

В. Н. Татищев. История Российская [96]

Стр. 145: Пред свитанием септемврия 8 дня приидоша сторожевыя, возвесчаюсче, яко татаре идут, слышан бысть топот конский и шум велий. Тогда князь великий созва вся князи, и уложища, яко князю великому быти в середине и смотрети на вся полки, камо потребно будет помогати; *направе* стати Ольгердовичем с северским и новогородским полками и псковичи; **налеве *белозерским*** *и ярославским*; *впереди* тверскому (по-видимому, Холмскому. — *Прим. сост.*), а князю Володимеру Андреевичу и князю Димитрию нижегородскому *позади*, и когда узрит татар наступая, то ему стати *в засаде в дуброву* у реки Дону, а на его место стати Дмитрию. И тако разрядившее начаша вооружатися.

Наш комментарий:

В этом тексте Белозерское войско попадает в *Полк Левой Руки («налеве»)*, что подтверждается у этого же автора и описанием самой Битвы (*см. ниже*).

Стр. 146: И бысть тяшчайший бой... *Большой полк* владимирский и суздальский, бияся на едином месте, не можаше одолети татар, зане многие побиении пред ними лежаху; ни татаре могусче я сломити, князь бо Глеб брянский и тысяцкий великого князя Тимофей Васильевич храбрии и сильнии зело крепце бишеся и не даюсче татаром одолевати. *На правой стране* князь Андрей Ольгердович не единою татар нападши и многих избил, но не смеяше вдаль гнатися, видя *большой полк* недвижусчийся и яко вся сила татарская паде на средину и лежи, хотяху разорвати. Егда же татарове начаша **левую руку князей Белозерских одолевати,** и минуша дуброву, идее же стояше князь Володимер Андреевич и воевода литовский Дмитрий Волынец *с засадою*, тии видевше сие, удариша со стороны и в тыл татаром. А князь Дмитрий Ольгердович *созади большого полку* вступи на то место, где оторвася *левый полк*, и нападе с северяны и псковичи на больший полк татарский. Тогда же князь Глеб брянский *с полком володимерским и суздальским* поступи чрез трупы мертвых, и ту бысть бой тяжкий...

Наш комментарий:

Могли, конечно, белозерские дружины, как опытные воинские подразделения, быть назначенными в два из основных полков, ведь князей-воевод Белозерских было много. Будем считать, что белозерцы сражались в *Передовом Полку и в Полку Левой Руки*.

Эпизод 4.
По окончании Битвы

Задонщина. Слово Софония Рязанца [9]

Стр. 215: ...Не туры рычат на поле Куликовом, побежденные у Дона великого, застонали побитые князья русские и воеводы великого князя и **князья Белозерские, побитые погаными татарами: Федор Семенович,** Тимофей Волуевич**, Семен Михайлович**, Микула Васильевич, Андрей Серкизович, Михайло Иванович **и иной много дружины**. А другие лежат побитые у Дона на берегу.

Летописная повесть о побоище на Дону [10]

Стр. 235: Тогда же на том побоище **убиты были** в схватке: **князь Федор Романович Белозерский и сын его Иван,** князь Федор тарусский, брат его Мстислав, князь Дмитрий Монастырев, **Семен Михайлович,** Микула, сын Васильев тысяцкого... и многие другие, имена которых не написаны в этих книгах; были написаны только князья и воеводы и имена знатных и старейших бояр...

Стр. 241, прим. 27: **Убитые бояре и воеводы перечислены в Синодике, хранящемся в ГИМ** в Москве (Синод. собр. № 667, листы 68–68об., рукопись на пергаменте написана полууставом XV в.): «***Князю Федору Белозерскому и сыну его Ивану, убиенным от безбожного Мамая, вечная память*** (на полях приписано: *Константину Ивановичу*). *И в той брани избиенным:* ***Симеону Михайловичу****, Никуле Васильевичу, Тимофею Васильевичу* (на полях приписано:

Валуевичу), *Андрею Ивановичу Серкизову, Михаилу Ивановичу и другому Михаилу Ивановичу, Льву Ивановичу, Семену Мелику и всей дружине их, **по благочестию скончавшимся за святыя церкви и за православную веру, вечная память*** (сбоку написано: *возглас*)».

Рассказ о Куликовской битве в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи [16]

Стр. 10: И ту убиени быша на суиме **князь Федоръ Романович Белозерскыи, сынъ его князь Иванъ Федорович, Семен Михайлович**... и иные многие...

Сказание о Мамаевом побоище (*вариант Ундольского*) [22]

Стр. 184: Ехав же на место, идеже **лежатъ осмеи князеи белоозерскыхъ** вкупе побитых, толми бысть крепко бишася, един единого ради умре.

Комм. на стр. 220: Указание **на восемь убитых** на Куликовом поле **Белозерских князей** явно **ошибочно. В битве погибли два Белозерских князя**. Цифра восемь появилась, по-видимому, из-за ошибки переписчиков текста, передавших цифру **«В» (2) как «И» (8).**

Наш комментарий:

Думается, что уважаемый автор сего комментария Б. М. Клосс, конечно, имеет право на собственное мнение, но все же оно очень неправдоподобно, ибо, во-первых, число убитых Белозерских князей указано в тексте словом «осмеи», а не цифрой; и во-вторых — как

же быть в таком случае с цифрой «12», ведь именно столько их было названо при подсчете потерь русского войска во многих редакциях Сказания и Задонщины.

Димитрий Иоаннович Донской, или История о Мамаевом побоище [9]

Стр. 78: Другие принесли тело князя **Феодора Семеновича Белозерского**, коего узрев, ужаснулись, почтя его за великого князя; ибо он имел с ним чрезвычайное сходство.

Стр. 80: Первые из попавшихся его очам были **восемь князей Белозерских**; они **лежали мертвые в том же порядке, как бились живые**.

«Задонщина». Краткая редакция по Кирилло-Белозерскому списку [5]

Стр. 91: ...избиении от поганыхъ князи великих и боляръ сановных, **князя Феодора Романовича Белозерскаго и сына его князя Ивана**, Микулу Васильевича, Феодоръ Мемко, Иванъ Сано, Михило Вренковъ, Иаковъ Ослебятинъ, Пересвет чернець и иная многая дружина.

Комм. на стр. 94: Перечень убитых в Кирилло-Белозерском списке (К-Б) существенно отличается от перечней других списков «Задонщины». В сравнении с Синодальным списком, который в принципе соответствует данным Троицкой летописи (ср. Рогожский летописец и Симеоновскую летопись) и Новгородско-Софийского свода (ср. Софийскую I и Новгородскую IV летописи), **искажено только отчество Белозерского князя Федора Романовича — здесь он назван Федо-**

ром Семеновичем. Ошибка содержалась в протографе существующих списков «Задонщины». В списке К-Б **правильно назван Федор Романович Белозерский, упомянут сын его Иван** — это свидетельствует о пользовании летописным источником, откуда также могли быть переписаны имена Федора Мемко и Ивана Сано (*см.: Салмина, 1966, с. 382–383*).

Наш комментарий:

Мы опять не согласны с автором комментария Б. М. Клоссом в той части, где он сообщает, что имя Федора Семеновича является искаженным именем Федора Романовича. Даже в немногочисленных наших отрывках из летописей и текстов Задонщины и Сказания — это не одно и то же лицо, а одно из имен, которое наиболее часто упоминается в событиях Куликовской битвы. Кроме того, просмотрев множество первоисточников, мы нигде не нашли рядом с именем Федора Семеновича имени его сына, а вот **имя Федора Романовича всюду упоминается вместе с его сыном Иваном Федоровичем.** Подобное наблюдение, на наш взгляд, является достаточно веским подтверждением того, что это — разные люди. Добавляем к нашему списку Белозерских князей следующие имена:

— **Федор Романович**;
— **Иван Федорович**, сын предыдущего.

Таким образом, **вписываем в наш Синодикъ 8 (восемь) имен Белозерских князей, а также князей андомских** (поскольку всего белозерских князей было 12, а в источниках обнаружено принадлежащих им имен — 8, то остальные четверо, по всей вероятности, были андомскими).

Для сравнения с нашим результатом приводим список М. Д. Каратеева:

М. Д. Каратеев. Участники Куликовской битвы [62]

Стр. 10: А. КНЯЗЬЯ — УЧАСТНИКИ СРАЖЕНИЯ

16. †† **Белозерский, Федор Романович**.
17. †† **Белозерский, Иван Федорович**.
18. †† **Белозерский, Семен Михайлович**.
19. †† **Белозерский, Федор Семенович**.

Почти во всех летописях и «сказаниях» названы имена и отчества двух последних, но они всюду упоминаются в группе Белозерских князей, которая была очень многочисленна. Наряду с ними, те же источники отдельно упоминают князей Федора Романовича и Ивана Федоровича, — отсюда ясно, что ошибаются те историки, которые считают, что тут речь идет лишь о двух князьях, которым летописцы по незнанию приписывают различные имена и отчества, — тем более, что эти имена совершенно не сходны между собою. Большинство первоисточников указывает, что в Куликовской битве пало двенадцать князей Белозерского дома, — очевидно Семен Михайлович и Федор Семенович входят в это число независимо от двух предыдущих.

20. †† **Андомский, Андрей**, из группы князей Белозерских.

21. † **Кемский, Семен Васильевич,** из князей Белозерских (по некоторым летописям Андрей).

22. † **Карголомский, Глеб**, из князей Белозерских.

23. † **Каргопольский?**

Возможно, что тут описка летописца и что это тот же князь Глеб Карголомский. Но стоит вспомнить следующее: княжество Карголомское (по имени села Карголома) было одним из уделов князей Белозерских; княжество Каргопольское (по городу Каргополю) одно время существовало тоже и, по всей вероятности, было уделом тех же князей, ибо Каргополь находился в сорока верстах от реки Ухты, то есть от княжества Ухтомского, которым тоже владели Белозерские князья.

Наш комментарий:

Таким образом, независимо друг от друга, мы с М. Д. Каратеевым пришли к очень близкому мнению относительно состава Белозерских князей. Жаль только, что не существует архива этого ученого, и мы не можем знать, какими источниками он пользовался. Отсюда и некоторые неувязки. Например, мы нигде не встречали имени Семена Васильевича Кемского, как участника Куликовской битвы. Знаем только, что такой князь — Семен Васильевич Кемско-Сугорский — жил в то время, но об участии его в Куликовской битве, а тем более о гибели его в этом сражении известий не встретили.

Наш список представителей Белозерского княжества, участников Мамаева побоища, приводится в заглавии этого раздела.

Ростовское княжество

Избранные ростовские святые молятся перед иконой Владимирской Божией Матери. XVIII век.

Заметки о Ростовском княжестве

В Древней Руси только два города назывались Великими: первым был Новгород, ***вторым — Ростов,*** который расположен «на низменном ровном берегу озера, по Нестору, *Ростовскаго*, позднее называвшегося *Неро*, а у мордвы, в старину, *Каово*» [А. В. Экземплярский, 45, стр. 10]. Во время оно Ростов даже претендовал быть столицей древнерусского мира. «Еще до прихода славян возникло здесь большое мерянское городище. Одна из окраин Ростова долго считалась “Чудским концом”: все угро-финские племена на языке наших предков были “чудью”» [128].

Сей град существовал уже до призвания Рюрика и принадлежит к числу древнейших русских городов. Время основания его неизвестно, «…составители временников и отдельных сказаний XVII в. измыслили Росса — основателя Ростова (См. «Памятн. Древн. Обитат. Яросл. Губ.» в Яросл. Губ. Вед. 1859 г.». — *Авторская сноска А. В. Экземлярского*). Что касается происхождения самого названия Ростова, то наши ученые, конечно, на основании аналогичных примеров, производят его от собственного личного имени Роста:

Ростов — город Роста, как по известному сказанию, Киев город Кия. Так как Ростов при Рюрике является уже с своим славянским именем, то надобно полагать, что Ростовская область еще задолго до призвания Рюрика была колонизирована (хотелось бы лишь сформулировать более верно — не «колонизирована», а «колонизована»[1]. — *Прим. сост.*) новгородскими славянами. Первоначальными же насельниками этого края, как и соседнего с ним, теперешней северо-западной части Владимирской губернии, были меряне — племя финское: “первые насельницы… в Ростове — меря”» [А. В. Экземплярский, 45, стр. 11].

Ростовский Архиерейский дом (кремль). 1844 г. Художник И.М.Белоногов (1800–1871). Собрание Ростовского музея

«В начале X века Ростов хотя и управлялся особыми князьями, но зависел от киевских князей, которые ставили его в один ряд со знатнейшими городами Руси… Любечский съезд (1097 г.) окончательно утвердил Ростовскую землю за Владимиром Мономахом и его потомками. С этого времени в ней появился самостоятельный князь, среди которых наиболее известный — Юрий Дол-

[1] Колонизовать — присоединять и осваивать земли, не имевшие какой-либо государственности (зачастую пустынные), без нарушения суверенитета местного населения (оно не обращалось в рабское состояние).

горукий, объединил ростовское княжение с суздальским и построил здесь ряд городов: Кснятин, Юрьев-Польский, Дмитров и др… В 1212 году Всеволод Большое Гнездо разделил Ростово-Суздальское княжество между сыновьями… Ростовским княжеством владел Константин. Константин Всеволодович, став в 1216 году великим князем владимирским, разделил Ростовское княжество между сыновьями. При них *из состава Ростовского княжества выделились* ***Ярославское и Углицкое***, а после 1238 г. — ***Белозерское княжества…*** В 1316 г. сыновья князя Василия Константиновича, Федор и Константин, даже сам Ростов поделили между собой: Федор взял Сретенскую сторону, а Константин — Борисоглебскую… С середины XIV века Ростовское княжество попадает под влияние московских князей. Иван Данилович Калита приобрел у ростовских князей Углич, а ***во 2-ой половине XIV века ростовские князья стали подручниками великого князя московского и владимирского. Так, в 1371 году они вместе с Дмитрием Ивановичем ездили в Орду за ярлыками, в 1375 году ходили в Тверь, в 1380 году участвовали в Куликовской битве»*** [В. Богуславский, 113, с. 271–275, 279].

В связи с темой Куликовской битвы необходимо отметить, что в ростовском селе Царский Городец «…был до XV века монастырь святой Марины (или Марии), что подтверждается уцелевшим списком с древней Ростовской летописи. В рукописи говорится, ***что спустя 2,5 месяца после Мамаева побоища 20 ноября 6888 года*** близ сел Дебол и Скнятиново в древнем Городце на р. Саре при монастыре св. Марии происходил съезд ***под председательством ростовского князя Щепина-Меньшого***, в коем, кроме разных князей и бояр,

участвовали бывшие тогда ***все остальные 13 ростовских князей. Тут обсуждали последствия Куликовской битвы, касавшиеся уделов,*** а вместе с тем происходил и выбор преемника оставившему епархию ростовскому епископу Арсению» [А. А. Титов, 99].

«В XV веке ростовский княжеский дом начал дробиться и распался на многочисленные боковые ветви — Бритые-Ростовские, Бычковы-Ростовские, Голубые-Ростовские, Лобановы-Ростовские, Пужбольские-Ростовские и др., что привело к окончательному упадку… В 1474 году ростовские князья продали великому князю Ивану III Васильевичу последние свои суверенные права на Ростов, и Ростовское княжество навсегда исчезло с политической карты России» [В. Богуславский, 113, с. 271—275, 279].

Колокола Ростова Великого (фото Г. Топуновой)

Заметки о нашей работе с материалами по Ростовскому княжеству

Работая над **Синодикомъ** еще в 2004–2006 годах, мы понимали, что в Куликовской битве наверняка должны были участвовать практически все жившие в то время многочисленные[1] князья ростовские, однако доступные нам источники (дошедшие до нас Летописи, списки Сказания и Задонщины, которыми мы пользовались при подготовке первой редакции нашего Синодика) называли тогда только лишь имена:

– **князя Андрея Федоровича Ростовского**;

– **князя Димитрия Ростовского**.

Другие, более современные, источники добавляли к участникам Битвы:

– **князя Владимира Константиновича Ростовского (Борисоглебского)**.

Тогда же местное ***предание о тех временах*** (точнее его ***современный пересказ***) подсказало нам о ***возможном участии женщин в Куликовской битве и открыло имя***:

– **княжны Дарьи Ростовской** (и верного ей старого воеводы Никифора/Никиты Лихошерста).

И ***в уже совсем современных статьях*** в связи с участием в Битве нами были обнаружены еще два женских имени, требовавшие дополнительной информации, ибо казались ***не вполне убедительными***:

– **княжны Феодо́ры Пужбо́льской**;

– **княжны Антонины Пужбо́льской**.

---

[1] **«В Ростовской земле – князь на каждом селе»** (старинная поговорка, приведена из работы М. Сударушкина «И совершился лом шемякинской рати» [95]).

Кроме того, были обнаружены летописные сведения об участии в Битве **устюжских князей,** хотя и без обозначения имен (Устюжский удел Ростовского княжества был на самом севере Руси в те времена).

О потерях Ростовского войска в целом в летописных источниках сказано, что **убито было 30 или 34** (по разным источникам) **бояр ростовских.** Все найденные и обработанные на тот момент материалы о ростовских участниках Куликовской битвы были представлены в соответствующих разделах главы «Ростовское княжество».

После выхода в свет первой редакции **Синодика** уже прошло некоторое время. И теперь мы можем уверенно сказать, что именно Ростовской земле при работе над ним на сей момент повезло больше других княжеств, т.к. именно эта земля взрастила (и продолжает растить) замечательных краеведов. Так, современный весьма молодой, но всеми признанный очень талантливым исследователь (к величайшему сожалению, рано ушедший из жизни по тяжелой болезни) ***Михаил Сударушкин*** (о котором мы узнали благодаря его отцу и сподвижникам, создавшим сайт: *http://sudar-mb.narod.ru)*, не только приоткрыл нам в своих работах информацию о содержании трудов замечательных краеведов XIX столетия (старинари — так их называли иногда в те времена) ***Александра Яковлевича Артынова и Андрея Александровича Титова,*** но и очень интересно и всесторонне изложил в них истории из жизни Ростовской земли в древние времена. Некоторые сведения ***из трудов А. А. Титова*** о времени Куликовской битвы и ее героях мы уже приводили в начальном варианте главы о Ростовском княжестве в первой ре-

дакции Синодика, но поработать тщательно с его труднодоступными и не переиздаваемыми книгами-раритетами в то время не получалось. К тому же, мы даже и не предполагали, что в работах этих двух старинарей сокрыты несколько десятков имен ростовчан, которым преданиями приписано участие в Куликовской битве. Познакомиться с редкими изданиями удалось при содействии и помощи директора библиотеки ДК ЗИЛ Ангелины Александровны Костюшкиной и ее сотрудников: мы смогли прочитать и проанализировать следующие ***труды*** ростовских старинарей: *«Ростовский уезд Ярославской губернии» А. А. Титова (1885)*, *«Предания о Ростовских князьях» А. А. Титова (1885)*, *«Воспоминания крестьянина села Угодичъ, Ярославской губернии Ростовского уезда Александра Артынова» (1882)*, а также еще раз и внимательнее биографический труд *А. В. Экземплярского «Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г.» (1891)* и множество других печатных изданий по нашей теме. Дополнительно к работе были привлечены: *«Родословная книга Ростовских князей» А. А. Титова*, помещенная в его труде «Ростовский уезд Ярославской губернии», *«Российская Родословная книга кн. П. Долгорукова»*, *«Бархатная книга»* и другие родословцы.

Однако активная работа с указанными изданиями началась только после того, как в 2008 году появилась сенсационная для нас информация — доброхот по имени Сергий принес нам ксерокопию статьи **академика Ю. К. Бегунова «Новонайденный Ростовский источник о Куликовской битве»** из сборника «От Древней Руси к новой России», изданного Паломническим

центром Московского Патриархата в 2005 году [40]. В этой статье дословно приводится касающийся Куликовской битвы фрагмент из **текста Ростовского предания** по рукописи Российской национальной библиотеки, из собрания А. А. Титова, № 2768, под названием: **«Ростовский летописец» А. Я. Артынова, 1883/1884 гг.** Л. 202 об. (С. 382) – 204 (С. 385), а также воспроизводятся примечания А. Я. Артынова под № 904–914 к этому тексту.

Все обнаруженные и комплексно проанализированные к настоящему времени сведения и известия о Ростовских князьях и княжнах, названных в новонайденных нами источниках участниками Куликовской битвы, а также о некоторых событиях, происходивших вокруг них, приводятся ниже, в аналитических статьях данной главы.

Прежде чем показать нашу работу, хочется привести ***слова А. В. Экземплярского*** из Предисловия к его внушительному труду «Великие и удельные князья...», которые очень созвучны с тем, что мы сами испытывали при изучении этих многообразных и многочисленных источников, радуясь обширному материалу, но часто сомневаясь в том, что там написано, проверяя, анализируя и даже разочаровываясь, однако при этом получая обоснованный, на наш взгляд, результат. Вот что он пишет: «*...При скудности летописных известий, при их краткости и только, так сказать, намеках на то, что было ясно для современников и что теперь представляется темным для нас, здесь представляется обширное поле для самых мелких исследований по всем вспомогательным для истории наукам: хронологии, генеалогии, географии и пр... Но для того, чтобы ближе ознакомиться с известной*

эпохой, чтобы хоть до некоторой степени влезть в шкуру человека той эпохи — да простят мне такое выражение! — и смотреть на события его *глазами, оценивать факты* его *меркой, а потом уже прилаживать к* ним *мерку XIX ст., — для этого требуется ряд мелких и крупных изследований... Эпоха, которой касается наш труд, требует именно таких мелких, кропотливых изследований. Всякое, поэтому, пособие, мало-мальски удовлетворяющее своему назначению, должно быть желательным и считаться полезным...»* Далее Экземплярским приводятся примеры всяких ошибок, встречающихся в подобных трудах, о которых он, резюмируя, говорит следующее: *«Мы указываем на приведенныя ошибки никак не для того, чтобы выставить в более выгодном свете свой труд, — напротив, нисколько не обольщаясь на счет своих сил и знаний, мы намеренно указывали на приведенныя ошибки, чтобы показать, как легко можно делать промахи в таких подобных нашей кропотливых работах даже людям, продолжительное время трудившимся на поприще отечественной истории. Таким образом — сознаемся откровенно — указаниями на промахи мы скорее косвенно извиняем себя за могущия встретиться и в нашем труде подобные же промахи и ошибки...»*

Смеем отнести сии мудрые слова в оправдание и тех, чьи промахи мы обнаружили, а также надеемся на снисходительное отношение и к нашим возможным ошибкам.

Ростовское предание

по рукописи Российской Национальной библиотеки, из собрания А. А. Титова, № 2768, под названием «Ростовский летописец» А. Я. Артынова, 1883/1884 гг. Л. 202 об. (С. 382) – 204 (С. 385)

(фрагмент из статьи акад. Ю. К. Бегунова **«Новонайденный Ростовский источник о Куликовской битве»**, опубликованной в сборнике «От Древней Руси к новой России», изд. Паломнического центра Московского Патриархата, 2005, с. 185–189).

«/**Л. 202 об.**/

1379 (год. – *Прим. сост.*). После этого похода стало разгораться пламя иной войны, и запылал сильным пламенем на Руси дух всеобщего восстания против жестокостей ордынского хана Мамая. ***После Москвы на первом месте стояли тогда Ростовские князья:*** Федор Иванович Голена, Федор Андреич Щепин, Иван Андреич Брюхатый, Юрий Иванович Немой, Русан Федорыч Щепин, Константин Андреич, Иван Андреич, Варсонофий Иваныч и князь Дмитрей Федорович Приимков-Щепин. Все эти князья пользовались особым покровительством великого князя Московского, о которых он писал ко князю Александру Тверскому: “Князья Ростовские со мной один человек”. (904)[1].

[1] *От сост.*: здесь и далее цифры в скобках (904-914) указывают на примечания А. Я. Артынова, которые приведены в конце настоящего текста.

Над сими князьями был герой того времени князь **Михаил Андреич**[2]. Он был самый почетный из всех князей Ростовских вследствие его блистательных военных способностей. На него великой князь много рас(с)читывал по военным подвигам. Он писал в это время в удел его (905) следующее: "А коли будет всести на конь со мною, а хто будет твоих бояр и слуг, где хто не живет, всем вместе быть под твоим стягом" (906) \...\

/**Л. 203**/.

1379. В конце истекающего лета вся Русь стояла в оружии против врагов Отечества на призыв великого князя Московского. К великому делу на защиту отечества отозвались все единодушно, и к концу года стеклися уже все под один великокняжеский стяг к реке Дону. **Почти все поголовно князья Ростовские были там, и каждый привел туда с удела своего ополчение по народонаселению удела каждаго с малой или большой ратью**, а именно:

Князь Андрей Федорович сбирал свою дружину с сел Алевайцина, Зверинца, с посада Перошни, Ямской слободы, погостов Талич, Троицы что на бору и деревень Бологова, Григорькова, Сверчкова, Строганова, Стюкачева и Уставнова.

Александр Федорович Щепин собирал свою дружину села Борки, погоста Колягинскаго, деревень Шендоры и Городца.

---

[2] *От сост* : **Скорее всего, речь здесь идет о князе Андрее Федоровиче Ростовском, самом старшем из всех ростовских князей того времени.** Тем более что именно Андрей Федорович вполне достоверно упоминается практически во всех сохранившихся летописных источниках, как глава Ростовского ополчения в Куликовской битве. Михаил же Андреевич, согласно родословным книгам, был пятым из шести сыновей Андрея Федоровича (34, стр. 573).

Князь Алексей Иваныч Щепин собирал дружину свою в селе Алевайцине и деревне Перечках.

Князь Борис Андреич не имел удела.

Князь Борис Семеныч Щепин собирал свои дружины в селениях Каликином, Никольском — что на перевозе, в погосте Архангельском и в деревнях Дубнике и Перово.

Князь Владимир Романович Щепин собирал свое ополчение в селениях Рождественском, в Никольском — что на перевозе, в деревнях Борисовке, Григорькове и Есипове.

Князь Константин Андреич, **князь Василий Иваныч Щепин** собирал свое ополчение в селе Щугори, в деревнях Васюкове, Селище и Спирцове.

Князь Юрий Андреич, **князь Иван Семеныч Щепин**, **князь Иван Петрович Бессон** собирал свои ополчения в селениях Ивакине, Калинине (*повидимому, Каликине. — Прим. сост.*), Никольскому что на перевозе, в деревнях Будилове и Грезилове.

Дмитрей Федорович Щепин-Приимков собирал свое ополчение в селе Никольскому — что на перевозе, в погосте Шендоре, в деревнях Городце и Сверчкове.

Иван Константинович, **Дмитрей Александрович Щепа** собирал свое ополчение в селе Нажерове, погосте Шендоре, в деревнях Городце и Сверчкове.

Князь Глеб Константинович, **Александр Константинович** собирал свое ополчение в селениях Кузмицыне, Лазорцеве, Фомине, Скнятинове, в деревнях Княгинине и Емельянове.

Дмитрей Борисович Щепин-Внучек собирал свое ополчение в селениях Василькове, Внукове и деревне Дубнике.

Андрей Александрович собирал свое ополчение в селе Никольском что на перевозе, в деревнях Чучерах и Брюхачеве.

Князь Данило Петрович Щепин собирал свое ополчение в селениях Гвоздеве, Ивакине, Талицах, в деревнях Авдееве и Грезилове.

Иван Андреич Ян собирал свое ополчение в селе Филимонове, погосте Полянки, деревне Хонятине.

Иван Андреич Голена собирал свое ополчение в селениях Богослове, Гуменце, Пречистом, Поречье Рыбном, Протасьеве, погосте Архангельском, в деревне Кандитове.

Князь Александр Андреич Хохолков собирал свое ополчение в селе Поклонах, в деревнях Брюхачеве и Чучерах.

Князь Иван Федорыч Голенин, **Федор Александрович Горбатой** собирал свое ополчение в деревнях Брюхачеве и Никитине.

Иван Федорич Щепин Большой собирал свое ополчение в деревнях Сотине и Рабкове.

Петр Иваныч Катырев собирал свое ополчение в селениях Карагачеве, Оносове, Сочиле, в деревнях Брешкове, Семеновском и Рылове.

Князь Иван Федорыч Мен(ь)шой-Щепин, **князь Федор Александрович**, **Владимир Константинович** собирал ополчение в селе Новом, погостах Благовещенском и Калягинском, в деревнях Емельянове, Кандитове, Осветине, Перечках и Хонятине.

Князь Иван Борисович Щепин собирал свое ополчение в погосте Архангельском.

Князь Иван Романыч Щепин собирал свое ополчение в деревне Романцове.

Князь Михаиле Андреич собирал свое ополчение в селе Каликине и Талицах, в деревне Авдееве.

Князь Русан Федорыч Щегощ собирал свое ополчение в селениях Рождествино, Николь/*Л. 203об.*/ском — что на перевозе, в деревнях Борисовке, Ваулихе, Оленине и Романцеве.

Князь Семен Юрьевич Голенин-Ворона собирал свое ополчение в селе Воронине, в погосте Архангельском.

Князь Семен Дмитрия Щепин-Горбатый собирал свое ополчение в селе Нажерове, в слободе Спас-Песоцкой, в деревнях Болотове, Горбове, Уваихе и Фролове.

Князь Юрий Иванович Голенин-Немой набирал свое ополчение в селениях Скнятинове и Краснораменье, в деревнях Юренине и Козарке.

Яков Борисович Щепин собирал свое ополчение в селениях Поречье Рыбном, Талицах, Перветине и деревне Рудакова, Яковскове и Якунине.

Князь Федор Андреич Щепин набирал свое ополчение в селениях Скнятинове, Никольском, что на перевозе, в деревнях Говорове и Городпе (по-видимому, Городце. — *Прим. сост.*).

Князь Федор Федорович Щепин собирал свое ополчение в селе Скнятинове, в деревнях Бурчанове и Федоровке.

Князь Федор Иванович Щепин собирал свое ополчение в деревнях Осердюкове и Иванове.

Князь Федор Дмитрич Приимков собирал свое ополчение в селениях Краснораменье и Скнятинове, в деревне Марушке. (909).

И многие подобные сим князья они все вообще составили многочисленное ополчение Ростовское на знаменитом Куликовом поле, где **князь Андрей Федорович, прозванный в народе Илья Муромец**, который при княгине своей оставил на одре болезни при послед-

нем **издыхании единственного и любимого сына своего князя Александра**[3] **(910)**.

1380. Прошел старый тревожный год, настал, наконец, новый знаменитый год в рус(с)ких летописях и достопамятный рус(с)кому народу. Это год Мамаева побоища. За днем новаго года настал, наконец, скоро и роковой день знаменитого Мамаева побоища. **Правое крыло великой рус(с)кой рати было под началом князя Андрея Федоровича**. Оно состояло из одних ростовских дружин, которыми руководил Андрей Федорович, поддерживаемый храбрыми ростовскими князьями и боярами-воеводами, которые громили татар не щадя живота своего, с честию отстояли жребий свой, доставшийся им, и не уступили ни пяди с онаго поля, но храбро стояли против бесчисленных врагов своих.

Ростовцы стояли крылом своим у Большаго оврагу, идущему к реке Непрядве и селу Рождественску, потом перешли ручей Верходубье и Липовой, впадающие в реку Смо(л)ку, где и билися с татарами, имея позади себя реку Непрядву и лес. В самой кровавой сече билися у Рыбного оврага[4]**, дошли до устья**

[3] *От сост.*: по Родословцу Титова у князя Андрея Федоровича было 6 сыновей, среди которых Александра нет.

[4] *От сост.*: К стыду и позору всех нас ныне в этом уголке Куликова Поля (овраге Рыбий Верх) находится частное владение какого-то «высокостоящего» генерала (любителя половить рыбку), устроившего здесь искусственный водоем, перегородив овраг плотиной и поставив туда охрану. Поле вокруг этого места варварски распахано, дабы не было подъезда к «частной собственности». Плотина уже не раз по половодью прорывалась, а стремительно вырывающаяся в таких случаях вода серьезнейшим образом угрожает смыть с крутых берегов оврага Рыбий Верх три удивительных камня, возле одного из которых, по одному из преданий, был

Утинаго, впадающаго в реку См(л)ку, дошли, наконец, и до Красного холма (911).

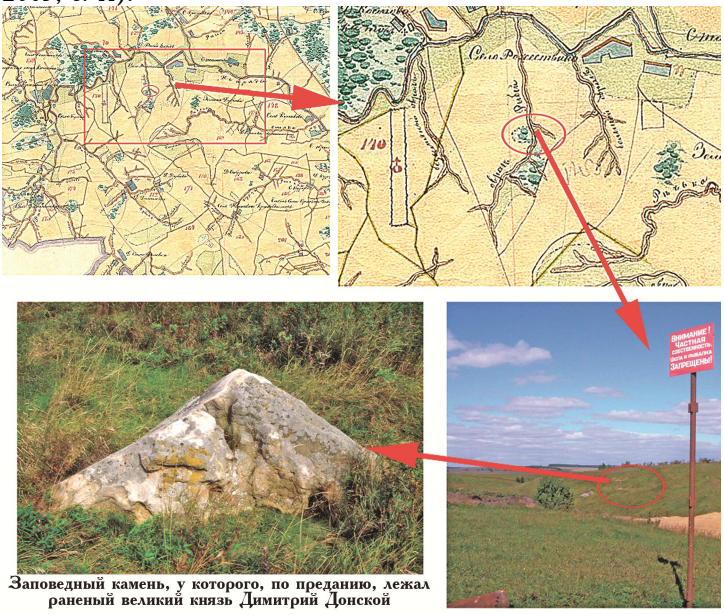
Тут решился жребий войны после самаго жесточайшего боя у Краснаго холма, где много пало славною смертию героев, князей и бояр ростовских, защищая и спасая Отечество на Куликовом поле.

Немногие из князей и бояр ростовских возвратились в свои уделы к домашнему очагу, и то все покрытые глубокими ранами, свидетельствующими о доблести каждого из них.

В этом знаменитом побоище падали отцы в глазах детей своих и, наоборот, */Л. 204/* дети в глазах роди-

---

найден раненый князь Димитрий Донской (см. книгу «Священные места Куликова Поля» И. Бурцева и И. Пешехонова, изданную Государственным музеем-заповедником «Куликово Поле», г. Тула, 2005, с. 11).



Заповедный камень, у которого, по преданию, лежал раненый великий князь Димитрий Донской

телей своих, падали брат подле брата, ***все было забыто: одно спасение Отечества было у каждаго в мыслях.***

Вблизи речки Смолки у Краснаго холма княжна Феодора Мен(ь)шаа, дочь князя Константина Васильковича, представляла из себя храбраго витязя. Любовь ея к жениху ея князю Якову Борисовичу Щепину увлекла ее в Мамаево побоище, где князь Яков в глазах ея пал смертию героя. Невесту же его княжну Феодору, жестоко израненную, вынес ис кроваваго бою князь Константин Андреич и отправил в Ростов.

Современныя тому побоищу летописи сохранили нам только число павших князей и бояр ростовских. Одни говорят, что "в Мамаевом побоище тридцать Бояринов ростовских пало" (912); другой говорит: "Бояр ростовских пало тритцать четыре человека" (913).

Одна из мес(т)ных рукописей сохранила нам ***имена этих погибших героев*** (*от сост.:* для более удобного восприятия имен располагаем их столбцом)*:*

Андрей Федорович,
князь Иван Андреич Голенин,
Федор Андр(е)ич Щепин,
Михайло Андреич,
Борис Андреич,
Юрий Иванович Голенин-Немой,
Семен Юрьевич Ворона,
Иван Федорыч Голенин,
Александр Федорыч Щепин,
Иван Федорыч Щепин,
Федор Федорыч Щепин,
Русан Федорыч Щепин,
Дмитрей Федорыч Щепин-Приимков,
Иван Федорыч Щепин-Мен(ь)шой,
Дмитрей Александрович Щепа,

Семен Дмитрич Щепин-Горбатой,
Борис Сем(е)ныч Щепин,
Дмитрей Борисыч Щепин-Внучек,
Петр Борисович Щепин,
Иван Борисович Щепин,
Роман Борисович Щепин,
Данила Петрович Щепин,
Владимир Романович Щепин,
Яков Борисович Щепин,
Алексей Иваныч Щепин,
Василей Иванович Щепин,
Федор Иваныч Щепин,
Федор Дмитриевич Приимков. (914).

Тела этих князей и бояр Ростовских с Мамаева побоища некоторых привезли в Ростов ***и положили в усыпальницы князей под сводами алтаря Ростовского собора. Многих тел развезли по их уделам и положили там в приходских церквах и многих не нашли между мертвыми телами на Куликовом поле»***.

ПРИМЕЧАНИЯ А. Я. Артынова:

904. СГГД.1.

905. Об уделе этом смотри выше: с. 380. Прим.893. Село Филиппова гора Угодской волости.

906. ДРВ. Ч. 1. С. 83.

909. Рукопись Петра Васильевича Хлебникова.

910. Князь Александр помер в 1379 году, августа в 31-й день.

911. Красный холм — возвышенное место, на нем стоял ханской шатер, отколе Мамай обозревал и следил со своими вельможами за ходом битвы, а в настоящее время поставлен на этом холме памятник Мамаева по-

боища[5] 1880 года, сентября 8 дня, в присутствии императора Александра II торжествовали туто 500—летия Мамаева побоища.

912. Сочинение св. Дмитрия Ростовского. Ч. IV/С. 746.

913. Синодальная летопись. № 365 (ныне — рукопись ГИМ, Синодальное собрание. № 485. Вологодско-Пермская летопись, первой половины XVI в.; она часто использовалась для ссылок Н. М. Карамзиным в «Истории государства Российского». — *Ю. Б.)*.

914. Рукопись П. В. Хлебникова.

Ростов Великий. Намогильный памятник XV века в Белой палате

[5] *От сост.:* здесь, очевидно, в тексте должна быть точка, которой в источнике нет, поскольку памятник был поставлен по проекту В.Брюллова в 1850 г., а уже в 1880 действительно праздновали 500-летие победы.

Ростовские князья – участники Куликовской битвы

Из 63 имен Ростовских князей,
которые упоминались в тех или иных источниках
в связи с участием в Куликовской битве,
в ***Поминальный Синодикъ вошли имена 23-х.***
Остальные князья (по обоснованным нами причинам)
участниками Побоища на Дону быть не могли.

В процессе изыскательско-аналитической работы с материалами по ростовским участникам Куликовской битвы мы пришли к выводу, что в Битве от Ростовского княжества могли участвовать князья трех колен от Рюрика: XVI, XVII и частично XVIII (обоснование этому будет дано в настоящей статье). Этим поколениям (коленам) мы дали (для удобства восприятия информации) условные названия:

– ***«поколение отцов»*** – князья XVI колена от Рюрика; к нему относятся самые старшие на тот момент князья Ростовского княжества: Андрей Федорович Ростовский (главнокомандующий Ростовской дружины в Куликовской битве) и его двоюродные братья «Константиновичи»;

– **«поколение сыновей»** – князья XVII колена от Рюрика; к нему относятся **сыновья князей из** старшего **«поколения отцов»;**

– **«поколение внуков»** – князья XVIII колена от Рюрика; к этому поколению соответственно относятся **внуки князей «поколения отцов»**. Эти князья по воз-

расту уже **не все могли быть участниками Куликовской битвы**.

Следующие за XVIII коленом от Рюрика поколения — **правнуки старшего поколения и их потомки — однозначно исключаются из числа участников Битвы по возрастному признаку**.

Ниже приводим имена всех тех князей, которых, на наш взгляд, можно обоснованно признать участниками Куликовской битвы от Ростовского княжества, ***располагаем их по поколениям*** и старшинству в поколениях[1], и прилагаем все найденные доказательства об участии их в Битве.

I. «Поколение отцов»

1. Андрей Федорович Ростовский

Ростовский князь Андрей Федорович — основной представитель «поколения отцов», один из главных воевод Куликовской битвы, ***главнокомандующий Ростовской дружины***. Имя его известно нам по основным источникам (Летописям, родословным книгам, биографическим трудам), а также по ростовским краеведческим трудам (Ростовский Летописец А. Я. Артынова, труды А. А. Титова) и исторической литературе (как дореволюционных авторов, так и современных). Ниже приводим избранные нами сведения об Андрее Федоровиче Ростовском и наши комментарии к ним:

[1] Исключение в принятом нами правиле составляет имя князя Димитрия Ростовского, поскольку идентифицировать его с известными родословным книгам князьями нам достоверно не удалось. Помещаем информацию об этом князе между разделами, посвященными «поколению отцов» и «поколению сыновей».

Новгородская летопись
по списку П. П. Дубровского [13]

Стр. 134: ...Князю же великому Дмитрию Ивановичю пришедшю за Дон в поле чисто, в Мамаеву землю, на усть Непрядвы реки, и став ту князь великии подостоящю полки разрядив и воеводы учинив... **А с правои руке воеводы учини: князя Андрея Федоровича Ростовского,** да Федора Грунку, да князя Ондрея Федоровича Стародубскаго...

Худ. Е. Данилевский. К Полю Куликову

Н. М. Карамзин.
История Государства Российского [61]

...Войско перешло за Дон, и стало на берегах Непрядвы, где Дмитрий устроил все полки к битве... **На правом крыле** князь **Андрей Феодорович Ростовский**, князь Стародубский того же имени и боярин Феодор Грунка...

Ростовский летописец» А. Я. Артынова [18]

…Князь Андрей Федорович сбирал свою дружину с сел Алевайцина, Зверинца, с посада Перошни, Ямской слободы, погостов Талич, Троицы что на бору и деревень Бологова, Григорькова, Сверчкова, Строганова, Стюкачева и Уставнова…

…И многие подобные сим князья они все вообще составили многочисленное ополчение Ростовское **на знаменитом Куликовом поле,** где **князь Андрей Федорович, прозванный в народе Илья Муромец**, который при княгине своей оставил на одре болезни при последнем издыхании единственного и любимого сына своего князя Александра (910[2]).

…настал, наконец, скоро и роковой день знаменитого Мамаева побоища. **Правое крыло великой рус(с)кой рати было под началом князя Андрея Федоровича.** Оно состояло из одних ростовских дружин, которыми руководил Андрей Фе-

[2] ***В примечании Артынова*** под номером ***910*** сказано: «Князь Александр помер в 1379 году, августа в 31-й день». Указание на 1379 год в этом тексте можно объяснить тем, что, по-видимому, в представлении Артынова во времена Куликовской битвы новый год начинался с сентября, хотя на самом деле Новолетие на Руси в те времена исчислялось с марта. Официально начало как церковного, так и гражданского года — 1 сентября — было принято только в 1492 году, когда великий князь Иоанн Васильевич III окончательно утвердил это постановлением Московского собора. Ни в Родословце Титова, ни в других родословных книгах сына с именем Александр у Андрея Федоровича не показано (возможно, в связи с ранней смертью его). Что касается слова «единственный», то вероятно оно прозвучало потому, что все остальные сыновья ушли вместе с отцом на Куликово Поле, а Александру — ***единственному*** из сыновей — в связи со смертельной болезнью пришлось остаться дома.

дорович, поддерживаемый храбрыми ростовскими князьями и боярами-воеводами, которые громили татар не щадя живота своего, с честию отстояли жребий свой, доставшийся им, и не уступили ни пяди с онаго поля, но храбро стояли против бесчисленных врагов своих…

Ю. М. Лощиц. Дмитрий Донской [76]

Стр. 242: …По Владимирской дороге уже прибывали в Москву полки из городов и удельных княжеств Междуречья. В числе первых успел друг и всегдашний сочувственник Дмитрия, в два почти раза старше его годами, князь ростовский Андрей Федорович. Последний раз они воинствовали плечом к плечу у стен Твери пять лет назад. Но и ныне Андрей Федорович сидел в седле прочно, выглядел молодцом. Порадовал старый слуга молодого господина, до слез порадовал!..

Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. [45]

В главе «Княжество Ростовское» читаем:

Стр. 39: Собственно летописныя известия о Федоре Васильевиче (*от сост.:* отец Андрея Федоровича) ограничиваются только передачей двух фактов из жизни, а именно: по летописям он в 1326 г. женился, но неизвестно на ком; затем отмечено время кончины — 28—го марта 1331 года. Князь Федор Васильевич ростовский оставил единственнаго сына Андрея.

Стр. 40—47: **Андрей Федорович** (1331 — † 1409). Сравнительно с продолжительностью жизни Андрея Федоровича, летописи очень мало

дают о нем сведений. В первый раз оне упоминают об этом князе по случаю женитьбы его в 1347 году… Отец Андрея и дядя его Константин поделили между собою Ростовскую отчину пополам… В 1371 году Дмитрий Иванович московский… отправился в орду вместе с Андреем Федоровичем ростовским. Через четыре года после того (1375 г.) Андрей вместе с двоюродными братьями — Константиновичами принимал участие в походе Димитрия Ивановича на Тверь. **Есть известие, что он участвовал и в Куликовской битве 1380 г.,** находясь вместе с одноименным ему князем Стародубским на правом крыле. После Куликовской битвы летописи не упоминают об Андрее Федоровиче до 1408 года. В этом году под Москву пришел Едигей и распустил отряды свои по окрестным городам; один из таких отрядов подошел к Ростову; князь, епископ и граждане бежали из города, а татары разграбили и сожгли его. **Зимой** следующего **1409 г. Андрей Федорович скончался, приняв иноческий образ с именем Афанасия.** У него от брака с неизвестной было ***шесть сыновей: Иван, Федор, Юрий, Константин, Михаил и Борис….***

Дворянские роды Российской империи [32].

Стр. 106: **Андрей Федорович** (ум. 1409) — **князь ростовский**, владел Сретенской стороной Ростова с 1331 г. Был верным союзником великого князя московского. В 1360 г. его дядя Константин Васильевич, владевший Борисоглебской стороной города, выхлопотал себе в Орде ярлык на весь Ростов и выгнал князя Андрея. В 1364 г. с помощью московской рати ему удалось выбить дядю из

города. В 1371 г. сопровождал великого князя Дмитрия Иоанновича в Орду, а в 1375 г. в походе на Тверь. **В 1380 г. принял участие в Куликовской битве**. В 1408 г. был вынужден бежать с горожанами из Ростова, который сожгли и разграбили татары. (*Сведения из «Русского биографического словаря», СПб., 1896–1913. Т. 1–25).*

А. А. Титов.
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

Стр. 459: В описании д. Никово Шулецкой волости читаем:

«...*По рукописи Артынова*, в древности на этом месте будто бы жила какая-то княжна Ника, дочь князя Протия, а в XIV столетии на этом месте находился терем князя Андрея Федоровича; сын его, князь Михаил Андреевич, *пал на Куликовом поле*, и этот терем перешел к княгине Марии Владимировне, жене *павшего в той же битве* князя Дмитрия Ивановича Янова...».

Стр. 346: В описании д. Пашино Звериницевской волости читаем:

«... а в XIV ст. здесь стоял терем героя Куликовской битвы, князя Андрея Федоровича (XIV), из этого терема пропала его дочь Дарья, которая впоследствии и оказалась женою кн. Ивана Александровича, также героя Куликовской битвы; княгиня Дарья, как стало известно после, под видом воина также участвовала, вместе с мужем, в означенной битве...».

В указанном издании на стр. 77-78, 334, 447-448 имеются также и другие упоминания имени князя Андрея Федоровича, не связанные с Куликовской битвой.

Дополнительно к приведенным выше данным можно сказать, что в ***Родословце А. А. Титова*** [34]***,*** помещенном в его труде «*Ростовский уезд Ярославской губернии*», имя Андрея Федоровича показано под № 18 на стр. 572, при этом сказано: ***«в мон. Афанасій,*** ум. 1399 (*от сост.:* считаем, что показанная здесь дата смерти ошибочна, т.к. другие источники — см. выше — дают более подробную информацию об Андрее Федоровиче **и годом смерти показывают 1409**); 1371 ходилъ в орду съ В. Кн. Дмитріем [Донским], ***въ 1380 г. участвовалъ в Мамаевомъ побоище;*** ж. съ 1347…». Согласно тому же Родословцу — отец шестерых сыновей и одной дочери (Веры), однако в соответствии со сведениями, приведенными выше, у него было семь сыновей и две дочери (Вера и Дарья).

А. Я. Артынов в Ростовском Летописце (текст Летописца, связанный с событиями вокруг Куликовской битвы, приведен выше отдельной статьей главы «Ростовское княжество») **в списке погибших** первым показывает имя Андрея Федоровича, но это противоречит всем имеющимся у нас данным из других источников (А. Ф. умер в 1409 г., через 29 лет после Куликовской битвы). Можем предположить, что в Артыновском списке речь идет о другом князе с таким же именем, но это вряд ли возможно, т.к. первым в этом почетном списке мог быть только **этот** Андрей Федорович — главный Ростовский воевода. Таким образом, считаем, что это ошибка Артынова (или источников, которыми он пользовался).

Итак, ***оставляем имя князя Андрея Федоровича Ростовского, главного воеводы Ростовской дружины, первым*** *из многочисленной Ростовской рати* ***в нашем Поминальном Синодике участников Куликовской битвы.***

Хочется здесь также обратить внимание на следующие полезные для дальнейшего изложения материалов наблюдения:

1) Андрей Федорович Ростовский родился не раньше 1326 г. (по сведениям из Родословца Титова отец его женился именно в этом году) и не позднее 1331 (в этом году его отец умер, именно с этого года А. Ф. уже владел Сретенской стороной Ростова). При простом арифметическом подсчете видим, что в 1380 году ему могло быть от 50 до 54 лет.

2) **В Артыновском списке** участников Битвы (см. текст Ростовского Летописца) **есть имена, одинаковые с именами сыновей, внуков, и даже правнуков Андрея Федоровича** (сопоставлено с данными из Родословца Титова и других родословных книг и биографических трудов). Попробуем разобраться, насколько участие обладателей этих имен в Битве реально. Если верно то, что А. Ф. женат с 1347 года, то старшим его сыновьям в год Куликовской битвы могло быть порядка 30—33 лет, а, значит, **все его сыновья вполне могли быть участниками сражения**. **Внуки А. Ф.,** учитывая ранние браки и раннее взросление в те времена, тоже (хотя и с натяжкой) **могли участвовать** в Куликовской битве, а вот участие в Мамаевом побоище **правнуков А. Ф.** совершенно **невероятно, а посему исключаем это поколение из участников Куликовской битвы.** Кроме того, в списках Артынова показаны имена, схожие с именами сыновей, внуков, правнуков и остальных представителей старшего поколения (двоюродных братьев Андрея Федоровича — «Константиновичей»), а поэтому наши выводы/рассуждения о возможности участия в Куликовской битве только представителей трех поколений (отцов, сыновей, внуков) распространяются и на них.

Постараемся далее аккуратно относиться к анализу любой информации, чтобы не исключить из списков участников Мамаева побоища тех, чью память следует сохранить. Постараемся также не поместить в наш Поминальный Синодикъ имена тех, кого предания ошибочно называют участвовавшими в Куликовской битве.

2. **Александр Константинович**.

У Артынова [18] это имя показано ***только в списке участников Битвы*** (в списке погибших не числится).

В Родословце Титова [34] это имя показано под № 22 на стр. 572, сопровождается примечанием: «*(въ епископахъ Арсеній 1370?) ум. 1405 (Строев, стр. 331)*». Имя принадлежит одному из братьев «Константиновичей – **двоюродному брату Андрея Федоровича,** главного Ростовского воеводы (№ 1 в настоящей статье). В Родословце Титова [34] показано, что у Александра Константиновича было трое сыновей – Андрей, Федор и Иван (стр. 572–573).

Россійская Родословная книга, издаваемая княземъ Петромъ Долгоруковымъ [35]

В указанном труде князь Александр Константинович показан под № 62 на стр. 207. К имени приписано: «*...овдовев, вступил в звание монашеское под именем Арсения и был архиепископом*». А далее, в заметках о князьях Ростовских сказано:

> Стр. 209: «...Князь **Александр Константинович** и брат его Владимир Константинович **отличились в битве Куликовской, куда приходили под знамена Донскаго**...».

Заметим здесь, что известие о епископстве Александра Константиновича при участии его в Куликовской

битве сразу же было поставлено нами под сомнение (вряд ли епископ мог быть участником Битвы), как требующее дополнительной и более достоверной информации, которую мы и старались разыскать.

Ниже приводим показавшиеся нам наиболее интересными сведения об Александре Константиновиче из других источников, сопровождая их нашими комментариями и выводами.

А. А. Титов.
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

Стр. 75: В описании с. Скнятиново Угодичской волости читаем:

«…Затем это место принадлежало князю Константину Васильковичу (1310), сын которого, кн. Александр Константинович (1332), пошел в монашество и передал вотчину своему племяннику, кн. Константину Владимировичу (1379): а этот последний отдал ее в приданое за дочерью Анной, выданной за кн. Федора Ивановича Голену (1381)».

Село Скнятиново. (фото Анны Ганжелюк, сайт: lensart.ru)

Сопоставив даты, упоминаемые в этом тексте, со сведениями из Родословца Титова [34] пришли к предположению, что с 1310-м годом может быть связано начало владения этой местностью Константином Васильковичем. **В 1332-м году,** по-видимому, в связи **с рождением** сына **Александра Константиновича**, владение селом Скнятиново перешло к последнему (стало быть, предполагаемый возраст Александра Константиновича в год Битвы – 48 лет). Год **1379-ый** может быть связан **с пострижением** князя Александра Константиновича **в монашество**, а потому он и передал это село своему племяннику Константину Владимировичу.

Что здесь наиболее интересно и важно для нас? Предполагаем, что князь Александр Константинович мог принять монашеский постриг в 1379 г., т.е. за год до Куликовской битвы (либо это еще один воин-монах, как Пересвет и Ослябя, либо эта дата ошибочна).

В указанной выше книге А. Титова «Ростовский уезд…» [100] найдены также и другие упоминания имени этого князя: так на стр. 504 без привязки к дате подтверждается известие об уходе его в монашество, а на стр. 229 обнаружены (как мы предполагаем) сведения о его супруге по имени Анна из рода князей Черниговских (в Родословце Титова сведений о жене не показано). **Особое внимание обращаем** на то, что **в названном труде А. Титова,** где собраны практически все имевшиеся известия и предания о ростовских князьях и их жизни из многих рукописных и летописных источников, **ни разу не упомянуто о том, что Александр Константинович был Ростовским епископом.**

Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. [45]

В статье «Александръ Константиновичъ, 1365 — †1404г.», на стр. 53—54 читаем:

«Четвертый сын Константина Васильевича, Александр, известен нам не только по родословным, но и по летописям. Из известий, почерпаемых в летописях, мы узнаем, что в борьбе тверскаго князя Михаила Александровича с Димитрием Ивановичем московским (Донским), кн. Александр Константинович ростовский держал сторону последняго и вместе с ним, в 1375 г., ходил на Тверь, как и братья его, князья ростовские: родной — Василий, и двоюродный — Андрей Федорович. Затем летописи ничего не говорят об Александре Константиновиче до самой кончины его. Кончина этого князя последовала в июне (по одним лет. — 9-го, по другим — 19-го) 1404 года; означенный князь скончался, **приняв иноческий чин с именем Андрея.**

От брака с неизвестной Александр Константинович имел сыновей: Андрея, Федора и Ивана».

В примечании/сноске 179 к этой статье [45, с. 53-54] А. В. Экземлярский пишет, что в некоторых «*старых и новейших родословных говорится, что он былъ епископом ростовским под именем Арсения*», сопровождая эти слова подробным разбором подобного рода информации, показывая, что она вряд ли достоверна, и в заключение говорит: «*Одно только можно сказать, что* ***нам не известен тот кн. Александр ростовский, который был епископом Арсением.*** *Если, как утверждают родословныя, именно Александр Константинович был епи-*

скопом с 1365 г., то какой же Александр Константинович ходил с Димитрием Ивановичем (Донским) в 1375 году на Тверь?..». Принимаем во внимание подробное исследование Экземплярского по этому вопросу и еще раз обращаем внимание на сказанное им в основном тексте о том, что ***Александр Константинович перед смертью принял иноческий чин с именем Андрея (а не Арсения).*** Если это верно, то вопрос о еще одном монахе-воине в Куликовской битве снимается.

Как видим, сомнение о епископстве князя Александра Константиновича было высказано обоснованно профессионалами еще в XIX веке. Нам же дополнительно удалось (в процессе изучения трудов ростовских старинарей) значительно расширить объем информации на эту тему.

А. А. Титов. «Предания о Ростовских князьях» [98]

Книга написана в основном по рассказам А. Я. Артынова о князьях из родов Луговских (ярославских) и Бычковых (ростовских). *В ней читаем:*

> *Стр. 40:* «...а спустя немного времени, князь (*от сост.:* **Семен Андреевич Луговка-Грива**) поручил свой удел, свой терем и воспитание детей своим друзьям; ***сам постригся в ростовском Авраамиевом монастыре, под именем Арсения, и впоследствии из настоятелей этой обители был назначен ростовским епископом***».
>
> Стр. 23: В сноске к основному тексту говорится: «...этот терем и перешел к князю Андрею Львовичу Луговке, а после него он достался ***его сыну кн. Семену Андреевичу Луговскому, бывшему потом под именем Арсения 1-го, епископом Ростовским...».***

Стр. 112: «…Глухово перешло к нему ***от ростовского архиепископа Арсения (†1405 г.), в мире – князя Семена Андреевича Луговского-Гривы***…»

Обнаружив эти известия, мы попробовали поискать дополнительную информацию о епископе Арсении Ростовском и о князе Семене Андреевиче Луговском-Гриве в других источниках, и все-таки попытаться понять, ***кто же был епископом Арсением в те годы.*** Ниже показываем найденное нами:

– Из «Жития св. Стефана Пермского» [55], составленного свт. Димитрием Ростовским, узнаем:

«…За свою добродетельную жизнь он (св. Стефан Пермский. – *Прим. сост.*) ***поставлен был во диакона Ростовским епископом Арсением,*** при котором было совершено и его пострижение в монашество…». В сноске к имени епископа Арсения говорится: ***«Арсений I, занимавший Ростовскую кафедру с 1374 по 1380 г.».***

– В статье «Святитель Иаков, епископ Ростовский» (составленной по материалам книги *А. А. Титова «Св. Иаков, епископ Ростовский и основанный им монастырь в Ростове Великом, Ярославской губернии»*, [101]), найденной нами в одном из номеров газеты «Дух христианина», говорится: «…***В это время Ростовской епархией управлял епископ Арсений (в миру князь Семен Луговской-Грива), скончавшийся 20 декабря 1379 года…***».

– На сайте «Известные люди» [124] в статье «*Луговской-Грива Арсений*» сообщается: «***Луговской-Грива Арсений (умер 1405) – епископ Ростовский, Ярославский и Белоезерский***. *Преосвященный Арсений происходил из княжеского рода. Время пострижения его в мо-*

нашество и возведения во святительский сан точно неизвестно. В книге архиепископа Амвросия (Орнатского) "История Российской иерархии" время рукоположения указано в 1365 году. ***С 1374 по 1380 год он святительствовал на Ростовской кафедре****. В этот период посвящал святителя Стефана Пермского (память 26 апреля/9 мая) в сан иеродиакона. Неизвестно, по каким причинам епископ Арсений самовольно оставил епархию и удалился на покой. Скончался около 1405 года».* Список использованной для этих сведений литературы на названном сайте весьма представителен:
1) *Макарий (Булгаков)*, митрополит. История Русской Церкви: в 12 т. — СПб., 1864—1886, т. 4, с. 139. 2) *Булгаков С. В.* Настольная книга для священноцерковнослужителей. — Киев, 1913, с. 1417, 1418. 3) *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. — СПб., 1877, с. 331. 4) *Полное собрание русских летописей: в 24 т.* // Изд. Археографическою комиссиею. — СПб., 1841—1863, т. 1, с. 233. 5) *Исторический вестник. — 1888, февраль*, с. 420, 422. 6) *Амвросий (Орнатский), архиепископ. История Российской иерархии.* — 2-е изд., испр.— Киев, 1827, т. 1, с. 245. Н.(Дурново). 7) *Девятисотлетие русской иерархии 988—1888. Епархии и архиереи.*

Итак, как будто вполне доказано, что князь Александр Константинович не был Ростовским епископом в те годы, поскольку многие источники (см. выше) называют им князя Семена Андреевича Луговского-Гриву. Но, к сожалению, и последнее утверждение оказалось весьма сомнительным, т.к. проведенное нами рабочее исследование показало, что князь Семен Андреевич Луговской-Грива согласно родословным ярославских князей, к чьей

ветке он принадлежит, ***является пра-правнуком участника Куликовской битвы ярославского князя Романа Васильевича.*** И все же, поскольку вопрос о том, кто был епископом Ростовским в те времена, к Куликовской битве и нашему Синодику прямого отношения не имеет, мы не будет здесь пытаться его исследовать глубже. ***Принимаем на настоящий момент мнение тех, кто считает, что ростовский князь Александр Константинович епископом в Ростове не был.*** В данной статье лишь покажем графическое изображение ветви князей Луговских (см. рис. ниже) с нашими комментариями (известные даты смерти некоторых из князей взяты из Жития святых князей Федора, Давида и Константина смоленских-ярославских) в надежде, что это будет полезно для тех, кто решит серьезно заняться данной темой.

Смоленско-ярославские князья
(ветвь князей Луговских)

Федор Ростиславович Чермный (ум. 1299)

↓

Давид Федорович (ум. 1321)

↓

Василий Давидович Грозные Очи

↓

Роман Васильевич
(участник Куликовской битвы вместе с сыном Андреем – 1380г.)

↓

Данила Романович
(современник Куликовской битвы – сын и брат участников)

↓

Лев Данилович (Зубатый)

↓

Андрей Львович Луговка
(**родоначальник Луговских**, согласно родословным – жил прим. в середине XV в.)

↓

Семен Андреевич Луговской-Грива
(согласно различным источникам – был Ростовским епископом Арсением I в 1374-1380, однако согласно родословным – он жил в конце XV – начале XVI в.)

Таким образом, принимаем во внимание свидетельства А. Я. Артынова и кн. П. Долгорукова об участии князя Александра Константиновича в Куликовской битве, а также информацию о его пострижении перед смертью в иноческий чин с именем Андрея, сведения же о его епископстве в те годы считаем, исходя из всего вышеизложенного, малодостоверными.

Включаем имя князя Александра Константиновича (в монашестве – Андрей) в наш Поминальный Синодикъ участников Куликовской битвы.

3. **Владимир Константинович**

Информация об этом князе и участии его в Куликовской битве была нами показана в первой редакции нашего Синодика 2004–2006 гг., т.е. еще до появления новонайденных источников. Повторяем ее ниже и дополняем позже появившимися сведениями.

Дворянские роды Российской империи [32]

> *Стр. 106:* «**Владимир Константинович, князь ростовский,** сын Константина Васильевича, жил на рубеже XIV–XV вв. В 1375 г. **принимал участие** в походе великого князя московского Дмитрия Иоанновича на Тверь и **в 1380 г. в Куликовской битве, где был воеводой правой руки.** (*Сведения из «Русского биографического словаря», СПб. 1896–1913. Т. 1–25*)».

Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. [45]

В главе «Княжество Ростовское» *читаем*:

Стр. 54: «Владимир Константинович известен нам по родословным, которые дают ему двух сы-

новей: Константина и Ивана, по прозванию Бычка». Далее в сноске 180 читаем: «Первая родословная "Временника" дает Владимиру одного только сына, Ивана. Родословная, приложенная к труду А. А. Титова, неизвестную нам по происхождению жену Михаила Александровича тверскаго считает дочерью Владимира Константиновича».

Далее показываем новонайденную информацию о Владимире Константиновиче:

У Артынова в Ростовском Летописце [18] это имя показано только в списке участников Битвы (среди погибших — нет).

В Родословце Титова [34] это имя принадлежит самому младшему из братьев «Константиновичей» (двоюродных братьев Андрея Федоровича, главного Ростовского воеводы) и показано под № 23 (стр. 572)[3]. Здесь же в сноске 2 к этому имени на указанной странице читаем: «№ 23, 1380 г. августа съ 28 **былъ воеводой въ правой руке въ походе противъ Мамая**». Согласно Родословцу — отец двоих сыновей (Константина и Ивана) и одной дочери (Евдокии).

Россійская Родословная книга, издаваемая княземъ Петромъ Долгоруковымъ [35]

Стр. 209: «...Князь Александр Константинович и брат его **Владимир Константинович** отличились в битве Куликовской, куда приходили под знамена Донскаго...».

[3] В Россійской Родословной книге кн. П. Долгорукова [35, часть 1, стр. 207] Владимир Константинович объединен с одним из его братьев Василием одним именем — Владимир-Василий (в Родословце Титова эти имена разделены).

А. А. Титов.
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

В указанном издании А. Титова имя Владимира Константиновича упоминается на стр. 504 и 529. Сведений об участии в Битве в этих упоминаниях не содержится, но имеются известия о том, что у него была еще одна дочь — Татьяна, а также о том, что он был *«известный в свое время любитель соколиной охоты»*, а также храбрый воин (освободил силою оружия из заточения свою невесту).

Оставляем имя князя Владимира Константиновича в нашем Поминальном Синодике, как одного из воевод Ростовской дружины в Куликовской битве.

4. **Димитрий Ростовский**

Это имя упоминается в многочисленных ***основных источниках*** о Куликовской битве (перечисление см. ниже), однако нигде не указано его отчество или прозвище/фамилия. Не нашлось и никакой конкретной или достоверной ссылки на кого-то из князей, показанных в родословных книгах. Ниже приводим текст по одному из основных источников, обращая внимание на то, что в подобном контексте **имя Димитрия Ростовского упоминается** также *в Патриаршей или Никоновской летописи, в Летописной редакции Сказания по Вологодско-Пермской летописи, в Сказаниях по списку Михайловского, в Распространенной редакции, в Забелинском списке и многих других первоисточниках.*

Сказание о Мамаевом побоище.
Основная редакция [24]

Стр. 251: «…И пришли к нему князья… Пришли и ярославские князья со своими силами:

князь Андрей Ярославский, князь Роман Прозоровский, князь Лев Курбский, **князь Дмитрий Ростовский** и иные князья…».

В Родословце Титова имя «Димитрий» появляется в **«поколениях внуков и правнуков»** основных участников Куликовской битвы: 1. Дмитрий Федорович Приимок – внук Андрея Федоровича; 2. Дмитрий Андреевич – внук Александра Константиновича, двоюродного брата Андрея Федоровича; 3. Дмитрий Иванович Бритой-Бычков – внук Владимира Константиновича, двоюродного брата Андрея Федоровича; 4. Дмитрий Александрович Щепа – правнук Андрея Федоровича. **В списке участников Битвы по Артынову** названы три из этих имен, и хотя реальным участником Куликовской битвы, как показали наши исследования, мог быть только Дмитрий Федорович Приимок, а другие князья с этим именем не могли участвовать в сражении по возрасту[4], мы все же оставляем это имя отдельной строкой, поскольку не имеем достоверной информации о его родственных связях.

[4] В статье акад. Ю. К. Бегунова [40] «Новонайденный Ростовский источник о Куликовской битве» (в которой он и поместил часть текста «Ростовского Летописца», касающуюся Куликовской битвы) на стр. 184 сказано: «…Из “Сказания о Мамаевом побоище” и летописей известны князья Андрей Федорович и Дмитрий Александрович Щепа…». Однако, как мы уже показали выше, в указанных источниках упоминается только князь Димитрий Ростовский (но не Дмитрий Александрович Щепа), а о князе Дмитрии Александровиче Щепе нами будет рассказано отдельно в статье «***Ростовские князья,*** *чьи имена* ***недостоверно упоминаются в новонайденных источниках*** *в связи с участием в Куликовской битве*».

У нас, в связи с этим именем, имеется одно собственное наблюдение (предположение), которое появилось в процессе работы над Синодиком еще в 2004–2006 гг. О нем мы рассказываем подробно в статье «Ростовские княжны – участницы Куликовской битвы».

Итак, поскольку в основных источниках (не считая новонайденных ростовских) в составе Ростовской дружины упоминаются только два имени (Андрей Федорович и Димитрий Ростовский), а это войско, как мы теперь доподлинно знаем, по княжескому составу было весьма представительным, можем отнестись к этому имени как к вобравшему в себя имена всех неизвестных нам участников Куликовской битвы от Ростовской дружины, а посему:

Оставляем имя князя Димитрия Ростовского в нашем Поминальном Синодике участников Куликовской битвы.

II. «Поколение сыновей»

Со следующего имени в нашем повествовании начинается «поколение сыновей», т.е. детей Андрея Федоровича (главного Ростовского воеводы) и детей его двоюродных братьев «Константиновичей».

5. **Иван Андреич (Голена по Артынову)**

У Артынова [18] имя Ивана Андреевича Голены показано ***и в списке участников Битвы,*** и среди погибших в ней.

В Родословце Титова [34] имя найдено под № 24 на стр. 573, прозвище же «Голена» при нем не указано, но сын его Федор Иванович (№ 36, с. 574) уже называется «Голеня». Согласно указанной родо-

словной, Иван Андреевич приходится **сыном Андрею Федоровичу** (№ 18 Родословца и № 1 настоящей статьи), главному Ростовскому воеводе; он отец двух сыновей — Юрия Немого и Федора Голени. Подобные сведения приводятся и в «Российской Родословной книге кн. П. Долгорукова [35, ч. 1, с. 207, № 64].

А. А. Титов.
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

Стр. 48, сноска 1: В описании Городца на Саре читаем:

«...кроме своего археологического значения, городок на Саре замечателен еще и в том отношении, что **спустя 2,5 месяца после Мамаева побоища, — в 1380 году,** в этом городке был **съезд** под председательством князя **Ивана Федоровича Щепина Меньшаго**, в котором кроме разных князей и бояр участвовали также и все остальные ростовские князья (князь **Иван Владимирович, Юрий Иванович Немой, Иван Андреевич Голеня и др.**). **На названном съезде обсуждались последствия Куликовской битвы,** а вместе с тем происходил и выбор преемника ростовскому епископу Арсению, причем по предложению князя **Федора Ивановича Щепина,** в епископа ростовского и был избран настоятель обители Копыреи (находившийся в Ростовском уезде) св. Иаков».

Стр. 354: В описании села Деболы Зверинцевской волости читаем:

«...**в одной из рукописей, находящихся в нашей библиотеке**, относительно Городца на Саре есть следующее сказание: Спустя 2,5 месяца после Мамае-

Храм прп. Сергия Радонежского в с. Деболы на реке Саре (фото Чупринина М. В., сайт: debolskoe.narod.ru)

ва побоища 20 ноября 6888 г. (1380), близ села Дебол и Скнятинова, в древнем городке, обмываемом р. Сарою, при монастыре св. Марии происходил **съезд**... (*от сост.*: далее повторяется информация, показанная абзацем выше)... **Кроме нашей рукописи, подобного же рода сведение,** в числе прочих**, находится** в настоящее время **в сборнике Трехлетова, в Императорской Публичной Библиотеке.** Об этом нам лично передавал редактор Ярославских Губернских Ведомостей О. Я. Никольский, составивший подробное описание библиотеки Трехлетова и напечатавший часть своего труда в 50-х годах **в Ярославских Губернских ведомостях...**».

Как мы уже сообщили выше, князь Иван Андреевич Голеня числится у Артынова в списке погибших, но это известие, исходя из только что приведенной информации, явно ошибочно, поскольку князья, участвовавшие в съезде, проходившем через 2,5 меся-

ца после Битвы, не могут считаться погибшими в Мамаевом побоище. К тому же, об их участии в этом съезде указано в нескольких источниках (*см. текст выше*), что существенно укрепляет достоверность информации.

Имя Ивана Андреевича Голены встречается в труде А. Титова «Ростовский уезд...» [100], также и на стр. 125 (здесь предположительно указан год его рождения – 1347), 271, 343, 529 (на последней из этих страниц есть известие о том, что у него кроме сыновей, указанных в Родословце, была еще дочь Дарья, выданная замуж за князя Русана Федоровича Щепина, тоже героя Куликовской битвы).

Включаем имя князя Ивана Андреича Голены в наш Поминальный Синодикъ участников Куликовской битвы.

6. **Федор Андреич (Щепин по Артынову)**

У Артынова [18] это имя показано ***и в списке участников Битвы***, и среди погибших в ней.

В Родословце Титова [34] имя найдено под № 25 на стр. 573, но без прозвища (прозвище «Щепин/Щепа» появляется ***в Родословце*** в имени его внука – Димитрия Александровича Щепы, ***в Российской Родословной книге кн. П. Долгорукова*** [35] родоначальником Щепиных называется сын Федора Андреевича – Александр Федорович). Согласно ***Родословцу Титова*** (и другим родословным книгам) Федор Андреевич приходится **сыном** главному Ростовскому воеводе **Андрею Федоровичу** (№ 1 настоящей статьи), там же сообщается, что он **ум.** в **1398** (это указывает на то, что ***сведения Артынова о гибели Федора Андреевича в Битве не достоверны***).

Федор Андреевич в Родословце показан отцом шестерых сыновей[5] (№№ 37–42, стр. 574–575) и одной дочери Дарьи (стр. 575).

А. А. Титов.
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

Стр. 72: В описании д. Городец Угодичской волости читаем:

«…Затем **в XIV в.** эта местность составляла вотчину **князя Федора Андреевича Щепина** (1350), от которого она и перешла к его внуку, кн. Димитрию Александровичу Щепину-Приимкову (1395)».

Исходя из указанных в скобках дат, можем предположить, что Федор Андреевич вступил во владение Городцом в 1350 г., и что эта дата близка ко времени его рождения (стало быть, во время Битвы ему было порядка 30 лет). Упомянутая в вышеприведенном тексте родственная связь с Дмитрием Александровичем Щепиным-Приимковым (Щепой по Родословцу – № 61, с. 577) в Родословце подтверждается (это действительно его внук). Считаем, что **подтверждается и ошибочное включение Артыновым князя Федора Андреевича в список погибших** (см. в тексте выше – передача владения Городцом внуку в 1395 г., т.е. через 15 лет после Куликовской битвы).

[5] ***В труде А. В. Экземплярского*** [45] у Федора Андреевича показано 5 сыновей, Федор и Русан объединяются под одним именем «Федор-Русан». ***В Родословной книге кн. П. Долгорукова*** [35, ч. 1, стр. 207] у Федора Андреевича также показано 5 сыновей, но уже упоминается только Русан, а упоминание о Федоре отсутствует.

Имеются и другие упоминания этого имени в книге А. Титова «Ростовский уезд…» [100, стр. 224, 295, 332], где найдены известия (совпадающие с данными в Родословце) о сродниках Федора Андреевича (сыновьях и внуках) и о передаче им во владение тех или иных сел и деревень.

Включаем имя князя Феодора Андреевича Щепина в наш Поминальный Синодикъ участников Куликовской битвы.

7. **Юрий Андреич**

У Артынова [18] это имя показано ***только в списке участников Битвы*** (среди погибших – нет).

В Родословце Титова [34] такое имя найдено под № 26 на стр. 573 и принадлежит **сыну** главного Ростовского воеводы **Андрея Федоровича** (№ 18 Родословца и № 1 настоящей статьи). На стр. 573 об Юрии Андреевиче дана следующая информация: ***«в монашестве – Герасим, ум. в 1413».*** Детей не показано, но и не сказано, что он бездетен. Подобные сведения приводятся и в ***Российской Родословной книге*** [35, ч. 1, под № 66, с. 207].

Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. [45]

В главе «Княжество Ростовское» читаем:

«…В летописях находим только два известия, касающихся этого князя. Первый эпизод относится к 1396 году, когда Василий Димитриевич, совместно с Витовтом, потребовал от новгородцев разрыва дружбы с немцами… Затем летописи отмечают еще только год смерти Юрия Андреевича, именно 1413 г. Поименованный князь умер безпо-

томственно, приняв перед кончиною иноческий образ с именем Герасима».

А. А. Титов.
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

Стр. 504: В описании д. Емельяниково Ивановской на Лехте волости читаем:

«...**Согласно Хлебниковской рукописи**, на месте этой деревни жил витязь Омеля (Емеля) храбрый, легенда о котором сохранилась до нашего времени в рукописи; потом этим местом владел Ростовский князь Александр Константинович, а после того, как он поступил в монашество, местом этим стал владеть его брат **Владимир Константинович**, известный в свое время любитель соколиной охоты, **который потом отдал эту вотчину в приданое за своей дочерью Татьяной, выданной за князя Юрия Андреевича».**

Это единственное найденное нами упоминание в книге А. Титова о князе с таким именем. Возможно, что речь идет именно об этом Юрии Андреевиче, т.к. по сопоставлению указанных в приведенном фрагменте текста имен с Родословцем Титова [34] этот князь подходит по возрасту в мужья дочери Владимира Константиновича (№ 23 Родословца, № 3 настоящей статьи).

Дополнительных к списку Артынова свидетельств, подтверждающих его участие в Мамаевом побоище, не нашли.

Включаем имя князя Юрия Андреича в наш Поминальный Синодикъ участников Куликовской битвы.

8. **Константин Андреич**

У Артынова [18] это имя показано только в списке участников Битвы (среди погибших нет).

В Родословце Титова [34] имя найдено под № 27 на стр. 573, это сын Андрея Федоровича (№ 18 Родословца), главного Ростовского воеводы (в данной статье под № 1). О Константине Андреевиче на стр. 573 Родословца сказано: «**в монашестве — Кассиан, ум. 1397**». Детей не показано, но и не сказано, что бездетен. Подобные сведения приводятся и в Российской Родословной книге [35, ч. 1, № 67, с. 207) и Бархатной книге [31].

Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. [45]

В главе «Княжество Ростовское» читаем:

Стр. 47: «Все сведения об этом князе, находящиеся в летописях, ограничиваются только известием последних, что он **скончался в 1407 г. апреля 27-го, постригшись в иноки с именем Кассиана.** Потомства у него не осталось».

Находим расхождение в дате смерти по данным А. Титова и А. Экземплярского (1397 и 1407 соответственно), впрочем, это для нашего исследования значения не имеет — обе даты позже Куликовской битвы, что подтверждает данные Артынова о том, что князь в Мамаевом побоище остался жив. Нами найдены известия, опровергающие его бездетность (см. ниже).

«Ростовский летописец» А. Я. Артынова [18]

На стр. 188 Юбилейного сборника читаем:

«…Вблизи речки Смолки у Краснаго холма **княжна Феодора Мен(ь)шаа**, **дочь князя Константина Васильковича**, представляла из себя храбраго витязя. Любовь ея к жениху ея князю Якову Борисовичу Щепину увлекла ее в Мамаево побоище, где князь Яков в глазах ея пал смертию героя. Невесту же его княжну Феодору, жестоко израненную**, вынес ис кроваваго бою князь Константин Андреич** и отправил в Ростов».

Здесь подтверждается **участие князя Константина Андреевича в Куликовской битве**.

Кроме того, при прочтении этого известия у нас возникло предположение (оно изложено в статье «Ростовские княжны») о том, что Феодо́ра могла быть дочерью самого Константина Андреевича, просто у Артынова в этом рассказе в отчестве ее отца возможно закралась ошибка. Нам подумалось, что вероятнее всего именно отец мог вынести ее из кровавого боя и отвезти домой, и это наше предположение подтвердилось:

А. А. Титов.
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

Стр. 446–447: В описании д. Мятежево Шулецкой волости читаем:

«…Хлебниковский летописец говорит… ростовский боярин Кирилл, отец преподобного Сергия Радонежскаго, имел тут же свой терем, поступивший потом **во владение к князю Константину Андреевичу,** а этот последний отдал его в приданое **за своей дочерью Феодо́рой**, выданной

за князя Дмитрия Ивановича Бритаго-Бычкова, а князь Дмитрий приложил этот терем Ростовскому архиерейскому дому».

Как видим, у Константина Андреевича действительно была дочь Феодо́ра. И, судя по всему, потеряв в Битве своего жениха, она все-таки впоследствии вышла замуж за князя Дмитрия Ивановича Бычкова (подробнее об этом мы рассказываем в статье «Ростовские княжны — участницы Куликовской битвы»). Приведенное выше сообщение интересно нам еще и тем, что в нем показано **редкое свидетельство о связи отчего дома преподобного Сергия Радонежского с именем участника Мамаева побоища князя Константина Андреевича!**

В книге А. Титова «Ростовский уезд…» найдены и другие упоминания имени князя Константина Андреевича [100, стр. 207, 529 и 543], но среди них полезной для нашего исследования информации мы не обнаружили.

Включаем имя князя Константина Андреича в наш Поминальный Синодикъ участников Куликовской битвы.

9. ‡ **Михаил Андреич**

У Артынова [18] это имя показано и в списке участников Куликовской битвы, и среди погибших в ней.

В Родословце Титова [34] имя найдено под № 28 на стр. 573 и принадлежит сыну Андрея Федоровича (№ 1 настоящей статьи), главного Ростовского воеводы. Сведений о детях нет, но и не сказано, что бездетен. Аналогичная информация приводится и в

Российской Родословной книге [35, ч. 1, № 68, с. 207), и в Бархатной книге [31].

А. А. Титов.
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

> ***Стр. 459:*** *В описании д. Никово Шулецкой волости читаем*:
>
> «…По рукописи Артынова, в древности на этом месте будто бы жила какая-то княжна Ника, дочь князя Протия, **а в XIV столетии** на этом месте находился терем князя Андрея Федоровича; **сын его, князь Михаил Андреевич, пал на Куликовом поле,** и этот терем перешел к княгине Марии Владимировне, жене павшего в той же битве князя Дмитрия Ивановича Янова».

В приведенном тексте найдено подтверждение факту гибели князя Михаила Андреевича в Мамаевом побоище.

Включаем имя князя Михаила Андреевича в наш Поминальный Синодикъ участников Куликовской битвы, как погибшего в ней.

10. ‡ **Борис Андреич**

У Артынова [18] это имя показано **и в списке участников Битвы, и среди погибших в ней**.

В Родословце Титова [34] имя найдено под № 29 на стр. 573 и принадлежит **сыну Андрея Федоровича** (№ 18 Родословца), главного Ростовского воеводы (в настоящей статье под № 1). Сведений о детях нет, но и не говорится о бездетности. Подобные сведения приводятся и в ***Российской Родословной книге князя*** [35, ч. 1, № 69, с. 207), и в ***Бархатной книге*** [31].

Других упоминаний имени этого князя нами *не найдено*. Имелось только весьма натянутое предположение о том, что у него мог быть сын — погибший в Куликовской битве Яков Борисович Щепин, названный Артыновым женихом княжны Феодоры Константиновны (участницы Куликовской битвы), но при более тщательном анализе материалов это предположение отсеялось (имя Якова Борисовича пришлось поместить в список тех, чье участие в Битве оказалось невозможным).

Включаем имя князя Бориса Андреевича в наш Поминальный Синодикъ участников Куликовской битвы, как погибшего в ней.

11. Андрей Александрович

У Артынова [18] это имя показано ***только в списке участников Битвы*** (среди погибших — нет).

В Родословце Титова [34] имя найдено под № 30 на стр. 573 и принадлежит ***старшему сыну Александра Константиновича*** (№ 22 Родословца и № 2 в настоящей статье). Андрей Александрович — отец семерых сыновей: Ивана (Брюхатого), Дмитрия, Федора, Владимира, Ивана (Яна), Ивана меньшого, Петра. Подобные сведения приведены и в ***Российской Родословной книге князя П. Долгорукова*** [35, ч. 1, № 70, с. 207], но с той лишь разницей, что сыновей было шесть (не показано имя Ивана меньшого, о котором и Титов в своем Родословце в сноске пишет, что этот сын в большинстве списков не встречается).

Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. [45]

В главе «Княжество Ростовское» читаем:

Стр. 55-56: «Во второй половине XIV века ростовские князья до того ослабели и подчинились Москве, что в конце этого столетия и начале XV-го, сохраняя еще значение князей владетельных, являются как бы обыкновенными слугами великаго князя московскаго. Так, в **1410** г. (в данном фрагменте выделение полужирным шрифтом и курсивом — А. В. Экземплярского. — *Прим. сост.*), по просьбе псковичей, Василий Димитриевич посылает к ним князем Александра Федоровича ростовскаго; в **1415** г. в Псков приезжает и Андрей Александрович (старший внук Константина Васильевича), конечно, по воле великаго князя (хотя в летописях это и не оговаривается). Но ему, как и его предшественнику, недолго пришлось княжить во Пскове: 17-го июля **1417** года псковичи выгнали его, вероятно, за слишком сильныя притеснения. Только этими известиями и ограничиваются все наши сведения об Андрее Александровиче. По родословным у Андрея Александровича было шесть сыновей: Иван, прозванием *Брюхатый*, — Димитрий, Федор, Владимир, Иван-Ян и, наконец, Петр. Из этих сыновей Димитрий, Федор и Петр известны нам только по родословным, которыя считают их бездетными…».

Как видим из этого текста, Андрей Александрович деятельно здравствовал еще и через 37 лет после Куликовской битвы, что указывает на то, что *в 1380 году он был молод, и шестерых сыновей в то время вряд*

ли мог иметь, да к тому же в возрасте участников Куликовской битвы. А. В. Экземплярский в рассказах о сыновьях Андрея Александровича указывает на даты, связанные с их жизнью и деятельностью (Иван Андреевич Брюхатый, Владимир Андреевич и Иван-Ян Андреевич упоминаются в исторических документах до 1474 года, а это значит, что все они реально могли родиться только после Куликовской битвы). ***В связи со сказанным, сыновей Андрея Александровича из списков участников Мамаева побоища исключаем,*** информация о них будет показана в статье «*Ростовские князья, чьи имена* ***не****достоверно упоминаются в новонайденных источниках в связи с участием в Куликовском сражении*».

Включаем имя князя Андрея Александровича в наш Поминальный Синодикъ участников Куликовской битвы.

12. **Федор Александрович**

У Артынова [18] это имя показано **только в списке участников *Битвы*** (среди погибших — нет).

В Родословце Титова [34] имя найдено под № 31, стр. 573, принадлежит ***второму сыну Александра Константиновича*** (№ 22 в Родословце Титова и № 2 настоящей статьи). Показан бездетным, но в сноске говорится, что у него «*…по Хмырову, был один сын кн. Александр Федорович…*». Сын с именем Александр найден нами под № 5 на стр. 600 в перечне лиц, не вошедших в основной Родословец. ***В Российской Родословной книге кн. П. Долгорукова*** [35, ч. 1, стр. 207–208] сведений о детях не показано.

Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. [45]

В главе «Княжество Ростовское» читаем:

Стр. 58-60: «***Федор Александрович, второй сын Александра Константиновича,*** выступает на сцену в то время, когда, с одной стороны, происходил разлад между Псковом и Новгородом, с другой — между Новгородом и Москвой. В **1397** году великий князь Василий Димитриевич совместно с Витовтом потребовал у новгородцев разрыва дружбы с немцами, бывшими в вражде с в.кн. литовским. Новгород не исполнил этого требования, и в Двинскую землю была двинута московская рать. Утесняемые корыстолюбием Новгорода, ***двиняне,*** сами новгородские выходцы, охотно стали на сторону Москвы и ***приняли к себе великокняжеского наместника, ростовского князя Федора Александровича***... Новгородцы... вооружились: опустошили и сожгли старый Белозерск... осадили крепость Орлец, где сидел великокняжеский наместник с новгородскими двинскими воеводами, приставшими к Москве. После упорной осады... новгородцы взяли эту крепость, а вместе с нею и сидевших там двинских воевод; князя же Федора ростовскаго... отпустили восвояси со всеми ратными людьми. После этого события, в продолжение лет десяти, в летописях не встречается известий о Федоре Александровиче... Служа московским князьям как воин, Федор Александрович служил им и как администратор, говоря современным языком. Побуждаемые дурными отношениями к соседям, немцам и новгородцам, псковичи постоянно обращались к великому

князю с просьбой, чтобы он дал им князя… В **1415** г. они приняли к себе Андрея Александровича ростовскаго, а в **1417** г. выгнали его. ***В том же году*** чрез послов ***они выпросили*** себе у Василия Димитриевича ***в князья Феодора Александровича ростовскаго… Этот князь, как кажется, пришелся по нраву псковичам.*** На следующий год по приезде Федор Александрович и псковские граждане отправили в Новгород послов, которым и удалось заключить мир с новгородцами. Но недолго, однако, пришлось Федору Александровичу жить во Пскове: ***в 1420 году, во время открывшагося там мора, Федор Александрович заболел, постригся в монахи и уехал в Москву. Надобно полагать, что в том же году он и скончался…*** Что касается детей Федора Александровича, то как старыя, так и новыя родословныя относительно этого предмета несогласны; несомненно, впрочем, что у него был сын Александр, известный нам только по родословным, почему о нем и не будем говорить в отдельности».

К так подробно рассказанной жизни Федора Александровича комментарии не требуются. Добавим лишь, что по возрасту своему (как и старший его брат Андрей Александрович — № 11 настоящей статьи) во время Куликовской битвы он был молод (умер в 1420 г. — через 40 лет после сражения, будучи еще в возрасте деятельном), а посему детей, участвовавших в Мамаевом побоище, к тому времени еще иметь не мог.

Включаем имя князя Федора Александровича в наш Поминальный Синодикъ участников Куликовской битвы.

13. **Иван Александрович**

Такое имя **в списках Артынова не значится**. **Обнаружено** нами **в трудах А. А. Титова**.

В Родословце Титова [34] имя показано под № 36 (с. 573) и принадлежит **третьему** младшему **сыну князя Александра Константиновича** (№ 2 настоящей статьи). По возрасту, он вполне мог быть реальным участником Куликовской битвы (*«поколение сыновей»*), тем более что братья его — сражались в ней (№№ 11 и 12 настоящей статьи).

Ниже приводим текст найденного нами известия, показывающего на участие князя Ивана Александровича в Битве.

А. А. Титов.
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

> *Стр. 346: В описании дер. Пашино Зверинцевской волости читаем*:
>
> «...а **в XIV ст.** здесь стоял терем героя Куликовской битвы, князя Андрея Федоровича (XIV), из этого терема пропала его дочь Дарья**,** которая впоследствии и оказалась женою **кн. Ивана Александровича, также героя Куликовской битвы**; княгиня Дарья, как стало известно после, под видом воина также участвовала, вместе с мужем, в означенной битве».

Как видим, этот участник Битвы — жених и, судя по всему, впоследствии муж княжны Дарьи (дочери князя Андрея Федоровича, главного Ростовского воеводы), которая также была участницей Куликовской битвы. Конечно, здесь не сообщается, что женихом Дарьи был именно **сын Александра Константиновича**,

но мы в своих исследованиях приоритетным считаем исходить из имен, известных родословным книгам, а посему думается, что наше предположение верно.

Согласно ***Родословцу Титова*** [34] Иван Александрович – отец шестерых сыновей, в ***Российской Родословной книге кн. П. Долгорукова*** [35] – отец пятерых сыновей (здесь объединяются имена Василий и Варсонофий в одно – Василий-Варсонофий). ***У А. В. Экземплярского*** в труде «Великие и удельные князья…» [45] – те же пять сыновей (как и у кн. П. Долгорукова), причем упоминания о некоторых из них относятся даже к 1474 году.

Выше (под №№ 11 и 12 настоящей статьи, где подробно рассказывается о старших братьях Ивана Александровича) показано, что на момент Куликовской битвы они были молоды и ***детей в возрасте участников этого Великого сражения иметь не могли***. Все это распространяется и на семью Ивана Александровича, который является отцом пятерых-шестерых сыновей (а матерью их, по-видимому, была Дарья Андреевна, которая ***во время Мамаева побоища звалась еще только невестой*** Ивана Александровича).

Включаем имя князя Ивана Александровича в наш Поминальный Синодикъ участников Куликовской битвы.

14. Константин Владимирович

Такое имя **в списках Артынова не значится**. **Обнаружено** нами **в трудах А. А. Титова**.

В Родословце Титова [34] это имя прослежено под № 33 (стр. 573) и принадлежит старшему ***сыну Владимира Константиновича*** (№ 23 Родословца и

№ 3 настоящей статьи). В комментарии к имени сказано: ***«в монашестве Кассіанъ, ум. он в 1415 г.».***

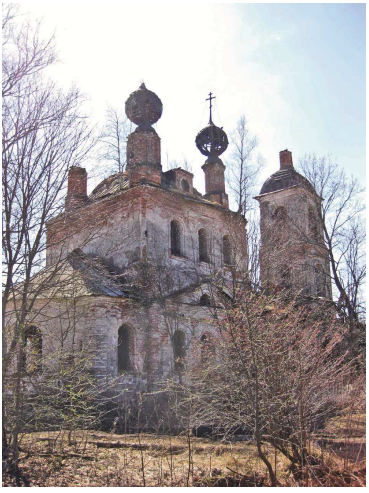
Ниже приводим найденные о нем известия:

А. А. Титов.
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

Стр. 409: В описании с. Рославлево Новоселко-Пеньковской волости (одно из первоначальных в данной местности славянских поселений) читаем:

«…затем **в XIV веке** этим местом владел **павший в Мамаево побоище Ростовский кн. Константин Владимирович, а по смерти его** оно перешло к его дочери княгине Марии, супруге кн. Ивана Федоровича, которая и отдала это имение в приданое за своей дочерью Татьяной, выданной за кн. Андрея Ивановича Хохолкова».

Таким образом, найдено свидетельство, открывающее имя еще одного участника Куликовской битвы, не обозначенное в списках Артынова. Сведения о его дочери тоже кажутся реальными, поскольку имена, подобные тем, какие указаны в тексте, прослеживаются в Родословце Титова в соответствующих поколениях. Единственное **сомнение — подлинность гибели Константина Владимировича в Битве**



Храм Воскресения Словущего в с. Рославлево (фото с сайта: roslavlevo.narod.ru)

(в Родословце Титова сказано, что «умер он в 1415 году»). На стр. 75 «Ростовского уезда…» А. Титова [97] нашлось косвенное подтверждение тому, что Константин Владимирович остался жив (там есть слова «*…отдал в приданное дочери* ***в 1381 г.***…»). Итак, известие о гибели Константина Владимировича в Куликовской битве за достоверное принять не можем, считаем его свидетельством участия названного князя в Великом сражении.

Включаем имя князя Константина Владимировича в наш Поминальный Синодикъ участников Куликовской битвы.

15. **Иван Владимирович Бычок**

Такое имя **в списках Артынова** *так же, как и два предыдущих*, **не значится**. **Обнаружено** нами **в трудах А. А. Титова**.

В Родословце Титова [34] имя показано под № 34 (с. 574) и принадлежит второму **сыну князя Владимира Константиновича** (№ 3 настоящей статьи). В примечании к имени говорится: ***«родоначальник князей Бритыхъ и Бычковыхъ,*** *ж. кн. Вера Андреевна Белозерская, рожд. Ростовская*». Иван Владимирович Бычок — отец Дмитрия Ивановича Бритого-Бычкова и четырех дочерей (стр. 576 Родословца).

Российская Родословная книга кн. П. Долгорукова [35] сообщает только о сыне Ивана Владимировича (о дочерях умалчивает), и называет родоначальником Бритых-Бычковых не Ивана Владимировича, а его сына Димитрия Ивановича.

При работе с книгой **А. А. Титова «Предания о Ростовских князьях»** [98] мы нашли известия **о**

князьях из рода Бычковых, которым было приписано участие в Куликовской битве. К сожалению, при тщательном анализе сведения эти не подтвердились (они относятся к князьям из поколения внуков Ивана Владимировича, т.е. по нашей градации это уже «*поколение правнуков*» основных участников Куликовской битвы). Более достоверной посчитали следующую информацию:

А. А. Титов. «Предания о Ростовских князьях» [98]

Предисловие А. А. Титова к главе «Князья Ростовские Бритые-Бычковы»:

Стр. 105: «…Родоначальником этой фамилии (в XVII колене от Рюрика и в VII от князя ростовского Василько Константиновича святаго…) ***был князь Иван Владимирович Ростовский Бычек,*** который, по словам некоторых летописей, владел, кроме ростовских поместьев, и двинскими землями… Я считаю необходимым оговориться, что моя рукопись во многих местах представляет значительное несходство и разницу в годах против родословной, составленной потомком этих князей Федором Афанасьевичем Бычковым. Так, **по словам родословной г. Бычкова, участником Куликовской битвы был князь Иван Владимирович Бычков,** тогда как ***в моей рукописи*** являются уже ***князья братья Василий и Юрий Дмитриевичи, павшие в этой битве смертью героев.*** Не задаваясь целью делать какие-либо генеалогические и хронологические разыскания об этом роде, я позволяю себе лишь привести только то, что сохра-

нили местныя ростовския рукописи, основанныя, быть может, более на преданиях...».

Считаем информацию об участии Ивана Владимировича в Битве вполне похожей на достоверную, так как этот князь из ***«поколения сыновей»,*** которое практически полностью входило в состав Ростовской дружины в Куликовской битве. Князья же Василий и Юрий Дмитриевичи согласно Родословным книгам – его внуки, и участвовать в Куликовской битве не могли по возрасту (об этом будет рассказано в статье *«Ростовские князья, чьи имена **не**достоверно упоминаются в новонайденных источниках в связи с участием в Куликовской битве»*).

Нами также обнаружены сведения о том, что Иван Владимирович в числе других ростовских князей ***был участником съезда ростовских князей, состоявшегося через 2,5 месяца после Куликовской битвы***.

А. А. Титов.
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

Стр. 48, сноска 1: *В описании Городца на Саре* (информация повторяется на стр. 354 книги Титова. – *Прим. сост.*) *читаем*:

«...кроме своего археологического значения, городок на Саре замечателен еще и в том отношении, что **спустя 2,5 месяца после Мамаева побоища, – в 1380 году,** в этом городке был съезд под председательством князя *Ивана Федоровича Щепина Меньшаго*, в котором кроме разных князей и бояр участвовали также и все остальные ростовские князья (***князь Иван Владимирович,*** *Юрий Иванович Немой, Иван Андреевич Голеня*

и др.). ***На названном съезде обсуждались последствия Куликовской битвы...».***

Включаем имя князя Ивана Владимировича Бычка в наш Поминальный Синодикъ участников Битвы.

III. «Поколение внуков»

Далее будем показывать имена *участников Куликовской битвы* ***из «поколения внуков»,*** т.е. внуков основных воевод Ростовской дружины – Андрея Федоровича и его двоюродных братьев «Константиновичей».

16. **Юрий Иванович Немой**
(*Голенин-Немой по Артынову*)

У Артынова [18] это имя показано и ***в списке участников Битвы***, и среди погибших в ней. Последнее явно ошибочно (***из списка погибших исключаем***), т.к. ***этот князь принимал участие в съезде, состоявшемся через 2,5 месяца после Куликовской битвы*** (информация об этом съезде выше уже приводилась в рассказе, посвященном отцу Юрия Ивановича – Ивану Андреевичу (см. № 5 настоящей статьи), который тоже был участником этого важнейшего мероприятия, а также в предыдущем повествовании (см. № 15 настоящей статьи), поэтому повторять эти сообщения не будем.

В Родословце Титова [34] такое имя найдено под № 35 на стр. 574 с прозвищем – «Немой» (приписка «Голенин» в списке Артынова могла произойти в связи с тем, что «Голеня» было прозвищем его родного брата Федора Ивановича). Имя «Юрий Иванович Немой» принадлежит **внуку Андрея Федоровича** (№ 18 Родословца и

№ 1 настоящей статьи) от старшего сына его **Ивана Андреича** (№ 24 Родословца и № 5 настоящей статьи).

Имя Юрия Ивановича Немого встречается также на страницах 112, 403–404, 524 труда ***А. Титова «Ростовский уезд Ярославской губернии»*** [100]***,*** где подтверждается, что этот князь действительно проживал в XIV веке, и что у него был сын Семен (который в Родословце показан под № 58), а также сообщается о дочери Марии.

Включаем имя князя Юрия Ивановича Голенина-Немого в наш Поминальный Синодикъ участников Куликовской битвы.

17. **Федор Иванович Голена**
(*Щепин по Артынову***)**

У Артынова [18] это имя показано с прозвищем «Щепин» (наша приписка «Голена» объясняется чуть ниже) и ***в списке участников Битвы***, и среди погибших в ней. Последнее явно ошибочно, т.к. ***этот князь тоже принимал участие в съезде ростовских князей, состоявшемся через 2,5 месяца после Куликовской битвы*** (полная информация о съезде приведена выше, под № 5 настоящей статьи). В связи с этим, имя Федора Ивановича из списка погибших исключаем.

В Родословце Титова [34] такое имя без прозвища «Щепин» (но «Голеня») найдено под № 36 (с. 574) и принадлежит князю **Федору Ивановичу Голене**, который приходится **сыном Ивану Андреевичу** (№ 24 Родословца и № 5 настоящей статьи) и **внуком Андрею Федоровичу** (№ 18 Родословца и № 1 настоящей статьи), а также родным братом Юрию Ивановичу Немому (см. № 35 в Родословце Титова и № 16 в настоящей статье). Считаем допустимым при-

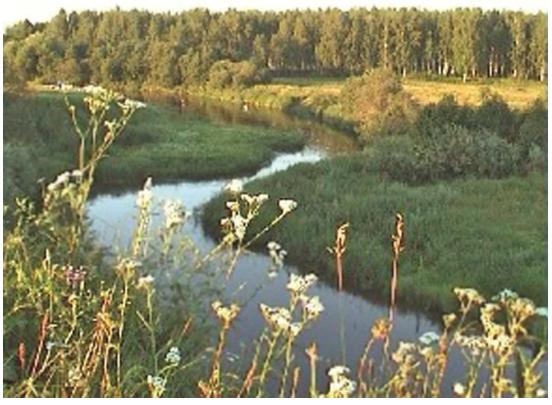
своенное ему Артыновым прозвище «Щепин», т.к. и Голенины, и Щепины – потомки князя Андрея Федоровича (в некоторых источниках родоначальником Щепиных считается двоюродный брат Федора Ивановича Голены – Александр Федорович, о котором будет рассказано чуть ниже). Кроме того, в «поколениях отцов, сыновей и внуков» имени «Федор Иванович» (кроме этого князя) в родословцах не обнаружили.

Ниже приводим известия с упоминаниями о Федоре Ивановиче Щепине (Голене).

А. А. Титов.
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

Стр. 48, сноска 1: В описании Городца на Саре (информация повторяется на стр. 354 книги Титова) читаем:

«...На названном съезде **обсуждались последствия Куликовской битвы,** а вместе с тем происходил и выбор преемника ростовскому епи-



На этом месте был Городок на Саре.
Валы городища находятся в лесном массиве на дальнем плане
(фото с сайта salvor.narod.ru)

скопу Арсению, причем по предложению ***князя Федора Ивановича Щепина***, в епископа ростовского и был избран настоятель обители Копыреи (находившийся в Ростовском уезде) св. Иаков».

Стр. 75: В описании с. Скнятиново Угодичской волости читаем:

«…Затем это место принадлежало князю Константину Васильковичу (1310), сын которого, кн. Александр Константинович (1332), пошел в монашество и передал вотчину своему племяннику, кн. Константину Владимировичу (1379): а этот последний отдал ее **в приданное за дочерью Анной, выданной за кн. Федора Ивановича Голену (1381)».**

Из этого сообщения узнаем, что **в 1381 г. Федор Иванович женился** на дочери Константина Владимировича (№ 23 Родословца Титова и № 14 настоящей статьи) Анне. Таким образом, найдено **еще одно подтверждение того,** что Федор Иванович ***ошибочно занесен Артыновым в список погибших*** в Мамаевом побоище.

Включаем имя князя Федора Ивановича Голены в наш Поминальный Синодикъ участников Куликовской битвы.

18. **Александр Федорович Щепин**

У Артынова [18] имя Александра Федоровича Щепина показано и ***в списке участников Битвы,*** и среди погибших в ней.

В Родословце Титова [34] это имя найдено под № 37 на стр. 574 и принадлежит **внуку Андрея Федоровича** (№ 18 Родословца и № 1 настоящей статьи) от его **сына Федора Андреича** (№ 25 Родословца, № 6 настоящей статьи). Прозвище «Щепин» при име-

ни Александра Федоровича в Родословце отсутствует. ***В Российской Родословной книге кн. П. Долгорукова*** [35, ч. 1, стр. 207, 209] Александр Федорович показан как ***«Щепа, родоначальник князей Щепиных-Ростовских»***). ***У А. В. Экземплярского*** [45, т. 2, стр. 44–45] князь Александр Федорович ***Щепа*** также ***назван родоначальником Щепиных-Ростовских***. Считаем ***сведения*** Артынова о ***его гибели в Битве недостоверными,*** т.к. в Родословце показано, что ***упоминания*** о нем в летописях были ***позже 1412 года***[6].

У **А. В. Экземплярского** [45, т. 2, стр. 46] дополнительно сообщается, что князь Александр Федорович «…был женат на дочери Димитрия Константиновича Зернова, праправнука мурзы Чета, неизвестной нам по имени, и от этого брака имел сына Димитрия… и неизвестную по имени дочь…».

Других свидетельств (кроме списка Артынова) об участии этого князя в Мамаевом побоище не нашли.

Включаем имя князя Александра Федоровича Щепина в наш Поминальный Синодикъ участников Куликовской битвы.

19. ‡ **Иван Федорыч**
(*Щепин Большой – по Артынову*)

У Артынова [18] это имя показано ***и в списке участников Битвы, и среди погибших в ней.***

В Родословце Титова [34] имя «Иван Федорович» показано под № 38 на стр. 574: прозвище «Боль-

[6] ***У А. В. Экземплярского*** [45, т. 2, стр. 44–45] сообщается, что в летописях имя его начинает упоминаться с 1410 г., ***годом смерти*** предположительно ***считается*** **1434 г.** (год последнего упоминания в летописях).

шой» не указано, но поскольку согласно Родословцу у него был младший брат Иван Федорович Щепин-Меньшой (который в Родословце показан именно как «меньшой» под № 42 среди многочисленных братьев), думаем, что имя Ивана Федоровича Щепина-Большого в списках Артынова относится именно к этому князю. Итак, это **внук Андрея Федоровича** (№ 18 Родословца и № 1 настоящей статьи) и **сын Федора Андреича**[7] (№ 25 Родословца, № 6 настоящей статьи). Показан бездетным. Известий о времени смерти в Родословце нет.

Дополнительной информации об этом князе и об участии его в Мамаевом побоище в других источниках не найдено.

Включаем имя князя Ивана Федоровича Щепина Большого в наш Поминальный Синодикъ участников Куликовской битвы, как погибшего в ней.

20. ‡ Федор Федорович Щепин

У Артынова [18] это имя показано ***и в списке участников Битвы, и среди погибших в ней.***

В Родословце Титова [34] имя обнаружено под № 39 (стр. 574): принадлежит **внуку Андрея Федоровича** (№ 18 Родословца и № 1 настоящей статьи) **от** его **сына Федора Андреича** (№ 25 Родословца, № 6

[7] Прозвище «Щепин» Артынов распространил в своих списках участников Куликовской битвы на всех сыновей Федора Андреевича, хотя, как уже оговаривалось выше, родоначальником Щепиных был его старший сын Александр Федорович (глава 18 настоящей статьи). Впрочем, это кажется вполне правомерным, поскольку среди остальных братьев потомство (сыновья) было только у Дмитрия Федоровича Приимка, но это его прозвище Артынов не теряет, а только приставляет к нему «Щепин».

настоящей статьи). Прозвище не указано, но мы практически уверены, что речь идет именно об этом князе (см. сноску 7 настоящей статьи). Сведений о детях в Родословце нет, но и не сказано, что он бездетный.

В некоторых других родословных книгах среди сыновей Федора Андреевича такого князя либо не упомянуто [***Российская Родословная книга кн. П. Долгорукова***, 35, ч. 1, стр. 207], либо имена двух братьев Русан и Федор объединены в одно — Русан-Федор [***А. В. Экземплярский***, 45, т. 2, стр. 44].

Однако нами все-таки были найдены сведения, подтверждающие не только существование князя Федора Федоровича Щепина, но и участие, и гибель его в Куликовской битве:

А. А. Титов.
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

Стр. 224: В описании с. Скнятиново-Языковых Перовской волости и стр. 332: в описании с. Скнятиново-Языковых Зверинцевской волости (полный повтор наименования села, текста и событий, только волости разные. — *Прим. сост.*) *читаем*:

«...впоследствии здесь же стоял терем князя Федора Андреевича Щепина-Приимка, от которого он и перешел **в потомство павшего в Мамаево побоище князя Федора Федоровича Щепина;** последним владельцем этого терема был князь Федор Дмитриевич Приимков».

Принимаем это свидетельство.

Включаем имя князя Федора Федоровича Щепина в наш Поминальный Синодикъ участников Куликовской битвы, как погибшего в ней.

21. **Русан Федорыч**
(*по Артынову – Щепин/Щегош*)

У Артынова [18] это имя показано и ***в списке участников Битвы,*** и среди погибших в ней.

В Родословце Титова [34] имя найдено под № 40 на стр.574: принадлежит **внуку Андрея Федоровича** (№ 18 Родословца и № 1 настоящей статьи) от **сына** его **Федора Андреича** (№ 25 Родословца, № 6 настоящей статьи), прозвище не указано. У Артынова в списках участников и погибших есть различие в прозвище: Щепин/Щегош, но думается, что это одно и то же лицо, т.к. имя Русан – необычное, редкое. Сыновей у князя Русана Федоровича в Родословных книгах не показано, но есть сведения о его дочерях Марфе, Марии и Феодоре (стр. 577 Родословца Титова). Такая многодетность наводит на мысль о том, что ***гибель Русана Федоровича в Куликовской битве сомнительна***, поскольку он из ***«поколения внуков»,*** которое по молодости своей в год Мамаева побоища детьми обзавестись еще вряд ли успело.

Посмотрим, что говорят другие источники:

А. А. Титов.
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

Стр. 292: В описании дер. Курбаки Приимковской волости читаем:

«...**В XIV веке** это место, известное тогда под названием "Курбакова поля", **составляло вотчину павшаго в Мамаевом побоище князя Русана Фе-**

доровича Щепина, в которой после его смерти и проживала одна из его дочерей, княгиня Акулина…».

Стр. 529: В описании д. Кандитово Ващажниковской волости читаем:

«…Затем Кандитово перешло к князю Константину Андреевичу Голене; а этот последний передал его своему старшему брату, Ивану Андреевичу, который и **отдал эту вотчину в приданное за своей дочерью Дарьей, выданной за князя Русана Федоровича Щепина».**

Стр. 424: В описании дер. Гнильево Березниковской волости читаем:

«…На этом месте жил князь Иван Михайлович Пужбольский-Голеня, у котораго страшная болезнь до того обезобразила лицо, что на нем были видны даже кости; от этой болезни его исцелила инокиня Ростовскаго Горицкаго монастыря Афанасия, в мире **княжна Феодора, дочь князя Русана Федоровича Щепина,** оправданная свят. Ростовским Иаковом блудница, обезчещенная кн. Иваном Михайловичем Пужбольским».

Кроме этих известий в книге Титова на стр. 428 и 473 имеются еще упоминания о Русане Федоровиче, которые не представляют для нашей работы интереса.

Итак, в одном из приведенных выше текстов **повторяется свидетельство о гибели Русана Федоровича в Куликовской битве.** Кроме того, появляется дополнительная информация о его жене Дарье Федоровне и о четвертой дочери Акулине, не показанных Родословцем Титова. Как видим, дочерьми он не был обделен (а вот сыновей у него, по-видимому, не было). Еще раз обращаем внимание на то, что такая многодетность

вполне убедительно свидетельствует: Русан Федорович ***остался жив в Мамаевом побоище.***

Включаем имя князя Русана Федоровича Щепина/Щегоша в наш Поминальный Синодикъ участников Куликовской битвы.

22. **Дмитрей Федорович Приимок**
(*по Артынову – Щепин-Приимков*)

У Артынова [18] это имя показано и ***в списке участников Битвы,*** и среди погибших в ней.

В Родословце Титова [34] имя найдено под № 41 (стр. 575): принадлежит **внуку Андрея Федоровича** (№ 18 Родословца, № 1 настоящей статьи) от **сына** его **Федора Андреича** (№ 25 Родословца, № 6 настоящей статьи). Прозвище в Родословце – Пріимок. Известий о времени смерти в Родословце нет, что, конечно, могло бы позволить оставить это имя в списке погибших в Битве, но это совершенно не сопоставимо с информаци-

Храм Рождества Пресвятой Богородицы в с. Приимково

ей о том, что, согласно ***Российской Родословной книге кн. П. Долгорукова*** [35, стр. 207, ч. 1], Дмитрий Федорович Приимок ***является «родоначальником угасших князей: Приимковых-Ростовских, Гвоздевых-Ростовских и Бахтеяровых-Ростовских».*** Да и в Родословце Титова у него показано двое сыновей, а родиться они могли только после великих событий 1380 года – возраст князей из «поколения внуков» в год Куликовской битвы едва мог достигать лет 15–18-ти, а посему отцом двоих сыновей он в то время, вероятнее всего, еще не был.

Таким образом, считаем обоснованным то, что сведения Артынова о гибели Димитрия Федоровича Приимка в Мамаевом побоище ошибочны. *Дополнительной информации* в других источниках не нашли.

Включаем имя князя Дмитрия Федоровича Приимка в наш Поминальный Синодикъ участников Куликовской битвы.

23. **Иван Федорыч Мен(ь)шой**
(*Меньшой-Щепин – по Артынову*)

У Артынова [18] это имя показано и в ***списке участников Битвы,*** и среди погибших в ней.

В Родословце Титова [34] имя найдено под № 42 на стр. 575, ***прозвище*** в Родословце – ***«меньшой»,*** показан бездетным. Он, как и вышеупомянутые старшие его братья, приходится **внуком Андрею Федоровичу** (№ 18 Родословца и № 1 настоящей статьи) от **сына** его **Федора Андреича** (№ 25 Родословца и № 6 настоящей статьи). Нами найдена информация, сообщающая о том, что ***в Артыновский список погибших это имя попало ошибочно:*** Иван Федорович был ***председателем*** уже неоднократно упоминавшегося

нами в настоящей статье съезда ростовских князей. Для наглядности отчасти повторим известие об этом съезде.

А. А. Титов.
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

> ***Стр. 48, сноска 1:*** *В описании Городца на Саре читаем*:
>
> «...кроме своего археологического значения, на Ростовской земле, на самом деле было, по- городок на Саре замечателен еще и в том отношении, что **спустя 2,5 месяца после Мамаева побоища, – в 1380 году,** в этом городке был **съезд под председательством князя Ивана Федоровича Щепина Меньшаго,** в котором кроме разных князей и бояр участвовали также и все остальные ростовские князья...».

Включаем имя князя Ивана Федоровича Меньшого-Щепина в наш Поминальный Синодикъ участников Куликовской битвы.

* * *

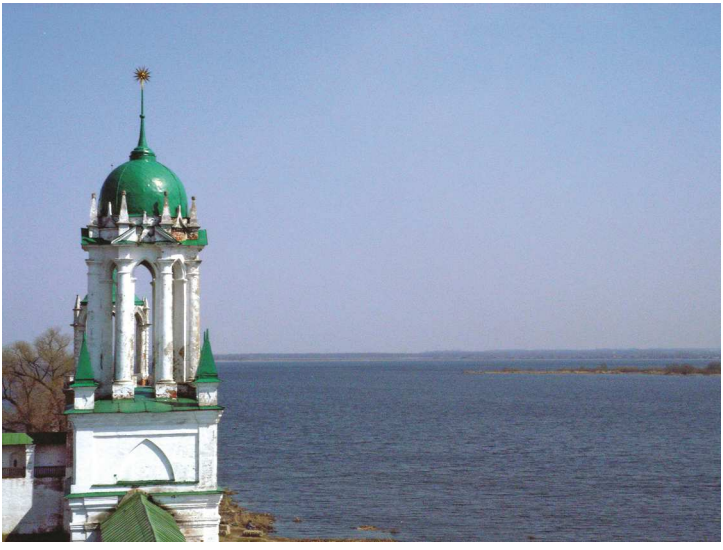
Таким образом, ***считаем доказанным участие в Куликовской битве 23-х Ростовских князей.***

Цифра, конечно, велика по сравнению с другими княжествами, но еще раз повторимся, что о тех временах в народе говаривали: ***«в Ростовской земле – князь на каждом селе»***. Более того, умирающий великий князь Димитрий Донской говорил своим верным боярам следующие слова: «*...Вы же не нарекались у меня боярами, но князьями земли моей...*».

Князей, живших в то время, по-видимому, несколько больше, чем участвовавших в Мамаевом побоище. ***Но имен тех, кому предания приписывают***

участие в Куликовской битве, практически оказалось более чем в два с половиной раза больше, чем тех, кто реально мог участвовать в этом Сражении!

Поскольку мы постарались внимательно проанализировать весь найденный материал, то в результате этой работы ***образовался еще один, гораздо более объемный список — имен тех, кого мы обоснованно исключаем из участия в Куликовской битве***. Почему — расскажем отдельной статьей «***Ростовские князья,*** *чьи имена* ***недостоверно упоминаются в новонайденных источниках*** *в связи с участием в Куликовской битве*»



Ростов Великий. Вид на озеро Неро со стены Спасо-Яковлевского Димитриева монастыря (фото Г. Топуновой)

Ростовские княжны — участницы Куликовской битвы

В источниках, в связи с участием в Куликовской битве, встретили упоминание о 5-ти ростовских княжнах. В ***Поминальный Синодикъ*** включены только ***трое*** из них

Участие женщин в любых сражениях всегда вызывает в народе особый интерес. Сие часто облекается в формы романтических историй, которые становятся сюжетами и для книг, и для фильмов. Ничего удивительного в этом нет. Думается, что и героини Куликовской битвы вполне заслужили подобное к ним отношение. Покажем ниже все, что удалось найти об этих удивительных женщинах, отнесемся снисходительно к тем, кто, возможно, в пересказах и преданиях художественно приукрасил их судьбы. Попытаемся обоснованно восстановить исторические события.

1. **Дарья *Андреевна* Ростовская**

А. А. Титов.
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

Стр. 346: В описании с. Пашино Зверинцевской волости читаем:

«...а **в XIV ст**. здесь стоял терем героя Куликовской битвы **князя Андрея Федоровича**, из этого терема пропала **его дочь Дарья,** которая впоследствии и оказалась женою **кн. Ивана Александровича**, также героя Куликовской битвы; **княгиня Дарья,** как стало известно после**, под видом**

воина также участвовала, вместе с мужем, в означенной битве».

Вполне реальная на наш взгляд информация. Княжна Дарья показана здесь дочерью Андрея Федоровича (главного Ростовского воеводы). В Родословце Титова [34] имя ее не значится (женские имена редко заносились в родословные книги — чаще всего лишь в виде примечаний и дополнений к мужским именам). Имя ее жениха — Иван Александрович. Согласно Родословцу Титова такое имя (№ 32, стр. 573) принадлежит сыну Александра Константиновича, двоюродного брата Андрея Федоровича (№ 22, стр. 572), о котором мы рассказали в разделе «*Ростовские князья — участники Куликовской битвы*». ***В списке*** участников Куликовской битвы ***по А. Я. Артынову имен Дарьи Андреевны*** и Ивана Александровича нет. Указание на участие их в Битве обнаружено нами только в приведенном выше тексте. *Считаем эту информацию достоверной.*

Включаем имя княжны Дарьи Андреевны Ростовской в наш Поминальный Синодикъ участников Куликовской битвы.

2. Дарья *Ивановна* Ростовская

Имя этой княжны Дарьи было включено нами в первую редакцию нашего Синодика еще в 2004—2006 гг. Это первая женщина, сведения о которой появились у нас в связи с возможным участием ее в Куликовской битве. Покажем ниже эти материалы.

Предание о Дарье Ростовской (*составлено по* [65])

...Когда-то княжество со столицей в Ростове Великом было весьма обширно. Но пришло время,

когда ростовские князья, а затем и их дети начали делить княжество между собой, и разделилось оно на множество вотчин. В одной из них и княжил отец Дарьи, да скончался за три года до битвы Куликовской...

По местному преданию Ростовского княжества, Дарьюшка происходила из рода святого благоверного князя Василия (Василька) Ростовского, принадлежавшего к славному в русской истории роду суздальских Мономашичей. Его прадед — Юрий Долгорукий, дед — Всеволод Большое Гнездо (брат святого благоверного князя Андрея Боголюбского)... Князь Василько мужественно пострадал в ордынском плену, оказавшись там во время поражения русских в битве с татарами на реке Сити в 1238 году.

...Когда пришло в село, где жила Дарьюшка, известие о том, что великий князь Димитрий Иванович собирает под свое знамя все русские княжества, чтобы сразиться с поганым Мамаем, **воевода Никифор/Никита Лихошерст**[1], состоявший на службе у Дарьиной матери, сетовал, что некому из рода князя Василька на бой выйти. Княжна же Дарья, в жилах которой текла кровь славного предка, замыслила уговорить воеводу взять ее с собой. Из лука попадала она в цель лучше многих, и на коне скакать могла, да вот была одна закавыка — девица была она. Все же уговоривши воево-

[1] В книжечке его называют то Никитой, то Никифором. В переводе с греческого: Никита — победитель, а Никифор — Победоносец, что практически одно и то же. Конечно, иногда человек носил двойное имя, но в данном случае мы предполагаем, что автор мог описаться, либо из-за одинакового перевода имени, либо из-за одинакового корня: «Ника — победа».

ду, и тайно от матери, как только родное село исчезло из виду, переоделась княжна в воинские доспехи, которые скрыли от глаз, что этот молодой воин — девица. Шлем князя Василька пришелся ей как раз впору.

Накануне жестокой сечи на Поле Куликовом великий князь Димитрий Иванович объезжал сошедшиеся на битву полки, и когда дошла очередь представиться Дарье, то **назвалась она сыном князя Ивана Ростовского именем Димитрий** (видимо оттого, что первая буква ее имени и имени Димитрий совпадали).

Во время битвы княжна Дарья и воевода Никифор Лихошерст в самом жарком месте оказались. Видят, отрезали татары от русского полка десятка полтора наших конников, а среди них ве-

ликий князь Димитрий Иванович, раненый... Кинулась Дарья выручать главнокомандующего, и воевода Никифор за ней скачет. И другим русичам удалось пробиться через басурманскую стену...

Весьма жестокая была битва, много русских воинов полегло, но **княжна Дарья** и воевода Никифор **живы остались.** Наутро, после победы, великий князь, пораженный смелостью безбородого шестнадцатилетнего «княжича», отыскал их с воеводою, который был всегда рядом с Дарьей. Предложил Димитрий Иванович храброму «юноше» быть сыном ему, но отказалась Дарья, ведь «сыном» тайная девица быть не могла, а верный воевода заверил великого князя, что причина отказа весьма веская. Поблагодарил князь Димитрий юного воина от Руси и от себя, и сказал, что будет княжич всегда желанным гостем в его доме...

Первоисточников этого предания не знаем, но после прочтения его создается впечатление, что происходит искажение информации, показанной выше из труда А. Титова «Ростовский уезд...»: имя княжны сохранено, а вот родство/происхождение и красочное описание событий взято как будто из другого источника, либо народом переиначено в процессе пересказов. Об одной и той же Дарье или о двух разных княжнах идет речь — нам сие точно не ведомо. Однако **исключить имя Дарьи Ивановны** (второй Дарьи) **из числа участниц Куликовской битвы *не решаемся.*** Она, например, могла быть поздней *дочерью* одного из многочисленных князей Ростовских — *Ивана Константиновича* (№ 19, с. 572)[2], двоюродного брата Андрея Федорови-

[2] Материал о нем помещен в статье *«Ростовские князья, чьи имена недостоверно упоминаются в источниках в связи с участием в Куликовской битве»*. По данным А. В. Экземплярского [45], возможно, умер в 1365 г. (это за 15 лет до Куликовской битвы), так что княжна вполне могла родиться незадолго до его смерти.

ча Ростовского. Впрочем, отцом *этой* Дарьи мог быть и какой-то *другой* ростовский князь Иван, имени которого в летописях не сохранилось.

Имя воеводы Никиты/Никифора Лихошерста вероятнее всего выдумано рассказчиками этого предания, ибо оно нигде более не встречается *(в Синодикъ это имя не включаем)*, однако возможность участия в Битве такого воеводы при княжне (пусть и под другим именем) совсем не исключаем.

И еще. В первом издании нашего Синодика, когда под рукой еще не было сведений из «Ростовского летописца» Артынова и из трудов Титова (благодаря которым список участвовавших в Битве ростовских ратников весьма существенно пополнился), а о родстве/происхождении участника Битвы князя **Димитрия Ростовского**, упоминаемого в сказаниях и летописях доподлинно ничего известно не было (впрочем, как и по сей день — см. статью *«Ростовские князья — участники Куликовской битвы»*), после прочтения вышеприведенного предания нами было сделано следующее предположение: **под именем «князь Димитрий Ростовский», возможно, скрывается княжна Дарья Ивановна Ростовская** (ведь она назвалась великому князю Димитрию Ивановичу именем Димитрий, а сражалась в Битве наравне с мужчинами). Считаем, что и эта версия тоже имеет право на существование.

Оставляем имя княжны Дарьи Ивановны Ростовской в нашем Поминальном Синодике участников Куликовской битвы. Несмотря на то, что летописных свидетельств этому не имеем, ***ее имя было первым, открывшим нам список женщин — участниц Битвы.*** Пусть оно будет в Синодике в память всех княжон-участниц, чьих имен мы можем никогда не узнать.

3. **Феодо́ра *(Меньшая)* Константиновна Ростовская**

«Ростовский летописец» А. Я. Артынова [18]

На стр. 188 Юбилейного сборника читаем:

«...Вблизи речки Смолки у Краснаго холма **княжна Феодора Мен(ь)шаа**, ***дочь*** князя ***Константина Васильковича***, представляла из себя храбраго витязя. Любовь ея ***к жениху ея князю Якову Борисовичу Щепину*** увлекла ее **в Мамаево побоище**, где князь Яков в глазах ея ***пал смертию героя.*** Невесту же его **княжну Феодору**, **жестоко израненную,** ***вынес ис кроваваго бою князь Константин Андреич*** и отправил **в Ростов**».

Кем же была княжна Феодо́ра Константиновна? Попробуем порассуждать:

В Родословце Титова [34] имя **Феодо́ры Константиновны** не упоминается. Учитывая то обстоятельство, что женские имена в родословные книги вписывались довольно редко, можно сделать предположение, что княжна с таким именем-отчеством вполне могла жить в те времена и быть, как указано в приведенном выше известии, **поздней дочерью князя Константина Васильевича** (№ 17, с. 571, **ум. 1365**) и **родной младшенькой сестрой** — как минимум по отцу — **братьев Константиновичей** (№№ 18—23, сс. 572—573), ведь не зря же ее прозвали «Меньшая».

Другое возникшее предположение: ***Феодо́ра Константиновна*** могла быть ***дочерью князя Константина Андреевича*** (в Родословце под № 27 на стр. 573), который согласно приведенному известию «***вынес ис кро-***

ваваго бою... и отправил в Ростов» нашу княжну. В Ростовский Летописец Артынова, возможно, закралась ошибка: он мог по памяти неверно записать отчество отца Феодо́ры — Василькович. Что наводит на эту мысль? На наш взгляд, князь Константин Васильевич все-таки несколько староват для такой молодой дочери (согласно Родословцу Титова, он женился в 1328 г., а стало быть, в 1365 г. ему было порядка 52—55 лет). В дочери же Константину Андреевичу по молодому возрасту она подходит больше. Кроме того, вполне достоверно смотрится и то известие, что *ее «израненну вынес из боя» и отвез домой* **сам отец — Константин Андреевич**. Имя князя Константина Андреевича (кроме приведенного сообщения) показано также у Артынова и в списке участников Куликовской битвы. Он приходится сыном главному Ростовскому воеводе Андрею Федоровичу. Материалы о нем представлены под № 8 в статье *«Ростовские князья — участники Куликовской битвы»*.

При изучении трудов А. А. Титова нашлась информация, ***подтверждающая наше предположение о том, что у Константина Андреевича была дочь Феодо́ра***:

А. А. Титов.
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

Стр. 446—447: В описании д. Мятежево Шулецкой волости читаем:

«...***Хлебниковский летописец*** говорит... ростовский боярин Кирилл, отец преподобного Сергия Радонежскаго, имел тут же свой терем, поступивший потом **во владение к князю Константину Андреевичу,** а этот последний отдал его в приданое **за своей дочерью Феодо́рой**, ***выданной за князя Дмитрия Ивановича Бритаго-Бычкова***, а

князь Дмитрий приложил этот терем Ростовскому архиерейскому дому...».

Как видим, ***у Константина Андреевича действительно была дочь Феодо́ра.*** И, судя по всему, потеряв в Битве своего жениха, она все-таки впоследствии вышла замуж, но уже за князя Дмитрия Ивановича Бычкова (внука Владимира Константиновича). Но и при обнаружении этого сообщения вновь появилось сомнение: согласно Родословцу Титова за князем Дмитрием Ивановичем Бритым-Бычковым (№ 57, с. 576 Родословца) замужем была не Феодо́ра Константиновна, а Дарья Федоровна (упоминание см. на стр. 575 и стр. 576 Родословца), дочь князя Федора Андреевича (№ 25, с. 573 Родословца). Однако и это сомнение при последующем изучении материалов ростовских старинарей удалось преодолеть:

А. А. Титов. Предания о Ростовских князьях [98]

Стр. 109: «***Князь Дмитрий Иванович*** владел также деревнею Мятежево, которую он получил в приданое ***за своей женой Феодосией, дочерью ростовского князя Константина Андреевича***. Эту деревню князь Дмитрий Иванович после своей смерти завещал на помин души ростовскому архиерейскому дому. Князь также владел деревнею Иваново, которую он получил тоже в приданое ***за второй своей женой Дарьей,*** дочерью ростовского же князя Федора Ивановича».

Как видим, это сообщение повторяется в части владения деревней Мятежево и передачи владения ею, но дочь Константина Андреевича и жену Дмитрия Ивановича Бычкова Титов здесь, на наш взгляд уже ошибоч-

но, называет Феодосией, а не Феодо́рой, как было показано в первом тексте. Кроме того, в этом сообщении разъясняется наше сомнение – ***здесь сказано, что Дарья Федоровна тоже была женой Дмитрия Ивановича Бычкова, только второй***. Возможно, израненная в Битве княжна Феодора рано скончалась. Но, к сожалению, и в этой части приведенного сообщения, по-видимому, закралась ошибка – отцом Дарьи Федоровны назван не Федор Андреевич, а Федор Иванович, что, кстати, не соответствует Родословцу Титова и информации из его же книги «Ростовский уезд…».

Как будто все выстраивается в реальную и очень интересную цепочку. Вот только имя жениха Феодо́ры Константиновны пришлось признать недостоверным, несмотря на то, что это имя повторяется Артыновым (кроме показанного сообщения) и в списке участников Куликовской битвы, и в списке погибших в ней. ***К великому сожалению, названный женихом Феодо́ры князь Яков Борисович Щепин приходится правнуком в 7-ой степени Андрею Федоровичу*** (XXV колено от Рюрика, XVI–XVII век). Информация о нем показана в статье «*Ростовские князья, чьи имена недостоверно упоминаются в новонайденных источниках в связи с участием в Куликовской битве*».

Но, думается нам, что в целом эта история вполне реальная, полная и интересная, просто имя жениха Феодо́ры было искажено преданиями и не дошло до наших дней.

Включаем имя княжны Феодо́ры Константиновны Ростовской в наш Поминальный Синодикъ участников Куликовской битвы.

4. Феодо́ра *Ивановна* Пужбо́льская Верши́

А. А. Титов. Предания о Ростовских князьях [98]

Стр. 108-109, в главе «Князья Ростовские Бритые-Бычковы» читаем:

«...***В уцелевшей древней рукописи*** говорится, что... князь Дмитрий Иванович[3] владел... деревнею Пелеево, в которой **жила и померла княжна Феодора, дочь ростовского князя Ивана Ивановича Пужбольского Верши.** Та же рукопись приписывает этой княжне все доблести амазонки, упоминая вместе с тем о пламенной любви ея к князю Василию Дмитриевичу Бычкову (сыну князя Дмитрия Ивановича). Любовь эта была так сильна, что когда князь Василий отправился в числе вождей дружин князя Дмитрия Ивановича Донскаго на смертный бой с татарами, то княжна Феодора последовала за ним... Князь Василий пал на Куликовом поле у Краснаго Холма смертию героя, **а княжна Феодора, сильно раненая, была привезена на свою родину** в эту деревню участвовавшим в той же битве ростовским князем Васильем Александровичем Ласткой...».

В этом предании, связанном с именем княжны Феодо́ры Ивановны Пужбо́льской Верши́, ***описание происходившего почти слово в слово повторяет текст***

[3] Речь в тексте идет о князе Димитрии Ивановиче Бритом-Бычкове, который в предыдущем известии показан *мужем княжны Феодо́ры Константиновны*, а в этом же сообщении, как увидим далее по тексту, уже *отцом жениха княжны Феодо́ры Ивановны Пужбольской. — Прим. сост.*

сообщения, которое было приведено выше о княжне Феодо́ре Константиновне. Разница лишь в том, что ***здесь совсем другие остальные участники событий***, а это сразу наводит на мысль о невнимательности составителей преданий (как будто произошла подмена имен в одном и том же тексте). Однако, если в первом известии (о княжне Феодо́ре Константиновне из Ростовского Летописца Артынова) достоверность практически всех имен в связи с участием их обладателей в событиях удалось подтвердить, то в последнем (о Феодо́ре Ивановне из «Предания о Ростовских князьях» Титова) — условно подлинным можно назвать лишь только имя княжны Феодо́ры, да и то с искаженным отчеством и фамилией. Указания на имя ее отца Ивана Ивановича Пужбольского Верши [34, № 54, стр. 573] показывают нам, что эта Феодо́ра из «поколения правнуков», которое исключено нами из возможности участия в Куликовской битве. Имена других участников событий из приведенного выше текста связаны согласно Родословцу Титова [34] с XV–XVI вв. (оба князя — и Василий Дмитриевич Бычков, и Василий Александрович Ластка — также из «поколения правнуков» и участвовать в Битве не могли[4]).

К сожалению, именно этот недостоверный рассказ о княжне Феодо́ре Пужбо́льской, опубликованный А. Титовым в своей книге «Предания о Ростовских князьях», был использован современной писательницей Светланой Кайдаш в статье «Русские амазонки на Куликовом поле» (С. Н. Кайдаш. Сильнее бедствия зем-

[4] О князьях с этими именами подробно рассказано в статье «Ростовские князья, чьи имена недостоверно упоминаются в новонайденных источниках в связи с участием в Куликовской битве».

ного [125, с. 28–40]). Утешительным во всем этом является лишь то, что хотя упомянутая информация и не была автором исследована, а только опубликована как факт, все же нам ее книга помогла провести посильные изыскания имен женщин, участвовавших в Куликовской битве. К тому же, благодаря именно этой книге многие читатели узнали о том, что русские женщины тоже были участницами Мамаева побоища.

Опять же, к сожалению, последующие современные авторы, популяризируя тему участия женщин в Куликовской битве, повторяли сказанное С. Н. Кайдаш, тоже не утруждая себя поиском доказательств и других сведений (*Надежда Гринева* [123, с.8]; *С. Рыков. «Слабый пол в сильной армии» в «Независимом военном обозрении»* от 03.03.2000). Более того, в некоторых современных ссылках на работу Светланы Кайдаш вместо имени княжны Феодоры появилось имя Антонины Пужбольской (об этом – чуть позже).

Наше мнение: в Куликовской битве участвовала только одна княжна с именем Феодора, и *это была Феодора Константиновна Ростовская*.

Имя княжны Феодоры Ивановны Пужбольской Верши *внести в наш Поминальный Синодикъ не можем* ***вследствие*** *вполне обоснованной* ***недостоверности данных о ее участии в Куликовской битве***.

5. Антонина Пужбольская

С именем ***«Антонина Пужбольская»*** у нас связаны ***большие сомнения,*** поскольку ***появляется оно только у современных авторов***, которые ссылаются либо на Артынова или Титова (не указывая при этом точных названий источников), либо друг на друга, по-

рой не вполне корректно (что будет заметно в нижеприведенных текстах).

М. Б. Сударушкин. Следы былых событий [95]

> «...В книге С. Н. Кайдаш "Сильнее бедствия земного" (М., 1983), в которой рассказывается о ростовских участницах Куликовской битвы по материалам, собранным А. Я. Артыновым, названы две женщины: **Дарья Ростовская** и **Антонина Пужбольская...».**

Как нами уже было показано выше, **ни в материалах, собранных Артыновым и Титовым, ни в книге С. Н. Кайдаш,** ***имени Антонины Пужбольской в связи с участием в Куликовской битве не упоминается***. Возможно, что весьма уважаемый нами ростовский краевед М. Сударушкин не очень внимательно ознакомился с первоисточниками, *а* ***от него уже эта ошибка могла перейти и в другие современные издания*** (пример этому приводим ниже):

Интернет-портал
«Российская символика» [128].
Историческая справка. Ростов Великий — Ростов Ярославский — город Древней Руси.

> «...В битве на Куликовом поле, победа в которой привела к свержению ига, особенно отличились ростовские полки. Сражались не только мужчины, но и переодетые в мужские одежды и облаченные в доспехи женщины, сохранились их имена — княжна **Дарья Ростовская** и **Антонина Пужбольская».**

Судя по всему, **авторы этого текста всего лишь переписали то, что попалось им на глаза** — скорее всего в работе М. Сударушкина.

И, наконец, ниже приводим единственное упоминание в первоисточнике имени Антониды (не Антонины!) Пужбольской, связанное с гораздо более поздним временем и другими событиями.

А. А. Титов.
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

Стр. 360: В описании д. Левина Гора Зверинцевской волости читаем:

«...Впоследствии же времени, именно в **XV—XVI** веке, на этом месте стоял терем князя **Семена Ивановича Пужбольского-Верши.** Терем этот **его дочь, княгиня Антонида,** будучи вдовою князя Ивана Александровича Хохолкова, превратила в странноприимный дом и сама в нем прислуживала...».

Родословцем *Титова* [34] подтверждается в XVI в. имя Семена Ивановича Пужбольского-Верши (№ 74, с. 578). Есть в нем также и имя Ивана Александровича Хохолкова-Буйноса (№ 104, с. 581), женой которого действительно показана дочь князя Семена Ивановича, но только почему-то с именем Дарья Ивановна Пужбольская, а не Антонида Семеновна.

Итак, мы **не нашли никаких данных о том, что княжна с именем Антонина Пужбольская жила в XIV веке и участвовала в Куликовской битве**. Откуда возникло это имя в современных источниках, пока остается неясным.

К участницам Мамаева побоища причислить эту княжну не можем. Помещаем ее имя в список пред-

ставителей Ростовского княжества, не вошедших в Синодикъ.

* * *

Таким образом, в наш **Синодикъ** участников Куликовской битвы для поминовения **записываем имена только трех Ростовских княжон**:

Дарья Андреевна Ростовская
Дарья Ивановна Ростовская
Феодо́ра Константиновна Ростовская.

Русское войско преследует разбитых татар. Миниатюра XVII в.

О возможном участии в Куликовской битве представителей Устюжского удельного княжества, выделенного из состава Ростовского княжества

«**И снидошася мнози отъ всехъ странъ на Москву къ великому князю**. И приидоша князи Белозерстии…; таже приидоша Ярославскиа князи со всеми силами своими: князь Андрей и князь Роман Прозоровскиа, князь Левъ Курбъский, князь Дмитрий Ростовский **и князи Устюжскиа,** и инии мнози князи и воеводы со многими силами» [11, с. 52]. Подобный текст дается и у В.Н. Татищева в «Истории Российской» [96, 97], где также после имени Дмитрия Ростовского называются «князи устюжския». Таким образом, участие устюжских воинов в Битве оговаривается летописями, но что же представляли из себя в тот период Устюг и Устюжское княжество?

«***Устюг*** (иначе Великий Устюг) — город (ныне районный центр Вологодской области) на левом берегу

---

* На гербе города Великий Устюг, утвержденном в 1709 г., изображен Нептун, сливающий из двух кувшинов реки Сухону и Юг для образования Северной Двины.

р. Сухона в 4 км выше её слияния с р. Юг. Местность эта ещё в древности называлась Черная Лука, т.к. р. Сухона здесь образует поворот... В 1289 г. он входил в удел ростовских князей и потому всегда «тянул» к Ростову. Отсюда лежал путь на север — в Двинскую землю и на юг — в центр Руси. Устюг был связан также с Галичем, Заозерьем, Вологдой и Усть-Вымом. Из Устюга на юг везли меха и транзитом с Двины — соль. Сюда поступал столь необходимый здесь хлеб, т.к. земледелие на Устюге не было развито. Народ там жил разноязычный, поскольку край активно начал осваиваться русскими лишь с начала XIV века. Устюг в княжеских договорах не упоминался, т.к. не считался ни личным владением московских князей, ни удельным городом. Но Москва уже давно пыталась там закрепиться. Средства для этой цели были испытанные — покупка земли боярами и князьями...». [Богуславский В.В., 113, с. 569].

«***Устюжское княжество*** — мелкое владетельное образование, **выделенное из Ростовского** княжества в удел **в 1364 году** *ростовскому князю Константину Васильевичу*, когда он был вынужден уступить ростовский стол князю Андрею Федоровичу и уйти на княжение в окраинный город Ростовской земли — Устюг (Великий). К Устюжскому уделу, кроме самого Устюга и окрестных селений, относились ещё и волости по рекам Северная Двина и Вага. Устюжское княжество просуществовало, видимо, до 1474 г. и было ликвидировано вместе с Ростовским княжеством, присоединенным к Москве». [Богуславский В.В., 113, с. 570].

«Въ 1362 г. между ростовскими князьями, Константиномъ и Андреемъ, «сътворися нелюбье», которое,

кажется, объясняется тем, что Константинъ выхлопоталъ въ орде ярлыкъ на всё Ростовское княжение… Затемъ, подъ 1364 годомъ встречаемъ въ летописяхъ известие *объ отъезде Константина въ Устюгъ*. Очевидно, племянникъ, поддерживаемый Москвой, взялъ верхъ надъ дядей. Москва, какъ известно, не благоволила къ Константину: подъ 1363 г. есть, между прочимъ, известие въ Никоновской летописи, что великий князь, взявъ «волю свою» над Димитриемъ Константиновичемъ суздальскимъ, таковую же взялъ и над Константиномъ ростовскимъ. Все эти неблагоприятные для Константина обстоятельства заставили его уехать подальше отъ главного центра событий, не быть на виду у своих враговъ, чтобы не накликать на свою голову ещё горшихъ непріятностей; иначе, нельзя объяснить отъезда его въ Устюгъ». [Экземплярский А.В., 45, том 2, с. 5].

Подробной информации (с именами) об участниках Куликовской битвы из Устюжского княжества мы не нашли. Добавим к сказанному, что двое из сыновей устюжского князя Константина Васильевича, пятеро его внуков, а возможно и младшая его дочь **участвовали в Куликовской битве *в составе ростовской дружины*** (*о них мы рассказали в основной части настоящей главы*).

Ростовские князья, чьи имена недостоверно упоминаются в новонайденных источниках в связи с участием в Куликовской битве.

В ***Поминальный Синодикъ*** включить их не можем.

В процессе работы по поиску информации, подтверждающей достоверность участия в Куликовской битве тех или иных князей, упоминаемых Артыновым в Ростовском Летописце [18], а также найденных нами самостоятельно в других новонайденных источниках («Ростовский уезд...» [100] и «Предания о Ростовских князьях» А. А. Титова [98]), образовался список имен тех князей, чье участие в Куликовской битве уже на начальном этапе работы было поставлено нами под сомнение (эти имена оказались не идентифицированными, поскольку не были обнаружены в Родословце Титова в «поколениях отцов, детей, внуков и правнуков», а именами князей, живших позже этих поколений, на первом этапе мы не интересовались). Далее, когда мы внимательно изучили родословные и биографические издания (Родословец Титова, Российскую Родословную книгу кн. П. Долгорукова, Бархатную книгу, биографический труд А. В. Экземплярского «Великие и удельные князья...»), эти имена были ***найдены в более поздних поколениях Ростовских князей, а поэтому исключены нами из числа имен возможных участников Куликовской битвы.***

В настоящую статью помещены (с полной проанализированной по ним информацией) имена всех князей, участие которых в Куликовской битве по каким-либо причинам оказалось невозможным (несмотря на то, что они упоминались в источниках как участники Мамаева

побоища). Расположены они по «возрастному признаку» — поколения «отцов, внуков, правнуков», а далее — и более поздние поколения. Отдельным (последним) в настоящей статье разделом показаны многочисленные князья из рода Щепиных, которые вплоть до XXIV колена от Рюрика (это примерно XVII век) причислены источниками к участникам Мамаева побоища. Не смеем судить строго, ведь Куликовская битва и была, и является по сию пору для русского народа настолько великим и эпохальным событием, что подобные «предания» вольно или невольно добавлялись к устным рассказам о предках. Однако для восстановления исторической справедливости приводим ниже доказательства того, что в подобных преданиях далеко не все достоверно.

I. ***Представители «поколения отцов»***

1. **Иван Константинович**
2. **Глеб Константинович**

У Артынова [18] эти имена показаны **в списке участников Битвы** (среди погибших — нет).

В Родословце Титова [34] они найдено под №№ 19 и 20 на стр. 572 и принадлежат **старшим из братьев Константиновичей** (№№ 19–23 Родословца Титова). Оба показаны **бездетными.**

Не только бездетными, но, к тому же, и ***не дожившими до Куликовской битвы оба князя*** *показаны у А. В. Экземплярского*:

Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. [45]

В главе «Княжество Ростовское» читаем:

Стр. 51–52: «***О двух старших сыновьях*** Константина Васильевича, ***Иване и Глебе***, мы уз-

наем ***только из родословных***, которыя считают их ***бездетными***. Летописи хотя и не упоминают о них, ***но мы за несомненное считаем, на основании одного летописного известия, что они скончались в 1365 г.*** В Никоновской летописи под указанным годом сказано: "Того же лета князь Константин и з женою и з детьми преставись...". Так как после этого года следующие за Иваном и Глебом сыновья Константина еще упоминаются в летописях, то, естественно, в приведенном месте Никоновской летописи нужно разуметь под умершими детьми князя Константина именно двух старших его сыновей».

В труде А. Титова «Ростовский уезд...» (в котором и помещен Родословец ростовских князей) нами как будто бы было найдено опровержение бездетности Ивана Константиновича:

А. А. Титов.
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

Стр. 310: В описании с. Мартюково Нажеровской волости читаем:

«...Это место было **вотчиной князя Ивана Константиновича**, от которого и перешло **к его сыновьям: Андрею, Федору и Ивану** *(Рукоп. Артын.)*».

Стр. 376: В описании с. Иваново Дубровской волости читаем:

«...Эта деревня получила свое настоящее название потому, что в прежнее время это место принадлежало **кн. Ивану Константиновичу (XIV в.),** сын которого, **кн. Федор Иванович,** и отдал эту вотчину в приданое...».

Но, к сожалению, при более внимательном изучении всех материалов по ростовским князьям нескольких поколений мы заметили, что именно эти имена и именно в такой последовательности ***пишутся в родословных книгах у детей Александра Константиновича*** (№ 22 Родословца Титова), приходящегося младшим братом Ивану и Глебу Константиновичам. ***Думается, что в рукопись Артынова*** (а следом и в труд А. Титова) ***закралась ошибка*** – в этих текстах вместо имени «Иван Константинович» нужно читать «Александр Константинович» (в оправдание А. Я. Артынову считаем, что совершенно, на наш взгляд, невозможно человеку, однажды читавшему первоисточники, а потом по памяти записывавшему прочитанное своими словами, запомнить все имена в точности).

Кроме показанных выше известий с именем «Иван Константинович» в книге А. Титова было найдено еще одно, в котором речь должна была идти об Иване Александровиче (сыне Александра Константиновича), а не об Иване Константиновиче (согласно родословным книгам Иван Иванович Пужбольский [34, № 54, стр. 575], о котором пойдет речь в тексте, приведенном ниже, являлся сыном Ивана Александровича [34, № 36, стр. 573]):

> *Стр. 167: В описании дер. Иванчищево Шадневской волости читаем*:
>
> «...**В XIV–XV веке это место составляло вотчину князя Ивана Константиновича**, а от него перешло ***к его сыну кн. Ивану Ивановичу Пужбольскому,*** затем к князю Ивану Ивановичу Долгопужбольскому, а от этого последняго к сыну его князю Ивану Ивановичу Пужбольскому-

Большому, прозванному «Брюхо», и, наконец, к князю Ивану Ивановичу Пужбольскому 2-му».

Еще раз обращаем внимание на то, что ***род Пужбольских***, согласно **многим** известным родословным книгам, ***пошел от внука Александра Константиновича*** Ивана Ивановича Долгого Пужбольского, ***а не от потомков Ивана Константиновича.***

О Глебе Константиновиче ничего полезного для данного исследования дополнительно не нашли, хотя такое имя встречается на стр. 125, 207, 542 «Ростовского уезда...» А. А. Титова [100]. Информативным считаем в этих текстах лишь упоминание его имени за 1329 год (как о владельце с. Поречье — см. стр. 125): поскольку год женитьбы его отца 1328, то вполне реально считать указанный 1329 — годом рождения князя Глеба Константиновича.

Таким образом, **у нас не нашлось свидетельств, подтверждающих участие Ивана Константиновича и его брата Глеба Константиновича в Куликовской битве**. Более того, мы также не нашли и свидетельств того, что они были живы во время Битвы (подобная информация могла бы помочь нам признать возможность их участия в сражении). ***Принято следующее решение***: поскольку известия (пусть и не конкретные) о возможной смерти братьев Ивана и Глеба Константиновичей в 1365 году в биографическом труде А. В. Экземплярского все-таки взяты из Никоновской летописи, а также учитывая то, что в процессе нашей работы большая часть имен из списка Артынова ушла в список «не вошедших в Поминальный Синодикъ», *мы принимаем информацию о возможной смерти этих князей еще до Мамаева побоища*.

Не можем включить имена князей Ивана и Глеба Константиновичей для поминовения в наш Синодикъ, т.к. они в Куликовской битве участвовать не могли.

II. *Представители «поколения внуков» Александра Константиновича*

3. Дмитрий Андреевич

У Артынова [18] в списках участников Куликовской битвы такое ***имя не упоминается. Информация*** об этом князе, в связи с участием в Битве, найдена нами ***у А. А. Титова***:

А. А. Титов.
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

Стр. 456: В описании дер. Судино Шулецкой волости читаем:

«...В XIV веке это место принадлежало **павшему в Мамаевом побоище князю Дмитрию Андреевичу**, жена котораго, княгиня Наталия, отдала это место за дочерью Марией, выданной за Федора Андреевича Голубаго».

В Родословце Титова [34] имя Дмитрия Андреевича найдено под № 44 на стр. 575 и принадлежит ***внуку Александра Константиновича*** (№ 22 Родословца) **от** ***старшего его сына Андрея Александровича*** (№ 30 Родословца). И в ***Родословце Титова*** [34], и в ***Российской Родословной книге кн. П. Долгорукова*** [35], и в биографическом труде ***А. В. Экземплярского «Великие и удельные князья...»*** [45] этот князь показан бездетным. Ранее было обосновано (*см. статью «Ростовские князья — уча-*

стники Куликовской битвы»), что внуки Александра Константиновича участвовать в Куликовской битве не могли, т.к. их отцы в то время сами были слишком молоды для того, чтобы иметь детей в возрасте, соответствующем возможности участия в этом сражении. Других князей с таким именем в родословных и биографических трудах в ближайших к Куликовской битве поколениях ростовских князей не обнаружили. Считаем, что *информация об участии и гибели этого князя в Куликовской битве ошибочна*.

Таким образом, ***не можем включить имя князя Димитрия Андреевича для поминовения в наш Синодикъ***.

4. **Иван Андреич Ян**

Это имя числится ***в списке участников*** Куликовской битвы ***у А. Я. Артынова*** в «Ростовском Летописце» [18].

В Родословце Титова [34] имя показано под № 47 на стр. 575 и принадлежит **внуку Александра Константиновича** (№ 22 Родословца) **от старшего его сына Андрея Александровича** (№ 30 Родословца).

В Российской Родословной книге кн. П. Долгорукова [35, ч. 1, стр. 207] и в биографическом труде ***А. В. Экземплярского «Великие и удельные князья...»*** [45, т. 2, стр. 58] Иван-Ян Андреевич назван ***«родоначальником*** угасших ***князей: Яновых-Ростовских***, а через сына Ивана Темку и ***Темкиных-Ростовских,*** также угасших***».***

Ранее уже неоднократно оговаривалось, что внуки Александра Константиновича участвовать в Куликовской битве не могли по возрастному признаку. В связи кон-

кретно с этим князем в труде А. В. Экземплярского [45] отмечены две даты из его жизни: 1425 г. (год смерти его матери, а посему родился он до этого года) и 1474 («он умер до 1474 г.»), которые наглядно показывают нам ***невозможность участия его в Куликовской битве.***

Не можем включить имя князя Ивана Андреевича Яна для поминовения в наш Синодикъ.

5. **Петр Андреевич**

У Артынова в Ростовском Летописце [18] такое ***имя не упоминается***. Информация о князе с этим именем, как об участнике Куликовской битвы, ***найдена нами самостоятельно*** у А. А. Титова:

А. А. Титов.
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

> ***Стр. 76:*** *В описании с. Филиппова гора Угодичской волости читаем*:
>
> «...Затем на этом месте стоял терем новгородских изгнанников Романца и Акула, пришедших в Ростов к кн. Семену Андреевичу Луговскому Гриве (1375); впоследствии времени этот терем перешел **к павшему во время Мамаева побоища князю Петру Андреевичу (1377),** жена котораго, княгиня Анна (дочь Константина Ивановича (1379)), передала его князю Семену Ивановичу...».

В Родословце Титова [34] такое имя показано под № 49 на стр. 575 и принадлежит ***младшему внуку Александра Константиновича*** (№ 22 Родословца) ***от старшего его сына Андрея Александровича*** (№ 30 Родословца). ***Российской Родословной книгой кн. П. Долгорукова*** [35], ***Бархатной книгой*** [31] ***и***

биографическим трудом А. В. Экземплярского «Великие и удельные князья...» [45] имя подтверждено в том же поколении, князь показан бездетным.

Поскольку внуков Александра Константиновича мы обоснованно не считаем участниками Куликовской битвы (об этом уже неоднократно говорилось в настоящей работе), самым простым было бы и это имя увести в список не вошедших в Синодикъ. Однако в найденном тексте рядом с именами упоминаемых князей проставлены даты, близкие к времени событий Куликовской битвы, что несколько смущает. Попробуем разобраться:

Князь Семен Андреевич Луговский Грива согласно многим источникам, возможно, был в те годы епископом Ростовским Арсением (мы подробно рассказали об этом в *статье «Ростовские князья — участники Куликовской битвы»* (в тексте под № 4, посвященном князю Александру Константиновичу). По данным же родословных книг Семен Андреич Луговка-Грива должен был жить гораздо позже — в конце XV — начале XVI века.

Константин Иванович (в Родословце Титова [34] под № 53 на стр. 575, об этом князе подробно будет рассказано в тексте под № 7 настоящей статьи) — так же, как и сам Петр Андреевич, приходится ***внуком Александру Константиновичу*** (стало быть, мог жить в самом конце XIV — начале XV вв., а посему проставленная у его имени дата — 1379 — тоже вызывает недоумение).

Имя ***«Семен Иванович»*** в Родословце Титова [34] найдено в ***«поколении правнуков».***

На наш взгляд, вероятнее всего *известие об участии* князя Петра Андреевича *в Битве следует признать недостоверным.*

Таким образом, ***не можем включить имя князя Петра Андреевича для поминовения в наш Синодикъ***.

6. **Варсонофий Иванович**

У Артынова в Ростовском Летописце [18] такое имя ***не упоминается***. ***Информация*** о князе с таким именем, как об участнике Куликовской битвы, ***найдена нами у А. А. Титова***:

А. А. Титов.
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

> *Стр. 453: В описании дер. Согилы Шулецкой волости читаем*:
>
> «...***По Хлебниковскому летописцу...*** затем это **место принадлежало павшему в Мамаевом побоище кн. Варсонофию Ивановичу**, дочь котораго княгиня Акулина жена павшего же героя кн. Петра Владимировича Бритаго-Бычкова, отдала это место в приданое за своей дочерью Дарьей, выданной за князя Петра Ивановича Катыря».

Такое имя ***в Родословце Титова*** [34] найдено под № 52 на стр. 575 и принадлежит ***внуку Александра Константиновича*** (№ 22 Родословца) от младшего сына ***Ивана Александровича*** (№ 32), а внуки Александра Константиновича в Битве участвовать не могли, т.к. жили в XV веке. Другие упоминаемые в тексте князья (Петр Владимирович Бритый-Бычков и Петр Иванович Катырь) также не являются участниками Куликовской битвы (о них в настоящей статье под №№ 25 и 26 соответственно показаны обработанные нами сведения), поскольку жили они, согласно родословным книгам, в XVI веке.

Таким образом, ***не можем включить имя князя Варсонофия Ивановича в наш Поминальный Синодикъ, поскольку участвовать в Куликовской битве он не мог***.

7. Константин Иванович Пужбольский

У Артынова в Ростовском Летописце [18] среди участников Куликовской битвы такое имя ***не упоминается***. Информация о князе с этим именем, как об участнике этой великой Битвы, была ***найдена нами самостоятельно у А. А. Титова:***

А. А. Титов.
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

Стр. 166: В описании Спасъ-Городецъ Щадневской волости читаем:

«…**В XIV столетии** на этом месте находилось **жилище князя Константина Ивановича Пужбольского, павшаго в Мамаевом побоище**, а дочь князя Константина, княгиня Лукерья (супруга кн. Владимира Михайловича Касаткина) отдала это место в приданое за своей дочерью Анной, выданной за князя Михаила Борисовича Лобанова ***(Рукоп. Хлебникова)***».

В Родословце Титова [34] такое имя показано под № 53 на стр. 575, оно принадлежит ***внуку Александра Константиновича*** от младшего его сына ***Ивана Александровича*** (напоминаем, что внуков Александра Константиновича в Поминальный Синодикъ не включаем из-за возрастной невозможности их участия в Битве). Прозвище «Пужбольский» приписано к имени, вероятно, потому, что Константин Иванович приходился

родным братом родоначальнику Пужбольских – Ивану Ивановичу Долгому-Пужбольскому.

Касательно имен других князей, упомянутых в этом сообщении, известно следующее: ***Владимир Михайлович Касаткин*** (№ 127 в Родословце Титова на стр. 583), названный мужем дочери Константина Ивановича, относится к ***«поколению пра-правнуков»,*** жил он, как указано в Родословце, в XVI веке и был воеводой царя Иоанна Грознаго. ***Михаил Борисович Лобанов*** найден в Родословце Титова под № 197 на стр. 587, он ***внук князя, жившего в конце XV – начале XVI века*** (Ивана Александровича Лобаня – № 78, с. 578 – родоначальника Лобановых). Таким образом, вновь налицо назначение участником Битвы того, кто по возрасту не мог принять участия в этих событиях.

Не можем включить имя князя Константина Ивановича Пужбольского в наш Поминальный Синодикъ, т.к. в Куликовской битве он участвовать не мог.

III. *Представители «поколения правнуков» Андрея Федоровича*

8. Семен Юрьевич Голенин-Ворона

Это имя показано ***у Артынова*** [18] ***и в списке участников Битвы, и среди погибших в ней.***

В Родословце Титова [34] такое имя найдено под № 58 на стр. 576 (прозвище «Голенин-Ворона не сообщается) и принадлежит **правнуку Андрея Федоровича** (№ 18 Родословца), **внуку Ивана Андреича** (№ 24 Родословца) и **сыну Юрия Ивановича Немого** (№ 35 Родословца). В нашей работе все трое указанные здесь князья-предки Семена Юрьевича (согласно про-

анализированным по ним сведениям) показаны в составе Ростовской дружины в Куликовской битве.

Что касается прозвища «Голенин-Ворона», приписанного этому князю, то в Ростовском Летописце [18] Артыновым, на наш взгляд, допущена та же ошибка, что и с именем Юрия Ивановича Немого (отца Семена Юрьевича), который у Артынова назван Голенином-Немым (хотя Голеней был не он, а его родной брат Федор Иванович). Считаем, что отсюда прозвище «Голенин» у Артынова перекочевало и к его сыну Семену Юрьевичу, а «Ворона» добавлено из Хлебниковской рукописи, на которую ссылается А. Титов (см. ниже) при упоминании этого князя в своем труде:

А. А. Титов.
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

> *Стр. 366-367: В описании с. Воронино Дубровской волости читаем*:
>
> «...***По свидетельству Хлебниковской рукописи...*** Настоящее же свое название это село носит потому, что **в начале XV века** это место было вотчиной **князя Семена Юрьевича Вороны,** которую он и отдал в приданное за своей дочерью (от брака с княгиней Ульяной) княжной Парасковьей, выданной за князя Андрея Федоровича Голубаго».

При сопоставлении данных Артынова о гибели Семена Юрьевича в Куликовской битве с известиями, дошедшими до нас из Хлебниковской рукописи, о том, что этот ***князь здравствовал в начале XV века***, а также учитывая то, что «поколение правнуков» (к которому он относится) участвовать в Битве не могло по возрасту, приходим к следующему мнению: *Семен*

Юрьевич не был участником Куликовской битвы, и сведения Артынова об этом ошибочны.

Не можем включить имя князя Семена Юрьевича Голенина-Вороны для поминовения в наш Синодикъ.

9. **Иван Федорыч Голенин**

Это имя показано ***у Артынова*** [18] ***и в списке участников Битвы, и среди погибших в ней.***

В Родословце Титова [34] оно найдено под № 59 (стр. 577) и принадлежит еще одному **правнуку Андрея Федоровича** (№ 18 Родословца), и еще одному **внуку Ивана Андреича** (№ 24 Родословца), только от второго сына — **Федора Иваныча Голени** (№ 36 Родословца). И здесь речь вновь идет о потомке трех поколений героев Куликовской битвы. ***Сам же Иван Федорович в Битве участвовать не мог по возрасту — «поколение правнуков».*** Имя его прослежено и ***в Бархатной книге*** [31]. В ней, как и в Родословце Титова, у Ивана Федоровича показаны дети и внуки. Жил этот князь, судя по датам, приписанным к имени его младшего брата Андрея (информация о котором будет показана ниже под № 10), в конце XV века.

Не можем включить имя князя Ивана Федоровича Голенина в наш Поминальный Синодикъ участников Куликовской битвы.

10. **Андрей Федорович Голена**

Этот князь — тезка главного Ростовского воеводы. Информация о гибели на Куликовом поле князя с таким именем найдена у А. А. Титова со ссылкой *на рукопись Артынова* (см. ниже), причем у самого Артынова в Ростовском Летописце [18] среди участников

Битвы такого имени в полном объеме (с прозвищем) нет. Правда первой строкой в списке погибших показан князь Андрей Федорович (без прозвища), поэтому не исключено, что Артынов имел в виду именно этого Андрея Федоровича. Посмотрим, что он пишет в своей рукописи:

А. А. Титов.
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

Стр. 218: В описании с. Осоево Перовской волости читаем:

«...***Из рукописи же Артынова*** видно, что это село получило свое название потому, что в древности здесь было жилище ростовского богатыря Осоя; а в более позднюю эпоху оно сделалось уже вотчиной **ростовского князя Андрея Федоровича Голены, убитаго на Куликовскомъ поле.** Внук князя Андрея, Иван Семенович Щепин[1], отдал Осоево в приданое за своей дочерью...».

В Родословце Титова [34] князь с таким именем и прозвищем найден под № 60 на стр. 577, он приходится ***правнуком*** главному Ростовскому воеводе ***Андрею Федоровичу***, внуком Ивану Андреевичу и сыном Федору Ивановичу Голене (родоначальнику Голениных). ***В Бархатной книге*** [31] имя также прослежено, там же показано, что на детях его род Голениных пресекся.

Итак, ***князь Андрей Федорович Голеня*** относится к ***«поколению правнуков»,*** которое ***в Куликовской***

[1] Сразу обратим внимание на то, что названный «внуком» князь Иван Семенович Щепин согласно Родословцу Титова [34, № 147, с. 584] был внуком вовсе не Андрея Федоровича Голены, а Дмитрия Александровича Щепы, о котором будет рассказано чуть ниже.

битве участвовать не могло. Кроме того, в Родословце Титова при его имени показаны даты из его жизни (1497–1508), которые весьма наглядно подтверждают это. Посему считаем, что А. Я. Артынов либо ошибся сам, либо ошиблись те, кто составлял летописи и рукописи, которые ему удалось прочитать.

Есть небольшое наблюдение по найденному об Андрее Федоровиче Голене материалу: если внимательно читать текст приведенного выше отрывка, видим едва заметное различие с тем, как даются сведения о гибели тех или иных князей в Битве. В данном случае сказано ***не «в Мамаевом побоище»*** *и* ***не «в Куликовской битве»,*** *а «убитаго* ***на Куликовскомъ поле***». Это, возможно, означает (хотя и маловероятно), что речь здесь может идти о князе, действительно погибшем на Куликовом поле, но в другое время. ***Поле было местом, где часто и в последующие времена происходили различные по масштабам сражения и стычки русских с ордынцами*** (об этом, например, говорится в статье А. В. Лаврентьева «Дон усть Непрядвы в XV – 1-й половине XVI вв.: Москва, Рязань и земли Куликова поля», вошедшей в сборник *«Куликовская битва в истории России», Тула: ГУП «Левша», 2006).*

Таким образом, ***не можем включить имя князя Андрея Федоровича Голены в наш Поминальный Синодикъ, поскольку в Куликовской битве он участвовать не мог.***

11. Дмитрий Александрович Щепа

У Артынова [18] это имя показано ***и в списке участников Битвы, и среди погибших*** в ней.

В Родословце Титова [34] имя Дмитрия Ивановича **Щепы** (прозвище очень характерное, Титов пока-

зывает его первым из Щепиных[2]) найдено под № 61 (стр. 577) и принадлежит **правнуку Андрея Федоровича** (№ 18 Родословца), **внуку Федора Андреича** (№ 25 Родословца) и **сыну Александра Федоровича** (№ 37 Родословца) – все трое его предков были участниками Куликовской битвы. **«Поколение правнуков» исключено нами из участия в Битве.** Дополнительно нашли информацию, косвенно подтверждающую невозможность участия Димитрия Александровича Щепы в Битве:

А. А. Титов.
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

Стр. 72: В описании д. Городец Угодичской волости читаем:

«...Затем **в XIV в.** эта местность составляла вотчину князя Федора Андреевича Щепина (1350), от которого она и перешла **к его внуку, кн. Димитрию Александровичу Щепину-Приимкову (1395)».**

Мы предполагаем, что в подобных текстах даты в скобках обозначают, скорее всего, время перехода местности во владение того или иного князя. Из этого отрывка следует, что Дмитрий Александрович Щепа вступил во владение Городцом **в 1395 г.,** и эта дата, вероятнее всего, связана с его рождением в этом году (что для правнука Андрея Федоровича вполне реально).

Академик **Ю. К. Бегунов** в своей статье ***«Новонайденный Ростовский источник о Куликовской***

[2] - В **Российской Родословной книге кн. П. Долгорукова** [35, ч.1, стр. 207, 209] родоначальником Щепиных (Щепой) показан отец Дмитрия Александровича Щепы.

битве» [40, стр. 184], в которую он и поместил текст из Ростовского Летописца Артынова, сообщает, что именно это имя – **Дмитрий Александрович Щепа** – вместе с именем князя Андрея Федоровича – **известно из Сказания о Мамаевом побоище и летописей.** Однако в изученных и просмотренных нами источниках (см. библиографию в конце настоящего издания) упоминается только **князь Димитрий Ростовский,** о родстве и прозвище которого никаких сведений не найдено. Наши предположения по поводу того, кем мог быть князь Димитрий Ростовский, упоминаемый в Сказаниях о Мамаевом побоище, уже были показаны в других статьях главы «Ростовское княжество», но с Дмитрием Александровичем Щепой это имя связанным быть не может по ***причинам возрастной невозможности участия последнего в Куликовской битве.***

Обращаем особое внимание на то, что ***в число мнимых участников Куликовской битвы*** вместе с Дмитрием Александровичем Щепой ***попало*** (согласно местным преданиям) ***значительное количество его потомков – Щепиных,*** информацию о которых покажем в последнем разделе настоящей статьи.

Итак, ***не можем включить для поминовения в наш Синодикъ имя князя Дмитрия Александровича Щепы.***

12. Федор Дмитрич Приимков

У ***Артынова*** [18] это имя показано ***и в списке участников Битвы, и среди погибших*** в ней.

В Родословце Титова [34] такое имя найдено под № 62 на стр. 577 и принадлежит **правнуку Андрея Федоровича** (№ 18 Родословца), **внуку Федора Андреича** (№ 25 Родословца) и **сыну Дмитрия Федоро-**

вича Приимка (№ 41 Родословца). Все трое названных здесь предков Федора Дмитрича были участниками Куликовской битвы, сам же он относится к ***«поколению правнуков», которое в Битве участвовать не могло по возрасту.***

У *А. Титова* в *«Ростовском уезде...»* [100] имя Федора Дмитриевича Приимкова встречается на стр. 224, 230, 403–404, 517, причем **все упоминания относятся к XV веку** и касаются именно этого князя (правнука главного Ростовского воеводы Андрея Федоровича).

Таким образом, ситуация с этим князем аналогична описанным выше.

Не можем включить имя князя Федора Дмитриевича Приимкова в наш Поминальный Синодикъ участников Куликовской битвы.

IV. *Представители «поколения правнуков» Александра Константиновича и Владимира Константиновича*

13. Андрей Иванович Хохолков

У Артынова в Ростовском Летописце [18] среди участников Куликовской битвы такое имя ***не упоминается. Информация*** о князе с этим именем, как об участнике этой великой Битвы, была ***найдена нами самостоятельно у А. А. Титова:***

А. А. Титов.
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

Стр. 115–116: В описании с. Филимоново Воржской волости:

«...Затем Филимоновым владел **павший смертью героя на Мамаевом побоище Андрей**

Иванович Хохолков, а дочь его Феодора, супруга князя Андрея Дмитриевича, отдала Филимоново в приданое *за дочерью* своей *Татьяной*, выданной за князя Ивана Александровича Яна».

Стр. 340: В описании селения Поклоны Звенигородской волости:

«...Впоследствии времени, это место **принадлежало кн. Андрею Ивановичу Хохолкову, павшему во время Мамаева побоища;** последним же владельцем этого места был Федор Иванович Буйнос».

Кроме этих двух сообщений имя Андрея Ивановича Хохолкова упоминается на страницах 230, 277, 362, 409 указанного труда А. А. Титова [100], без известий об участии в Куликовской битве.

В Родословце Титова [34] такое имя показано под № 64 на стр. 577 и принадлежит ***правнуку Александра Константиновича*** (№ 22 Родословца) от его внука Ивана Андреевича Брюхатого (№ 43 Родословца, с. 575), у детей которого (в том числе и у Андрея Ивановича) было прозвище «Хохолки», или «Хохолковы». *«Поколение правнуков» из участия в Куликовской битве нами обоснованно исключено.*

Таким образом, ***не можем включить для поминовения в наш Синодикъ имя князя Андрея Ивановича Хохолкова.***

14. **Дмитрий Владимирович**
15. **Александр Владимирович**

Имена этих князей-братьев в связи с участием их в Куликовской битве ***обнаружены*** нами самостоятельно ***у А. Титова*** (***в списках Артынова*** *их* ***нет***):

А. А. Титов.
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

Стр. 324: В описании дер. Плакидино Ивашевской волости читаем:

«...здесь же стоял терем и князя Владимира Андреевича**, сыновья** котораго **Дмитрий и Александр пали в Мамаевом побоище».**

Как всегда при обнаружении подобной информации начали искать эти имена ***в Родословце Титова*** [34]. Обнаружены они ***в «поколении правнуков»*** (№№ 66 и 67 на стр. 577–578) ***Александра Константиновича,*** названы «Владимировичами». Упомянутый в приведенном тексте их отец Владимир **Андреевич** (№ 46, с. 575 Родословца) приходится сыном ***Андрею Александровичу*** (№ 30 Родословца), последний вместе со своим отцом Александром Константиновичем (№ 22 Родословца) были участниками Куликовской битвы. Ранее уже было показано, что даже внуки Александра Константиновича жили в XV в., ну а правнуки и того позже. О Владимире Андреевиче (отце упоминаемых в этой графе князей) подробно рассказано ***у А. В. Экземплярского*** [45, т. 2, стр. 56–58]: он деятельно жил, согласно летописям, до 1474 г. Имена его детей сопровождаются ***в Родословце Титова*** датами: при имени Дмитрия Владимировича есть известие «1503–1507 княжил в Пскове; ум. 1518 г.», а при имени Александра Владимировича – «1496–1501 княжил в Пскове; ум. 1523 г.». Таким образом, налицо достаточные и весомые доказательства того, что *участие названных в этой графе князей-братьев в Куликовской битве невозможно.*

Не можем включить для поминовения в наш Синодикъ имена князей Дмитрия Владимировича и Александра Владимировича.

16. **Дмитрий Иванович Янов**

Имя этого князя в связи с участием его в Куликовской битве ***обнаружено нами у А. Титова*** (***в Ростовском Летописце Артынова*** этого имени ***нет***):

А. А. Титов.
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

Стр. 459: В описании д. Никово Шулецкой волости читаем:

«...***По рукописи Артынова***, в древности на этом месте будто бы жила какая-то княжна Ника, дочь князя Протия, **а в XIV столетии** на этом месте находился терем князя Андрея Федоровича; сын его, князь Михаил Андреевич, **пал на Куликовом поле**, и этот терем перешел к княгине Марии Владимировне, **жене павшего в той же битве князя Дмитрия Ивановича Янова».**

Привязка сообщения к XIV веку как будто в очередной раз открывает **имя еще одного участника Куликовской битвы.** Вновь попробуем проверить.

В Родословце Титова [34] такое имя нашли под № 71 на стр. 578: оно принадлежит ***правнуку Александра Константиновича*** (№ 22 Родословца). ***Отцом этого князя*** был родоначальник князей Яновых-Ростовских ***Иван Андреевич Ян*** (№ 47 Родословца), который в отличие от своих деда и отца ***в Куликовской битве уже не участвовал*** (информация о нем была показана в настоящей статье выше под № 4). А посему ***и сын его, Дмитрий Иванович Янов, тем***

более в Битве участвовать не мог (к тому же в Родословце при имени этого князя стоит дата упоминания его в летописях — 1500). Считаем найденную нами *информацию о гибели этого князя «на Куликовом поле»* (читаем «в Куликовской битве») *недостоверной*.

Таким образом, ***не можем включить для поминовения в наш Синодикъ имя князя Дмитрия Ивановича Янова***.

17. Михаил Иванович Пужбольский-Шендон

Имя этого князя в связи с участием его в Куликовской битве также **обнаружено нами у А. Титова (у Артынова** в списках участников Битвы **этого имени нет**):

А. А. Титов.
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

Стр. 261: В описании сельца Бикань Карашской волости читаем:

«...В последствии времени здесь стоял терем отшельницы княгини Анны, дочери кн. Ивана Андреевича Хохолкова Брюхатого **(XIV)** и вдовы **павшаго в Мамаевом побоище кн. Михаила Ивановича Пужбольскаго-Шендона,** а от нея этот терем перешел в приданое к ея дочери Дарье, выданной за кн. Семена Дмитриевича Приимкова-Меньшаго...».

Стр. 430: В описании с. Оносово Березниковской волости читаем:

«...Затем это место принадлежало кн. Григорью Ивановичу Темкину, а от него перешло **к павшему в Мамаевом побоище князю Михайлу Ивановичу Пужбольскому-Меньшому,** "Шендану", сын котораго, князь Михаил, отдал это место в приданое за

своей дочерью Александрой, выданной за князя Петра Ивановича Катырева...».

В Родословце Титова [34] такое имя показано под № 75 на стр. 578 и принадлежит ***правнуку Александра Константиновича*** (№ 22 Родословца) от внука его Ивана Ивановича Долгого-Пужбольского (№ 54 Родословца). Судя по окружению в Родословце, князь этот ***проживал в XV веке*** и ***не мог быть участником Битвы*** (к тому же ***«поколение правнуков» нами уже обоснованно исключено из участия в Мамаевом побоище***).

О других князьях, упоминаемых в этих известиях, можем сказать следующее. В первом известии: князь ***Иван Андреевич Брюхатый*** [34, № 43, стр. 575] приходится ***внуком Александру Константиновичу*** (в настоящей статье уже было показано, что ***внуки А. К. жили позже Куликовской битвы***). Из этого следует, что ***дочь Ивана Андреевича Брюхатого не могла быть женой князя, «павшего в Мамаевом побоище».*** Во втором известии упоминается ***имя Григория Ивановича Темкина***, от которого якобы Оносово перешло к Михаилу Ивановичу Пужбольскому. Григорий Иванович ***жил вообще во второй половине XVI века*** [34, № 116, стр. 582], а это на век позже жизни самого Михаила Ивановича Пужбольского. ***О Петре Ивановиче Катыреве*** будет сказано чуть ниже, под № 26 в настоящей статье. Считаем, что более подробно разбирать эти сюжеты не имеет смысла — налицо явная ошибка: *информация об участии в Куликовской битве князя Михаила Ивановича Пужбольского-Шендона недостоверна*.

Таким образом, ***не можем включить имя князя Михаила Ивановича Пужбольского-Шендона для поминовения в наш Синодикъ***.

18. **Михаил Александрович Касаткин**

Имя этого князя в связи с участием его в Куликовской битве также ***обнаружено нами у А. Титова*** **(в списках Артынова** этого имени **нет)**:

А. А. Титов.
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

> *Стр. 252: В описании с. Митино Гарской волости читаем*:
>
> «...Митино принадлежало **в XIV в.** дочери князя Василия Ивановича Янова-Губки, княгине Улите, **вдове князя Михаила Александровича Касаткина, павшего геройскою смертию на Куликовом поле;** здесь она воспитывала малолетних сыновей своих, князей Василия, Константина и Юрия».

В Родословце Титова [34] имя ***Михаила Александровича Касатки*** найдено под № 77 на стр. 578 и принадлежит ***правнуку Владимира Константиновича*** (№ 23 Родословца) и ***внуку Ивана Владимировича Бычка*** (№ 34 Родословца) от сына его Александра Ивановича (№ 56 Родословца). Это же родство прослеживается и ***в Бархатной книге*** [31]. ***В Российской*** *же* ***Родословной книге кн. П. Долгорукова*** [35, ч. 1, № 98, стр. 208] этот князь, как и его братья [35, ч. 1, №№ 97–101, стр. 208], считается ***правнуком Александра Константиновича*** [35, ч. 1, № 62, стр. 207], внуком Ивана Александровича [35, ч. 1, № 72, стр. 207] от младшего его сына Александра Ивановича [35, ч. 1, № 92, стр. 208]. Впрочем, главным для нас является не выявление неувязок в родословных книгах, а то, что ***Михаил Александрович Касатка*** *(родоначальник князей Касаткиных-Ростовских)* ***относится к «поколению правнуков»*** ос-

новных участников Куликовской битвы от Ростовского княжества, а посему считаем информацию *об участии и гибели его в этом сражении недостоверной*.

Таким образом, ***не можем включить для поминовения в наш Синодикъ имя князя Михаила Александровича Касаткина***.

19. **Федор Александрович Голубой**

В списках Артынова [18] этого имени ***нет.*** В связи с участием в Куликовской битве имя ***обнаружено*** нами самостоятельно ***в работе А. Титова:***

А. А. Титов.
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

Стр. 271: В описании с. Пречистое-Пречистенское Карашской волости читаем:

«...**В XIV столетии тут стоял терем князя Федора Александровича Голубаго, павшаго в Мамаевом побоище.** Старший сын кн. Федора, князь Андрей Федорович, ушел в монашество, а младший Василий женился на княжне Наталии, дочери князя Семена Дмитриевича Щепина-Горбатаго, и этот терем передал князю Ивану Андреевичу Голене...».

В Родословце Титова [34] именно с таким прозвищем «Голубой» имя найдено под № 80 на с. 578 и принадлежит ***«поколению правнуков».*** Информация об упомянутых выше детях родословными книгами подтверждается. Согласно тем же родословным — князь Федор Александрович приходится родным братом предыдущему (Михаилу Александровичу Касатке) и одному из последующих (Василию Александровичу Ластке). Относительно того, чьими правнуками были эти братья, в родословных книгах возникли разногласия (о чем уже

было сказано выше, здесь повторимся). ***В Российской Родословной книге кн. П. Долгорукова*** [35, ч. 1, № 101, стр. 207–208], где Федор Александрович показан ***родоначальником князей Голубых-Ростовских,*** он пишется ***правнуком Александра Константиновича*** от многодетного его внука Александра Ивановича. ***В Бархатной книге*** [31] ***и в Родословце Титова*** [34] Федор Александрович Голубой прописан ***правнуком Владимира Константиновича.*** Впрочем, повторяем, что главным для нас является только то, что Федор Александрович Голубой относится к ***«поколению правнуков»*** самых старших князей-участников Куликовской битвы, а посему считаем информацию *об участии и гибели его в Мамаевом побоище недостоверной.*

Таким образом, ***не можем включить в наш Поминальный Синодикъ участников Куликовской битвы имя князя Федора Александровича Голубого.***

20. **Василий Александрович Ластка**
21. **Василий Дмитриевич Бритый-Бычков**
22. **Юрий Дмитриевич Бритый-Бычков**

В списках Артынова [18] этих имен ***нет. Обнаружены*** они нами самостоятельно ***при изучении трудов А. А. Титова:***

А. А. Титов.
Предания о Ростовских князьях [100]

В главе «*Князья Ростовские Бритые-Бычковы*» читаем:

Стр. 108–109: «...***В уцелевшей древней рукописи*** говорится, что... князь Дмитрий Иванович владел... деревнею Пелеево, в которой жила и по-

мерла княжна Феодора, дочь ростовского князя Ивана Ивановича Пужбольского Верши. Та же рукопись приписывает этой княжне все доблести амазонки, упоминая вместе с тем о пламенной любви ея к князю ***Василию Дмитриевичу Бычкову (сыну князя Дмитрия Ивановича).*** Любовь эта была так сильна, что когда князь Василий отправился в числе вождей дружин князя Дмитрия Ивановича Донского на смертный бой с татарами, то княжна Феодора последовала за ним... ***Князь Василий пал на Куликовом поле у Краснаго Холма смертию героя,*** а княжна Феодора, сильно раненая, была привезена на свою родину в эту деревню ***участвовавшим в той же битве ростовским князем Васильем Александровичем Ласткой...».***

Стр. 110: «...**Князю Юрию Дмитриевичу, павшему по словам той же рукописи, вместе с братом Васильем на Куликовом поле с мечем в руках** и упоминаемому в предании, принадлежали село Павлово...».

Итак, **участие и гибель в Куликовской битве приписывается следующим князьям**:

– ***Василию Дмитриевичу Бычкову*** (№ 81, с. 579 Родословца Титова), ***внуку родоначальника Бычковых Ивана Владимировича*** (№ 34, стр. 574 Родословца) от сына Димитрия Ивановича Бритого-Бычкова (№ 57, с. 576 Родословца). Василий Дмитриевич, согласно родословным книгам, относится к ***«поколению правнуков» Владимира Константиновича*** (№ 23 Родословца)***;***

– ***Юрию Дмитриевичу Бычкову*** (№ 82, с. 579 Родословца Титова: рядом с именем имеются указания на то, что ***он убит под Казанью в 1487 г.***), ***родному брату*** вышеназванного ***Василия Дмитриевича;***

– ***Василию Александровичу Ластке*** (№ 76, с. 578 Родословца Титова: имя сопровождается информацией о том, что он ***был воеводой в 1520–25 гг.), двоюродному брату*** вышеназванных ***Василия и Юрия Дмитриевичей,*** внуку Ивана Владимировича от сына Александра Ивановича (№ 56, с. 576 Родословца).

Как видим, согласно Родословцу Титова все князья являются правнуками Владимира Константиновича[3] (№ 23 Родословца), а *«поколение правнуков» из участия в Битве нами обоснованно исключено.*

Таким образом, ***не можем включить имена князей Василия Александровича Ластки, Василия Дмитриевича Бритого-Бычкова и Юрия Дмитриевича Бритого-Бычкова в наш Поминальный Синодикъ.***

V. *Князья из более поздних колен, чем «поколение правнуков»*

23. Александр Андреич Хохолков

У Артынова [18] это имя показано ***в списке участников Куликовской битвы.***

В Родословце Титова [34] такое имя найдено под № 98 на стр. 580 ***в «поколении пра-правнуков»***

[3] ***В Российской Родословной книге кн. П. Долгорукова*** [35, ч. 1, с. 207–208] Василий Александрович Ластка (как и его братья – Михаил Александрович Касатка, Иван Александрович Лобань, Федор Александрович Голубой и другие) проходят как ***правнуки Александра Константиновича*** (внуки Ивана Александровича от младшего сына Александра Ивановича), а не Владимира Константиновича.

Александра Константиновича и принадлежит ***сыну Андрея Ивановича Хохолкова,*** материал о котором показан под № 13 в настоящей статье.

Таким образом, ***не можем включить имя князя Александра Андреевича Хохолкова в наш Поминальный Синодикъ, поскольку в Куликовской битве он участвовать не мог.***

24. **Федор Александрович Горбатой**

У Артынова [18] это имя показано ***в списке участников Битвы.***

В трудах Титова *и* ***в других*** *источниках* ***известий*** о нем ***не обнаружили.***

В Родословце Титова [34] князь ***Федор Александрович Горбатый*** показан под № 103 на стр. 581: он из рода Хохолковых и приходится ***пра-правнуком Александру Константиновичу*** (№ 22 Родословца).

Таким образом, ***не можем включить имя князя Федора Александровича Горбатого в наш Поминальный Синодикъ, поскольку в Куликовской битве он участвовать не мог.***

25. **Петр Владимирович Бритый-Бычков**

В списках Артынова [18] этого имени ***нет.*** В связи с участием в Куликовской битве имя ***обнаружено в работе А. Титова:***

А. **А. Титов.**
Ростовский уезд Ярославской губернии [100]

Стр. 453: В описании дер. Согилы Шулецкой волости читаем:

«...***По Хлебниковскому летописцу*** на этом месте в древности жили два потаенные христиани-

на: Согил-Велелеп и Спирец-Чин. Затем это место принадлежало павшему в Мамаевом побоище кн. Варсонофию Ивановичу, дочь котораго княгиня Акулина **жена павшего же героя кн. Петра Владимировича Бритаго-Бычкова**, отдала это место в приданое за своей дочерью Дарьей, выданной за князя Петра Ивановича Катыря...».

Имя ***Петра Владимировича Бритого-Бычкова в Родословце Титова*** [34] найдено под № 140 на стр. 584, оно принадлежит ***пра-правнуку героя Куликовской битвы Владимира Константиновича*** (№ 23 Родословца). Петр Владимирович приходится ***правнуком сыну Владимира Константиновича — Ивану Владимировичу Бычку, родоначальнику Бычковых, тоже участнику Битвы***. Из всего сказанного следует, что сам Петр Владимирович Бритый-Бычков участником Куликовской битвы быть не мог, поскольку жил не раньше конца XV — начала XVI века.

Таким образом***, не можем включить для поминовения в наш Синодикъ имя князя Петра Владимировича Бритого-Бычкова***.

26. **Петр Иваныч Катырев**

Это имя показано ***у Артынова*** [18] ***в списке участников Куликовской битвы***.

В книге Титова «Ростовский уезд...» [100] имя Петра Ивановича Катырева упоминается неоднократно (стр. 302, 387, 430, 452, 453, 536), однако сведений об участии в Битве не найдено, более того, все известия о нем на указанных страницах говорят, что такой князь жил гораздо позже событий Куликовской битвы.

В Родословце Титова [34] это имя помещено под № 160 на стр. 585 и сопровождается информацией ***«1585, второй воевода в Новгороде».*** Князь Петр Иванович Катырев приходится ***пра-пра-правнуком Александру Константиновичу,*** что безоговорочно исключает его из списков участников Куликовской битвы.

Таким образом, ***не можем включить имя князя Петра Ивановича Катырева для поминовения в наш Синодикъ.***

VI. *Князья из рода Щепиных*

Не думаем, что есть смысл подробно рассказывать о каждом из тех князей, которые будут помещены в список этого раздела, поскольку данные из родословных книг, указывающие на принадлежность упомянутых в нем князей к тем или иным поколениям, скажут сами за себя.

Александр Федорович Щепин. *Внук* главного Ростовского воеводы в Куликовской битве ***Андрея Федоровича*** **Ростовского**. **Участник Куликовской битвы**. О нем рассказано в статье ***«Ростовские князья — участники Куликовской битвы»*** под № 18. Здесь приводим его имя для большей наглядности в изложении материалов этого раздела настоящей статьи, ***как имя родоначальника Щепиных*** согласно ***Бархатной книге*** [31] и ***Российской Родословной книге кн. П. Долгорукова*** [35].

Дмитрий Александрович Щепа — и о нем уже рассказано в настоящей статье под № 11. ***Участником Битвы не является.*** В этом списке приводится для более понятного изложения материала. ***Правнук*** главного Ростовского воеводы в Куликовской битве ***Андрея Федоровича*** Ростовского и сын предыдущего — Алек-

сандра Федоровича Щепина. ***В Родословце Титова*** первым показан с прозвищем «Щепа», а потомки его уже проходят как «Щепины».

27. Семен Дмитриевич Щепин-Горбатый

У Артынова [18] ***это имя показано и в списке участников Битвы, и среди погибших*** в ней.

В Родословце Титова [34] такое имя обнаружено под № 89 на стр. 580: это ***пра-правнук*** главного Ростовского воеводы в Куликовской битве ***Андрея Федоровича*** и сын предыдущего — Димитрия Александровича Щепы.

Имя подтверждается ***Российской Родословной книгой кн. П. Долгорукова*** [35] и ***Бархатной книгой*** [31] в том же поколении (XX колено от Рюрика), что и в Родословце Титова.

В книге Титова «Ростовский уезд...» [100] имя Семена Дмитриевича Щепина-Горбатого упоминается дважды (стр. 175, 271), на последней из них оно **приписано к XIV веку.** Однако имея данные родословных книг, мы не можем принять это известие за свидетельство того, что князь жил в указанном веке, и уж тем более это не дает нам основания считать его участником Куликовской битвы.

Таким образом, ***не можем включить имя князя Семена Дмитриевича Щепина-Горбатого для поминовения в наш Синодикъ.***

28. Борис Семенович Щепин

У Артынова [18] это имя показано ***и в списке участников Битвы, и среди погибших*** в ней.

В Родословце Титова [34] имя найдено под № 146 на стр. 584. Это сын предыдущего (Семена

Дмитриевича Щепина-Горбатого), ***правнук в 3-й степени*** главного Ростовского воеводы в Куликовской битве ***Андрея Федоровича*** Ростовского.

Имя подтверждается ***Российской Родословной книгой кн. П. Долгорукова*** [35] *и* ***Бархатной книгой*** [31] в том же поколении (XXI колено от Рюрика), что и в Родословце Титова.

Таким образом, ***не можем включить имя князя Бориса Семеновича Щепина в наш Поминальный Синодикъ, поскольку участвовать в Куликовской битве он не мог.***

29. **Иван Семенович Щепин**

У Артынова [18] это имя показано ***в списке участников Битвы.***

В Родословце Титова [34] имя найдено под № 147 на с. 584. Это родной брат предыдущего (Бориса Семеновича Щепина), ***правнук в 3-й степени*** главного Ростовского воеводы Куликовской битвы ***Андрея Федоровича*** Ростовского.

Имя подтверждается ***Российской Родословной книгой кн. П. Долгорукова*** [35] ***и Бархатной книгой*** [31] в том же поколении (XXI колено от Рюрика), что и в Родословце Титова.

Таким образом, ***не можем включить имя князя Ивана Семеновича Щепина в наш Поминальный Синодикъ, поскольку участвовать в Куликовской битве он не мог.***

30. **Дмитрий Борисович Щепин-Внучек**
31. **Петр Борисович Щепин**
32. **Иван Борисович Щепин**
33. **Роман Борисович Щепин**

Все эти имена упоминаются ***в списках Артынова*** [18].

В Родословце Титова [34] они найдены под №№ 207, 208, 209 и 210 на стр. 589. Это ***сыновья Бориса Семеновича Щепина,*** упомянутого чуть выше, ***правнуки в 4-й степени*** главного Ростовского воеводы Куликовской битвы ***Андрея Федоровича*** Ростовского.

Имена подтверждаются ***Российской Родословной книгой кн. П. Долгорукова*** [35] ***и Бархатной книгой*** [31] в том же поколении (XXII колено от Рюрика), что и в Родословце Титова.

Таким образом, ***не можем включить имена князей Дмитрия Борисовича, Петра Борисовича, Ивана Борисовича и Романа Борисовича Щепиных в наш Поминальный Синодикъ, поскольку участвовать в Куликовской битве они не могли.***

34. **Данило Петрович Щепин**
35. **Иван Петрович Щепин-Безсон**
(по Артынову – Бессон)

Оба имени упоминаются ***в списках Артынова*** [18].

В Родословце Титова [34] имена найдены под №№ 254 и 255 на стр. 594. Это ***сыновья Петра Борисовича Щепина,*** упомянутого выше под № 31 настоящей статьи, ***правнуки в 5-й степени*** главного Ростовского воеводы Куликовской битвы ***Андрея Федоровича*** Ростовского.

Имена подтверждаются ***Российской Родословной книгой кн. П. Долгорукова*** [35] и ***Бархатной книгой*** [31] в том же поколении (XXIII колено от Рюрика), что и в Родословце Титова.

Таким образом, ***не можем включить имена князей Данилы Петровича Щепина и Ивана Петровича***

Безсона в наш Поминальный Синодикъ, поскольку участвовать в Куликовской битве они не могли.

36. **Владимир Романович Щепин**
37. **Иван Романович Щепин**

Оба имени упоминаются ***в списках Артынова*** [18].

В Родословце Титова [34] найдены под №№ 256 и 257 на стр. 594. Это ***сыновья Романа Борисовича Щепина***, упомянутого чуть выше под № 33, и ***правнуки в 5-й степени*** главного Ростовского воеводы Куликовской битвы ***Андрея Федоровича*** Ростовского.

Имена подтверждаются ***Российской Родословной книгой кн. П. Долгорукова*** [35] ***и Бархатной книгой*** [31] в том же поколении (XXIII колено от Рюрика), что и в Родословце Титова.

Таким образом, ***не можем включить имена князей Владимира Романовича и Ивана Романовича Щепиных в наш Поминальный Синодикъ, поскольку участвовать в Куликовской битве они не могли.***

38. **Алексей Иванович Щепин**

У Артынова [18] это имя показано ***и в списке участников Битвы, и среди погибших*** в ней.

В Родословце Титова [34] имя найдено под № 288 на стр. 598. Это ***племянник*** братьев ***Данилы Петровича Щепина и Ивана Петровича Щепина-Безсона,*** упомянутых чуть выше под №№ 34 и 35, и ***правнук в 6-й степени*** главного Ростовского воеводы Куликовской битвы ***Андрея Федоровича*** Ростовского.

Имя подтверждается ***Российской Родословной книгой кн. П. Долгорукова*** [35] ***и Бархатной книгой*** [31] в том же поколении, что и в Родословце Титова (XXIV колено от Рюрика).

Таким образом, ***не можем включить имя князя Алексея Ивановича Щепина в наш Поминальный Синодикъ, поскольку участвовать в Куликовской битве он не мог***.

39. **Яков Борисович Щепин**

У Артынова [18] это имя показано ***и в списке участников Битвы***, и ***среди погибших*** в ней. Кроме того, в ***Ростовском Летописце Артынова*** помещен рассказ следующего содержания:

«Ростовский летописец» А. Я. Артынова [18]

> *На стр. 188 Юбилейного сборника читаем*:
> «...Вблизи речки Смолки у Краснаго холма княжна Феодора Мен(ь)шаа, дочь князя Константина Васильковича, представляла из себя храбраго витязя. ***Любовь ея к жениху ея князю Якову Борисовичу Щепину увлекла ее в Мамаево побоище, где князь Яков в глазах ея пал смертию героя.*** Невесту же его княжну Феодору, жестоко израненную, вынес ис кроваваго бою князь Константин Андреич и отправил в Ростов».

Это сообщение подробно анализируется в статье *«Ростовские княжны — участницы Куликовской битвы»*. Здесь попробуем разобраться с князем по имени «Яков Борисович», поскольку он очень упорно включается Артыновым в число участников Куликовской битвы.

В Родословце Титова [34], где помещены имена Ростовских князей по XXIV колено от Рюрика включительно, такое имя ***не найдено***. Однако ***в Российской Родословной книге кн. П. Долгорукова*** [35] оно ***показано*** *аж* в **XXV колене от Рюрика, *а в Бархатной книге*** [31] подтверждается в этом же поколении. Это

поколение отстоит от живших во времена Куликовской битвы князей не менее чем на три столетия! Учитывая, что род Щепиных начался в лучшем случае в поколении внуков главного Ростовского воеводы Андрея Федоровича, а также то, что все упоминаемые местными ростовскими летописями и рукописями имена (в связи с участием их обладателей в Куликовской битве) нашлись в родословных книгах, то имя Якова Борисовича с прозвищем «Щепин» тоже можно считать установленным. И здесь видим наблюдаемую в роде Щепиных тенденцию приписывания своим предкам участия в Мамаевом побоище.

Не можем включить имя князя Якова Борисовича Щепина в наш Поминальный Синодикъ, поскольку участвовать в Куликовской битве он не мог.

40. **Василий Иваныч Щепин**

У Артынова [18] это имя показано ***и в списке участников Битвы, и среди погибших*** в ней.

В ***Родословце Титова*** [34] такое имя ***не найдено***, однако в ***Российской Родословной книге кн. П. Долгорукова*** [35] оно показано **в XXVI колене от Рюрика** (это **правнук в 8-й степени** главного Ростовского воеводы **Андрея Федоровича*)***, а ***в Бархатной книге*** [31] подтверждается в этом же поколении.

Не можем включить имя князя Василия Ивановича Щепина в наш Поминальный Синодикъ, поскольку участвовать в Куликовской битве он не мог.

Родословная Щепиных
Андрей Федорович Ростовский
главный ростовский воевода в Куликовской битве
XIV век
Федор Андреевич
участник Куликовской битвы
XIV век
Александр Федорович Щепин
участник Куликовской битвы
XIV - XV века
начало XV века
Димитрий Александрович Щепа
не мог быть участником Куликовской битвы
Конец XIV -
начало XV века
Семен Дмитриевич Щепин-Горбатый
не мог быть участником Куликовской битвы
XV век
Борис Семенович Щепин
не мог быть участником Битвы
Иван Семенович Щепин
не мог быть участником Битвы
XVI век
Дмитрий Борисович Щепин-Внучек
не мог быть участником Битвы
Петр Борисович Щепин
не мог быть участником Битвы
Иван Борисович Щепин
не мог быть участником Битвы
Роман Борисович Щепин
не мог быть участником Битвы
XVI век
Иван Дмитрич
Щепин
Иван Петрович
Щепин-большой
Данило Петрович
Щепин
не мог быть
участником Битвы
Иван Петрович
меньшой Бесонъ
не мог быть
участником Битвы
Владимир Романович
Щепин
не мог быть
участником Битвы
Иван Романович
Щепин
не мог быть
участником Битвы
Конец XVI -
начало XVII века
Алексей Иванович Щепин
не мог быть участником битвы
Борис Владимирович Щепин
Начало
XVII века
Яков Борисович Щепин
не мог быть участником Битвы
Иван Борисович Щепин
XVII век
Василий Иванович Щепин
не мог быть участником Битвы
XVII век

Для более наглядного восприятия «приписывания» князьям из рода Щепиных участия в Куликовской битве выше показана схема с ***частью родословного древа этой фамилии в 11-ти коленах, начиная от главного Ростовского воеводы в Куликовской битве Андрея Федоровича***. Древо составлено по данным родословных книг и показанной в настоящей статье информации из других источников. Красным шрифтом выделены имена тех князей, которые называются в этих источниках участниками Куликовской битвы (но только три поколения из 11-ти могли быть действительно ее реальными участниками).

Итог этой статьи таков: ***из 63 имен ростовских князей***, которые в различных источниках упоминаются как имена участников Куликовской битвы, ***40 имен*** (на наш взгляд вполне обоснованно) ***мы не смогли включить в наш Поминальный Синодикъ из-за недостоверности данных об участии носивших их людей в этом Великом Сражении.***

* * *

Таким образом, на сегодняшний день **нам известны имена 26-ти представителей Ростовского княжества, участвовавших в Куликовской битве (23-х князей и 3-х княжон)**. Их имена включены нами в ***Поминальный Синодикъ ратников Русского воинства***, защитивших от поганого Мамая на Дону, на Поле Куликовом свое дорогое Отечество — Землю Русскую.

Ярославское и Моложское княжества

Ярославская икона Божией Матери (вторая половина XV в.)

На титульной странице — наконечник копья, найденный на Куликовом Поле

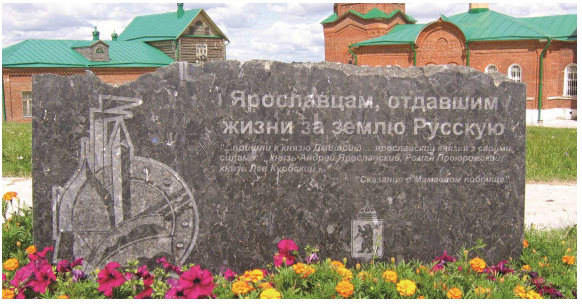
Ярославское княжество

«О времени основания г. Ярославля, как и о личности его основателя, определенных и положительных известий до нас не дошло. В летописях Ярославль в первый раз упоминается под **1071** годом по случаю голода в Ростовской области, когда из этого города вышло двое волхвов, которые, обходя селения, указывали на лучших женщин, как на виновниц постигшего Ростовскую область зла... Все наши крупные историки, а за ними и остальные думают, что Ярославль основан Ярославом Владимировичем Мудрым... В **1010 году**... Ярослав... мог переехать в Новгород... Ярослав пробыл на Ростовском уделе с 11 до 32-летнего возраста, и в этот период времени мог поставить город, хотя бы для защиты от нападений со стороны мери и черемисы... Ярославль первоначально тесно примыкал к более древнему Ростову, и обязан обстройкой и многими зданиями, особенно же построением церквей, князю Ростовскому и некоторое время великому князю Владимирскому Константину Всеволодовичу, который и считается родоначальником князей ярославских» [А. В. Экземплярский, 45].

«Ярославское княжество выделилось в самостоятельный удел из Ростовского княжества в 1218 г., когда оно было передано великим князем Владимирским Константином Всеволодовичем своему второму по старшин-

ству сыну Всеволоду, впоследствии погибшему в битве с татарами на реке Сити 4-го марта 1238 г. В состав княжества входили земли по рекам Мологе, Шексне, Сити, Ухре и Кубенском озере» [32, с. 249].

«Ярославское княжество — удельное княжество Северо-Восточной Руси в XIII—XV веков. Образовалось в 1218 г. при разделе Ростовского княжества между сыновьями умершего великого князя Владимирского Константина Всеволодича. В него входили земли по обоим берегам Волги и ее притоков (Мологи, Которосли, Черемхи, Юхоты, Курбы и др.), а также в низовьях Шексны... В 1278 г. Ярославское княжество в качестве приданного за его женой, ярославской княжной Марией Васильевной, перешло к смоленско-можайскому князю Федору Ростиславичу Черному — родоначальнику новой династии ярославских князей. Он... сумел соединить в своих руках Ярославское и Смоленское княжества. В 1332 г. князь Владимирский и Московский Иван Калита... приступом взял город (Ярославль) и сжег его. Позже он женил ярославского князя на своей дочери и стал фактическим хозяином в вотчине Василия Грозного... С этого времени Ярославское княжество становится верным союзником Москвы и участником всех ее крупных военных предприятий. После смерти Василия (Грозные Очи.— *Прим. сост.)* в 1345 г. Ярославль был разделен на 3 части между его сыновьями (*Василием, Глебом и Романом.* — Прим. сост.). Московские князья стали вмешиваться в дела княжества еще сильнее. К тому же сильно размножившиеся удельные князья способствовали быстрому мельчанию уделов, которые теряли и значение и силу и легко становились добычей соседних князей... Начиная с Василия Грозного, сидевшие на ярославском столе князья носили титул “вели-



Памятный знак на Аллее Памяти в селе Монастырщина

ких", однако он никак не отражал реального политического значения...» [В. Богуславский, 113, с. 778].

В XIV веке в Ярославском княжестве образовалось множество уделов.

«Роды удельных князей пошли не только от потомков Михаила Моложского, Семена Новленского и Дмитрия Заозерского, но и от сыновей Василия Давыдовича — Глеба и Романа. Удельные князья ярославского дома — Новленские, Заозерские, Шумаровские, Курбские, Ситские, Судские, Прозоровские, Шаховские и другие — сохраняли часть своих землевладельческих прав вплоть до начала XVI века...» [109].

На Куликово Поле вышли представители Ярославского княжества со дружинами:

Ярославские князья:

Василий Васильевич

‡ **Глеб Васильевич**

‡ **Роман Васильевич**

Андрей Романович (*сын Романа Васильевича*).

Моложские князья:

Федор Михайлович

‡ **Иван Михайлович** (*младший брат Федора*).

А также:

князь Лев Курбский

Ярославские князья

В Коломне – *Полк Правой Руки*,
в Битве – в составе командования *Полка Левой Руки*

Братья: ***Василий Васильевич,***
‡ ***Глеб Васильевич и***
‡ ***Роман Васильевич***

Андрей Романович *(сын Романа)*.

а также:

Лев Курбский *(Серпьской)*

по-видимому, удельный князь

Источник информации и содержание:

Сказание о Мамаевом побоище.
Основная редакция [24]

> *Стр. 251:* И пришли к нему князья (в Москву. – *Прим. сост.*)... Пришли и **ярославские князья со своими силами: князь Андрей Ярославский, князь Роман Прозоровский, князь Лев Курбский,** князь Дмитрий Ростовский и иные князья.

Наш комментарий:

1). **Аналогичный перечень** имен ярославских князей в подобном контексте **приведен** также в *Основной редакции Сказания* по *Ермолаевскому списку* [26], в *редакции Синопсиса* [21], в *редакции Пантелеймона Кохановского* [19] и во многих других летописных источниках.

2). В *Основной редакции Сказания по Забелинскому списку* [27] – см. ниже – ***имя Льва Курбского*** *за-*

менено на имя Левкея Перемского, возможно, это ошибка переписчика (в других списках такого имени не нашли).

3). **Имя князя Романа Прозоровского,** по мнению некоторых историков, **принадлежит князю ярославскому Роману Васильевичу.** Объясняется это тем, что в то время Прозоровского княжества еще не было, а земли его принадлежали Моложскому уделу Ярославского княжества (см. также раздел «Моложские князья»). Кроме того, в Забелинском списке — *см. ниже* — Прозоровским называют уже не только Романа, но и Андрея (сына князя Романа Васильевича), который в большинстве текстов Сказания упоминается, как князь ярославский. Князья Моложские были двоюродными братьями князьям Ярославским, к тому же Романов и Андреев среди них в те времена по известным источникам не найдено. Соглашаемся со мнением тех историков, которые считают, что имя Романа Прозоровского принадлежит Роману Васильевичу Ярославскому.

> *Стр. 257:* (В Коломне. — *Прим. сост.*). Князь же великий с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, выехал на высокое место, увидел множество людей и возрадовался **и назначил воеводу в каждый полк.** К себе же в полк взял великий князь Белозерских князей, **а в правую руку** назначил брата своего, князя Владимира, **дав ему в полк ярославских князей**...

Памятники Куликовского цикла [82]

> *Стр. 206, комм. на текст Сказания* (*вариант Ундольского*)**:** «...приидоша же **ярославские: князь Ондреи, князь Романъ Прозоровскыи;** князь Дмитреи Ростовскыи...». Княжество Прозо-

ровское относилось к числу уделов Моложского княжества. Первым князем, получившим прозвище Прозоровского, был четвертый сын Федора Михайловича Моложского князь Иван (РИИР, ч. 2, с. 33, 110). Поскольку князь Федор Моложский умер **в 1408 году, выделение Прозоровского удела произошло, скорее всего, после указанного времени** (Этот комментарий принадлежит Б. М. Клоссу – *Прим. сост.*).

Сказание о Мамаевом побоище
по Забелинскому списку [27]

Стр. 298: ...Потом пришли **князья ярославские со своими силами, князь Андрей и князь Роман Прозоровские, князь Левкей Перемский**...

Наш комментарий:

Имя «Левкей Перемский» встречается только в этом списке Сказания, вместо имени Льва Курбского. Возможно, это ошибка переписчика. Кроме того, **в Вологодско-Пермской летописи** это имя уже (в том же контексте) **звучит как «Лев Серьпьскои»** (стр. 130: «...И приидоша князи со всеми силами: князь Ондреи Ярославскои, князь **Лев Серьпьскои,** князь Дмитреи Ростовскои и иныя многия князи...»), что также возможно отнести к невнимательности переписчика.

Летописный сборник, именуемый
Патриаршая или Никоновская летопись [11]

Стр. 52: ...И приидоша князи... таже приидоша **Ярославскиа князи со всеми силами своими: князь Андрей и князь Романъ Прозо-**

ровскиа, князь Левъ Курбьский, князь Дмитрей Ростовский и князи Устюжскиа, и инии мнози князи и воеводы со многими силами...

Новгородская летопись
по списку П. П. Дубровского [13]

Стр. 134: (перед Битвой, на Поле Куликовом. — *Прим. сост.*). Князю же великому Дмитрию Ивановичю **пришедшю за Дон в поле чисто**, в Мамаеву землю, на усть Непрядвы реки, и став ту князь великии подостоящю полки разрядив и воеводы учинив... **В левои руке воеводы учини: князя Васильевича Ярославского,** да Льва Морозова, да князя Федора Михаиловича Моложскаго.

Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. [45]

Стр. 87—88: ...По некоторым известиям, Василий Давидович **был женат на дочери князя московского Ивана Даниловича Калиты, Евдокии** († 1342), от брака с которой имел сыновей: Василия, Глеба и Романа.

Василий Васильевич (1339—1380)[1]. После смерти Василия Давидовича в Ярославле сел старший сын его Василий. Летописные известия об этом князе весьма скудны: так, ...в 1364 году Ростовскую землю, а следовательно и Ярославль, посетила так называемая черная смерть, а в 1372 г. Ярославль взят был новгородцами (вероятно, нов-

[1] Указанные в скобках при именах годы, похоже, обозначают даты первого и последнего упоминаний в летописях. — *Прим. сост.*.

городской вольницей). Занося эти известия на страницы летописей, бытописатели ничего, однако, не говорят о самом князе ярославском. — Борьба между Москвой и Тверью, начавшаяся еще при внуках Невскаго, продолжалась и при правнуках его. В 1375 г. великий князь московский Димитрий Иванович предпринял поход на Тверь; под его знаменами собрались все удельные князья, в числе их и Василий Васильевич ярославский с братом своим Романом. **У наших историков были под руками источники, по которым Василий Васильевич участвовал и в 1380 году в знаменитой Куликовской битве, действуя на левом крыле.** — Неизвестно, когда умер Василий Васильевич, неизвестно и то, на ком он был женат. После него остались следующие сыновья: Иван и Федор — князья ярославские, — Семен и Димитрий, из которых первый начал собою ряд удельных князей новленских, а второй — заозерских, и Иван-Воин, называемый в родословных князем ярославским.

Стр. 88—90: **Глеб и Роман Васильевичи** (1340—1380). До нас не дошло известий о времени кончины Василия Васильевича и его братьев, Глеба и Романа; не знаем даже, кто из них умер последним. Таким образом, сам собою является вопрос о том: кто же был непосредственным преемником Василия, кто после него занимал Ярославский стол, старший ли его сын Иван или кто-нибудь из братьев? — Неизвестно, а потому мы и сообщим о последних все, что до нас дошло.

Глеб Васильевич известен нам только по родословным, из которых видно, что от брака с не-

известной он имел трех сыновей, князей ярославских: Ивана, Федора и Константина, по прозванию Шаха, родоначальника князей Шаховских (для приблизительного определения времени жизни Глеба Васильевича нужно иметь в виду 1342 год — год смерти его матери, а также и то обстоятельство, что он не упоминается в числе князей, принимавших участие в походе великого князя Димитрия Ивановича на Тверь в 1375 году, в котором участвовали **все** удельные князья Ростовско-Суздальской земли — *Прим. А. В. Экз.*).

О **Романе Васильевиче** знаем несколько более. В **летописях о нем сохранилось два известия, — именно, что он вместе со старшим братом своим** участвовал в походе великого князя Димитрия Ивановича на Тверь в 1375 году, а **в 1380 году бился с татарами на Куликовом поле, кажется, вместе с младшим из своих сыновей, Андреем**. По родословным у Романа Васильевича были сыновья: Иван (по прозвищу *Неблагословенный Свистун)*, Димитрий, Василий, Даниил, Илья и Андрей; все они в родословных названы князьями ярославскими. Владели ли какими-нибудь уделами Глеб и Роман в то время, когда старший брат их сидел в Ярославле? ...По родословным Роман «поставил город Романов во имя свое». Таким образом, можно почти утвердительно сказать, что Роман получил в удел земли вверх по Волге, по направлению к Шексне, а также земли и на самой Шексне. Заключить об этом можно из того, что внук его Афанасий-Андрей Иванович от удела своего, бывшего на Шексне, получил и прозвище Шехонского; наконец, потомки Романа владели

Кубеною; впрочем неизвестно, самому ли Роману она досталась, при наделе его, или же приобретена впоследствии, например, посредством какого-нибудь брака, как посредством брака она и отошла потом от князей Деевых к князьям Заозерским...

Ю. М. Лощиц. Дмитрий Донской [76]

Стр. 242: По Владимирской дороге уже прибывали в Москву полки из городов и удельных княжеств Междуречья... Как в 75-м году не подвели, так и сейчас отозвались на родственный зов **ярославские братаны** Дмитрия, **князья Василий и Роман Васильевичи.**

Глеб Паншин. Куликово поле от А до Я [116]

Стр. 169—170: **Роман Васильевич** (точных дат рождения и смерти нет), **князь ярославский**. Этот князь впервые упоминается в летописи под 1340 годом, сведения о нем скудны... **1380 г. — вместе с младшим сыном Андреем** (*всего их было пять*) **участвовал в Куликовской битве**. После этого года имя Романа Васильевича в летописи *не встречается*, из чего ***можно косвенно предполагать о его гибели в битве...***

Стр. 226: Бытует устойчивое мнение среди специалистов, что участие в Куликовской битве некоторых князей и бояр, упомянутых в «Сказаниях», сомнительно... желание поименовать свой город, уезд участием в Куликовской битве, грех не столь великий. Возможно, что по одной из этих или подобных причин в... **летописи появилось имя Романа князя Прозоровского, удела Ярославского княжества.** Но такого князя, современника

Куликовской битвы, не было. **Зато достоверно, что был ярославский князь Роман Васильевич** и среди пяти его сыновей — младший **Андрей. Они-то и участвовали в битве на Дону.**

Вологодско-Пермская летопись [2]

Стр. 130: Приидоша же князи Белозерскиа, подобни суть воином быти, велми бо доспешно и конно войско их. И прииде князь Федор Семенович Белозерскии, князь Семен Михайлович, князь Ондреи Кемскии и Андомскии, князь **Глеб** Карголомскии и **Ярославскои.** И приидоша князи со всеми силами: **князь Ондреи Ярославскои,** князь **Лев Серьпьскои,** князь Дмитреи Ростовскои и иныя многия князи...

Наш комментарий:

В приведенном тексте можно прочитать «князь Глеб Карголомский и (**Глеб?** – *От сост.)* **Ярославской**» как ***упоминание двух князей с именем Глеб***. Согласно **родословной ярославских князей**, **у князя Василия** Грозные Очи **было три сына: Василий, Глеб и Роман**. Подтверждения участия в Куликовской битве великого князя Ярославского Василия и князя Романа, так или иначе, находятся, а об участии в побоище князя Глеба Васильевича Ярославского ничего, кроме этого весьма зыбкого предположения, исходящего из данного текстового фрагмента, **пока** не нашлось. И все же в семье Шаховских, потомков князей Ярославских, существует предание (или твердая уверенность), что все три брата — князья Василий, Глеб и Роман Васильевичи Ярославские — были участниками Великого Сражения (*см. ниже)*.

Протоиерей Александр Киселев. Поле Куликово [86]

Стр. 127: Еще в Коломне, где в Успенский пост собрались все ополчения, т.е. на полпути до Дона, были сделаны назначения на главные командные посты. Войска для сражения были распределены так: передовой полк, «большой полк», т.е. главная сила, занимающая центральное положение; полк «правой руки» — правый фланг, полк «левой руки» — левый фланг. Не могу здесь не упомянуть, что **мои далекие предки — князья Ярославские, Василий, Глеб и Роман** — были **поставлены,** вместе с некоторыми другими князьями и воеводами, **во главе «полка левой руки»** (имеется в виду на поле боя. — *Прим. сост.)*, **где двое из них, Глеб и Роман, и сложили свои головы**...

Наш комментарий:

От Константина Шаха, сына князя Глеба Васильевича, пошел род князей Шаховских. Протоиерей Александр Киселев является потомком их по материнской линии. Эта информация получена Андреем Даценко от дочери о. Александра Киселева — Мелиссы Александровны.

М. Каратеев. Участники Куликовской битвы [62]

Стр. 10—11: А. КНЯЗЬЯ — УЧАСТНИКИ СРАЖЕНИЯ.

...

24. **Ярославский Андрей Васильевич**.

25. **Ярославский Василий Федорович** (*вероятно, Васильевич*).

26. **Прозоровский Роман, из группы ярославских князей**.

27. **Курбский Лев, из Ярославских**.

28. **Шехонский Афанасий, из Ярославских**. *В некоторых источниках по ошибке назван Глебом. Никоновская летопись исказила его в «Цыдонский».*

29. **Кубенский Глеб, из Ярославских**.

...

Наш комментарий:

Этот перечень имен весьма сомнителен, т.к. нет ссылок на источники. Приводим его, чтобы не смутить тех, кто после прочтения наших трудов наткнется на работу М. Каратеева и увидит новые имена. Считаем, что Андрей не Васильевич, а Романович, а Василий и Роман – Васильевичи. Согласно родословной князей Ярославских, имена Афанасия Шехонского, а также князей Кубенских (Глеба среди них в родословной нет), относятся к XVIII колену, т.е. на два поколения моложе Василия, Романа и Глеба Ярославских и на одно поколение князя Андрея Романовича, а, стало быть, участие этих князей в Битве было маловероятно. Имен Афанасия Шехонского и Глеба Кубенского в список для поминания не вносим.

Наш комментарий:

Еще раз напомним, что в **Коломне**, согласно «Сказанию», **ярославские князья** были уряжены в **Полк Правой Руки**, к князю Владимиру Андреевичу Серпуховскому. **В Битве** же они, судя по некоторым летописным и историческим источникам (см.: Новгородская летопись по списоку Дубровского, А. В. Экземплярский), а также семейные предания (см. протоиерея Александра Киселева), были в составе воевод **Полка Левой Руки**.

Моложское княжество

(удельное княжество в составе Ярославского)

Князья:

Федор Михайлович

(1355 — † 6 апреля по ст. ст. 1408)

Полк Левой Руки.

Перед кончиной принял **монашеский чин с именем Феодорит**
Был погребен в соборной церкви Мологи,
которая ныне затоплена водами Рыбинского водохранилища.

‡ *Иван Михайлович*

младший брат Федора Михайловича

Источник информации и содержание:

Новгородская летопись
по списку П. П. Дубровского [13]

> *Стр. 134:* Князю же великому Дмитрию Ивановичю пришедшю за Дон в поле чисто, в Мамаеву землю, на усть Непрядвы реки, и став ту князь великии подостоящю полки разрядив и воеводы учинив... **В левои руке воеводы учини**: князя Васильевича Ярославского да Льва Морозова, да **князя Федора Михаиловича Моложскаго**.

Наш комментарий:

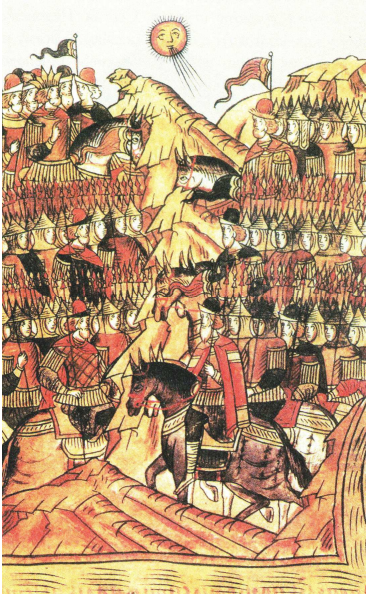
Аналогичная информация приводится и у *Н. М. Карамзина* [61, Т. V, с. 39], только князь Ярославский уже назван Василием Васильевичем, а князь Федор Михайлович Моложский числится в перечне вторым, после князя Ярославского.

Летописный сборник, именуемый Патриаршая или Никоновская летопись [11, с. 65]
и
В. Н. Татищев. История Российская [96, с. 148]

Убиени ж быша *нарочитые, и велицые, и удалые зело, их же имена суть* сия: князь Феодор Романович белозерский и сын его князь Иван; князь Федор Семенович, **князь Иван Михайлович,** князь Федор Торуский, князь Мстислав, брат его...

Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период [45]

Стр. 105–106: **Федор Михайлович (1355–1408).** После смерти Михаила Давыдовича на Моложском уделе сидел старший сын его Федор, который в первый раз упоминается в летописях под 1375 годом. В этом году, вместе с своими двоюродными братьями, Василием и Романом Васильевичами, князьями ярославскими, Федор Михайлович принимал участие в походе великого князя Дмитрия Ивановича на Тверь. Затем, **в**



Русское войско и татарская рать сошлись в устье Непрядвы. Средневековая миниатюра

1380 году он участвовал в Куликовской битве, занимая место на левом крыле. Федор Михайлович **скончался в 1408 г. апреля 6-го, приняв перед смертью иноческий чин с именем Феодорита**, и погребен в Моложской соборной церкви. От брака с неизвестной он имел сыновей: *Василия*, князя моложского, род которого прекратился на сыне его Димитрии Слепом, — *Семена*, князя сицкого (или ситского), родоначальника угасших князей Сицких, — *Димитрия*, прозванием Перину, князя моложского, родоначальника угасших князей Моложских, — *Ивана*, князя Прозоровского, и дочь, неизвестную нам по имени, выданную в июне 1397 г. в замужество за кн. Александра Ивановича тверского.

Стр. 107—108: **Удельные князья моложские, не занимавшие Мологи**.

Иван Михайлович († 1380).

Прямых указаний на то, какие вотчины получили в удел младшие сыновья Михаила Давыдовича, Иван и Лев, мы не имеем. Впрочем, по имеющимся данным, можно утверждать, что они владели теми участками, которые потом передали своим сыновьям. *Так, Глеб Иванович владел Шуморовым, которое несомненно перешло к нему от князя Ивана Михайловича*. Об единственном сыне Льва Михайловича, Андрее, в родословных замечено, что он служил великому князю тверскому Борису, «потому... — вотчины отстал», т.е. лишился... **Об Иване Михайловиче нам известно только, что он участвовал в Куликовской битве, в которой и пал**[*]. По родословным у князя Ивана

Михайловича было три сына: Андрей, кн. Моложский, ...Глеб, князь Шуморовский, и Федор, прозванием Ушастый, родоначальник князей Ярославских-Ушастых...

[*] *Комм. А. В. Экземлярского:* Никоновская летопись. Иван Михайлович не назван здесь моложским; но так как мы не знаем из русских князей ни одного с именем Ивана Михайловича, который подходил бы к рассматриваемому времени, то считаем его за князя моложского. Правда, есть один князь Иван Михайлович, живший в то же время, и об нем мы считаем нужным сказать несколько слов. В той же Никоновской летописи читаем, под 1396 годом: «Князь великий Витовт Литовский казнил смертною казнию князя Ивана Михайловича и жену его и дети разведе, и дом его разграби». Хмыров под этим князем разумеет именно князя моложского Ивана Михайловича. Кажется, совершенно излишне говорить о том, что Витовт не мог попасть в Мологу, ни моложский князь иметь в Литве дом. По нашему мнению, этот казненный Витовтом князь был не кто иной, как Иван Михайлович, князь вяземский, сын Михаила Юрьевича...

В. В. Богуславский. Славянская энциклопедия. Киевская Русь–Московия [112]

Стр. 746–747: **Моложское княжество** – удельное княжение с центром в г. Молога, выделившееся из Ярославского княжества после раздела владений ярославского князя Давыда Федоровича, умершего в 1321 г. Первым удельным моложским

князем стал второй его сын — Михаил. Понимая, что существовать независимо между Москвой и Ярославлем Молога не сможет, старший сын Михаила Федор заключил союз с московским князем Дмитрием Ивановичем и стал вести активную промосковскую политику... После его смерти в 1408 году Моложское княжество начало дробиться. Со смертью в середине XV века вел. князя Петра Дмитриевича самостоятельность Моложского княжества прекратилась, и оно было включено в состав московской земли. По духовному завещанию Ивана III Васильевича Моложское княжество досталось его сыну Дмитрию Жилке, но после смерти последнего в 1521 году окончательно потеряло независимость.

Комментарии к Сказанию о Мамаевом побоище. *Основная редакция (вариант Ундольского)* [22]

Стр. 205 (комм. к тексту на стр. 149: «Приидоша к нему князи белозерсткие.., приидоша же ярославские: князь Ондреи, князь Романъ Прозоровскыи; князь Дмитрии Ростовскыи и иные мнози князи»): **Княжество Прозоровское** относилось **к числу уделов Моложского княжества. Первым князем**, получившим **прозвище Прозоровского,** был четвертый **сын Федора Михайловича Моложского** (участника Куликовской битвы. — *Прим. сост.*) — **князь Иван** (РИИР, ч. 2, с. 33, 110). Поскольку князь Федор Моложский умер в 1408 г. (ПСРЛ, т. XV), выделение Прозоровского удела произошло, скорее всего, **после** указанного времени... (то есть **после Куликовской битвы**, а посему, в бою князья Прозоровские участвовать

не могли. По нашему представлению упоминаемый во многих вариантах Сказания князь Роман Прозоровский/Прозоревский/Проюровский/Проюрожский есть не кто иной, как князь Роман Васильевич Ярославский (см. раздел «Князья Ярославские»). Но поскольку вариант Ундольского, как и другие списки Сказания, появился не ранее XV–XVI вв., когда род Прозоровских уже был известен, то можно предположить, что составитель мог внести свою поправку. – *Прим. сост.*).

Наталия Мартишина.
Дорога Дмитрия Донского [126]

Стр. 7: Шли на битву дружины из ярославских, из рыбинских земель. **Снарядила дружину старинная торговая столица Молога.** Но поклониться памяти ее воинов негде: затоплен град Молога, скрылся под водами Рыбинского водохранилища. Горько звучат строки поэта Владимира Жильцова:

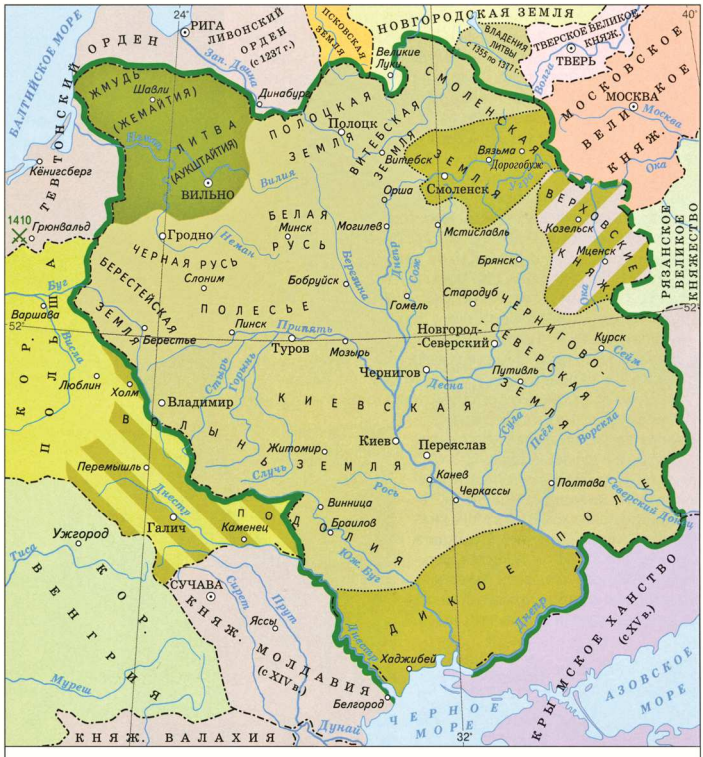
В лоне вод – уклеек резких блестки,
Как Мамая острые клинки.
Но не встанут в сече Куликовской
Из Мологи крепкие полки...

И все же память народная жива. Да и как иначе? Летописцы народные не дадут ей угаснуть.

Молога. Так было...

Так стало... Останки затопленных Рыбинским водохранилищем святынь и городов

Предетавители Великого княжества Литовского



Великое княжество Литовское в конце XIV века

- Территория Литовского княжества в начале XIII века
- Территории, присоединенные к Литовскому княжеству до 1377 года
- Территории, присоединенные к Литовскому княжеству в 1392-1430 гг.
- Территория Верховских княжеств, периодически находившихся в зависимости от Литовского княжества
- Спорные территории между Литвой и Польшей
- Граница Великого княжества Литовского к 1465 году

Литовское княжество в XIII–XIV веках и некоторые замечания по поводу участия представителей его в Куликовской битве

Литва в лице ее руководства была заодно с врагом (в сговоре с Мамаем), и поэтому, на первый взгляд, вопрос об участии литовских воинов на стороне Руси кажется абсурдным. Но попробуем разобраться последовательно.

В «Сказании о Мамаевом побоище» (вариант Ундольского) сказано о том, что «Ольгерд (Ягайло Ольгердович. — *Прим. сост.)* ...собра Литвы много и Варяг и Жемоти (и) поиде на помощь Мамаю». Варягами в Древней Руси называли скандинавов, преимущественно шведов. Жемоты — жители Жемайтии, одной из составных частей Литовского государства, расположенного на западе собственно литовских земель.

Но на стороне русичей в великом побоище на Дону принимали участие братья Ольгердовичи со своими дружинами.

В «Задонщине» же говорится: «Молвяше Андрей Ольгердович своему брату: "Брате Дмитрий, ...зберем, брате, милые пановя удалые Литвы, храбрых удальцов...". ...И рече ему Дмитреи: "Брате Андрей, ...колько, брате, с нами храбрые Литвы. А храбрые Литвы с нами 7.000 окованные рати"». В списке Государственного Исторического Музея и в варианте Ундольского вместо «7.000» дана другая цифра — на порядок выше: «70.000». В списке убитых поминаются «30 панов литовских».

В. Т. Пашуто говорит о том, что кроме восточно-аукштайских, в литовском войске, шедшем на помощь

Мамаю, не было надежных сил. В нем отсутствовали белорусы и малорусы (украинцы), т.к. русское население Литвы не поддерживало поход против единокровных братьев и единоверцев. Более того: некоторые литовские и славянские выходцы *из Полоцка, Друцка, Брянска* бились на стороне русского федеративного войска против Мамая. А Ягайло же с литовцами к сече опоздали, но после Битвы как коршуны нападали на разъезжавшиеся по домам мелкие отряды и «губили» героев уже после Великой Победы.

После страшнейшей трагедии нашествия на Русь монголо-татарских орд (и иже с ними) многие русские земли были разорены и беззащитны на какое-то время. Подальше от южной границы совершался отток населения на север...

Встреча Димитрия Ивановича с литовскими князьями. Миниатюра XVII в. ГИМ.

В XIV-ом же веке Гедимин, основатель княжеского дома в Литве, присоединяет к себе русские княжества: *Витебское, Киевское и Волынское*. С тех пор он стал именоваться великим князем *литовским и русским*. При сыне его Ольгерде литовцы **завоевали** княжества *Черниговское (куда входил Брянск) и Новгород-Северское*. Витовт позже присоединил почти все *Смоленское княжество*... Таким образом, Великое Литовское княжество состояло практически на «9/10 из областей Древней Руси» [*В. Кожинов*, 65, с. 413].

При дворе говорили на русском языке и на нем же издавали законы [*И. Беллярминов*, 42, с. 28]. Граница Руси с Литвой и Польшей в течение 2-ой половины XIII—XIV столетий передвинулась на 600—800 километров к востоку (с Западной Двины и Западного Буга до верхней Волги и верхней же Оки)!!!

Спрашивается: почему же, в таком случае, Литва нападала на Русь и, в частности, стала союзником Мамая?

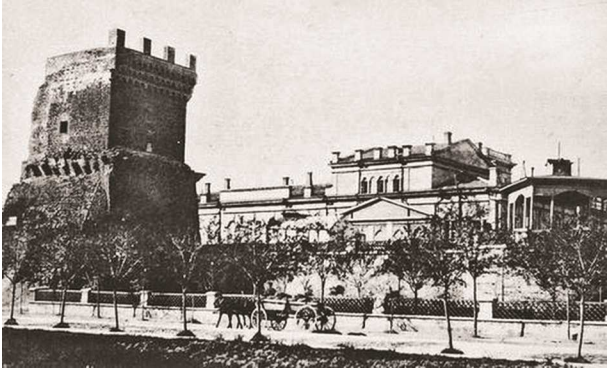
Предыстория вопроса такова. Тут до́лжно сказать о двух моментах.

Во-первых, агрессивный характер папства, которое свои щупальца простирает всюду, забывая о том, что сказано в Евангелии: «БОГЪ есть любовь». Арнольд Тойнби в фундаментальном труде «Постижение истории» резко замечает: «Литовцы последними из европейских язычников испытали в XIII—XIV вв. порыв крестовых походов... и внимание Тевтонского ордена целое столетие было приковано к Литве. Это смертельное давление Запада на литовцев стало причиной того, что и литовцы получили стимул к завоеванию и, в свою очередь, двинулись в земли русского православного христианства».

Германский историк Эдвард Винтер в трактате «Россия и Папство» (1960) как бы рефреном вторит предыдущему автору: «В XIV столетии папство в своей политике широко использовало... планы, в которых не последнее место занимало завоевание, при посредстве Литвы, России... На протяжении всего XIV столетия сохраняло силу обращение (папское — к Миндовгу, литовскому князю в 1239—1263 гг. — *Прим. издателей)* об отторжении от России во имя пап и с их благословения одной области за другой». Вот он каков, стержень геополитики Запада по отношению к православной Руси в XIV веке. «**“Русские — враги католи-**

ческой церкви” — это цитата из папской буллы (Климента VI. — *Прим. сост.*) к шведскому (упсальскому. — *Прим. сост.*) архиепископу от 2 марта 1351 г. Это обращение папы явилось, по меньшей мере, призывом к крестовому походу против русских в Северо-Восточной Руси. Вновь оживает фронт на Неве... Мы видим здесь, таким образом, линию нападения против Руси, которая тянулась от Невы до Днестра».

Запад в самом начале XIII века (1204 г.) предпринял крестовый поход не в Иерусалим, как предполагалось, для освобождения от мусульман Гроба Господня, а на христианский Константинополь, где, помимо разбоя, и святотатствовал. В 1240—1242 годах был новый крестовый поход, но уже на Русь. Но здесь враг не прошел. Святой благоверный князь Александр Невский преградил путь ворогам. Папство распространило свое агрессивное вмешательство и в Крым, где в 1320 г. в Кафе (Феодосии) было основано католическое епископство, власть которого простиралась от Сарая на Волге до Варны в Болгарии. В лице генуэзской пехоты папство попыталось еще раз, уже в войске Мамая, захватить Русь.



Старая Феодосия. Генуэзская башня св. Константина

Литовские князья и их дружинники

Дмитрий Ольгердович (Брянский)

Князь, воевода *Резервного Полка*, либо *Передового Полка*;

Андрей Ольгердович (Полоцкий)

Князь, воевода *Полка Правой Руки*,
либо *Передового Полка*

Владислав (в крещении Владимир) Нелидов

Был в составе Брянской дружины Дмитрия Ольгердовича

Источник информации и содержание:

Задонщина. Слово Софония Рязанца [9]

Стр. 213: О, соловей, летняя птица, что бы тебе, соловей, воспеть **земли Литовской*** **двух братьев Ольгердовичей, Андрея****, **да брата его Дмитрия***** **Ольгердовичей,** да Дмитрия Волынского**.** Они ведь сыновья храбрые, кречеты в ратное время, *известные полководцы*, под трубами и под шлемами взлелеянные, концом копья вскормленные в Литовской земле.

И сказал Андрей Ольгердович брату своему Дмитрию: «Сами мы — два брата, сыновья Ольгердовы, внуки Гедиминовы, правнуки Скольдимеровы. Соберем братию милую, панов удалой Литвы, храбрых удальцов, и сами сядем на борзых своих коней, посмотрим на быстрый Дон, попьем, брат, шлемом своим воды из быстрого Дона, испытаем мечи свои литовские о шлемы татарские,

копья немецкие о байданы басурманские». И сказал ему Дмитрий: «Не пощадим жизни своей за землю Русскую, за веру христианскую и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича... Седлай, брат Андрей, своих борзых коней, а мои готовы... Выедем, брат, в чистое поле, посмотрим свои полки».

Комм. на стр. 221–222:

* **Земля Литовская** – в XIV в. общее обозначение великого княжества Литовского, состоявшего из литовских, украинских и белорусских земель, политически объединявшихся под властью великих князей литовских.

** **Андрей Ольгердович** – сын великого князя Литовского Ольгерда. Сначала был князем в Полоцке. Когда после смерти Ольгерда в 1377 г. младший брат Андрея Ягайло занял великокняжеский престол, то Андрей в столкновении с ним потерпел поражение, лишился Полоцкого княжества, **бежал в Псков и там был посажен на княжение**. Действуя против Ягайла, Андрей Ольгердович обратился за содействием к Дмитрию Ивановичу и Владимиру Андреевичу. **В 1378 г.** участвовал в битве с татарами на реке Воже, а **в 1379 г.** вместе с Владимиром Андреевичем ходил против литовского князя и взял города Трубчевск и Стародуб в Северской земле. **В 1380 г.** участвовал в Куликовской битве. После Куликовской битвы продолжал борьбу с Ягайлом (полагают, что он вернулся в Полоцк во время восстания там против Ягайло в 1381 г. – *Прим. сост.*). **В 1399 г.** сопровождал литовского великого князя Витовта во время его похода против Темиркутлуя и **погиб в битве на реке Ворскле.**

(Сведения из издания: В. Е. Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896. с. 163–170).

*** **Дмитрий Ольгердович** – второй сын Ольгерда. Его не следует смешивать с другим, младшим сыном Ольгерда, Дмитрием Корибутом. **Дмитрий Ольгердович еще при жизни отца владел Брянском и Трубчевском. В 1379 г.** он сдает Трубчевск Дмитрию Донскому и получает от него Переяславль Залесский. В Куликовской битве участвует **он**, а не Дмитрий Корибут. **В 1388 г.** Дмитрий Ольгердович отъезжает в Литву. **В 1399 г. погибает в битве на реке Ворскле.** *(Сведения из издания: Р. В. Зотов. О черниговских князьях по Любецкому Синодику и о Черниговском княжестве в Татарское время. СПб., 1893. с. 144–145).*

Н. М. Карамзин.
История Государства Российского. Том V. [61]

Стр. 33–34: **Ольгерд** умер в 1377 году, не только христианином, но и схимником по убеждению его супруги Иулиании и Печерского архимандрита Давида, приняв в крещении имя Александра, а в монашестве Алексия, чтобы загладить свое прежнее отступление от Веры Иисусовой. Некоторые летописцы повествуют, что он гнал христиан и замучил в Вильне трех усердных исповедников Спасителя, включенных нашею церковию в лик Святых, но литовский историк славит его терпимость... Смерть сего опасного властолюбца обещала спокойствие нашим юго-западным границам, тем более, что она произвела в Литве междоусобие. Любимый сын и преемник Ольгердов, Ягайло, злодейски умертвив

старца Кестутия[1], принудил сына его, младого Витовта, искать убежище в Пруссии. **Андрей Ольгердович Полоцкий**, держав сторону дяди, ушел **во Псков,** дал клятву быть верным другом россиян и **приехал в Москву служить великому князю**. Перемирие, заключенное с Литвою в 1373 году, было давно нарушено: ибо москвитяне еще при жизни Ольгерда ходили осаждать Ржев. Пользуясь раздором его сыновей, Димитрий в начале зимы отрядил своего брата, Владимира Андреевича, князей волынского (по-видимому, имеется в виду Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский. — *Прим. сост.*) и полоцкого Андрея Ольгердовича, с сильным войском *к Стародубу и Трубчевску, чтобы сию древнюю собственность нашего отечества снова присоединить к России*. Оба города сдалися... В Трубчевске княжил **брат Андреев, Дмитрий Ольгердович:** ненавидя Ягайла, он не хотел обнажить меча на россиян, дружелюбно встретил их с женою, с детьми, со всеми боярами и предложил свои услуги великому князю, который в благодарность за то отдал ему Переславль Залесский с судом и с пошлиною. — Таким образом, Димитрий мог надеяться в одно время и свергнуть иго татар, и возвратить отечеству прекрасные земли, отнятые у нас Литвою.

[1] *Наш комментарий:* Кейстут — великий князь литовский, 4-й из сыновей Гедимина. Постоянная борьба его за родную землю, преданность вере и обычаям отцов сделали Кейстута любимым героем литовского народа. Это не давало покоя его племяннику Ягайле. В 1380 году, пока Ягайло ходил на помощь к темнику Мамаю, Кейстут в его отсутствие занял Вильно и объявил себя великим князем. В 1381 году Ягайло вероломно захватил дядю в плен. Кейстут был заключен в Кревский замок и там задушен [по материалам: 112, с. 548—549; 113, с. 739].

Стр. 38: Войско перешло за Дон, ...где Димитрий устроил все полки к битве. **В середине находились Князья Литовские, Андрей и Дмитрий Ольгердовичи**, Феодор Романович Белозерский и Боярин Николай Васильевич...

Летописная повесть о побоище на Дону [10]

Стр. 229: От начала мира не бывало такой силы русских князей, как при этом князе (Димитрии Ивановиче. — *Прим. сост.*)... Да еще к тому подоспели в ту пору военную издалека **великие князья Ольгердовичи,** чтобы поклониться и послужить: **князь Андрей Полоцкий с псковичами и брат его, князь Дмитрий Брянский со всеми своими воинами.**

Сказание о Мамаевом побоище.
Основная редакция [24]

Стр. 259—260: ...**услышали князь Андрей Полоцкий и князь Дмитрий Брянский, Ольгердовичи,** что настала для великого князя Дмитрия Ивановича московского и для всего православного христианства великая печаль и забота от безбожного Мамая. Были ведь те ненавидимы своим отцом, князем Ольгердом, ...но Богом были возлюблены и приняли святое крещение... (Подробно об их переписке и принятии решения идти на помощь великому князю см. на указ. Страницах. — *Прим. сост.*). Спустя немного времени сошлись оба брата, как желали, со всеми силами в Севере (Северская земля с городами Путивль и Брянск — [24, комм, с. 285])... И прибыли быстро на Дон и застали великого князя Дмитрия Ивановича москов-

ского еще на этой стороне Дона, на месте Березуй, и тут соединились.

Стр. 261: Князь же великий начал советоваться с братом своим и с новонареченною братьею, с литовскими князьями: «Здесь ли останемся или переправимся через Дон?». **И сказали ему Ольгердовичи: «Если хочешь крепкого войска, то повели переправиться через Дон, и да не будет ни у кого ни единого помышления об отступлении. А о великой силе татар не думай, потому что не в силе Бог, а в правде:** Ярослав перебрался через реку и Святополка победил, прадед твой, великий князь Александр, перешел через Неву-реку и короля победил, так и тебе, помянув Бога, подобает так же делать. И если победим, то все спасемся, если же умрем, то общую смерть примем, от князей и до простых людей...».

Сказание о Мамаевом побоище *(вариант Ундольского)* [22]

Стр. 162: В то же время слыша то князь Ондреи полоцкыи и князь Дмитрии брянскыи Ольгердовичи, яко велика настоит попечение князю Дмитрию московскому и всему православному христианству от безбожного Мамаа и от детска мысляще, коего отцем ненавидима, но паче Богомъ любима: ***беста бо окрещеныи от мачехи своея Анны княгини,*** беста бо аки некия класы доброплодныя, терниемъ подавляеми, живущее среди нечестия, не бе им достоина плода сътворити.

Комм. на стр. 213 (на текст: «...беста бо окрещеныи от мачехи своея Анны княги-

ни»): **Мачехой Андрея и Дмитрия Ольгердовичей была** дочь тверского великого князя Александра Михайловича **Ульяна,** вышедшая замуж за Ольгерда в 1349 г. (ПСРЛ. т. XV. вып. 1). Следовательно, имя мачехи двух братьев в «Сказании» спутано с другим. Андрей и Дмитрий родились от первого брака их отца с витебской княжной. **Все сыновья от первого брака Ольгерда носили христианские имена, а все сыновья от второго брака с тверитянкой — языческие** (ПСРЛ. т. XV. вып. 1). Очевидно, что дети от первого брака были крещены, а от второго — нет. Поэтому **сообщения** «Сказания» **о том, что Андрей и Дмитрий крестились от мачехи, а не от матери, неверно.**

Сказание о Мамаевом побоище *по Забелинскому списку* [27]

Стр. 306—308: (на указанных страницах описано подробно о принятии братьями Ольгердовичами решения идти на помощь к великому князю Димитрию Ивановичу. — *Прим. сост*).

Стр. 309: Князь же великий начал советоваться с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, и с литовскими князьями — новонареченною братиею, и с воеводами, говоря: «Братья мои милые, князья и бояре, думайте, здесь ли еще останемся или за Дон перевеземся»... **И воскликнули Ольгердовичи...**: «...**поезжай за Дон-реку, если из-за страха не дерзнешь, желания не получишь, ни славного имени вовеки». Сами же оба брата ударили по коням своим и перебрались за Дон-реку и вся сила их за ними,** говоря великому князю Дмитрию Ивановичу: «Хочешь ли, князь, стой-

кого войска, вели перевозиться за Дон-реку... Да ни единый человек не помышляет повернуть обратно перед великой силой царя Мамая, потому что надо возвещать: «Не в силе Богъ, в правде — Богъ».

Стр. 311: **И начал князь великий Дмитрий Иванович** с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем и **с литовскими князьями, с Дмитрием и с Андреем Ольгердовичами, полки расставлять до шестого часа**...

Димитрий Иоаннович Донской, или История о Мамаевом побоище [3]

Стр. 55—56: Приближаясь с воинством своим к реке Дону, Димитрий Иоаннович получил известие о новой помощи, как бы с небес ему ниспосланной. **Два князя Литовских, сыны Ольгердовы, Андрей Полоцкий и Димитрий Брянский,** просвещенные старанием мачехи своей, Анны, княжны русской, православною христианскою верою, а потому ненавидимые и гонимые от отца, а более от младшего брата Ягайло, как только услышали об ужасном вооружении хана Мамая на Московского князя Димитрия Иоанновича, то вознамерились поспешить к нему на помощь и защитить единоверца своего против неверного брата своего и неверных татар... Они привели исправно вооруженное войско, *состоявшее из семидесяти тысяч человек, в числе коего находились и псковитяне.*

Новгородская летопись *по списку П. П. Дубровского* [13]

Стр. 134: ...и **преидоша за Дон...** и став ту князь великии подостоящю полки разрядив и вое-

воды учинив. И быша у него тогда **в передовомъ полку** по божественнеи вере самобратныя **князь Ондреи и Дмитреи Ольгердовичи...**

В. Н. Татищев. История Российская [96]

Стр. 146 (во время Битвы: здесь В. Н. Татищев прибавляет еще одну неизвестную подробность. — *Прим. сост.*): **На правой стране князь Андрей Ольгердович** не единою татар нападши и **многих избил,** но не смеяше вдаль гнатися, видя большой полк недвижусчийся и яко вся сила татарская паде на средину и лежи, хотяху разорвати. Егда же татарове начаша ***левую руку князей Белозерских одолевати***, и минуша дуброву, иде же стояше князь Володимер Андреевич **и воевода литовский** *Дмитрий Волынец* с засадою, тии видевше сие, удариша со стороны и в тыл татаром. **А князь Дмитрий Ольгердович созади большаго полку вступи на то место, где оторвася левый полк, и нападе с северяны и псковичи на большой полк татарский.**

Комм. А. Н. Кирпичникова [63, с. 99]: **«созади большого полку»** — речь идет **о частном резерве великокняжеского большого полка**. Назначение подобного подразделения обрисовано в «Книге побед» Шереф ад-Дина Йезди. Его, по словам восточного историка, **ставили позади главного корпуса**, с тем чтобы «во время самого разгара сражения, когда сходятся храбрецы с обеих сторон, схватиться друг с другом; **если** у одной из частей его победоносного войска **будет нужда в подкреплении**», эти люди будут готовы прийти на

помощь. Приведенная подробность военной тактики Тимура лишний раз подтверждает правдоподобность и невыдуманность татищевских известий о перипетиях Куликовской битвы.

Наш комментарий:

Различные источники по-разному говорят о том, какие полки возглавляли литовские князья. Однозначно одно — оба брата относились к числу самых опытных военачальников и принимали вместе с главнокомандующим основные стратегические и тактические решения. Наиболее правдоподобно, что они, все-таки, руководили ***не Передовым Полком***, как указано в Новгородской летописи по Дубровскому (в котором по большинству источников главными воеводами были братья Всеволожи), а, скорее всего, по Татищеву: ***Дмитрий Ольгердович командовал Резервным Полком***, который стоял позади Большого Полка, а ***Андрей Ольгердович — Полком Правой Руки***.

В. Федорченко. Дворянские роды, прославившие Отечество [120]

Стр. 388—389: **Трубецкие — княжеский род. Происходил от внука великого князя литовского Гедемина — князя Дмитрия Ольгердовича-старшего, участника Куликовской битвы (1380)**. Потомки князя Дмитрия Ольгердовича, князья Трубчевские, а затем князья Трубецкие, сохраняли свой удел в Великом княжестве Литовском до 1500 года, когда последний удельный князь Андрей Иванович перешел в подданство великих князей московских.

Дворянские роды Российской империи [32]

Стр. 30: **Князь Дмитрий Ольгердович Старший (ум. 1399), князь Брянский.** Вместе с братом и дружиной участвовал в Куликовской битве. *Позже был князем Друцким, Трубчевским, Стародубским.*

Стр. 69: **Трубецкие — княжеский род,** происходящий от внука Великого князя Литовского Гедимина — **князя Дмитрия Ольгердовича Старшего**, прославленного участника Куликовской битвы 1380 г. Он, как и брат его Андрей Ольгердович князь Полоцкий, был союзником Великого князя Московского Дмитрия Донского, *но потом помирился с братом Ягайло, служил Великому князю Литовскому Витовту* и **погиб** в числе многих литовских и русских князей и бояр в сражении литовских войск с татарами на реке Ворскле во время похода Витовта в 1399 г.

(*Источники информации: Долгоруков П. В., князь. Российская родословная книга. СПб, 1854—1857. Ч. 1—4 и Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб, 1890—1904. Кн. 1—22*).

В. В. Богуславский. Славянская энциклопедия [112]

Стр. 480: **Владимир Ольгердович — князь киевский и копыльский, 3-й сын великого князя литовского Ольгерда** от брака с тверской княжной Ульяной Александровной. Родился в 1316 году. *В 1377 г. получил от отца Киев.* **В 1380 г. участвовал в Куликовской битве**. Известно, что в

1382 г. он принял к себе митрополита Киприана, высланного из Москвы великим князем Дмитрием Ивановичем Донским, и дал ему сан митрополита киевского... Вслед за Корибутом в 1392 г. отказался подчиняться великому князю литовскому Витовту и не пошел с ним против каменец-подольского князя Федора Кориатовича, перешедшего в подданство к венгерскому королю. Но когда Витовт взял Житомир и Овруч, Владимир Ольгердович приехал к Витовту на поклон. Последний оставил его в Киеве, но в 1395 г. напал на город и выгнал оттуда Владимира Ольгердовича, посадив затем его на правах вассала в Копыле. В конце концов, Владимир Ольгердович, не выдержав подневольного положения, сбежал от своего двоюродного брата в Москву. Литовские историки подчеркивали, что Владимир Ольгердович ревностно защищал православную веру от посягательств польского короля Владислава II Ягелло. Оставил троих сыновей: Александра, Ивана и Андрея, а также дочь Анастасию...

Наш комментарий:

Год рождения — 1316 — Владимира Ольгердовича явно приведен ошибочно: на его матери Ульяне (по нашему мнению, скорее всего он был сыном Ольгерда от первого брака с витебской княжной Марией Ярославной, также как и его братья Дмитрий и Андрей) Ольгерд женился только в 1349/50 гг. [112, с. 87]. Однако, даже по данным В. В. Богуславского, Ольгерд женился на Марии в 1318 г., т.е. также позже 1316 года. Информацию об участии Владимира Ольгердовича в Куликовской битве считаем недостоверной. Мы делали запрос к В. В. Богуславскому об источнике этих

сведений, но ответа не получили. Хотя некоторые исследователи (*косвенными предположениями*) также пытаются высказать подобное мнение (*см. ниже*).

Ф. М. Шабульдо. Земли Юго-Западной Руси в составе княжества Литовского [106]

...Памятники Куликовского цикла, отмечая участие в разгроме Мамая черниговско-северского князя Дмитрия Ольгердовича, его брата Андрея Ольгердовича Полоцкого, который «издалеча» приспел на бой.., не содержат никаких известий о Владимире Олгердовиче и его киевских полках. Вместе с тем в литературных произведениях о Куликовской битве имеются сюжеты и подробности, которые, как представляется, могли бы свидетельствовать в пользу участия Киевского княжества в военных действиях против орд Мамая, но их смысл был намеренно затемнен и искажен, если не во время создания, то при последующем редактировании. Такой вывод напрашивается в связи с тем, что эти сюжеты и подробности, отражающие определенные исторические реалии, явно противоречат известным фактам или же их нельзя сколько-нибудь удовлетворительно объяснить без учета активной антиордынской позиции Киевского княжества и его союзнических отношений с Москвой в 1380 г. Так, например, в эпизоде о переписке и совместном выступлении на помощь Дмитрию Московскому двух братьев Ольгердовичей — Андрея Полоцкого и Дмитрия, названного князем брянским, привлекают внимание следующие слова: «Слышах убо, яко приидоша ко мне медокормци ис Северы, а кажутъ уже великого князя Дмитрия

на Дону, ту бо ждати хощетъ злых сыроядцевъ. И нам подобаетъ идти к Севере и ту съвокупитися нам: предложить бо нам путь на Северу и тым путем утаимся отца своего... По малех же днех снидошася оба брата желанно со всеми силами на Севере... И приспеша борзо на Донъ, и наехаша великого князя Дмитреа Ивановича Московьскаго еще об сю страну Дону, на месте рекомое Березуй и ту съвокупившяся». Совершенно ясно, что Андрею Полоцкому, находившемуся на московской службе в Пскове с 1378 г., незачем было спешить на Дон окольным путем через Северскую землю, но этот путь был наиболее оптимален для соседствующих черниго-северского и киевского князей. Примечательным является также факт отправки Дмитрием Московским еще до сбора общерусской рати в Коломне первой «сторожи» под началом Василия Тупика на Тихую Сосну, т.е. на киевско-ордынское пограничье. Конечно, вопрос об участии Киевского княжества в антиордынской борьбе на стороне Москвы в 1380 г. нуждается в специальном исследовании. Но и приведенные выше факты показывают, что в результате военно-дипломатических усилий Москвы на исходе 1379 г. военные силы двух крупнейших княжеств Среднего Поднепровья — Черниговско-Северского и Киевского, — приняли участие в сражении с полчищами Мамая. Интересно, что в 1380 г. в состоянии войны с ордынцами находилось и Подольское княжество, правитель которого Александр Кориатович погиб в схватке с ними, как считают некоторые исследователи, именно в том году.

Священник Валерий Мешков. Священный зов [79]

Стр. 69–70: В книге Сергея Нилуса «Великое в малом» есть такие строки: «Саровская пустынь приняла неутешного Александра Ивановича в число своих послушников и, казалось, на всю жизнь скрыла его от всякой мирской заботы и горестей. Но Богу угодно было изменить твердое решение неутешного юноши.

Проходя послушание на просфорне, Александр Иванович стал уже готовиться к принятию пострига, но как-то раз, утомившись от непривычной работы, задремал и увидел дивный сон, определивший, вопреки его намерениям, всю его дальнейшую жизнь и имевший пророческое значение для Николая Александровича.

Едва успел задремать Саровский послушник, как вдруг увидал, что в просфорню входит Святитель Николай и говорит:

“Не монастырь путь твой, Александр, а семейная жизнь. В супружестве с Марией, которая тебя отвергла, ты найдешь свое счастье, и от тебя произойдет сын, его ты назовешь Николаем – он будет нужен Богу. **Я – Святитель Николай и назначен быть покровителем Мотовиловского рода. Им я был уже в то время, когда один из родоначальников твоих, князь Монтвид-Монтвил служил в войске Димитрия Донского. В день Куликовской битвы татарский богатырь… ринулся было с мечем на самого Великого Князя, но Монтвид грудью своей отразил направленный смертельный удар, и меч воткнулся в образ мой, висевший на груди твоего**

предка; он пронзил бы и самого твоего родича, но я ослабил силу удара и рукой Монтвида поразил татарина насмерть".

Сон этот, как и следовало ожидать, изменил направление мыслей Александра Ивановича, и он вышел из Сарова. Вторичное предложение, сделанное им Дурасовой, не было отвергнуто; и от этого предсказанного брака родился 3 мая 1809 года первенец, которому и было дано имя Николай.

Это и был наш Николай Александрович Мотовилов».

Я решил попытаться найти подтверждение сему удивительному откровению во сне. Оказывается, **Ольгерд был не единственным сыном Гедимина;** помимо него, **сыновьями князя были:** Наримонт, Евнутий, Кестутий, Кориад, Любарт, **Монтвид!**

Но вот что смущает в этом предании. Первый момент: согласно Родословию Великих князей Литовских (по Бархатной книге), Монтвид был бездетен (но, может быть, существует и какой-то частный родословец). Второй момент: если учитывать, что Монтвид был старшим сыном Гедимина, то в 1380 г. ему могло быть (учитывая, что Ольгерд родился в 1295—96 гг.) около 86 лет! Значит, тот Монтвид, о котором говорится в предании, не мог быть Гедиминовичем. Но вот что интересно. **У брата Ольгерда — Кейстута Гедиминовича — среди шести детей был сын Монтвил.** *Может быть, это он и есть?*

Святые отцы Церкви учат относиться ко снам и видениям очень осторожно. Но хочется верить, что под руководством святого старца Серафима Са-

ровского сей раб Божий, видимо, разобрался с этим по совету опытнейшего духовника, а также игумена обители, ибо выйти из монастыря — это слишком серьезный шаг, чтобы сделать его, руководствуясь только сновидением и своими соображениями.

Наш комментарий:

Оставляем пока это имя в списке тех, чьи имена нуждаются в дальнейшем подтверждении для причисления их к участникам Куликовской битвы.

В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий [36]

Стр. 138–139: **Нелидовы и Отрепьевы**.

1. Владислав с Нилка Кащ-Неледзевский, герба Правдзиц, «муж знатен короны Польския», прибыл в Москву с кн. Литовским Дмитрием Ольгердовичем на помощь в.кн. Дмитрию Донскому против Мамая и участвовал в Куликовской битве (8 сентября 1380). Остался служить вел. князю, который пожаловал ему в поместье село Никольское с деревнями, в Суздальском стану, Боровскаго уезда и Владислав то село по прозванию своему назвал Нилским и учал он Владислав писаться Нелидовым, во св. крещении получил имя Владимира.

Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи, начатый в 1797 г. [33]

Герб рода Нелидовых

… К великому Князю Дмитрию Иоанновичу Донскому в Москву в 6875/1367 году в продолжение войны с Татарами выехали из Литвы Кня-

зья Ольгердовичи с войски своими, в числе которых был чиновник войск Литовских Владислав Нелидовский. Сей Владислав фамилии Нелидовых первый остался в подданстве Российскому Государству, принял веру Греческаго исповедания, и по крещении назван Владимиром Нелидовым…

М. Д. Каратеев
«Участники Куликовской битвы» [62]

Стр. 12: Б. ВОЕВОДЫ И НАЧАЛЬНЫЕ ЛЮДИ.

…
58. Нелидов Иван
59. Нелидов Юрий
…

Упомянуты «братья Нелидовы», без имен, но согласно родословным книгам они носили эти имена.

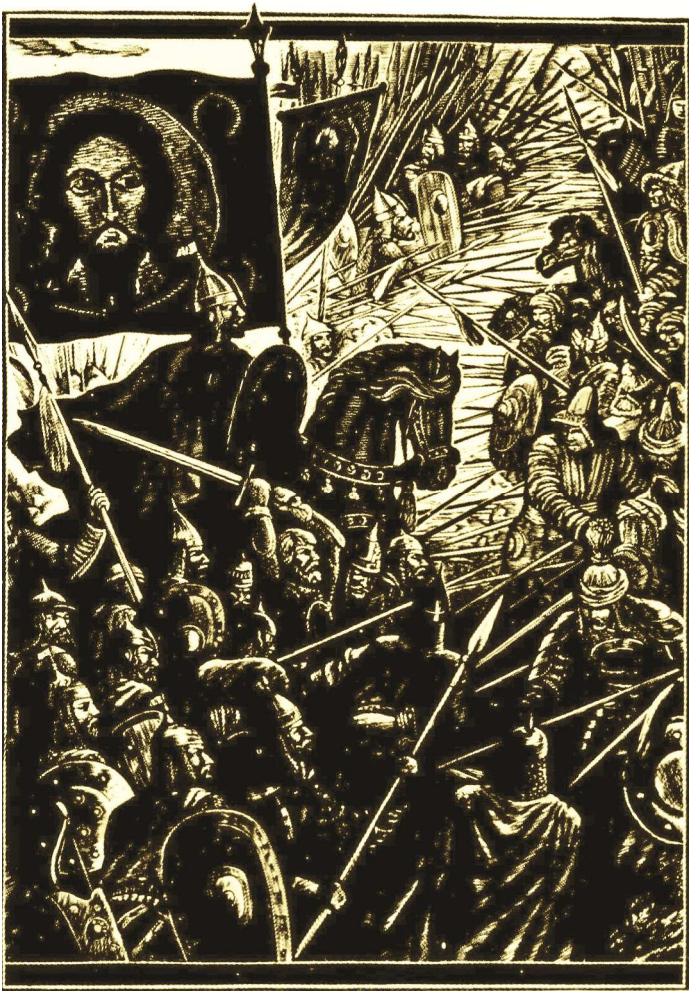
Наш комментарий:

М. Д. Каратеев без ссылки на источники называет в числе участников Куликовской битвы двух братьев Нелидовых, Ивана и Юрия, ссылаясь на родословные росписи.

В «Родословном сборнике русских дворянских фамилий» [36] найдено только *имя Юрия*, который показан сыном участника Куликовской битвы Владислава (в крещении Владимира) Нелидова. Имени Иван в ближайшем окружении по росписям не обнаружено. Об участии Юрия в Побоище на Дону никаких сведений нет.

Считаем, что по этим именам требуется дополнительная более достоверная информация.

Брянское княжество



Худ. С. Харламов. Битва

Заметки о Брянском княжестве

Брянское княжество, одно из древнейших русских княжеств, основано в середине XIII века.

Столица — город Брянск. Был заложен как город-крепость на высоком берегу р. Десны (при впадении в нее реки Болвы) гораздо раньше — в X веке (985 г.), — возможно киевским князем Владимиром Святославичем. Как утверждает В. Н. Татищев в своем Лексиконе, до конца XII века сей град носил первичное наименование «Брынь», затем именовался «Дебрянск» («Добрянск») и «Дьбрянск» (что, вероятно, указывает на окружение его дремучими лесами — дебрями). Лес и река давали пищу и защиту, стройматериалы и топливо (река, к тому же, была удачным транспортным и торговым путем).

В конце X века территория, на которой был расположен Брянск, отходит к Черниговскому княжеству. Первое дошедшее до нас летописное упоминание — в Ипатьевской летописи под 1146 г. Тогда город принадлежал северским князьям. В 1159—1167 гг. Брянск входил в состав удельного Вщижского княжества, после чего он снова отходит к владениям северских князей.

Немаловажно отметить тот факт, что разорительное нашествие Батыя не затронуло его! В то же время были разграблены окружающие его города: Чернигов, Новгород-Северский, Смоленск, Курск, Москва, Владимир. Поэтому из близлежащих городов в процветающий Брянск, где развивались ремесла и торговля, сходились крестьяне и ремесленники, бояре и воины, княжеские слуги... По мученической смерти в Орде черниговского князя Михаила Всеволодовича его сын Роман перешел на княжение в г. Брянск. Здесь он основал княжеский престол и стал называться брянским князем. Вместе с ним переехал туда и черниговский епископ, перенеся туда свою кафедру, «служа как бы продолжением древней епископии черниговской». Итак, с 1246 г. Брянск становится самостоятельным удельным княжеством, значение которого было «едва ли не больше всех городов Черниговского удела». В конце XIII века, став религиозным центром юго-западной Руси, оно выглядело одним из самых сильных на Руси. Князь Роман Михайлович сумел так поднять статус Брянска, что некоторое время он был оплотом против нападения Литвы и даже убежищем для угнетавшихся там русских князей. Роман и сам организовывал походы против Литовщины.

Золотую Орду безпокоило усиление Брянского княжества. В 90-х годах XIII века князь Роман обманным путем был убит. Последовала череда междоусобиц, в которой безславно погрязли княжьи наследники. Поэтому в начале XIV века Брянск был разграблен ордынцами, а затем попал под ярмо Литвы. По одной из версий, последний брянский князь Василий Романович погиб, защищая свою столицу от литовцев.

После оккупации Великим княжеством Литовским (и Польшей) с 1356 г. по 1500 г. брянские земли были возвращены русскими войсками Ивана III и окончательно вошли в состав Московского государства.

На Поле Куликовом прославили себя многие выходцы из Брянской земли, хотя Брянск в то время был в составе враждебного Москве Литовского княжества. **Три брянских князя (Дмитрий Ольгердович, Глеб Иванович и Роман Михайлович младший)** стали боевыми соратниками Дмитрия Донского, а брянское воинство завоевало в Куликовской битве немеркнущую славу.

Памятник Пересвету в Брянске

Больше всего известно, конечно, о подвиге **Александра Пересвета** – монаха Троице-Сергиева монастыря близ Москвы, бывшего брянского боярина, а также об участии в Битве его брата **Андрея Ослябя,** инока того же монастыря *(о святых преподобномучениках Александре Пересвете и Андрее Ослябе см. главу «Благословение преподобного Сергия Радонежского»).*

Летописные известия и литературные памятники высоко оценивают и роль **брянского князя Дмитрия Ольгердовича** и его брата Андрея (*о них см. в главе «Представители Великого княжества Литовского»).*

(По материалам: [112], [130], [132])

Брянские князья

‡ ***Глеб Иванович***/*Васильевич*

В Коломне назначен воеводой *Полка Левой Руки*,
в Битве — один из воевод *Большого Полка*

Роман Михайлович

Был в числе воевод *Засадного Полка*

Источник информации и содержание:

Сказание о Мамаевом побоище.
Основная редакция [24]

Стр. 257 (В Коломне. — *Прим. сост.*): Князь же великий с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, выехал на высокое место, увидел множество людей и возрадовался **и назначил воеводу в каждый полк.** К себе же в полк взял великий князь Белозерских князей, а в правую руку назначил брата своего, князя Владимира, дав ему в полк ярославских князей, **а в левую руку поставил князя Глеба Брянского...**

Комм. к «Сказанию» в книге «За землю Русскую!» [56, с. 498]: Город Брянск был захвачен литовским князем Ольгердом **в 1356 г.,** в то время брянский князь Василий и его сыновья находились в Москве. Так брянские князья остались без удела. **Глеб был, вероятно, одним из сыновей Василия.**

В. В. Богуславский. Славянская энциклопедия. Киевская Русь-Московия [112]

Стр. 151: **Василий Романович** — князь брянский, один из двоих сыновей смоленского князя Романа Глебовича... Со своим внучатым племянником, князем смоленским Святославом Ивановичем, ходил в 1321 г. на помощь Киеву против великого князя литовского Гедимина, но был разбит на р. Ирпень и бежал в Брянск. В 1356 г. привез из Орды ярлык на Брянское княжение и умер в том же году. *После него остался сын Иван.*

Наш комментарий:

Как видим, у князя Василия Романовича сына Глеба не показано, а только Иван. Но, думается, не зря летописи и списки Сказания не единожды называют князя Глеба Брянского воеводой. Может быть, это все-таки был сын князя Василия, ***а возможно и внук его — сын Ивана.***

В летописях говорится о том, что Димитрий Ольгердович Брянский (и Трубчевский) прибыл к великому князю Димитрию Донскому «со всею силою брянскою» (то есть вместе с ним перешло и его ближайшее окружение), и ему был передан в управление г. Переславль. Именно тогда к московскому князю могли перейти и другие брянские князья, за которыми прозвище «брянские» так и сохранилось.

Сказание о Мамаевом побоище *(вариант Ундольского)* [22]

Комм. на стр. 210: ...Интересен список лиц, возглавлявших полки. Князь Глеб Брянский, жив-

ший в последней четверти XIV в., источникам неизвестен. По-видимому, составитель «Сказания» «оживил» *брянского князя Глеба Святославича*, погибшего в 1340 г.

Наш комментарий:

Составители книги «Памятники Куликовского цикла» пошли самым легким путем. Какой смысл авторам «Сказания» путать совершенно разные исторические события? Тем более: князь Глеб Святославич бился *против брянцев* (в междоусобной борьбе), что и стоило ему жизни. Из-за этого Брянское княжество пришло в крайнее разорение, и в 1356 году было занято литовцами. Поэтому делать из Глеба Святославича героя — брянцам не с руки.

Мы придерживаемся версии «Сказания» о том, что Глеб Брянский **участвовал** в Мамаевом побоище, а если и нет его имени в родословных книгах, то, может быть, только потому, что князь был без удела. Участником Куликовской битвы был не Святославич, а Васильевич или Иванович.

В. Н. Ашурков. На поле Куликовом [39]

Стр. 39: ...Владимирские, суздальские, **брянские дружины** *под командой* Тимофея Вельяминова и **Глеба Брянского** вскоре восстановили положение. Вновь гордо реяло княжеское знамя...

Сказание о Мамаевом побоище
по списку Михайловского [28]

Стр. 36: Поле же Куликово — не бе видети порожнего места, но все покрыто человеческими телесы: христьяны, но седморицею больши того побито поганых. А лужи и потоки кровью текут.

Князь же великий... **наеха убита** Михаила Васильевича, да пять князей ярославских, да четырех князей дорогобужских, **да туто же лежит князь Глеб Иванович брянский**, да Тимофей Волуевич, да с ними же лежит дворецкий его Иван Кожухов, изсечен в части...

Сказание о Мамаевом побоище *в редакции Летописца князя И. Ф. Хворостинина* [20]

Стр. 308 (комм. к тексту на стр. 272): «*а князю Глебу Друцкому* велел *в передовом полку быти воеводою...*»*:* По другим источникам князь Глеб Друцкий, живший в XIV в., неизвестен. В Основной редакции «Сказания» (при устроении полков в Коломне. — *Прим. сост.*) *воеводой полка левой руки* назван *князь Глеб Брянский*, а далее названы воеводы передового полка Дмитрий и Владимир Всеволожи. Уже в Летописной редакции, а затем и в Распространенной *вместо Глеба Брянского стал фигурировать Глеб Друцкий*, причем как командир передового полка. Итог этой поздней переделки отразился и в Хворостининской редакции.

Наш комментарий:

Имя князя *Глеба Брянского* как *воеводы Полка Левой Руки* встречается *в большинстве редакций «Сказания»* — Основной, по Забелинскому списку, Синопсиса, Пантелеймона Кохановского, по Ермолаевскому списку. *Глебом Друцким* в редакции Летописца князя Хворостинина *называют*, возможно, *Глеба Брянского*, что могло произойти по ошибке переписчика. Возможно также, что на основании этой редакции Сказания у Ивана Афремова (*см. ниже*) Глеб Друцкий

стал воеводой Передового Полка вместе с князьями Дмитрием и Владимиром, якобы Друцкими. На самом же деле, по большинству источников, воеводами Передового Полка были братья, смоленские князья (или княжичи) Дмитрий и Владимир Всеволожи — их ошибочно могли назвать Друцкими, т.к. в состав Смоленского княжества в XII—XIII вв. действительно входило Друцкое княжество, но после оно находилось несколько веков под властью Литвы. Впрочем, это всего лишь наши предположения (*Подробнее о Глебе Друцком и Друцком княжестве см. в главе «Выходцы из Смоленского княжества» настоящего издания*).

И. Афремов. Куликово Поле [38]

Стр. 18—21: Войско огромными колоннами двинулось, перешло Дон и растянулось по правому берегу Непрядвы, где Димитрий, призвав полковых священников с иноками преподобного Сергия, вначале всего пред благословенною иконою Богоматери совершил общее молебствие празднику Рождеству Богородицы: просил Господа Сил благословить христиан на защиту отечества; потом повелел устроивать **все шесть полков** (корпусов) **к битве...**

За ним (за Полком Левой Руки. — *Прим. сост.*) **литовский полк** князей Андрея и Димитрия Ольгердовичей Литовских, князя **Романа Михайловича Брянскаго,** князя Феодора Михайловича Белозерскаго, сына его Иоанна Феодоровича...

...впереди четырех полков этих стал *сторожевой* или *передовой полк* князей: Глеба, *Димитрия и Владимира Всеволодовичей Друцких*; князей Иоанна Константиновича, Феодора и Мстислава Торусских...

Новгородская летопись
по списку П. П. Дубровского [13]

Стр. 134: Князю же великому Дмитрию Ивановичю пришедшю за Дон в поле чисто, в Мамаеву землю, на усть Непрядвы реки, и став ту князь велики подостоящю полки разрядив и воеводы учинив... **В западном** (т.е. **в засадном.** — *Прим. сост.*) **же полку**, в дубравах утаив благороднаго и храбраго брата своего, князя Владимера Андреевича**,** да с ним некоего мужа мудра и храбра Дмитрия Михаиловича Волынца**, да князя Романа Михаиловича Брянского,** да князя Василья Михаиловича Кашинского, да князя Романовича Новосильского...

Н. М. Карамзин.
История Государства Российского. Т.V [61]

Стр. 38—39: ...войско перешло за Дон и стало на берегах Непрядвы, где Димитрий устроил все полки к битве... **а в засаде князь** Владимир Андреевичь, внук Калитин, Дмитрий Михайловичь Волынский, победитель Олега и Болгаров, муж славный доблестию и разумом, — **Роман Михайловичь Брянский**, Василий Михайловичь Кашинский и сын Романа Новосильского.

В. В. Богуславский. Славянская энциклопедия.
Киевская Русь-Московия [113]

Стр. 258—259: **Роман Михайлович** — князь брянский. В 1375 году участвовал в походе великого князя Дмитрия Ивановича против тверского князя Михаила Александровича. В 1401 г. великий

князь литовский Витовт сделал его смоленским наместником, но смоляне убили его и призвали своего прежнего князя — Юрия Святославича.

Брянщина и объединение русских земель [132]

Отличился в Куликовской битве и князь Глеб Иванович Брянский. В один из самых ответственных моментов битвы, когда татарской пехоте удалось потеснить центр большого полка, и даже подрубить великокняжеский стяг, князь Глеб Брянский и московский боярин Тимофей Вельяминов силами владимирского и суздальского полков контратаковали татар и восстановили положение. **Глеб Брянский погиб в конце Куликовской битвы.**

Еще одним брянским князем, отличившимся во время Куликовской битвы, был князь Роман Михайлович (Младший), третий *воевода засадного полка*, внезапный удар которого, в соответствии с замыслом Дмитрия Донского, и решил исход битвы.

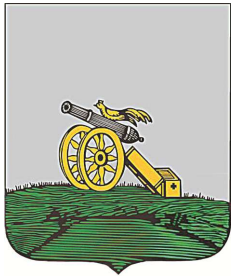
Наш комментарий:

Жители современного Брянска ничуть не сомневаются в том, что князь Глеб Брянский был Ивановичем, а также в том, что он погиб на поле Куликовом. Думаем, что у них есть для этого основания, а посему поверим информации с их сайта. Конечно же, при возможности попытаемся и самостоятельно выяснить источники этих сведений.

Выходцы из Смоленского княжества

Над могилами погибших. Памятный крест и Храм Рождества Богородицы в с. Монастырщина на месте захоронения погибших воинов (фото Е. Соболевой)

На титульной странице – древняя крестовключенная подвеска (Смоленщина, XII–XIV вв.)



Смоленское княжество

Смоленское древнерусское княжество занимало территорию по верхнему течению Днепра. В X веке Смоленская земля, населенная кривичами, занимала пространство большее, чем нынешняя губерния, на северо-западе она охватывала все среднее течение р. Москвы, и даже то место, где теперь стоит г. Москва, входило в ее состав. При внуке князя Владимира Мономаха — князе Ростиславе Мстиславиче (1127—1159) — Смоленское княжество обособилось от Руси и стало самостоятельным. При нем же княжество достигло наивысшего расцвета и могущества. Будучи окруженным со всех сторон другими русскими княжествами, оно занимало срединное положение и было недоступно для внешних врагов. Через Смоленск проходили важные магистральные дороги в Центральную и Западную Европу и Византию: путь вверх по Днепру завершался у Смоленска; далее через систему волоков он мог вывести и в Западную Двину (к Полоцку и далее в Балтийское море), и в Ловать, и затем в Новгород Великий. Смоленск имел очень удобную связь с Киевом — вниз по Днепру можно было пустить флотилию любых размеров, и всего лишь через

8 дней она была бы уже под стенами столицы. Единственным препятствием на этом пути был Любеч, принадлежавший черниговским князьям, но со временем и эта преграда была устранена. В 1147 году Ростислав, воспользовавшись отсутствием черниговского войска, сжег Любеч, и, как он сам писал брату, «Ольговичам много зла сотворил». После этого в Любече жили только «псари да половцы», а смоленские князья безпрепятственно могли плыть в Киев...

Почти все смоленские князья побывали на киевском престоле... В конце XII – начале XIII вв. Смоленское княжество начало хиреть, распадаться на уделы и подвергалось нападению немецких рыцарей и литовцев. В 1-ой трети XIII века из состава княжества выделилась Вязьма, затем появляются уделы в Брянске, Можайске и других городах Смоленской земли. При князе Святославе Мстиславиче (до 1238 г.) и его преемниках начинается падение Смоленского княжества: прекращается связь с Киевом, утрачивается влияние на Полоцк и Новгород.

Святой мученик и новый чудотворец Смоленский Меркурий окончил жизнь страдальчески в 1238 году во время Батыева нашествия. Сей витязь, следуя гласу, слышанному от чудотворной иконы Божией Матери Одигитрии, вышел на единоборство противу татарского голиафа, который приводил в робость княжеские полки. Он поразил его, и затем ночью, выехав на долгий мост один, умертвил еще множество неприятелей... Смоляне погребли тело Меркурия в храме Богоматери, где висело и оружие сего святого воина. Как пишет Временник, жители должны были носить оное в случае опасности по городу.

В 1238 и 1242 годах прибывшие под Смоленск татарские войска были отбиты. В 1274 г. Смоленское княжество впервые подчиняется татарскому хану.

В 1303 г. отошел к Москве Можайск. Смоленский князь Иван Александрович, чтобы спасти свое княжество, вошел в тесные сношения с Литвой, и великий князь литовский Ольгерд решил помочь ему вернуть Можайск. Однако союзники не только потерпели неудачу, но в 1351 году великий князь московский Семен Гордый, двинув сильное войско на Смоленск, заставил его князя порвать союз с Ольгердом. В 1355 г. последний захватил Ржев — смоленский город, — после чего отношения у Смоленска с Литвой окончательно были испорчены.

При смоленском князе Святославе Ивановиче и его сыновьях прекращаются связи с Киевом, Полоцком и Новгородом Великим... Смоленские владетели безуспешно пытались остановить литовскую экспансию на западе. После поражения и гибели в 1386 г. Святослава Ивановича в битве с литовцами на реке Вехре под Мстиславлем смоленские земли были захвачены великим князем литовским Витовтом и вошли в состав великого Литовского княжества, а затем Речи Посполитой...

Смоленская земля была возвращена России в 1514 г., захвачена Польшей в 1618 и вновь возвращена в 1667 г.

(По материалам: [113, с. 330, 392, 397—398]; [121]; [130])

Выходцы из Смоленского княжества

Братья Всеволожи (Всеволожские):

Дмитрий Александрович/Всеволодович

и

Владимир Александрович/Всеволодович

Князья или княжичи, сыновья смоленского князя Александра-Всеволода Глебовича, в Битве командовали *Передовым Полком*.

Иван Васильевич Смоленский

Удельный князь селеховский.

‡ ***Иван Иванович/Федорович Толбуга***

Источник информации и содержание:

Сказание о Мамаевом побоище.
Основная редакция [24]

Стр. 257: (Коломна. — *Прим. сост.)*: Князь же великий с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, выехал на высокое место, увидел множество людей и возрадовался **и назначил воеводу в каждый полк... В передовом полку — Дмитрий Всеволож, да брат его Владимир Всеволож.** С коломенцами — воевода Микула Васильевич. Владимирский и юрьевский воевода — Тимофей Волуевич; костромской же воевода — Иван Квашня Родионович, переяславский воевода — Андрей Серкизович...

Стр. 269: Уже, братья, в то время ведут полки (на Битву. – *Прим. сост.*): **передовой полк** ведет **князь Дмитрий Всеволодович, да брат его, князь Владимир Всеволодович**, а справа ведет полк Микула Васильевич с коломенцами, а слева ведет полк Тимофей Волуевич с костромичами.

В комментарии к Сказанию в книге «За землю Русскую!» [56, стр.498] *сказано:* Дмитрей Всеволож, да брат его Владимир Всеволож – сыновья смоленского князя Александра-Всеволода Глебовича – были воеводами в Куликовской битве.

Сказание о Мамаевом побоище
(вариант Ундольского) [22]

Наш комментарий:

Трижды в данном варианте «Сказания», как **практически и во всех остальных списках** *(кроме Забелинского, где им приписывается Полк Правой Руки)* **Дмитрий и Владимир Всеволожи** упоминаются, как ***воеводы Передового Полка***.

А. Н. Кирпичников. Куликовская битва [64]

Стр. 38: Следующий за сторожевым полком, **передовой,** *был поручен* **смоленским княжатам Всеволожам**...

В. В. Богуславский. Держава Рюриковичей [111]

Стр. 558: **Всеволожские** – боярский и дворянский род, потомки **смоленского князя Александра-Всеволода Глебовича**, второе имя которого было принято ими в родовое наименование. **Княжеским достоинством пользовались лишь**

три сына Александра: Дмитрий, Владимир и Иван, называвшие себя Всеволожами, т.е. Всеволодовыми детьми, *но уже их дети князьями не писались*, а величались просто Всеволожские. **Смоленские князья** весьма страдали от набегов татар и литовских феодалов, поэтому мелкопоместные из них переселялись в московские владения. В их числе был и Александр-Всеволод, который со своими тремя сыновьями приехал к великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому. Об отце более ничего неизвестно, **а из сыновей его двое — Дмитрий и Владимир — были воеводами в Куликовской битве**... Старший из двух сыновей князя Дмитрия Всеволожа — Иван Дмитриевич — боярин, типичный представитель московского боярства, властный, честолюбивый, хитрый, ловкий и находчивый — в 1432 г. интригами в Орде доставил московский престол Василию Васильевичу Темному (подробно на стр. 560. — *Прим. сост.*). От брака с дочерью Николая (Микулы) Васильевича Вельяминова, не известной по имени, оставил двух сыновей и двух дочерей (см. родословную таблицу на стр. 559. — *Прим. сост.*).

Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода [17]

Стр. 38: Тогда же на томъ побоищи **убиенъ бысть на ссупе**... Микула Васильевъ сынъ тысячьского, князь Володимеръ Дорогобужьскыи Голова, **Иванъ Иванович Толбуга**, Михаило Ивановъ сынъ Окинфовича, Иванъ Александрович, Андреи Серкизъ... и инии мнози, их же имена суть писана

въ книгах животных; зде же не все писаны избиеных имена, но токмо князи и воеводы нарочитыи и воеводы и старшихъ бояръ, а прочихъ бояръ и слугъ оставихъ имена и не писах множьства ради именъ, мнози бо на тои брани побьени быша.

Прим. 51 на стр. 59–60: **Иван Иванович Толбуга** – потомок фоминско-березуйских **(из смоленских)** князей. Согласно родословным преданиям, у князя Константина Юрьевича Фоминского и Березуйского было три сына Федора. Старший Федор был женат на разведенной жене Симеона Гордого Евпраксии (*РИИР, ч. 2, с. 41, 165*). Следовательно братья жили в 40–50 гг. XIV в. У младшего из братьев Федора Меньшого было три сына: Василий Березуйский, Федор Ржевский и Иван Толбуга (*там же, с. 41*). С. Б. Веселовский считал, что упоминание в числе павших на Куликовом поле Ивана Ивановича Толбуги является ошибкой, на самом деле там был убит его отец Иван Федорович Толбуга, а Иван Иванович жил в первой половине XV в. и в 1401 г. возглавлял московскую рать в походе на Торжок (*Веселовский, 1969, с. 366–367*)... Но С. Б. Веселовский не обратил внимания на одно любопытное свидетельство. Под 1370 годом летописи рассказывают о смертельном ранении на Волоке Ламском, во время похода на Москву Ольгерда Литовского, Василия Березуйского. По имени и по времени события этого князя можно отождествить только со старшим сыном Федора Меньшого Василием Березуйским. Однако в летописи приведено иное отчество князя – Иванович

(*ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 94*). Это отчество заставляет думать, что у князя Федора Меньшого было второе имя — Иван. В таком случае *надо признать, что убитый на Куликовом поле Иван Иванович Толбуга является младшим сыном князя Федора-Ивана и родным братом Василия Ивановича Березуйского*. Время его жизни должно приходиться примерно на третью четверть — последнюю треть XIV в., т.е. он вполне мог участвовать в Куликовской битве, и запись о его гибели в ней в достаточной степени достоверна. Иван Толбуга был женат на дочери Д. А. Монастырева, погибшего в 1378 г. в битве на р. Воже (*РИИР, ч. 2, с. 170*).

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев [47]

Стр. 331—358: **Всеволожи-Заболотские**.

...В Бархатной книге мы находим путаницу... В роде смоленских князей показан князь Александр Глебов сын Ростиславича, а затем его праправнук князь Александр-Всеволод Глебович Смоленский, от которого пошли Заболотские. Это совершенно невозможно хронологически. **Летописи рассказывают, что сыновья князя Александра Дмитрий и Владимир в 1380 году были воеводами на Куликовом поле.** Дмитрий и Владимир Алесандровичи не могли быть сыновьями Александра Глебовича Ростиславича, т.к. о последнем из летописей же известно, что он завладел Смоленским княжеством в конце XIII века и в 1300 г. был ранен при попытке завладеть Дорогобужем.

Князь Александр-Всеволод Глебович, которого Бархатная книга считает родоначальником Заболотских, жил на целое столетие позже и приходился старшим племянником князю Юрию Святославичу, который лишился Смоленска в 1404 г. Таким образом, он был современником сыновей Дмитрия и Владимира Александровичей и никак не мог быть их отцом... *По времени и другим обстоятельствам их родоначальником можно принять того князя Александра Глебовича, который в 1341 году был на княжении во Пскове, но не поладил с псковичами и уехал от них...* **Этого же князя Александра Глебовича с большой вероятностью можно принять за сына Глеба Святославича, но не смоленского, а брянского.** При таком предположении возникает вопрос, как примирить с ним показание родословцев о выходе Всеволожей из Смоленска... Дело в том, что многочисленные северские и смоленские князья под напором Литвы лишились своих уделов, переходили с места на место или находили себе пристанище в Москве и Твери. Показание Бархатной книги о выезде в Москву князя Александра находит косвенное подтверждение **в синодике Успенского собора**, в котором *среди бояр вел. князя Дмитрия и его сына Василия записан Александр Глебович, очень вероятно Всеволож, а не кто иной.* Во всяком случае, сыновья Александра, несомненно, служили уже на Москве. **По родословцам, у Александра Всеволожа было три сына — Дмитрий, Владимир и Иван: «и Дмитрий и Владимир были воеводы у великого князя Дмитрия**

Ивановича на Дону в передовом полку». Так говорят родословцы, и это подтверждается летописями. Уже этот факт говорит о том, что Всеволожи заняли в Москве высокое положение.

Относительно боярства Дмитрия есть несколько указаний. В заключении договора вел. князя Дмитрия с Ольгердом (1371 г.) принимал участие, между другими лицами, боярин Дмитрий Александрович, в котором с большой вероятностью можно признать Дмитрия Александровича Всеволожа. Несомненно, Всеволож был в числе бояр, которые от имени вел. князя Василия Дмитриевича около 1392 года производили мену землями с митрополитом Киприаном. Наконец, в летописях мы имеем определенное указание на одну весьма ответственную службу Д. А. Всеволожа. Вел. князь Василий Дмитриевич после упорной борьбы с нижегородскими князьями осенью 1394 года захватил Нижний и посадил в нем **наместником Д. А. Всеволожа**.

Относительно Владимира Александровича родословцы сообщают, что он умер бездетным, и больше о нем ничего неизвестно.

Младший Всеволож, Иван Александрович, упоминается в летописях по одному случаю... **В 1392 году вел. князь Василий Дмитриевич послал в Великий Новгород Ивана Всеволожа** и Данилу Тимофеевича Валуева с двумя ответственными поручениями... У младшего Всеволожа, у Ивана Александровича, было шесть сыновей...

У Дмитрия Александровича Всеволожа было два сына, Иван и Федор. Совершенно исключительный интерес представляет личность старшего сына, боярина Ивана Дмитриевича (подробно на указ. стр. — *Прим. сост.*).

Стр. 359—373: **Смоленские князья** (Фоминские, Полевы, Еропкины, Порховские**).**

Целый ряд боярских родов выводил свое происхождение от смоленских князей: ...Ржевские, Толбузины... — от Константина Юрьевича Фоминского...

...интересный для нас факт не подлежит сомнению: *миграция значительного количества смоленских княжат на восток в XIV—XV вв. и переход их на службу к московским князьям.* Известно, что Смоленское княжение занимало между Москвой и Литвой межеумочное положение (межеумочное — лишенное четкости, точности, половинчатое или промежуточное — С. И.Ожегов [112]. — *Прим. сост.*) и было не только в XIV в., но и в XV—XVI вв. предметом упорной борьбы Москвы с Литвой, а позже с Литовско-Польским государством. Эта борьба, в которой смоленские князья склонялись то на одну, то на другую сторону, выбивала из насиженных гнезд многих княжат, и они должны были искать себе пристанища... *Смоленские княжата бегут на восток, преимущественно в Москву...* Во второй половине XIV века мы видим на службе в Москве князей Порховских и Фоминских...

Потомки князей Фоминских и князя Александра Глебовича Смоленского, утратив княжеские титулы, занимают... место в боярской среде...

О роде князей Фоминских и выезде их на службу в Москву в Бархатной книге находится следующий рассказ: У вел. князя смоленского Юрия Святославича было два сына: Федор, имевший вотчины в Вязьме и Дорогобуже, и Константин Фоминский и Березуйский. У Константина три сына — все Федоры: Ф. Красный, Ф. Слепой и Ф. Меньшой...

По-видимому, все три сына князя Константина Фоминского служили московским великим князьям...

У Федора Меньшого было три сына: Василий Березуйский, от которого пошли князья Козловские, Федор — родоначальник Ржевских, Иван Толбуга — родоначальник Толбузиных.

Наш комментарий:

Один из представителей рода Ржевских — Родион Ржевский — также известен летописям, как участник Куликовской битвы: он был одним из начальников отрядов разведчиков. (О разведке и ее славных витязях читайте в главе «Посольства и разведка» настоящего издания, а о Родионе Ржевском — в разделе «Первая сторожа» названной главы).

С. З. Чернов. Волок Ламский [104]

Стр. 151: Родословные росписи Толбузиных не отличаются полнотой. Известны две их ветви, происходящие соответственно от Василия и от

Ивана — сыновей Ивана Федоровича Толбуги (см. родословное древо на стр. 152, табл. 9).

Об Иване Федоровиче Толбуге и его сыне Иване Ивановиче Толбузине имеются летописные известия. *Иван Иванович Толбуга назван среди убитых* на Куликовом поле в некоторых списках 1 Софийской летописи... По мнению С. Б. Веселовского, данное известие нужно относить к Ивану Федоровичу Толбуге, поскольку... Иван Иванович упоминается в 1400/1401 г. как один из воевод рати, посланной вел. Князем Василием Дмитриевичем на Торжок...

Летописный сборник, именуемый Патриаршая или Никоновская летопись [11]

(В данной летописи под 1380 годом вскоре после Куликовской битвы имеется упоминание о Толбуге (без имени). — *Прим. сост.*)

Стр. 69: Тоя же осени князь великий Дмитрей Ивановичъ, месяца Октября въ 29 день, на память преподобныя мученици Анастасии Римлянины, **отпусти киличеевъ своих Толбугу да Мокшиа во Орду къ новому царю Воложскому Тахтамышу з дары и с поминкы.** — Тоя же осени месяца Ноября въ 1 день вси князи Русстии, сославшеся, велию любовь учиниша межу собою. — Того же лета **приидоша изъ Орды киличееве** великого князя Дмитреа Ивановича **Толбуга да Мокшеи,** месяца Августа въ 14 день, и прочии вси киличееве койждо приидоша ко княземъ своимъ Русскимъ изо Орды отъ Тохтамыша царя съ пожалованиемъ и со многою честию. И бысть на Ру-

си радость велиа, но печали еще не осташася о избиенныхъ отъ Мамая на Дону князей, и бояръ, и воеводъ, и слугъ, и многаго воинства христианскаго; оскуде бо отнюдъ вся земля Русскаа воеводами и слугами и всеми воиньствы, и о семъ велий страхъ бысть на всей земле Русстей.

Н. М. Карамзин.
История Государства Российского. Т.V [61]

Стр. 38—39: ...Войско перешло за Дон.., где Димитрий устроил все полки к битве... **В собственном же полку Великокняжеском** Бояре Иоанн Родионович Квашня, Михаил Бренок, **Князь Иоанн Васильевич Смоленский**...

В. В. Богуславский. Славянская энциклопедия [112]

Стр. 455: **Иван Васильевич** — удельный князь селеховский (по с. Селехово — его вотчине в смоленской земле, единственный сын удельного князя селеховского Василия Ивановича). В 1375 году ходил с великим князем московским Дмитрием Ивановичем на великого князя тверского Михаила Александровича. В 1380 г. находился в собственном полку великого князя на Куликовом поле и участвовал в Куликовской битве. Погиб в 1386 г. в бою с литовцами на р. Вехра, неподалеку от Мстиславля...

Друцкое княжество

В Коломне: «А князь великии Дмитреи Иванович урядив себе правую руку держати, и велел воиску своему стояти крепко против безбожного царя Момая, а брату своему князю Володимеру Ондреевичю велел левую руку держати, а **князю Глебу Друцкому велел в передовом полку быти воеводою,** да с ним Дмитрею Всеволода да Володимеру, брату его...» [Сказание, 20, с. 272].

Приведенный выше фрагмент Сказания свидетельствует об участии в Куликовской битве представителя Друцкого княжества — князя Глеба Друцкого. Это свидетельство пытаются опровергнуть составители сборника «Памятники Куликовской битвы» [82], которые дают следующий комментарий на стр. 308: «В Основной редакции Сказания воеводой полка левой руки назван князь Глеб Брянский, а далее названы два воеводы передового полка Дмитрий и Владимир Всеволожи (*Повести о Куликовской битве,* [83, с.56]). Уже в Летописной редакции, а затем и в Распространенной вместо Глеба Брянского стал фигурировать Глеб Друцкий, причем как командир передового полка (*там же, с. 90, 135*). Итог этой поздней переделки отразился в Хворостининской редакции».

Имя Глеба Друцкого действительно приводится только в тех источниках, где отсутствует имя Глеба Брянского. Кроме вышеуказанного источника имя его встречается в Летописной редакции Сказания [80, с. 90], где звучит в контексте так: «**А князя Глеба дрютцкого передовой полкъ**, Дмитрей Всеволожъ, да брат его князь Володимер...», а также в Распростра-

ненной редакции [80, с. 135], где написано уже иначе: «...**передовой же полк уряди князя Льва Дружеско-во**, и Дмитрей Всеволож, Володимер брат его». Появившееся здесь имя «Лев Дружесков» — явно искаженное при переписке имя Глеба Друцкого. Все эти упоминания только в эпизодах уряжения полков в Коломне. В описании других событий имя князя Глеба Друцкого в использованных нами источниках не встречается. Это действительно может навести на мысль, что по ошибке переписчиков имя Глеба Брянского могло быть заменено на Глеба Друцкого или Льва Дружеско-во, а то, что он оказался в Передовом Полку — так это запятые или точки не там поставлены.

Однако попытаемся порассуждать о возможности участия представителей Друцкого княжества в Куликовской битве.

«**Друцк** (летописный Дрьютеск, Дрютьск, Дрьтеск, Друтеск, Дрюцк) — древнерусский город Полоцкой земли (ныне село в Толочинском районе Витебской области Белоруссии), центр удельного Друцкого княжества. Возник в XI в. в верховьях р. Друть, в начале волока на одном из ответвлений двинского отрезка пути "из варяг в греки"... Впервые Друцк упоминался... в 1078 г. в связи с событиями междоусобной войны между Ярославичами... **В конце XII века Друцк**, борясь с главными городами Полоцкой земли, **подчинился протекторату смоленских князей**, а **во 2-ой половине XIII века был завоеван Великим княжеством Литовским**. В правление великого князя литовского Ольгерда в Друцке сидел князь Иван (1340 г.), которого Ольгерд согнал с Друцкого княжения и посадил на его место своего сына Дмитрия. Однако удель-

ные князья Друцкие, Рюриковичи по происхождению, владели Друцком еще в 1508 году,.. после чего трое братьев — князей Друцких — перешли на службу к великому князю московскому Василию III Ивановичу, потеряв при этом удел...» [112, с. 378—379].

«**Друцкие** — русско-литовский княжеский род, происхождение которого до сих пор спорно. Одни исследователи выводят их из галицко-волынских князей... от Михаила Романовича, первого удельного Друцкого князя (от Друцка на Волыни), от которого пошли все Друцкие. Другие утверждают, что Друцкие происходят от древних князей Друцкого княжества, ветви полоцких князей. Более вероятно их галицко-волынское происхождение» [112, с. 379].

«**Князья Друцкие.** Существует несколько теорий происхождения князей Друцких. По одной версии родоначальником является сын известного только по польским источникам Романа Александровича, кн. Бельзского, по другой — сын Романа Даниловича, кн. Слонимского и Новогрудского. По третьей теории князья Друцкие происходили от Турово-Пинских князей. Существует также версия, по которой князья Друцкие были потомками Литовских князей. Вольф считал Друцких потомками Полоцких князей. Князь Михаил Друцкий известен со 2-ой половины XIII века. У князя Михаила было два сына: **Василий** и Семен, от которых пошли две ветви князей Друцких. Представители старшей ветви (от Василия) участвовали в 1508 г. в восстании князей Глинских и затем выехали в Москву. Их потомки жили в России до начала XX века... Представители младшей ветви (от Семена) остались в Литве и в XV веке разделились на несколько ветвей...» [138].

В приведенном выше тексте обращаем внимание на имя князя Друцкого Василия Михайловича, жившего, повидимому, в начале XIV века (т.к. сообщается, что отец его известен со 2-ой половины XIII века). Читаем далее:

«***Ростовский соборный синодик*** "вечную память" отмечал следующим ***князьям, умершим в самом начале XV века:*** "Князю Лву Романовичу Новосильскому, князю Дионисию Волыньскому, князю Киприану Дмитреевичу Галичьскому, **князю Глебу *Василиевичу Дрютскому*"»** [50, с. 130].

Постараемся разыскать Ростовский синодик, но уже из этого фрагмента ясно, что ***во времена Куликовской битвы мог жить князь Глеб Васильевич Дрютский (Друцкий), и именно он мог быть участником Мамаева Побоища.***

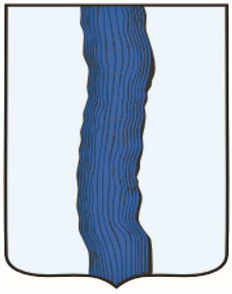
«…В летописях русских и литовских неоднократно упоминается еще и о другой фамилии князей Друцких, из коих… третий, князь Глеб Друцкий, начальствовал левым крылом русскаго войска в битве Куликовской. Знаменитый Карамзин полагает (и, кажется, весьма основательно), что эти князья Друцкие происходили от древних владетелей страны Кривичской. Имя свое они приняли от города Друтеска (ныне Друцкъ), на верховье реки Друть (в нынешней Минской губернии). Род их давно пресекся, а нынешние князья Друцкие потомки Рюрика» [*Российская Родословная книга князя П. Долгорукова*, 35, часть 1, стр. 133].

Включаем имя князя Глеба Васильевича Друцкого (Дрютского), воеводы Передового Полка, в наш Поминальный Синодикъ участников Куликовской битвы.

Тарусское княжество и его уделы

Ковыль Поля Куликова (фото свящ. Валерия Мешкова)

На титульной странице — крест-энколпион, найденный на Куликовом Поле



Заметки о Тарусском княжестве, его уделах и о владевших ими князьях

*«**Тарусское княжество*** — одно из удельных княжений, возникших в верховьях Оки (после гибели в Орде в 1246 г. черниговского князя Михаила Всеволодовича) в результате разделения Черниговского княжества между четырьмя сыновьями Михаила: Романом, князем черниговским и брянским; Семеном, князем новосильским и глуховским; Мстиславом, князем карачевским и Юрием, князем тарусским... Потомство Юрия Михайловича сравнительно тихо княжило на своем уделе на границе Литвы, Рязани и Москвы, лишь иногда выполняя свои союзнические договоренности с Москвой. Так, в 1374 г. тарусские князья принимали участие в княжеском общерусском съезде в Переяславле-Залесском, принявшем антиордынскую программу действий. В 1375 г. Тверская летопись фиксирует участие в походе на Тверь среди союзников великого князя московского Дмитрия Ивановича **тарусского князя Ивана Константиновича, который в 1380 году дрался со своей дружиной против темника Мамая** (фактического правителя в Орде. — *Прим. сост.)* **на**

Куликовом поле. В 1385 г. тарусские князья принимали участие в походе московского войска на Рязань. В 1392 г. их взял (приобретя в Орде ярлык среди прочих территорий и на Тарусу) под свое покровительство великий князь московский Василий I Дмитриевич... В 1406–1408 гг., во время русско-литовской войны, Витовт... захватил и часть Тарусского княжества, в то время, как другая его часть осталась в сфере влияния Москвы. Когда в середине XV века почти все тарусские князья окончательно сделались служилыми князьями великокняжеского московского двора, упоминание Тарусского княжества окончательно исчезает из источников, однако потомки тарусских князей (князья Оболенские, Щербатые, Долгорукие, Борятинские и др.) еще несколько столетий продолжали играть в русской истории заметную роль...» [113, с. 464].

«Волконское княжество – одно из Верховских княжеств, небольшой удел на р. Волкона, или Волхона (в современном Дубенском районе Тульской области), выделившийся во 2-ой половине XIV века из Тарусского княжества. Согласно сообщению *Белорусско-Литовской летописи*, после гибели черниговского князя Михаила Всеволодовича в 1246 г. в Орде "князя Михаилов сын, князь Юрьи, остался и оставил отчину свою пусто, и пришел в Тарус, и в Тарусе господарыл и родил сынов пять... И розделил им после своего живота отчину. Старшему, Всеволоду, Тарусу, Семену Канин, Михаилу Мышагу, а Ивану Волкона, а Константину Оболенск". По мнению А. В. Шекова, свидетельство... о выделении князю Ивану Юрьевичу, по прозвищу Толстая Голова, в удел г. Волкона с одноименной податной территорией подтверждается извес-

тиями других списков родословной князей Волконских. Сохранение Иваном Толстая Голова титула "князь тарусский" ***характеризует положение Волконы как удела Тарусского княжества кон. XIII – нач. XIV вв.,*** т.е., по мнению Р. В. Зотова, "доля князя в общей с братиями вотчине", но еще не самостоятельного удельного княжества... **После смерти князя Мстислава Ивановича** (сына Ивана Толстой Головы) **его дети** "пришли жить на Павшино" – вотчину, перешедшую **после гибели в Куликовской битве 1380 г. бездетных князей спажских (сыновей Мстислава)** к Волконским князьям, их ближайшим родственникам, т.к. Иван Юрьевич Толстая Голова был общим предком Волконских и спажских князей, и Павшино вместе с Волконой входило в его удел... В связи с ликвидацией Тарусского княжества в течение 1-ой половины XV века и потерей князьями Волконскими прав на его столицу, *Волконский удел Тарусского княжения преобразуется в самостоятельное удельное княжество*, которое путем лавирования между Москвой и Литвой пыталось сохранить свой суверенитет, несколько ограниченный вассальными отношениями с великим князем литовским. *В 1-ой половине XVI века Волконское княжество было ликвидировано* и превращено в обычную вотчину "служилых" князей» [112, с. 212–213][1].

[1] *Наш комментарий*:

В представленном тексте показана новая для нас информация – о гибели в Куликовской битве «бездетных **князей спажских**» (сыновей Мстислава Ивановича). Согласно родословным древам, приведенным на сайте [125], **князья спажские пошли от Семена, сына князя Юрия Михайловича**. Это согласуется с данными Белорусско-Литовской летописи (информацию из которой приводит В. В. Богуславский) о том, что Семену при разделении

«Оболенское княжество — одно из Верховских княжеств, *небольшой удел, выделившийся из Тарусского княжества*. В начале XIV века сын тарусского князя Юрия Михайловича Константин получил в удел г. Оболенск с волостью, располагавшийся на р. Протва, и стал первым удельным князем Оболенским. **В 1368 г. великий князь литовский Ольгерд взял Оболенск, убив сидевшего там местного князя Константина Ивановича.** *Его сыновья бежали в Москву и поступили на службу к великому князю Дмитрию Ивановичу*, перестав быть удельными, *сохранив* и передав по наследству

«отчины» достался Канин. Поэтому спажские князья в источниках называются «спажскими и канинскими». О князьях Спажских нашли также следующую информацию:

«**Князья Спажские**. Ветвь князей Тарусских. Сын (имя не названо. — *Прим. сост.*) князя Юрия Михайловича Тарусского получил Конинское княжество. Один из его потомков (также не сказано, кто именно из потомков. — *Прим. сост.*) получил Спажское княжество и стал родоначальником князей Спажских. Согласно родословным книгам, они "захудали и извелись от войн татарских". **Князь Мстислав-Иван Спажский** (здесь, как видим, указано на то, что Спажскими землями владел Мстислав Иванович, очевидно, Тарусский, а он был не сыном, а племянником вышеупомянутого Семена. — *Прим. сост.*) **погиб в Куликовской битве в 1380 г. Род угас в XV веке со смертью Бориса и Михаила Мстиславичей**» [138].

Но из последнего приведенного текста следует, что сыновья Спажского князя не погибли в Куликовской битве, как об этом сообщалось у В. В. Богуславского, а умерли бездетными в XV веке. Спажским же князем был Мстислав Иванович Тарусский.

Далее, у В. В. Богуславского в «Славянской Энциклопедии» [112, с. 211] приведена родословная таблица князей Волконских, где у князя Мстислава Ивановича Тарусского, погибшего в Куликовской битве, действительно отмечены сыновья Михаил и Борис Спашские, а после — эта ветвь обрывается (это подтверждение информации о том, что сыновья Мстислава Ивановича Тарусского — Михаил и Борис — умерли бездетными, и род прекратился).

родовое *наименование князей Оболенских*. Оболенское княжество перестало существовать» [110, с. 70].

«К северо-западу от Серпухова уже в наше столетие возник новый поселок Оболенск. Он построен в комплексе с Всесоюзным научно-исследовательским институтом прикладной микробиологии. Название этому научному центру дали по древнему городу (княжеству) Оболенску. Но новый поселок никакого исторического и географического отношения к древнему городу Оболенску не имеет. Название появилось по прихоти строителей поселка. *В Географическом словаре начала XIX века* Оболенск определен как "бывший пригородок, принадлежавший городу Серпухову, а ныне (1805 г.) — слобода в Тарусском уезде Калужской губернии при реке Протве в 20 верстах от впадения в Оку". Наряду с Оболенском, в том же словаре упоминаются *села Оболенско-Никольское* на левом берегу реки Оболенки с церковью Николая Чудотворца и *Оболенско-Пречистенское на правом берегу Протвы с церковью Успения Богородицы*. Поскольку в перечне церквей Оболенской десятины конца XVII — начала XVIII вв. церковь Николы Чудотворца "в Оболенску", а церковь Успения Богородицы — в старом Оболенске, *древний Оболенск отождествляется с селом Оболенским-Пречистенским*... Оболенск находился на территории, где (по летописным известиям) в XI—XII вв. обитала голядь *(балтское племя, видимо, литовское по происхождению)*. В атласах генерального межевания XVII века отмечалось, что это село являлось прежде городом; по мнению П. Семенова, город этот и был родовым имением князей Оболенских. Известно, что уже в XIII веке Оболенское княжество находилось в

уделе пятого сына князя Михаила Черниговского – Юрия Михайловича, именовавшегося «князем Тарусским и Оболенским». В первой половине XIV века Оболенск отделился в самостоятельное княжество, в него входила вся окружная долина реки Протвы. **Первым князем Оболенским** был правнук Юрия Михайловича – **Константин Иванович, который в 1368 г. погиб в бою на речке Хохле вблизи села Троицкое**. Упоминание об Оболенске встречается в летописи по поводу взятия его шедшими на Москву литовцами. П. Симсон в "Истории Серпухова" (*М., 1880*) так пишет об этом: "...**в 1368** г. Тверской князь поущал Ольгерда идти на Москву. Часть Ольгердовой рати прошла недалеко от серпуховских пределов, взяла Оболенск близ устья Протвы и умертвила тамошнего князя Константина Юрьевича, и сыновьями Константина Юрьевича были **тарусский князь Иван и оболенские Семен и *Андрей. Оболенские воеводы вместе со своими князьями и братом их Иваном участвовали в сражении на Куликовском поле...*»** [144][2].

[2] *Наш комментарий*:

Найти книгу П. Симсона «История Серпухова» пока не удалось. Однако в приведенном тексте есть ошибка – все другие источники сообщают, что в 1368 г. был убит князь Константин Иванович (внук Константина Юрьевича), а не сам Константин Юрьевич. Весьма интересным в этом тексте оказалось то, что здесь имеется (пусть не прямое) сообщение об участии в Куликовской битве Андрея Константиновича Оболенского, брата Иоанна и Семена Константиновичей Оболенских (см. в вышеприведенном тексте выделенное жирным курсивом). Конечно, достоверных сведений об этом пока не найдено, но такие же данные есть и у М. Д. Каратеева. Этот русский писатель изучил множество источников, в том числе и те, которые нам пока неизвестны (надеемся когда-либо познакомиться с его архивом). Так вот, Михаил Дмитриевич Каратеев также причисляет князя Андрея Константиновича,

Из всего вышеприведенного ясно, что князья Тарусского дома уже с 1368 года служили московскому князю, что они приняли активнейшее участие в борьбе против врага, в защите Отечества от поработителей. Четверо из них являлись достоверными участниками Битвы *(см. ниже информацию по источникам)*, двое из которых погибли, защищая родную землю. Кроме того, в Сражении предположительно участвовали еще несколько тарусских князей.

В процессе изучения материалов о князьях Тарусского дома у нас появилось одно маленькое наблюдение, которым хочется поделиться. Как уже сказано выше, отцом участников Куликовской битвы — князей Семена, Ивана и Андрея Оболенских был убиенный в 1368 г. князь Константин Иванович, внук родоначальника князей Тарусских Костантина Юрьевича. После смерти Константина Ивановича (т.е. после 1368 г.) его сыновья (***правнуки Константина Юрьевича***) перебрались в Москву. Можем сделать предположение, что им — Ивану, Семену и Андрею Константиновичам — к

а вместе с ним и еще одного сродника Оболенских — Михаила Андреевича (кто он — пока даже предположить не можем) — к участникам Куликовской битвы.

Вообще, информация о князьях Тарусского дома весьма противоречива. Так, в Бархатной книге [31] и в родословных таблицах князей Тарусских, приведенных в Славянской Энциклопедии В. В. Богуславского [109, 110], не встречаем имени Семена Константиновича Оболенского (у Константина Ивановича здесь есть только два сына — Иван и Андрей Константиновичи). Но Новгородская летопись по списку Дубровского уверенно называет Семена Константиновича Оболенского в числе участников Куликовской битвы. И другие авторы — составители изданий о дворянских Российских родах [49, с. 146] приводят сведения о том, что братьев Константиновичей было трое — Иван, Семен и Андрей.

моменту Куликовской битвы было, как минимум, по 25-30 лет. В то же время, как нам уже известно, в Битве участвовали и погибли их сродники – **Мстислав Иванович и Федор Иванович Тарусские** (их в своей исторической повести «Богатыри проснулись» М. Д. Каратеев называет «старики Ивановичи»). Они, согласно родословным, были ***детьми Ивана Юрьевича***, который, в свою очередь, приходился **родным братом прадеда** князей Ивана, Семена и Андрея Оболенских. Получается, что «старики Ивановичи» во время Куликовского сражения были уже весьма преклонного возраста, лет им могло быть, как минимум, по 70 (!!!).

И еще необходимо сделать некоторые дополнительные замечания.

Имена князей **Федора Тарусского и его брата Мстислава** содержатся в списке погибших Пространной летописной повести о Куликовской битве, сохранившейся в составе Софийской I, Новгородской IV, Карамзинской и части других летописей, восходящих к условному своду 1448 года.

В Новгородской летописи Дубровского [13], которая богаче фактами, в отрывке об уряжении полков названы князья **Семен Константинович Оболенский** (из дома тарусских князей) **и его брат Иван Тарусский**. Они упоминаются и в части списков Печатного варианта Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище».

С. Н. Азбелев в созвучии с мнением А. А. Шахматова показал, что в Новгородской летописи Дубровского сохранился наиболее ранний текст Пространной летописной повести. Имени Федора Тарусского в списке погибших в протографе не было. Тем же Азбелевым было высказано предположение, что якобы

имя его появилось в результате искажения при переписке имен князей Федора Романовича Белозерского и его сына Ивана Федоровича, после которых в Пространной летописной повести сразу упоминается Федор Тарусский. В Симеоновской летописи говорится под 1437 годом о гибели Ф. Тарусского в бою с ордынцами под г. Белевым, а М. А. Салмина отождествляет его с Ф. Тарусским, погибшим на Куликовом Поле.

Но вот что до́лжно возразить. При составлении Бархатной родословной книги в 1686 г. **князья Волконские** подали роспись, где было показано их происхождение от князей Тарусских. Имя Федор там встречается *неоднократно*. Так же, здесь в росписи было указано, что дети князя Ивана Юрьевича Тарусского — Федор и Мстислав, «убиты при Великом Князе Дмитрее Ивановиче Донском на Мамаевом побоище в лето 6888-го года, а дети их (князь Федора Таруского по убиении их) князь Контятин (*Константин*), князь Иван, князь Федор Конинские пришли жить на волкону[3] и с того времени начали зватися волконские...». По родословию у князя Федора, погибшего в 1380 г., оказывается, был младший сын Федор, который вполне мог погибнуть в 1437 году[4].

[3] От города Волкона археологическими остатками считается городище у д. Тимофеевка Дубенского района Тульской области на р. Волконе. Найденный здесь при раскопках набор вещей позволяет датировать городское сооружение укреплений 2-й пол. XIV — нач. XV в., что соответствует информации родословной 1686 г. о *переносе* княжеской ставки на Волкону вскоре после 1380 г.

[4] Вообще, при составлении родословцев или для признания того или иного человека родоначальником какого-либо дворянского рода, родословие не всегда прослеживалось от истинных родоначальников. Так, например, «старинный род Карамзиных вел свое

В родословец 1555 г. князья Волконские не вошли, т.к. до 60–70-х гг. XVI в. служили в Старицком уделе, либо в уездных городах: Туле, Белеве, Рыльске, Калуге. В связи с местническим спором 1686–1688 гг. с князем И. Б. Репниным, М. И. Лыковым, К. О. Щербатым князьями Волконскими была запрошена выписка из летописи, хранившейся в Троице-Сергиевом монастыре, где были указаны князья Тарусские, погибшие в Куликовской битве (Маркевич А. И. О местничестве. Т. 1, Киев, 1879 г.). *Более подробно см.* [50, с. 186–191].

начало от татарского военачальника Кара-Мурзы, который в давние времена поступил на службу к московскому Государю, принял Православную веру и получил земли в нижегородских пределах. На Руси не было исключением, что выходцы из других народов становились родоначальниками дворянских русских фамилий». Но, однако, потомок Кара-Мурзы, знаменитый русский историк Николай Михайлович Карамзин, «чтобы подтвердить свое дворянское происхождение, в 1798 году подавал прошение в Вотчинный департамент, приложив таблицу, где родоначальником указал Семиона Карамзина, жившего в конце XVI века и скончавшегося во времена Смуты. Николай Михайлович был его потомком в седьмом поколении. Видимо, о более далеком предке он ничего не знал, что, впрочем, ему не помешало получить нужную бумагу, ведь главное — требовалось доказать безпрерывность по мужской линии своей дворянской родословной. Следовательно, отсчет вполне мог идти с XVI века, с поры образования дворянства, что уже являлось достаточным основанием отнести себя к представителю старейшего дворянского рода» (информация из книги: В. Шамшурин. Николай Карамзин // Серия «Русские судьбы». М.: Новатор, 1998. с. 14).

Князья Тарусского дома

братья

‡ Федор Иванович и

‡ Мстислав Иванович;

братья

Семен Константинович Оболенский и

Иван Константинович Тарусский и Оболенский

В Битве все были воеводами в *Сторожевом/Передовом Полку*

Источник информации и содержание:

Новгородская летопись
по списку П. П. Дубровского [13]

Стр. 134: (перед Битвой. — *Прим. сост.*): В **сторожевомъ полку** тогда воеводы учини: Михаила Иванова сына Окинфовича, да князя **Семена Констянтиновича Оболенского,** да **брата его князя Ивана Поружскаго** (по-видимому, следует читать «Тарусского», имея в виду Ивана Константиновича Тарусского и Оболенского. — *Прим. сост.)*, да Андрея Серкиза, иныя же свои полки многи разрядив и воеводы учини.

И. Афремов. Куликово Поле [38]

Стр. 18-19: Войско огромными колоннами двинулось, перешло Дон, ...где Димитрий... повелел устроивать **все шесть полков** (корпусов) **к битве...**

Стр. 20-21:...впереди четырех полков этих стал ***сторожевой*** или ***передовой полк*** князей: Глеба, Димитрия и Владимира Всеволодовичей Друцких; **князей Иоанна Константиновича,**

Феодора и Мстислава Торусских; князя Семена Константиновича Обаленскаго (родного брата Иоанна Торусскаго); при них бояре: священновитязи Александр Пересвет и Родион Ослябя, посланные с Димитрием святым игуменом Сергием; Михаил Иванович Челядин (внук перешедшаго в Тверь Иакинфа) и Андрей Иванович Серкис...

Летописная повесть о побоище на Дону [10]

Стр. 235: Тогда же на том побоище **убиты** были в схватке**:** князь Федор Романович Белозерский и сын его Иван, **князь Федор Тарусский, брат его Мстислав,** князь Дмитрий Монастырев, Семен Михайлович... и многие другие, имена которых не написаны в этих книгах; были написаны только князья и воеводы и имена знатных и старейших бояр...

Наш комментарий:

Аналогичная информация приводится в Рассказах о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода и Новгородской IV летописи [82, с. 38, 77].

Дворянские роды Российской империи [32]

Стр. 169: **Иван Константинович Оболенский** вместе **с братом Семеном Константиновичем Оболенским** в 1375 г. принимал участие в походе великого князя Дмитрия Донского на великого князя Тверского Михаила Александровича, **а в 1380 г.** они также вместе **принимали участие в Куликовской битве,** причем Семен Константинович командовал сторожевым полком (*информация*

из издания: Власьев Г. А. Потомство Рюрика. СПб., 1906–1917. Т. 1, ч. 1–3).

В. Федорченко.
Дворянские роды, прославившие Отечество [120]

Стр. 82–84: **Волконские – княжеский род**, отрасль князей **Черниговских**. **Родоначальник – князь Иван Юрьевич, по прозвищу Толстая Голова** (13-е колено от Рюрика), согласно официальной родословной, сын князя Юрия Михайловича Тарусского и Оболенского, получивший удел земли на берегах р. Волкони. От старшего сына Ивана Юрьевича, **князя Федора Ивановича,** *убитого в 1380 году в Куликовской битве,* **пошли три основные ветви рода князей Волконских.** С начала XVI века Волконские служили воеводами, головами и владели вотчинами и поместьями в Коломенском, Костромском, Тульском, Зубцовском, Белевском уездах... (*Подробно о потомках на указанных страницах).*

Стр. 303–304: **Оболенские – княжеский род,** ветвь князей **Черниговских.** Внук князя Михаила Всеволодовича Черниговского, **князь Константин Юрьевич** (13-е колено от Рюрика), получивший в удел г. Оболенск, **стал родоначальником Оболенских...** *(Подробно о потомках рода, начиная с XV века, на указанных страницах).*

Наш комментарий:

Таким образом, *родоначальники* Оболенских и Волконских – *родные братья*: Константин Юрьевич и Иван Юрьевич (по прозвищу Толстая Голова).

Дворянская семья [49]

Стр. 146: **Князья Оболенские происходят от** потомка князя Рюрика в XI колене **великого князя Черниговского Михаила Всеволодовича,** принявшего мученическую смерть в Орде, в ставке Батухана, в 1246 г. за отказ выполнить языческие обряды монголов, и причтенного Русской Православной церковью к лику святых, **и от его младшего сына Юрия, князя Тарусского и Оболенского.** Сын последнего, князь Константин Юрьевич, унаследовавший после отца город Оболенск, именовался князем Оболенским и передал это свое прозвище в виде фамилии своим потомкам. *Во второй половине XIV в.* западнорусские земли (в том числе и Оболенск) отошли к Литве, и правнуки князя Константина, **князья *Семен, Иван и Андрей***, потеряв свой удел, **перешли на службу к великому князю Московскому Дмитрию Донскому** (первые двое — **Семен и Иван — сражались на Куликовом поле).** От князей Ивана и Андрея Оболенских пошло многочисленное потомство; потомки их — Телепневы, Репнины, князья Тюфякины, Серебряные, Лыковы, Долгоруковы, Щербатовы и др.

Наш комментарий:

Как видим, в родословных, так же как и в летописных источниках, **нет сведений об участии Андрея Константиновича Оболенского в Куликовской битве.** Но здесь подтверждается то, что князь Андрей Константинович Оболенский, брат участников битвы на Куликовом поле князей Оболенских, жил в то время, да к тому же оставил многочисленное потомство.

М. Каратеев. Участники Куликовской битвы [62]

Стр. 10: А. КНЯЗЬЯ – УЧАСТНИКИ СРАЖЕНИЯ

8. †† Тарусский Федор Иванович.
9. †† Тарусский Мстислав Иванович.
10. Оболенский Иван Константинович.
11. †† Оболенский Андрей Константинович.
12. Оболенский Михаил Андреевич.
13. † Оболенский Семен Андреевич. *По ошибке в некоторых источниках назван Семеном Константиновичем.*

Наш комментарий:

Информация М. Д. Каратеева пока для нас местами сомнительна и противоречит другим источникам. Так, например: под № 13 ***подлинным*** является ***имя Семена Константиновича Оболенского***, а имя князя *Семена Андреевича* остается под сомнением; имя князя *Михаила Андреевича Оболенского* (№ 12) мы также не обнаружили в других источниках – под таким именем в летописях проходит Михаил Андреевич Бренк. Князь ***Андрей Константинович*** (№ 11), как показано нами выше, брат Семена и Ивана Константиновичей Оболенских. Об участии его в Куликовской битве нашли слабое подтверждение на сайте [135], где есть ссылка на книгу П. Симсона «История Серпухова». Однако сами мы этой книги пока не видели и в достоверности сведений уверены быть не можем. Имя Семена Андреевича исключается нами из участников Битвы, ***а имена Андрея Константиновича и Михаила Андреевича*** требуют проверки. К сожалению, М. Д. Каратеев скончался в 1978 году, но мы очень надеемся познакомиться с его архивом, о существовании которого известно.

М. Н. Макаров. Село Рожествено-Монастырщина и поле Куликово [78]

Стр. 23–24: Между *Зеленою дубравою* и *Красным холмом* (в этом тексте все курсивы авторские. — *Прим. сост.*) начинается течение речьки *Смолки*, впадающей в *Дон* и претворившейся, как утверждают современники дела Донскаго, в страшную реку кровавую: там по среди меры ея протока, на одном ея берегу и теперь есть еще деревня *Оболенщина*, где, повторивши слова предания, скажем, что храбрый, могучий Началовождь своего отряда, Князь *Симион Константиновичь Оболенский*, чинил Татарам отпор крепкий: он топил их в *Смолке*, загонял их к Дону... Место, где сражался *Оболенский*, названо было *Оболенщиною* и в последствии времени заселено...

Река Смолка (фото свящ. Валерия Мешкова)

Новосильское княжество

Куликов столб на Красном холме
(фото свящ. Валерия Мешкова)

На титульной странице — наконечник стрелы,
найденный на Куликовом Поле

Заметки о Новосильском княжестве

(находилось в пределах территорий современных Тульской и Орловской областей)

Древнерусское удельное княжество. Образовалось после разгрома в 1239 г. татаро-монголами Черниговского княжества и перенесения черниговскими князьями стольного града в северо-восточные владения — Глухов и Новосиль. Это одно из удельных княжеств в верховьях Оки, которые достались сыновьям черниговского князя Михаила Всеволодовича, погибшего в Орде в 1246 г., а именно: Роману — Черниговское и Брянское княжение, Семену — Новосильское и Глуховское, Мстиславу — Карачевское, Юрию — Тарусское.

Новосильское княжество примыкало с запада к району Куликова поля. Владения его граничили с Брянскими землями, некогда принадлежавшими союзникам Дмитрия Московского. Во второй половине XIV века княжество было значительным по размерам и влиянию. В 1368 г. один из новосильских князей Роман Семенович присягает на верность московскому великому князю Дмитрию Донскому и участвует со своей дружиной в ряде сражений на стороне Москвы. В грамоте 1371 г. великого князя Литовского Ольгерда патриарху Филофею Новосиль упомянут *наравне с такими центрами, как Киев, Смоленск, Тверь и Нижний Новгород*, а в перемирной грамоте Ольгерда с Дмитрием Московским *князь Новосильский Роман назван Великим*. Упоминание о Новосильском княжестве содержится в Никоновской летописи под 1375 г., в связи с отражением золотоордынцев. В. Н. Татищев под 1375 годом сообщает: «В лето сие татары Мамаевы придоша под Новосиль и Новосильскую землю всю пусту

сотвориша и со многим пленом возвратишася восвояси». После этого татарского погрома Новосильский князь Роман Семенович на следующий год перенес свою столицу из Новосиля на 100 км севернее, в Одоев» (так возникло еще одно удельное княжество — Одоевское). Новосильское княжество придерживалось московской ориентации, и в «Списке русских городов дальних и ближних» Новосиль назван в числе московских городов. Сын Романа, князь Василий, перешел в 1468 году княжить в Белев, основав род князей Белевских. Четверть века спустя внук Романа, князь Федор, переехав в Воротынск, положил начало роду князей Воротынских.

В конце XIV—начале XV вв. княжество включало в себя земли выделившихся Одоевского, Воротынского, Белевского, Оболенского и Тарусского княжеств. В начале XV в. Новосильское княжество попало под власть Литвы, а в конце того же столетия его территория вошла в состав Русского государства.

На сайте [144] имеется информация о том, что князь Роман Семенович Новосильский со своей дружиной участвовал в Куликовской битве. (Заметим сразу, что более нигде подобных сведений не встретили, а посему пока не можем им доверять в полной мере. Однако в том, что дружина Новосильского княжества во главе с сыном князя Романа участвовала в Битве — у нас сомнений нет).

Современный город Новосиль является районным центром Орловской области и расположен в пределах Среднерусской возвышенности, на правом берегу реки Зуша (приток Оки), в 70 км к востоку от Орла. Новосиль впервые упоминается в 1155 г. как крепость Итиль (Новосиль).

(По материалам [113, с. 55—56]; [70, с. 291—292]; [145]*)*

Новосильское княжество:

*Князь (*либо *Василий,* либо *Лев,* либо *Юрий) Романович Новосильский*

Сын князя Романа Семеновича Новосильского, один из воевод *Засадного Полка*.

Стефан/Степан Новосильский/Новосильцов,

юрьевский юноша

Возможно, воевал в Юрьевской дружине, которой командовал Тимофей Васильевич Волуевич.

***Источник информации и содержание*:**

Новгородская летопись
по списку П. П. Дубровского [13]

Стр. 134: Князю же великому Дмитрию Ивановичю пришедшю за Дон в поле чисто, в Мамаеву землю, на усть Непрядвы реки, и став ту князь велики подостоящу полки разрядив и воеводы учинив... В **западномъ же полку, в дубравах утаив** благороднаго и храбраго брата своего, князя Владимера Андреевича, да с нимъ некоего мужа мудра и храбра Дмитрия Михаиловича Волынца, да князя Романа Михаиловича Брянского, да князя Василья Михаиловича Кашинского, **да князя Романовича Новосильского**, исполчився поидоша противу себе...

Н. М. Карамзин.
История Государства Российского. Т.V. [61]

Стр. 38—39: ...Войско перешло за Дон, и стало на берегах Непрядвы, где Димитрий устроил

все полки к битве... **а в Засаде** Князь Владимир Андреевич, внук Калитин, Димитрий Михайлович Волынский, победитель Олега и Болгаров, муж славный доблестию и разумом, Роман Михайлович Брянский, Василий Михайлович Кашинский **и сын Романа Новосильскаго.**

Наш комментарий:

В этом тексте, также как и в Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского, явно указано на то, что **сын князя Романа Семеновича Новосильского,** имя которого не названо, **был в составе воевод Засадного Полка**.

И. Афремов. Куликово Поле [38]

Стр. 18—21: Роковый день 8-го сентября наступил с раннего утра густым туманом, который при солнечном восходе стал редеть и расходиться; казалось, сама предустрашенная природа облеклась печальною ризою... повелел (великий князь. — *Прим. сост.)* устроивать все шесть полков (корпусов) к битве (см. план битвы).

...Последний шестый ***засадный полк*** князя Владимира Андреевича, внука Калиты и двоюроднаго брата Донскаго; князя Димитрия Михайловича Волынскаго-Боброка, зятя великаго князя по сестре, победителя Рязанцев и Болгаров, — мужа славнаго доблестию и разумом; князя Феодора Елецкаго, князя Василия Михайловича Кашинскаго, **и юнаго Стефана Юриевича князя Новосильскаго.**

Прим. 391 на стр. 21: ***Историограф*** (имеется в виду Н. М. Карамзин. — *Прим. сост.*) *называет его* ***по отце «Романовичем»****, но* ***синодальная***

летопись *прямо говорит*: ***«Юриевской же юноша Стефан Новосильский»; следовательно он был сын князя Юрия Семеновича, брата Романова*** (*см. И.О.Т.г. родосл. табл. князей Новосильских, Одоевских, Белевских и Воротынских*).

Наш комментарий:

Иван Афремов переписывает вышеприведенный эпизод по своему усмотрению, назвав сына Романа Новосильского, находившегося в Засадном полку, Стефаном Юрьевичем Новосильским, якобы сыном брата Романа Семеновича – Юрия Семеновича. Мы с этим согласиться не можем. ***Во-первых***, потому, что летопись называет его Романовичем, а Н. М. Карамзин – сыном Романа, но не Юрия. ***Во-вторых***, потому, что не нашли в родословцах Новосильских князей имени Юрия Семеновича, и имени Стефана или Степана тоже не нашли. ***В-третьих***, наше сопоставление текстов многих вариантов Сказания и летописей подсказывает нам, ***что в Битве участвовали*** **два человека** ***с фамилией Новосильский*** **(это наша собственная версия,** которую у известных нам исследователей не встречали**):**

– первый Новосильский: ***сын (имя не названо) князя Романа Новосильского, один из воевод Засадного Полка***;

– второй: ***Стефан (или Степан) Новосильский (или Новосильцев),*** оказавшийся очевидцем того, как мужественно сражался с татарами великий князь Димитрий Иванович (***о Стефане Новосильском*** см. ниже).

Совершенно невероятно, что один и тот же князь Новосильский одновременно мог находиться и в Зеленой Дубраве, где в тайне, даже от своих, скрывался до времени Засадный Полк, и участвовать в бою.

Сказание о Мамаевом побоище. *Основная редакция* [24]

Стр. 273: Князь же Владимир Андреевич не нашел своего брата, великого князя, в полку... и говорил всем: «Братья мои, русские сыны, кто видел или кто слышал вождя нашего и начальника?» ...**Некто князь, именем Стефан Новосильский,** сказал: «Я видел его ***перед самым твоим нападением,*** идущего пешим с побоища, тяжко раненным. Но я не мог ему помочь, потому что преследовали меня три татарина, милостью Божиею едва от них спасся, а много зла от них принял и крепко пострадал».

Наш комментарий:

Здесь наглядно видно все, о чем мы проговорили выше: Стефан Новосильский **находился в бою,** когда видел великого князя раненым, а было это **до выступления из Дубравы** Засадного Полка, в составе которого был и сын князя Новосильского.

Сказание о Мамаевом побоище *(вариант Ундольского)* [22]

Стр. 182–183: Князь же Володимеръ Андреевичь ста на костех под черным (чермным. – *Прим. сост.*) знаменем и не обрете брата своего великаго князя в полку, ...и повели трубити събранною трубою... Нача глаголати: «Братиа моя, кто уведа или кто слыша своего пастыря, топере пораженъ пастырь, разведутся овци, кому сиа честь довлеет»... **Инъ же глаголаше именем Стефанъ Новоселскыи**, тои рече: «Азъ видих его перед самим приходом (твоимъ), пеша идуща с побоища, уязвлена велми, того ради не могох ему помощи – гоним бехъ треми татарины, но

милостию Божиею едва от них спасохся, а много пострадах от них».

Комм. на стр. 219 на текст: «Инъ же глаголаше именем Стефанъ Новоселскыи»: **Прозвище Стефана напоминает прозвище князей Новосильских**. И в некоторых списках «Сказания» **Стефан Новосельский** фигурирует с титулом **«князь»** (*Повести о Куликовской битве, с. 72, 151; Русские повести XV-XVI веков. Л., 1958, с. 35; ПСРЛ, т.IX. СПб., 1897, с. 62; Шамбинаго, 1906, тексты Сказания, с. 119)*. Летописная редакция «Сказания» относит Стефана к **юрьевским «уношам»** и **не** титулует его **князем** (*Повести о Куликовской битве, с. 104*).

Л. А. Дмитриев. Обзор редакций Сказания о Мамаевом побоище [83]

Стр. 458–459: Четвертую группу списков Основной редакции С. К. Шамбинаго назвал Печатной, так как часть списков из этой группы была напечатана И. Снегиревым в 1853 г. (первая публикация «Сказания о Мамаевом побоище»)... Печатная группа характеризуется такими признаками: ...**Рассказ Стефана Новосильцева усложнен рядом подробностей**. Приводим чтение его по списку ГПБ, F.IV.228: «*...аз видех его* (великого князя. — *Прим. сост.) пред твоим приездом пеша по побоищу ходяща и уязвлена вельми, и еще ему стужают четыре татарина. Аз же бихся с татарином и Божиею помощию побих его борзо и погнахся за теми, иже стужают вельми великому князю, но не мощно бе гнатися: не можаше бо конь борзо идти во трупе человеческом, едва су-*

гоних татарина и убих. От него же взади приехав изнависть три их на мя нападоша. И много ми стужаху, по милости Божией едва от них отбихся. Третий же побеже, аз же гнахся и за тем. Узрев же иныя татарове наехаша на мя, и многи ми стужиша и раны много мне крепко воздаша, от них же пострадах и ***едва от них избых — сорвахся с коня и во трубу*** **(трупу. — *Прим. Л. Д.*)** ***пребых дондеже приспел еси ты.*** *Аз чаю, яко жив есть великий князь, но во трупу мертвом. И рече ему князь Владимир: "Истинно есть, брате Стефане, видение твое!"...»*

Наши комментарии.

Не будем приводить более тексты этого сюжета из различных источников — все они об одном и том же, с добавлением или отсутствием некоторых подробностей. Обратим внимание на то, *как изменяются имя, прозвище и титулы юноши:*

1. Князь Стефан Новосильский — в Патриаршей или Никоновской летописи [11, с. 62]*;* в Основной редакции Сказания [24, с. 273]; в Основной редакции по Ермолаевскому списку [26, с. 247]; в Сказании по списку Михайловского [28, с. 35]; в редакции князя Хворостина [20, с. 289]*;* в редакции Пантелеймона Кохановского [19, с. 363];

2. Князь Юревский Стефан Новосилский — Сказание в редакции Синопсиса [2, с. 333];

3. «**Юрьевской же уноша, некто Степан Новосилской**» — в Летописной редакции Сказания [80, с. 104];

4. «У князя Юрия *был некто* по имени **Степан Новосельцов»** — Сказание по Забелинскому списку [27, с. 322].

Исходя из вышеперечисленного, можем предположить, что Стефан Новосильский (Степан Новосельцов) мог быть:

1. **Из рода князей Новосильских**.

2. Родом из Юрьева, ведь была же **Юрьевская дружина** под командованием воеводы Тимофея Васильевича Волуевича.

3. Ратником **из дружины князя Юрия** (Мещерского): «У князя Юрия был некто по имени Степан Новосельцов».

4. Еще одна версия приведена в работе ***Ю. К. Бегунова*** «Об исторической основе "Сказания"» [41, с. 504]:

> «...И только «некто князь, имянем Стефан Новосильской, тъй рече: "Аз видех его пред самим твоим приходом..." В родословиях Новосильских князей нет князя с именем Стефан. *Л. А. Дмитриев на основе учета чтений всех списков Основной редакции "Сказания" полагает*, что первоначальное чтение этого места было: "**...юн же юноша, некто Стефан, Новосильских князей"**, *т.е.* ***один из слуг или домочадцев князей Новосильских*** (Л. А. Дмитриев. Сказание о Мамаевом побоище. Диссертация, стр. 166)».

А вот что говорит известный историк ***М. Н. Тихомиров*** [103, с. 295]*:*

> «Совсем иная картина рисуется по сводному тексту. Когда Владимир Андреевич стал спрашивать, не видел ли кто великого князя, нашлись самовидцы... Юрка-сапожник... Васюк Сухоборец... Сенька Быков... Гридя Хрулец. Перед нами имена безвестных героев Куликовской битвы, в их числе ремесленник-сапожник. Нельзя лучше представить

себе всенародность ополчения, бившегося с татарами на Куликовом поле, чем назвав эти имена. Почему же они выпали у позднейших авторов? Потому что имена их ничего не говорили... Поэтому пятый самовидец, о котором в Новгородском Хронографе сказано: "*У князя Юрья некто есть именем Степан Новосельцев*", стал в третьей редакции Сказания князем Стефаном Новосильским, тогда как вторая редакция говорит о нем еще просто: "*Юрьевской же уноша некто Степан Новосилской*". Так терялась первоначальная действительная основа под пером позднейших редакторов».

Бархатная книга [31]

Родъ князя Михаила Черниговскаго.

...У князя **Семена Глуховского и Новосильского одинъ сынъ Романъ,** а пришолъ изъ Новосили жити въ Одоевъ от насилия Татарскаго.

А у князя Романа Одоевского 3 сына:

1. Князь Василей.
2. Князь Левъ, бездетенъ.
3. Князь Юрьи.

...А у третьего княжжь Романова сына Одоевского у князя Юрья дети:

1. Князь Иванъ.
2. Князь Федоръ.
3. Князь Семен.

Наш комментарий:

Нет в родословной у князя Романа Семеновича Новосильского сына Стефана, нет у него и брата Юрия, чьим сыном называет И. Афремов Стефана (Роман, по Бархатной книге, вообще единственный сын у князя Семена Глуховского и Новосильского).

Таким образом, действительно возможно, что ***Стефан Новосильский мог быть вовсе и не князем, а простым юношей, молодым воином, а фамилия его могла быть и Новосильцев.***

Кстати, эту фамилию носили в то время представители известного рода, к которому принадлежал *окольничий князя Владимира Андреевича Серпуховского* ***Яков Юрьевич Новосильцев***. Есть вероятность того, что Стефан мог быть из этого рода (*о Новосильцевых см. ниже у С. З.Чернова*).

С. З. Чернов. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. [104]

Стр. 294–295: Как свидетельствует **родословие Новосильцевых**, содержащееся в Румянцевской редакции родословных книг 1540-х г., Федор Хилин приходится старшим сыном Андрею Яковлевичу Новосильцеву, который жил в первой половине XV в. Отец Андрея – **Яков Юрьевич Новосилец** упоминается в Рогожском летописце **под 1374 г. как окольничий князя Владимира Андреевича Серпуховского,** которому было **поручено наместничество в** заложенном тогда же **Серпухове** – столице удела.

Ссылка в тексте: «Того же лета благородныи и христолюбивыи князь Володимеръ Андреевич заложи градъ Серпуховъ въ своеи отчине и повеле его нарядити и срубити дубовъ, а людемъ приходящимъ и гражаномъ живущимъ въ немъ и человекомъ торжьствующимъ подасть великую волю и ослабу и многоу льготу, приказавъ наместничьство дръжати града Якову Юрьевичю, нарицаемому Новосильцю, окольничему своему» (*ПСРЛ. Т. XV. Изд. 2-е. Вып. 1. Пгр., 1922. Стб. 106, 107*).

Наш комментарий:

Яков Юрьевич Новосилец назван в этой книге-исследовании **родоначальником Новосильцевых** (Указатель имен, с. 447). Отсюда и напрашивается это еще одно приведенное выше предположение относительно происхождения Стефана – **Степан (Стефан) мог быть братом Якову Юрьевичу (*«Юриевский уноша»*) и принадлежать к уважаемому в Серпухове роду.**

Наш комментарий:

Разобраться с участием в Куликовской битве представителей Новосильского княжества оказалось задачей весьма сложной. Однако никаких сомнений в том, что они мужественно защищали нашу землю в этом сражении, нет и быть не может. Подтверждением тому является многочисленные данные о верном служении Новосильского князя Романа Семеновича великому князю Московскому Димитрию Ивановичу, а некоторые современные источники [136] даже называют его участником Куликовской битвы. Проверить эти сведения пока не удалось, посему помещаем имя новосильского князя Романа Семеновича в список тех, чьи имена в связи с участием в Мамаевом побоище требуют или проверки сведений, или дополнительной информации.

Записываем в **наш Синодикъ** имена следующих участников Битвы::

– **Князь** (либо **Василий**, либо **Лев**, либо **Юрий**) **Новосильский с отчеством Романович**;

– **Стефан/Степан Новосильский/Новосильцев** – отчество неизвестно.

Елецкое, Муромское и Мещерское княжества

Икона Богоматери Муромская. Начало XV века. Рождественский кафедральный собор в Муроме.

На титульной странице — Городец Мещерский. Рисунок В. Кормилицына

Елецкое, Муромское и Мещерское удельные княжества и их представители — участники Куликовской битвы:

князь Федор Иванович Елецкий;

князь Андрей Муромский;

‡ *князь Юрий Федорович Мещерский*

В *Коломне* были определены воеводами в *Полку Правой Руки* к князю Владимиру Андреевичу Серпуховскому, в самой Битве, возможно, сражались в составе *Засадного Полка*, которым командовал Серпуховской князь.

Практически во всех редакциях и списках Сказания, с которыми нам удалось ознакомиться, об этих князьях находим только следующую информацию:

«Князь же великий с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, выехал на высокое место, увидел множество людей и возрадовался **и назначил воеводу в каждый полк. ...а в правую руку** назначил брата своего, **князя Владимира,** дав ему в полк ярославских князей... **А у князя Владимира Андреевича воеводы**: Даниило Белеут, Константин Конанов, **князь Феодор Елецкий**, **князь Юрий Мещерский, князь Андрей Муромский»** *(Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция*. [24, с. 257]*)*.

Это текст из эпизода об уряжении полков в Коломне, где русское войско готовилось в поход к месту Битвы. С *Полком Правой Руки* князь Владимир Андреевич Серпуховской, согласно многим спискам «Сказания», шел *от Коломны к Куликову Полю. В бою*

же великий князь Димитрий Донской *назначил его командовать Засадным Полком*. Таким образом, можно попытаться сделать предположение, что многие князья и воеводы, *уряженные в его войско в Коломне, остались под его командованием и во время сражения*, а, стало быть, князья **Федор Елецкий, Андрей Муромский и Юрий Мещерский** могли участвовать в Битве в ***составе Засадного Полка*** (ибо в Коломне еще не был сформирован отдельный Засадный Полк, но только перед боем, как стратегический ход).

Попробуем рассказать об этих князьях и об удельных княжествах, представителями которых они были, то, что удалось обнаружить в различных источниках.

Елецкое княжество

«Небольшое удельное княжество, входившее в XII веке в состав Муромо-Рязанской земли, т.к. впервые Елец — столица княжества — упоминается в летописи под 1146 годом как владение рязанских князей. Во 2-ой половине XIV века, когда удельный князь козельский Иван Титович разделил свою «отчину» между сыновьями, **младший сын Федор получил в управление Елец** с волостью и стал родоначальником князей Елецких. После татарского погрома в начале XV века территория Елецкого княжества запустела, а в конце того же века оказалась в составе Московского великого княжества» [112, с. 398].

«С XII века Елец упоминается в Никоновской летописи — в это время Елецкое княжество входило в состав великого княжества Рязанского, а правил здесь князь Елецкий Андрей Ярославич из рода рязанских князей. Историки считают, что на самом деле городу еще больше лет. Он был заложен на берегах реки Бы-

страя Сосна, правого притока Дона, при впадении в нее реки Ельчика, от которой и получил свое название. Это почтовый и ямской перекресток больших дорог, на черноземных землях, среди лесов, рек.

Елец строили как заставу с цитаделью-детинцом для защиты юго-восточной границы Российского государства. Именно приграничное расположение было причиной страданий, доставшихся городу за всю его историю — неисчислимых пожаров и грабежей. В 1238 году половцев сменили татары, уничтожившие Елец полностью. В последующие два века Елец подвергался набегам хана Ахмата Темира (1283), хана Узбека (1316), хана Тогая (1365), **хана Мамая, уничтожившего елецкий Кремль (1380; ельчане участвовали в Куликовской битве против Мамая),** хана Золотой Орды Тохтамыша, одного из потомков Чингисхана (1382), наконец, хана Тамерлана (1395). Рассказывают, что в древнейшей слободе Ельца — Аргамаченской — на Аргамаченской горе Тамерлану явилась Богоматерь, повелевшая ему убираться из города. В ярости Тамерлан сбросил с крутого берега в реку своего аргамака («аргамак — дорогая азиатская лошадь» [ПЦСС, 118]. — *Прим. сост.*), уничтожил "злой город" и вернулся в степь. Чудотворный образ — Елецкая икона Божией Матери — стал реликвией Ельца. В XVII веке ее подарили царю Михаилу Федоровичу, посетившему Елец, но в 1813 году икона была утрачена (из Новоспасского монастыря Москвы), а копия с нее похищена из Вознесенского собора Ельца.

До XVI века Елец был крепостью с девятью сторожевыми сооружениями, которые должны были оповещать Москву о приближении татар: Московское государство считало Елец важным стратегическим пунк-

том, постоянно посылало туда ратников и оружие. **Воины особого Елецкого полка под началом князя Федора Елецкого входили в русское войско во главе с Дмитрием Донским»** [*Н. Смирнова*, 129].

«**Елецкие** — русский княжеский род, *отрасль князей черниговских*. **Родоначальник — князь Федор Иванович Елецкий** (XV колено от Рюрика), живший в конце XIV в.» [32, с. 136].

«**Род князей Елецких**.
Князь Федор Елецкой, под ним Темир-Аксак Елец взял. У Князя Федора сын Князь Иван...» ([31, гл. 37]).

«**Князь Феодор Елецкий — первый Елецкий удельный князь**, сын князя Ивана Титыча Козельского, **правнук князя Михаила Всеволодовича Черниговского, умер после 1395 г.**» (*Комм. к списку Сказания, опубликованному в* [56, с. 498—499]).

«**Воевода князь Федор Елецкий** — сын князя Ивана Титыча Козельского, **родоначальник** рода **Елецких князей**. В 1395 году при взятии г. Ельца Тимуром он попал в плен» [40, с. 498].

«И уже окончательно растрогало Дмитрия Ивановича неожиданное появление еще одного князя, его и в живых-то не чаяли зреть! То был Федор Елецкий, удельный вотчич с берегов Тихой Сосны, то есть как раз оттуда, где сейчас вытаптывают траву Мамаевы полчища. Елец — городишко пограничный, разнесчастный, года не проходит, чтоб ордынцы не чинили ему обид. Уж ельчанам ли перечить Мамаю! Им, кажется, сам Богъ велел отсиживаться ныне где-нибудь в лесных норах. Ан нет! Прослышал князь Федор, что русская рать спускается к Дону, и из-под самых лап Мамаевых выскользнул с малой дружиной, полетел встречь великому князю. Семь бед — один ответ. Чем терпеть еже-

годные посрамления, лучше уж в одночасье сложить головушки — и за свой Елец горемычный, и за обиды всей Руси. Счастьем сверкали глаза на чумазом, запалившемся лице князя-бедолаги. Он увидел рать, неохватную, как море, дышащую жаром восхищения. Это было восхищение поступком горстки его ельчан. И, видя такое, хотелось ему плакать от радости, какой еще никогда в жизни не испытывал» [76, с. 257].

Муромское княжество

«**Княжество Муромское** (удельное княжество в Муромо-Рязанской земле). Столица — г. Муром, современный районный центр Владимирской области России, на р. Оке. Точное время основания Мурома неизвестно. Впервые он упоминается в "Повести временных лет" под 862 г., но, несомненно, был заложен значительно раньше. Название города происходит от финно-угорского этнонима "мурома" (народа, близкого, судя по летописям, мордве). Видимо, именно этим народом и был заложен Муром, позднее колонизированный славянами. В X—XI вв. Муром был довольно крупным торговым центром, известным далеко за пределами своего края. Территориально он находился в Черниговско-Северской земле, юридически входя в состав Киевской Руси. Первым Муромским князем (с 989), известным нам, стал Глеб, сын Владимира Святославича. После его гибели и утверждения власти Ярослава Мудрого городом сначала управлял великокняжеский наместник, а с обособлением Чернигова власть в нем перешла к черниговским посадникам. В начале XI в. за Муром началась ожесточенная княжеская распря, осложненная нападениями внешних врагов. В 1088 г. город, находящийся на границе Руси, был разграблен камскими болгарами. Около того же года в Муром прибыл на кня-

жение Изяслав, сын Владимира Мономаха. Он изгнал из города посадников Олега Святославича и стал править Муромом сам, что вызвало еще большую распрю между киевским и черниговским князьями.

В 1127 г. Муром вместе с Рязанью отделился от Черниговского княжества, а позднее и сам Муром отделился от Рязанской земли, образовав самостоятельный удел. При отделении от Чернигова Муромо-Рязанская земля досталась Ярославу Святославичу, а при его детях раздробилась на уделы. После смерти Ярослава в Муроме сидели (1130-1146) его сыновья Юрий, Святослав и Ростислав; затем (до 1174) там княжил его внук, Юрий Владимирович. Сыновья Юрия Владимир и Давыд (ум. 1238) были союзниками владимирских князей и активно помогали Всеволоду Большое Гнездо в его войнах с болгарами и в усмирении рязанских князей.

В 1239 г., при князе Ярославе Юрьевиче, Муром был разграблен татарами.

В 1288 г. Муром разорен монголо-татарами, а в 1293 — разорен в результате междоусобицы между князями Андреем и Дмитрием Александровичами.

В 1351 г. Муром, запустевший за время татарских нашествий, восстановлен князем Юрием[1].

[1] По другим источникам, это происходило так: «О Юрии известно, что он наследовал какому-то князю Василию, умершему в 1345 году. Юрий обновил свою отчину Муром, запустевшую со времени татарского нашествия. Он поставил двор свой в этом городе. Его примеру последовали бояре, вельможи, купцы и черные люди. В 1354 году какой-то Федор Глебович, собрав большое войско, пошел к Мурому на Юрия, выгнал его и сам сел на его место. Муромцы были рады Федору и пошли вместе с ним в Орду. Но спустя неделю после их отъезда Юрий вернулся, собрал остальных муромских жителей и также пошел в Орду судиться с Федором. По ханскому суду Муромское княжество досталось Федору Глебовичу. Юрий был выдан сопернику, который посадил его в крепкую темницу и истощением довел до смерти.

В 1355 г. Муром захвачен кн. Федором Глебовичем.

В 1378 год муромская дружина участвует в битве с татарами на реке Пьяне, а в 1385–1386 годы – в походе великого князя Дмитрия Ивановича Донского на Новгород Великий...

В 1408 г. в Муроме уже сидел московский наместник, а при Василии Темном Муром стал одним из уездных городов Московского княжества.

***Список правителей** (Муромского княжества)*:

1010–1015 – Глеб Васильевич Святой Муромский

...

? – н. XIV в. – Ярослав Юрьевич Муромский

? – 1345 – Василий Ярославич Муромский

1345–1354 – Юрий Ярославич Муромский

1354 – ? – Федор Глебович Муромский

? – 138? – Владимир Муромский

138? – 1392 – Андрей Муромский» [138].

«**Князь Андрей Муромский – Муромский удельный князь;** может быть сын князя Феодора Глебовича или князя Василия» (*Комментарий к списку Сказания, опубликованному в* [56, с. 498–499]).

Мещерское княжество

«Под “Мещерой” в настоящее время понимается территория Мещерской низменности, расположенной в междуречье рек Оки и Клязьмы. Но исторически этим именем обозначалась гораздо более обширная территория.

Дальнейшая родословная Муромских князей неизвестна. К 1390 году Муром уже был в составе Нижегородского княжества» ([130], *по материалам книги: Все монархи мира. Россия. 600 кратких жизнеописаний. Константин Рыжов. М., 1999*).

Изначально "мещера" — это название финно-угорского племени, жившего, согласно русским летописям, между муромой и мордвой. В современной ономастической науке принято включать это имя в одну группу с самоназванием венгров "мадьяры", а также с названием этнографических групп в составе двух тюркских народов татар-мишарей и башкир-можар. Иногда "мещеряк" в русских документах XV века обозначается как "мочярин", что еще больше сближает по звучанию вышеперечисленные имена. Иными словами, предполагается, что предки мадьяр, мещеры, мишарей и можар составляли этническую общность. Территория этого племени, "Великая Венгрия", по определению Л. Н. Гумилева, локализуется в Среднем Поволжье, в пределах современной Башкирии.

Затем предки венгров ушли в Паннонию, основав там собственное государство, существующее и по сей день. Мещеряки оказались на Средней Оке и были полностью ассимилированы русскими... Мещера как этническая целостность упоминается в русских источниках до конца XV века. Правда, прозвище "мещеряк" встречается в русских документах частных лиц и двумя веками позднее. Давалось ли это прозвище по этническому или географическому признаку, определенно сказать нельзя.

В период раннего средневековья под именем "Мещера" понималось, прежде всего, Мещерское княжество. Трудно сказать, что за княжеский род правил там. Изначально это мог быть удел расколовшегося Муромо-Рязанского княжества. **В таком случае, мещерские князья — неизвестная ветвь Рюриковичей. В пользу этого предположения говорит распространение на территории Мещеры духовного управления средневековой Муромо-Рязанской епархии.**

С другой стороны, родословие князей Мещерских, созданное в конце XVII века, настаивает на **татарском происхождении рода:** "от князя Ширинского Бахмета Усейнова сына, который *в 1298 году* пришел из Большой орды, *Мещеру завоевал и там поселился*". Однако эта **запись не вызывает доверия**. *Во-первых*, Большая орда появилась на развалинах Золотой орды лишь почти век спустя после указанной даты. *Во-вторых*, знатный татарский род мурз *Ширин не был чингизидским, и вряд ли его представитель мог самостоятельно завоевать столь обширные территории на границах Руси*. В Мещеру князья (мурзы) Ширинские попали позднее, в свите одного из первых касимовских царевичей. *В-третьих*, родословная роспись **не упоминает** единственного мещерского князя, чье существование подтверждено документально — **Александра Уковича,** жившего в 30-е годы XIV в. **Отчество этого князя не имеет аналогов ни среди русских, ни среди татарских имен**, что позволяет **предположить наличие в Мещере аборигенного рода правителей**. Так или иначе, все три версии имеют равное право на существование.

Независимое мещерское княжество просуществовало до конца XIV века. После 1392 г. Мещерское княжество уже находится в вассальной зависимости от Московского. Последние сведения о мещерских князьях как о владетелях Мещеры относятся к 1483 году. Родословная роспись указывает, что утрата ими княжества произошла во времена Ивана III, которому князья Мещерские променяли свои владенья на вотчины в других регионах Московского государства. Видимо, причиной этого стало решение московских правителей размещать в Мещере выезжавших на Русь татар, основание так называемого Касимовского царства» [136].

«**Городец[2] Мещерский.** Над этим городом прошумели ветры многих эпох. Он жил еще тогда, когда в этих краях обитало кроткое полукочевое племя мещера и вокруг звучала угро-финская речь. Потом, на переломе первого и второго тысячелетий нашей истории на мещерскую землю пришли славянские племена. Это были кривичи и явились они в мещеру со стороны Мурома... Самое удивительное для местных жителей было то, что славяне вели оседлый образ жизни и строили себе жилища из ошкуренных бревен... Кроме того, они знали кузнечное и гончарное ремесла... И что уж совсем интересно, не держали свое умение в секрете... С течением лет славяне и мещеряки, расставшись с полукочевым образом жизни, образуют большое по тем временам селение, которое получит название Городец Мещерский...

Существует предание, что в 1152 году в Городец Мещерский прибыл со своей дружиной великий князь Суздальский Юрий Долгорукий. Князь в то время был озабочен укреплением границ своего молодого княжества и, отметив удачное расположение Городца, повелел ему стать крепостью. Этот, 1152, год и принято считать годом основания города.

Более двух веков Городец нес пограничную службу и нес исправно, но в 1376 году он не устоял перед татаро-монгольским нашествием и был разграблен и сожжен. Однако мещерские жители через несколько лет поставили новый город, только уже на другом месте, в полутора верстах выше по Оке. Место было удачное. Теперь город располагался между двумя огромными оврагами

[2] ГОРОДЕЦ (или ГОРОДНО, ГОРОДЕН) – древнерусский город, центр княжества *(Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т.2. Г.-И., 1995. С. 49–50).*

(ныне они называются Успенским и Никольским по имени построенных здесь потом церквей). Эти огромные овраги с высоченными берегами являлись неприступными для противника естественными рубежами, оборонявшими город с востока и с запада. А с юга город защищался Окой с ее высоким гористым берегом. С севера же город охранялся непроходимым в ту пору лесом. Время строительства нового Городца... было временем княжения на Москве Дмитрия Донского и его сына Василия... Был присоединен к Москве и Городец Мещерский... (в целях укрепления Московского княжества. — *Прим. сост.*). Задача быть укрепленным пограничным пунктом за Городцом Мещерским осталась. Теперь он уже стоял на границе Московского княжества с беспокойным в то время Казанским ханством и впоследствии сыграл определенную роль в укреплении и расширении княжества, в присоединении Казани к Москве» [146].

«Свое современное название (Касимов) город получил во второй половине XV века. Именно в этот период великий князь московский отдал Городец Мещерский в удел казанскому царевичу Касиму, который бежал под защиту Москвы, спасаясь от возникшей в ханстве усобицы. Вместе с Касимом в этот район переселилось много татар. На пожалованных Касиму землях образовалось Касимовское царство, просуществовавшее более 200 лет. В состав царства входили уезды Рязанской и Тамбовской губерний (Касимовский, Шацкий, Елатомский, Темниковский). Род касимовских царевичей закончился в 1700 году, хотя уже задолго до этого их правление было весьма относительно. Они, правда, сохраняли свой титул, но выполняли роль воевод Москвы. В 1773 году Касимов стал уездным городом Рязанского наместничества» [139].

«**Род князей Мещерских**.

В лето 6706 (1198) князь Ширинской Бахмет Усеинов сын, пришел из большие Орды в Мещеру, и Мещеру воевал, и засел ее, и в Мещере родился у него сын Беклемиш.

И крестился Беклемиш, а во крещении имя ему Князь Михайло, и в Андрееве городке поставил храм Преображения Господа нашего Иисуса Христа, и с собою крестил многих людей.

У Князя Михайла сын Князь Федор.

У Князя Федора сын **Князь Юрьи.**

И Князь Юрьи был на Дону; пришол из Мещеры к Великому Князю Дмитрею Ивановичу своим полком.

У Князя Юрьи сын Княз Александр...» (*Бархатная книга*, [31, гл. 38]).

«…Потомки Беклемиша-Михаила были удельными князьями Мещерскими до второй половины XV века. Самым известным из них был внук Беклемиша, князь Юрий Федорович, который в 1380 году, при походе Димитрия Донскаго против Мамая, пришел на помощь к Великому Князю с полком своим и отличился в битве Куликовской…» (Родословная книга кн. П. Долгорукова, [35, стр. 23]).

«**Воевода князь Юрий Мещерский,** сын князя Федора, — потомок выходца из Большой Орды... Родоначальник рода князей Мещерских... "...**и убили его на Дону"** (известие о гибели князя взято автором из ВОИДР, кн. X, с. 73. — *Прим. сост.*) [Бегунов Ю. К., 41, с. 498].

Стародубское княжество

Поле Куликово близ Зеленой Дубравы
(фото свящ. Валерия Мешкова)

На титульной странице — крест-энколпион,
найденный на Куликовом поле

Заметки о Стародубском княжестве

Удельное княжество Северо-Восточной Руси. Столица — г. Стародуб (иначе Стародуб Ряполовский, или Волоцкий, или Вятский) — город на правом берегу р. Клязьмы, в 60 верстах от г. Владимира (с XIX в. отождествляется с с. Кляземский Городок Ковровского уезда Владимирской губернии, в 12 верстах от г. Коврова). В начале XIII в. — столица удельного княжества. Впервые упоминается летописями под 1218 г.: Стародубское княжество выделилось в это время из состава Владимиро-Суздальской земли, доставшись в управление Владимиру, сыну Всеволода Большое Гнездо. Однако спустя десять лет (1228) последний скончался бездетным, и территория его удела вновь вошла в состав Владимирского великого княжества.

В 1238 году, после татаро-монгольского погрома Северо-Восточной Руси, великий князь Владимирский Ярослав Всеволодович, распределяя отцовские вотчины, отдал Стародуб младшему брату — Ивану Всеволодовичу Каше, известному по своему удачному походу в 1236 г. на мордву, который и стал его первым удельным князем и родоначальником князей Стародубских, закрепив Стародубские земли за собой и своими потомками. Точные границы Стародубского удела неизвест-

ны, однако В. А. Кучкин, анализируя позднейшие земельные акты XV–XVI вв., определяет их следующим образом: княжество занимало относительно большую территорию по обоим берегам р. Клязьмы, главным образом по его правобережью, простираясь примерно от нижнего течения р. Нерехты (правого притока Клязьмы), достигая на западе р. Мегеры, а на востоке — р. Клязьмы, где последняя круто поворачивает на юг. Южная граница княжества шла по р. Таре, примерно до ее середины, где стояло с. Сарыево; на левом берегу р. Клязьмы западная граница княжества захватывала низовья р. Уводы, пересекая, видимо, верховья р. Тальши, правого притока р. Уводы.

Удельный вес Стародубского княжества в политической жизни Северо-Восточной Руси был невелик. В середине XIV в. оно попало в сферу интересов Москвы... Владетельный Стародубский князь Иван Федорович за поддержку Нижегородско-Суздальского князя Дмитрия Константиновича Старшего, претендовавшего на великий Владимирский стол, в 1363 году был сведен со своего удела и заменен братом Андреем... Его потомки (*князя Андрея*) также служили московским князьям. Стародубское княжество просуществовало до XV века, затем постепенно распалось на семь крупных и мелких уделов-владений князей Пожарских, Ряполовских, Палецких, Ромодановских, Ковровых, Голибесовых и др.

(*По материалам* [111, с. 426–427]; [116, с. 206; 129])

Князь Андрей Федорович Стародубский

Воевода *Полка Правой Руки.*

***Источник информации и содержание*:**

Новгородская летопись
по списку П. П. Дубровского [13]

Стр. 134: (перед Битвой. — Прим. сост.): ...**А с правои руке воеводы учини:** князя Андрея Федоровича Ростовского, да Федора Грунку, да **князя Ондрея Федоровича Стародубскаго**...

Н. М. Карамзин.
История Государства Российского. Том V. [61]

Стр. 38—39: ...Войско перешло за Дон, и стало на берегах Непрядвы, где Дмитрий устроил все полки к битве... **На правом крыле** князь Андрей Феодорович Ростовский, **князь Стародубский того же имени** и боярин Феодор Грунка...

Глеб Паншин. Куликово поле от А до Я [116]

Стр. 14: **Андрей Федорович** (1330 — год смерти неизвестен), **князь Стародубский** (Стародуба Владимирского). В 1375 году ходил с великим князем московским Дмитрием Ивановичем на усмирение великого князя тверского Михаила Александровича. **В Куликовской битве** вместе с Андреем Ростовским **начальствовал над правым крылом русских войск** — вторым по значению в традиционном тактическом построении...

Дворянские роды Российской империи [32]

Стр. 104: **Андрей Федорович** (ум. ок. 1380 г.) — **седьмой удельный князь Стародубский** с 1363 г., третий, младший сын четвертого удельного князя Стародубского Федора Ивановича (по прозвищу Благоверный). Был не только сам покорен великому князю Московскому, но и помогал ему бороться с противниками усиления Москвы.

М. Каратеев. Участники Куликовской битвы [62]

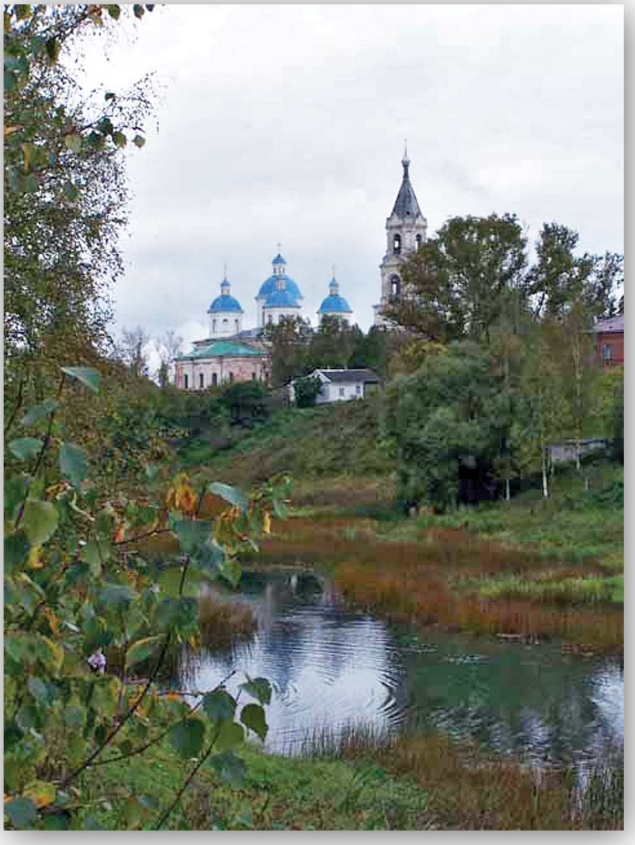
Стр. 10—11: А. КНЯЗЬЯ — УЧАСТНИКИ СРАЖЕНИЯ

41. Стародубский, Андрей Федорович.
42. † Стародубский, Семен.

Наш комментарий:

Имя князя **Семена Стародубского** в других источниках нами не найдено, а в данной статье ссылки на используемый источник нет, посему подлинность этого имени пока не установлена. В Бархатной книге [31] такое имя принадлежит внуку князя Андрея Федоровича Стародубского — Семену Ивановичу Ряполовскому. Летописи [11] действительно называют среди участников Мамаева побоища имя князя Семена Ивановича без обозначения родства (рассказываем о нем в главе «Другие участники Битвы»), но не думаем, что имя это принадлежит внуку Андрея Федоровича Стародубского, поскольку по возрасту он вряд ли мог участвовать в Сражении. Помещаем это имя в список тех, чье участие в Куликовской битве сомнительно.

Предстaвители Тверского княжества



Воскресенский собор над речкой Кашинкой (г. Кашин)

Заметки о Тверском княжестве

Территория Северо-Восточной Руси делилась в XIV веке на 11 княжеств, где Тверское было одним из главных[1]. Поэтому за великокняжеский Владимирский стол с Москвой тогда велись распри, и, что неприятнее всего, враждующие стороны нередко обращались за помощью к врагам — Литве и Орде.

Битве на Поле Куликовом предшествовал длительный конфликт, начавшийся в 1367 году. В Орде стало известно о приготовлении Москвы к совместным военным действиям русских княжеств. Поэтому, чтобы столкнуть Москву с Тверью, нечестивый Мамай передал ярлык на великое княжение Михаилу Тверскому. Димитрий Иванович собрал всех союзных князей (почти всю Северо-Восточную Русь) и осадил Тверь... В 1375 г. был заключен договор, по которому (помимо прочего) обе стороны обязались о совместном выступлении в случае начала похода на Орду.

В Куликовской битве приняли участие отряды **кашинского князя Василия Михайловича**, который откликнулся одним из первых. «...Войско перешло за Дон,

[1] Оно образовалось в 1246 г. и существовало самостоятельно до 1485 г., когда вошло в состав Московского государства (земли княжества были разделены на уезды — Тверской, Ржевский, Старицкий, Кашинский и другие).

и стало на берегах Непрядвы, где Димитрий устроил все полки к битве... **а в Засаде** Князь Владимир Андреевич, внук Калитин, Димитрий Михайлович Волынский, победитель Олега и Болгаров, муж славный доблестию и разумом, Роман Михайлович Брянский, **Василий Михайлович Кашинский** и сын Романа Новосильскаго...» [61, т. V, гл. 1, с. 39]. Русские историки (В. Татищев, С. Соловьев) считают, что, возможно, и Тверь не осталась безучастной. В «Истории России» В. Татищев [96, с.141] сообщает о том, что князь Димитрий «посла ж и ко брату своему *Михаилу Александровичу Тверскому*, прося помощи. Он же вскоре *посла силу и отпусти к нему в помощь* братанича[2] своего **князя Ивана Всеволодовича Холмского...**». В поздних источниках XVII–XVIII вв. говорится о том, что на Куликовом Поле погибло 50 (114, 104, 15) тверских «бояринов».

Однако в ряде справочных изданий участие Твери в Битве ставится под сомнение[3].

Упоминаемый В. Н. Татищевым [96] **среди убитых** в побоище **Тарас Шатнев** – М. Каратеевым в альманахе «Военная быль» (*у Каратеева фамилия звучит чуть-чуть иначе* – ***Шетнев***) назван **тверским боярином.**

[2] Братанич – племянник [ПЦСС, 118, с. 58].

[3] К примеру, вот что пишет С..Шокарев [109]: «Борьба Москвы и Твери продолжалась до 1375 г... Согласно... договору, Тверь должна была отказаться от союза с Литвой, оказывать военную поддержку Москве и не вмешиваться в дела Кашинского княжества, где занимал престол сын Василия Михайловича, Михаил. Ни одно из этих условий исполнено не было... Обозначенная в условиях договора военная поддержка Москвы Тверью никак не осуществлялась. **Даже в Куликовской битве** (Литва была на стороне Орды. – *Прим. сост.*) из тверичей участвовали только дружины князя Василия Михайловича Кашинского (внука), обособившегося от тверского великого князя. Независимость Кашинского княжества продолжалось недолго. В 1382 г., после смерти Василия Михайловича, оно вошло в состав великого княжества Тверского».

Представители Тверского княжества

Князья: Иван Всеволодович Холмский

Передовой Полк;

Василий Михайлович Кашинский

Засадный Полк.

‡ Боярин Тарас Шатневъ (Шетнев)

***Источник информации и содержание*:**

Димитрий Иоаннович Донской, или
История о Мамаевом побоище [3]

Стр. 38–39: ...Великий князь Димитрий Иоаннович немедленно... с сею печальною вестию послал ко многим удельным князьям, боярам, воеводам и прочим высоким начальникам, состоявшим под его властью, прося их соединить с ним свои силы для отвращения грозящей Отечеству опасности. Он послал к прежнему врагу своему князю Михаилу Александровичу Тверскому, **который отправил к нему свое войско и братанича** (племянника. – *Прим. сост.*) **своего князя Иоанна Всеволодовича Холмского.**

Наш комментарий:

Такая же информация содержится в «**Летописном сборнике, именуемом Патриаршая или Никоновская летопись**» [11, с. 49].

В. Н. Татищев. История Российская. Том V. [96]

Стр. 145: Пред свитанием септемвриа 8 дня приидоша сторожевыя, возвесчаюсче, яко татаре идут, слышан бысть топот конский и шум велий. Тогда князь великий созва вся князи, и уложища, яко князю великому быти *в середине* и смотрети на вся полки, камо потребно будет помогати; *направе* стати Ольгердовичем с северским и новогородским полками и псковичи; *налеве* белозерским и ярославским; **впереди тверскому...** И тако разрядивше начаша вооружатися.

Наш комментарий:

Здесь обозначено, что при уряжении полков перед Битвой ***на тверского воеводу*** (а им был ***Иван Всеволодович Холмский***) было возложено командование *Передовым Полком* (по другим источникам известно, что воеводами Передового Полка были многие знатные князья и бояре).

Новгородская летопись
по списку П. П. Дубровского [13]

Стр. 134: В западномъ (в засадном. — *Прим. сост.)* же полку, **в дубравах утаив** благороднаго и храбраго брата своего, князя Владимера Андреевича, да с нимъ некоего мужа мудра и храбра Дмитрия Михаиловича Волынца, да князя Романа Михаиловича Брянского, да князя **Василья Михаиловича Кашинского**, да князя Романовича Новосильского...

Глеб Паншин. Куликово поле от А до Я [116]

Стр. 34: **Василий II Михайлович, князь кашинский** (с 1373 г.), единственный сын Михаила Васильевича — князя кашинского. Продолжая традиции отца, уже с 1374 года стал бороться с великим князем тверским Михаилом Александровичем за отделение кашинского стола от Твери. В том же году Василий Кашинский сложил крестное целование Михаилу Тверскому и ушел в Москву. В 1375 году он участвует в походе Дмитрия Ивановича на Тверь, ведя за собой дружины кашинцев и новоторжцев. Война кончилась невыгодным во многих отношениях для Твери договором, по которому кашинский князь получил полную независимость. **В 1380 году Василий II Михайлович Кашинский участвовал в Куликовской битве, будучи в Засадном полку Владимира Храброго. Умер в 1382 году.**

Стр. 102: **Иван Всеволодович (1364—1402), князь Холмского удела Тверского княжества**. В некоторых вариантах «Сказания» говорится, что Дмитрий Иванович просил помощи князя тверского Михаила Александровича. Прямых указаний на то, что тверские князья участвовали в Куликовской битве, нет. Однако говорится, что **Михаил Тверской послал в общерусское войско своего племянника Ивана Всеволодовича Холмского.** Об этом же говорит и Н. М. Карамзин. Судя по отношениям Ивана Холмского с Москвою, это вполне достоверно. Так, летописи сообщают о женитьбе Ивана Холмского (после 1395 года) на сестре Дмитрия Донского и о пребывании его с 1397 по 1400 год в Москве, откуда

он вернулся с семьей в Тверь лишь после смерти Михаила Александровича, где и взял «мир и докончание» с новым великим князем тверским Иваном Михайловичем.

Летописный сборник, именуемый Патриаршая или Никоновская летопись [11, с.65]
и
В. Н. Татищев.
История Российская. Том V. [96, с. 148]

Бысть же избьеныхъ отъ Мамаа яко и число превозходяше на томъ побоище; **убьени же быша** нарочитые и велицые и удалые зело, ихъже имена суть сиа: князь Феодоръ Романовичь Белозерьский и сынъ его князь Иванъ; князь Феодоръ Семеновичь; князь Иванъ Михайловичь; князь Феодоръ Торусский; князь Мстиславъ братъ его; князь Дмитрей Манастыревъ; Семенъ Михайловичь; Микула Васильевичь, тысяцкаго; Михайло и Иванъ Акинфовичи; Иванъ Александровичь; Андрей Шуба; Андрей Серкизовъ; Тимофей Васильевичь Волуй Окатьевичь, Михайло Бренко; Левъ Мазыревъ; **Тарас Шатневъ;** Семенъ Меликъ; Дмитрей Мининъ; Сергиевъ чернецъ Пересветъ, ему же имя Александръ, бывый преже бояринъ Бряньский; бе же сей удалецъ и богатырь славенъ зело и смысленъ к воинственному делу и наряду. Быша же и сии вси удальцы и богатыри велиции, ихъже и имена написашася; прочихъ же князей и бояръ и воеводъ и княжатъ и детей боярскихъ и слугъ и пешего воиньства тмочисленное множество избьено, и хто можетъ сихъ изчислити или написати, яко число превзыде?..

М. Н. Тихомиров. Труды по истории Москвы [103]

Стр. 216: ...Тысяцкие стремились передавать свою должность по наследству, что особенно заметно в Твери, где тысяцкие удержались значительно дольше, чем в Москве. В Твери **должность тысяцкого сделалась наследственной в роде Шетневых**; по их родословной тверскими тысяцкими были Михаил Шетнев, его сын Константин Шетнев и внук Иван Константинович Шетнев.

Наш комментарий:

Сведения о роде тверских тысяцких Шетневых М. Н. Тихомиров взял из книги *В. С. Борзаковского* [43, стр. 222–224]. Информацию проверили, в книге упоминается по родословцам много имен из фамилии Шетневых, однако имени Тараса не нашли. И все же, фамилия была настолько известна в то время, что *смеем предположить:* ***убиенный на Поле Куликовом Тарас Шатнев (Шетнев), возможно, был родом из семьи тверских тысяцких Шетневых.***

М. Каратеев. Участники Куликовской битвы [62]

Стр. 11: А. КНЯЗЬЯ – УЧАСТНИКИ СРАЖЕНИЯ

54. **Холмский Иван Всеволодович**, из Тверских князей.

55. † **Холмский Дмитрий Владимирович**. Тут в отчестве явная ошибка летописцев, ибо был только Дмитрий Еремеевич, двоюродный брат предыдущего.

Наш комментарий:

Это ***имя*** *— Дмитрий Владимирович/Дмитрий Еремеевич — в летописных источниках, связанных с Куликовской битвой, нами пока* ***не найдено,*** *а в данной работе М. Д. Каратеева определенный* ***источник*** *информации* ***не указан****, посему* ***достоверным считать мы его пока не можем.*** Отметим только, что, согласно А. В. Экземлярскому [45], князь Дмитрий Ереемеевич был удельным князем Дорогобужским с 1372 по 1407 гг., а Дорогобужское удельное княжество входило в состав Тверского.

56. †† **Кашинский Михаил Васильевич**, из Тверских.

Сын князя Василия Михайловича. В летописи он упомянут по имени и отчеству в числе *убитых*. Сомнения невозможны, ибо с другой стороны известно, что один из Кашинских князей участвовал в битве.

Наш комментарий:

М. Каратеев **не дает подтверждения ссылкой** на источник информации об участии в битве и гибели сына князя Василия — Михаила Васильевича Кашинского, а также почему-то не сообщает об участии в бою **самого князя Василия Михайловича** Кашинского (он-то как раз источниками, приведенными нами выше, и называется участником). Пока информацию данного автора считаем сомнительной, и вносим в список участников Куликовской битвы от Кашинских князей только имя **Василия Михайловича Кашинского**.

Стр. 12: Б. ВОЕВОДЫ И НАЧАЛЬНЫЕ ЛЮДИ

20. †† **Шетнев Тарас**, тверской боярин.

Наталия Мартишина.
Дорога Дмитрия Донского [126]

Стр. 7: ***Дружины из Торжка, из тверского села Городни также храбро воевали.*** Древнее село Городня снарядило собственную дружину. Воины погибли в суровой битве. И Никольский храм на высоком волжском берегу в память о дне битвы тогда еще, в четырнадцатом веке, переосвятили в честь Рождества Богородицы. Теперь белокаменная церковь в Городне сквозь века говорит нам о победе на Куликовом поле, напоминает о том, что воины древней тверской земли откликнулись на призыв московского князя одними из первых.

Худ. В.Серов. После Куликовской битвы

Заметки о Дорогобужском княжестве и его представителях – участниках Куликовской битвы

«Поле же Куликово – не бе видети порожнего места, но все покрыто человеческими телесы: христьяны, но седморицею больши того побито поганых. А лужи и потоки кровью текут. Князь же великий… **наеха убита** Михаила Васильевича, да пять князей ярославских, **да четырех князей дорогобужских**, да туто же лежит князь Глеб Иванович брянский, да Тимофей Волуевич, да с ними же лежит дворецкий его Иван Кожухов, изсечен в части…». *(«Сказание о Мамаевом побоище»,* [28, стр. 36]*).*

«Тогда же на томъ побоищи **убиенъ бысть** на сступе… Микула Васильевъ сынъ тысячьского, **князь Володимеръ Дорогобужьскыи Голова,** Иванъ Иванович Толбуга, Михаило Ивановъ сынъ Окинфовича, Иванъ Александрович… и ини мнози, их же имена суть писана въ книгах животных; зде же не все писаны избиеных имена, но токмо князи и воеводы нарочитыи и воеводы и старшихъ бояръ, а прочихъ бояръ и слугъ оставихъ имена и не писах множьства ради именъ, мнози бо на тои брани побьени быша». *(Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода* [17]*).*

«**Князь Владимир Голова**, судя по прозвищу – **Дорогобужский**, принадлежал **к роду смоленских князей**. *Возможно, он был сыном выехавшего на службу к Дмитрию Донскому смоленского князя Александра-Всеволода.* У последнего был сын Влади-

мир, о котором древние родословцы говорят, что он участвовал в Куликовской битве и умер бездетным (*РИИР, ч. 2. М., 1977 (ротапринт), с. 139; Веселовский, 1969, стр. 332–333)*». *(Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода* [17, прим. 51, стр. 59]*).*

Из цитируемых отрывков узнаем об участии и гибели в Куликовской битве **четырех князей дорогобужских и князя Владимира Дорогобужского Головы**. Кто же они? И что это за княжество?

В древние времена существовало **три города с названием «Дорогобуж»**, и все они были достаточно известными, да к тому же и центрами одноименных удельных княжеств. Вот что сообщают о них источники:

1. **Дорогобуж Волынский**:

«***Дорогобуж – древнерусский город на Волыни***, расположенный на правом берегу р. Горынь, притоке Припяти, бывший некогда стольным городом удельного Дорогобужского княжества (ныне селение в Ровенской обл. на Украине). Впервые упоминается в …летописи под 1084 г. в связи с тем, что был отдан тогда князю Давыду Игоревичу. После его смерти в 1112 г. Дорогобужскую волость получил владимиро-волынский князь Ярослав Святополчич. Затем ею владели великие киевские князья до Изяслава Мстиславича, при котором *Дорогобуж имел собственных князей, составив особое, зависимое от Киева княжество…* В *конце XII века Дорогобуж перестал быть самостоятельным уделом* и зависел от шумских, дубровицких и пересопницких удельных князей. Впоследствии входил во владения могущественных князей Острожских». [В. Богуславский, 112, с. 374].

2. **Дорогобуж Смоленский**:

«***Дорогобуж – древнерусский город в Смоленской земле на Днепре,*** у впадения в него р.р. Ордынка и Дебрея (ныне районный центр Смоленской обл.). Существование Дорогобужа засвидетельствовано уже под 1150 г. в уставной грамоте, данной Смоленской епархии… Впервые упоминался летописями под 1300 г. в связи со сражением между смоленским князем Александром Глебовичем и вяземским князем Андреем Афанасьевичем. Видимо, тогда Дорогобуж находился в составе Вяземского княжества…». «**Дорогобужское княжество – удельное княжество на Днепре** в составе Смоленского княжества, включавшее в себя г. Дорогобуж с уездом. Выделилось в самостоятельный удел в XIII веке. В начале XV в. вместе с падением Смоленского княжества Дорогобужское княжество, видимо, также прекратило существование, а его территория вошла в состав Великого княжества Литовского». [В. Богуславский, 112, с. 374-375].

«**Дорогобуж** – один из древнейших городов **Смоленского края**. Он был основан смоленским князем Ростиславом в середине XII века. Возник Дорогобуж как крепость, обороняющая земли Смоленского княжества с востока от усилившегося Ростово-Суздальского княжества… Кроме того, Дорогобуж стал административным центром целой округи, что позволяло смоленским князьям контролировать местное население и собирать с него налоги. Важно было также то, что город находился на оживленных торговых путях. Вероятно, с середины XIII века Дорогобуж и Вязьма образуют единое Вяземско-Дорогобужское княжество, которое было *составной частью Смоленской земли* ***и управ-***

лялось поочередно князьями из смоленского княжеского рода. В XIV веке Дорогобужский край, как и вся Смоленщина, оказался между двух могущественных государств — Московского и Литовского княжеств. В конечном счете, в борьбе за Смоленские земли победила Литва…» [133].

«Происхождение названия города до сих пор остается неразгаданным. Предполагается, что **первоначально** он назывался **Дорогобужец** (от древнеславянского "дороги бужать" — дороги мостить). Есть и другое объяснение: Дорогобуж — дорога в гору (буж — гора). В обеих легендах название города связано с дорогой. Случайно ли это? С давних времен через Дорогобуж проходила знаменитая ***старая Смоленская дорога…»*** [135].

«…В период феодальной раздробленности (XIII-XIV века) в результате борьбы за власть между смоленскими князьями Дорогобуж сумел укрепиться и стал центром самостоятельного удельного княжества. В XIV веке появляется династия Дорогобужских князей, которая ведет свое начало от Тверских князей. Как это произошло, пока не совсем ясно. В это же время происходит усиление и рост Великого княжества Литовского. Литовские князья, где силой, а где дипломатией, присоединяют к своему государству многие западнорусские земли, в том числе и смоленские. Дорогобужское княжество также вошло в XIV веке в состав Великого княжества Литовского. Литовские князья обеспечивали определенную самостоятельность отдельным землям, входившим в состав их государства. **Дорогобужские князья сохранили город в своей власти и потеряли его только после 1440 года»** [148].

3. **Дорогобуж Тверской**:

«**Дорогобужский удел** получил название от главнаго города своего. Остаток этого города видят в нынешнем селе Дорожаеве Тверской губернии. В списке населенных мест Тверской губернии село Дорожаево показано в Зубцовском уезде, по правую сторону р. Шоши, в 50 верстах от уездного города, близ границы Волоколамскаго уезда Московской губернии. Следовательно, Дорогобуж находился на той же реке, на которой был и другой удельный город — Микулин, но только от Микулина не вниз, а вверх по течению Шоши... Нигде... мы не находим прямых... указаний на то, кто был первым дорогобужским князем. В старых родословных о Семене и Еремее, детях Константина Михайловича[1], говорится, что они были князьями дорогобужскими; но... мы имеем полное основание считать первым дорогобужским князем самого Константина... Константин получил от отца в удел именно Дорогобуж. Если он и не назывался дорогобужским, то, очевидно, потому, что он занимал великокняжеский стол, и название его по этому последнему вытеснило название по его уделу... Он владел Дорогобужем с 1318 г., ...до кончины своей в 1345 году. По смерти его **Дорогобужский удел заняли оба сына его, Еремей и Семен**... *Семен перед смертью (1364 г.) отказал свой удел... двоюродному брату, князю микулинскому (а потом великому князю тверскому) Михаилу Александровичу*... Василий (Кашинский. — *Прим. сост.*) и Еремей хотели отнять у Михаила удел Семена, но безуспеш-

[1] У В. В. Богуславского [113, с. 375] имя первого Дорогобужского князя - Константин Ярославич, что, по-видимому, является ошибкой.

но… Последние годы жизни своей **Еремей**, как видно, прожил в мире с великим князем тверским… до самой кончины своей в 1372 г… **Имел двоих сыновей Димитрия и Ивана (Дмитрий Еремеевич** в летописях упоминается дважды – в 1372 г. принимал участие в походе Михаила Тверского к р. Кистьме, где были захвачены московские воеводы, и в 1407 г. – год смерти[2]. **Иван Еремеевич –** в летописях упоминается только один раз в 1407 г. – вместе с другими князьями и воеводами он был послан великим князем тверским на помощь великому князю московскому Василию Дмитриевичу в войне его с литовским князем Витовтом. – *Прим. сост.*). **Михаил Александрович** (1332-1399), *удельный князь микулинский, а потом великий князь тверской*, **был князем и дорогобужским…**». [А. В. Экземплярский, 45, с. 515-520].

Таким образом, видим, что во второй половине XIV века было, как минимум, два удельных Дорогобужских княжества – на Смоленской земле и в составе Тверского княжества. Третье Дорогобужское княжество – на Волыни, как показано выше, перестало быть самостоятельным уже в XII веке.

Что касается **Дорогобужа Смоленского**, то, как сказано выше: «В период феодальной раздробленности (XIII–XIV века) в результате борьбы за власть между смоленскими князьями **Дорогобуж… стал центром самостоятельного удельного княжества.** *В XIV веке*

[2] «…У сына Дмитрия Еремеевича – Андрея – было три сына, из которых Юрий и Осип сидели на уделе. Юрий Андреевич потомства не оставил и перед смертью отказал свою часть удела великому князю московскому Ивану III Васильевичу. Сын Осипа – Пороша, потеряв удел, перешел на службу в Москву». [В. Богуславский, 112, с. 375].

Дорогобужское княжество вошло в состав Великого княжества Литовского, сохранив определенную самостоятельность до середины XV века».

Касательно **Дорогобужа Тверского** – участие в Битве князей этого удельного княжества кажется нам **наиболее реальным**. Половиной Дорогобужского удела в то время владел сам великий князь Тверской Михаил Александрович, который по договору с Москвой послал в помощь Московскому великому князю своих воинов. В их числе вполне могли оказаться и **«четыре князя дорогобужских»,** а также и «**князь Володимеръ Дорогобужьскыи Голова»,** о гибели которых в Куликовской битве сообщается в указанных в начале этой статьи источниках.

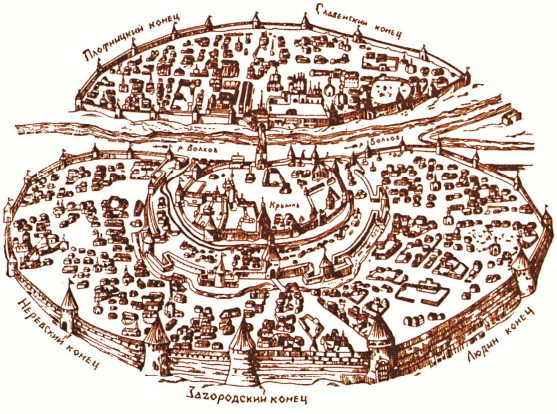
Как бы там ни было, не будем гадать, чьей земле принадлежали эти воины – Тверской или Смоленской, а ***впишем их в наш Поминальный Синодикъ***, как:

Князья Дорогобужские:

‡ **Владимир Дорогобужский Голова**

‡ **Четверо князей Дорогобужских** (имена неизвестны).

Новгород Великий



Рождество Богородицы. Икона XV века
из Софийского собора Новгорода

На титульной странице — Древний план Новгорода Великого,
изображенный на Знаменской иконе конца XVII в.

По поводу участия в Куликовской битве дружины из Великого Новгорода и всей Новгородской Земли

По поводу участия дружины из Великого Новгорода существует два мнения.

Согласно официальной версии участие «мужей новгородских» в Мамаевом побоище оспаривается в связи с отсутствием упоминания об этом событии в Новгородских летописных сводах. Но, с другой стороны, нельзя обойти стороной некоторые существенные данные, подтверждающие участие в Битве ратников из новгородской земли. К примеру, в «Задонщине» и в «Сказании о Мамаевом побоище» в числе погибших указано число знатных новгородцев: либо 30, либо 13[1].

Да, Новгород Великий (великими звались тогда только два города на Руси: Новгород и Ростов) был, так скажем, боярской республикой и жил довольно

[1] Только в разных редакциях названы они то «посадниками», то «боярами посадниками», то просто «боярами». Но поскольку в XIV веке число одновременников-посадников было 5–6, а в XV веке число их достигало нескольких десятков и практически совпадало с числом боярских фамилий, в сводной таблице мы сформулировали так: **«Посадники и бояре пособники»**.

обособленной жизнью («тогда же бысть самовластен»). Он довольно удачно торговал и был богатейшим городом на Руси. Но, мы думаем, простому народу было небезразлично общерусское дело.

Да, татары не тронули Новгород, повернув в сторону; однако из этого не стоит делать далеко идущих выводов. Великий князь Александр Невский пытался поддерживать нормальные отношения с Ордой, в то же время воюя с немцами и шведами, которые посягали на святая святых — Веру Православную. Но это было в 1-ой половине XIII века. И даже в договоре, заключенном буквально накануне Куликовской битвы — весной 1380 года (а кто-то датирует его семидесятыми годами), — говорится об обоюдных обязательствах против потенциальных общих врагов-литовцев, которые не раз воевали против Новгорода: «аж будет обида со князи литовскими...». Татары же, непосредственно никогда не угрожавшие Новгороду, не названы в нем!

Если брать факты, то в древнейшем памятнике — «Задонщине» — только и сказано, что:

«Звонят колокола вечевые
в Великом Новгороде,
печально стоят новгородцы
возле Святой Софии жалуются друг другу:
“Уже вам, братия, не поспеть на подмогу
к великому князю Димитрию Ивановичу.
То не орлы слетелись с северной стороны,
То съехались князи русские к великому князю Димитрию”...»

В той же «Задонщине», но в *Пространной редакции по Синодальному списку* [6], мы можем прочитать дополнение:

«...Пока эти слова говорим, а уже как орлы слетишася, выехали посадники все из Великого Новгорода 70.000 кованыя рати к великому Дмитрею Ивановичу...».

От Новгородского княжества до Москвы приблизительно 500–700 километров. Новгород – один из самых дальних северо-западных форпостов Русской земли. К сбору в Москве могли и не поспеть, но в Коломне – могли быть вовремя.

В. Н. Татищев, следуя летописям, говорит о том, что новгородский полк вместе с псковским, северским и братьями Ольгердовичами был поставлен *на правый фланг* общерусского войска.

Смущает, конечно, сразу то, что здесь приводится цифра участников только из Новгорода, а количество ратей из других городов опущено. Может быть, сия редакция была проведена новгородцем для восстановления полноты событий и исторической справедливости, но то, что цифра завышена – факт неоспоримый (ошибка ли переписчика, или...)[2]. В «Сказании...» по Забелинскому списку [27] читаем: «...приехаша... за Оку реку к Великому князю посадники новгородцкие Великого Новаграда, а с ними силы пришло 30.000...». В Летописной редакции Сказания (она же в составе Вологодско-Пермской летописи [2, с. 130]) приведено число гораздо более скромное (на порядок меньше, чем в Синодальном списке), что более походит на правду:

[2] Нам неизвестно количество проживавших в Новгороде накануне Куликовской битвы горожан. Известно только, что спустя чуть менее 200 лет, когда царь Иоанн IV Васильевич (Грозный) входил в Новгород (в 1570 г.), в нем проживало около 26 000 человек (см.: В. Г. Манягин. Апология Грозного царя).

«...выехали посадники из Великого Новгорода, а с ними 7.000 человек к великому князю на помощь...». Не во всех источниках (см. сводную таблицу во вступительной статье к нашему труду), но приводятся данные о количестве убиенных посадников. Численность новгородского отряда «пособников» (от слова «пособить» — помочь) в разных письменных вариантах колеблется: 7.000; 13.000; 30.000; 40.000; 70.000. Как вполне резонно считает С. Н. Азбелев (наиболее авторитетный специалист в данном вопросе), «исходной следует признать, очевидно, цифру 7 тысяч, а производной от нее — вследствие слуховой ошибки в устном репертуаре — 70 тысяч. Цифра 13 тысяч появилась, вероятно, под влиянием сведений о гибели 13 новгородских бояр. Цифра 30 тысяч, очевидно, также результат слуховой ошибки (тринадесять — тридесять), а 40 тысяч — по-видимому, результат ошибочного прочтения в письменном тексте близкой по начертанию в церковнославянском цифры 30 тысяч. Из письменных текстов цифра 40 тысяч могла попасть и в устный репертуар» [37].

Смущает также и то обстоятельство, что в «Рассказе о Куликовской битве» в Новгородской I летописи [14] и в Софийской I летописи [17] об участии новгородцев ничего не сказано. Должен же был быть местный интерес новгородских книжников ко славе своей малой родины. Но, для полноты картины, о потерях других городов там тоже не сказано, ибо в летописях, исключая Никоновскую или Патриаршую, изложено все довольно кратко — лишь самое главное.

В Распространенной же редакции «Сказания...» [25, с. 134] имеется целая повесть о новгородцах. «Чюдно быша воинство их, и паче меры чюдно уряже-

но конми и портищем, и доспехом». В одном из вариантов Сказания снаряжение новгородцев описано более подробно: «Все люди нарядные, пансири, доспехи давали з города», т.е. из городского арсенала... В той же Распространенной редакции Сказания указаны имена 6-ти избранных воевод, крепких и мудрых зело:

1. **Иван Васильевич**, посадник
2. **Андрей Волосатый**, сын его[3]
3. **Фома Михайлович Красный**
4. **Дмитрий Данилыч Завережский** (Заверяжский, Заберский)
5. **Михаил пан Львович** (Панальвич, Панольвич, Пановляев)
6. **Юрий Захарьевич** (Захаринич) **Хромой**

«И с ними отрядиша избранного войску 40.000». Новгородских посадников, когда уряжали полцы в Коломне, определили *в Полк Левой Руки*. Итак, новгородское ополчение возглавляли **шесть** командиров. Это соответствует военной новгородской практике того времени, когда в поход выставлялась новгородская рать пятью городскими «концами» (самоуправляющимися районами тогдашнего Новгорода), иногда под общим руководством степенного посадника. Тем паче, некоторые имена из этого списка удалось опознать и идентифицировать с конкретными лицами, политическими деятелями[4]. К при-

[3] Не следует путать новгородского Андрея Волосатого, который мог прибыть только ко времени переправы русскими через Оку, с однофамильцем-разведчиком Андреем Волосатым. Это прозвище/фамилия было достаточно распространенным в то время.

[4] Хотя есть и некоторые претензии по списку. К примеру, Иван Васильевич, по имеющимся пока у нас данным, посадником никогда не был, а на то время, когда была написана данная редакция (в нач. XV в.), посадником уже стал его сын Андрей. Поэто-

меру, первым назван, очевидно, новгородский боярин, сын ктитора церкви Спаса Преображения на Ильиной улице (1378 г.) Машкова Василия Даниловича (*см.: Древний Новгород. М.: Изобразительное искусство, 1983. с. 248–264*). Его фамилия-прозвище указана в Новгородской IV летописи. Он трижды упоминается в летописях новгородских под 1366–1399 гг.[5] Сын его Андрей Иванович четыре раза упоминается в летописях.

С воеводой Юрием Захарьевичем может быть сопоставлен Юрий Захарьин, упомянутый как один из послухов при покупке Корельского наволока (*ГВНП, с. 185, № 128*).

Кроме Сказания известна и независимая версия Основной редакции той же «Повести о Мамаевом побоище», живущая самостоятельной жизнью. Она могла возникнуть в результате «семейной» редакции Сказания. Предположительно, в результате сокращения Сказания в период, когда испортились отношения Москвы с Великим Новгородом, эпизод о прибытии новгород-

му слово «посадник» относится не к отцу, а к Андрею. Но отец Иван Васильевич стоит первым в списке, т.к. в 1380 г. Андрей еще не был посадником!

[5] «Два первых упоминания представляют особый интерес: в 1366 г. он и его отец были неожиданно и без всякой вины схвачены в Москве по приказу великого князя Дмитрия Ивановича – в качестве заложников в связи с походом новгородских ушкуйников; только в следующем году эти лица были отпущены в Новгород. Назначение именно боярина И. В. Машкова первым воеводой отряда, посылаемого в помощь тому же Дмитрию Ивановичу, имело, вероятно, политический подтекст: Новгород как бы подчеркивал этим, что выполняет взятые обязательства, невзирая на прежние обиды со стороны Москвы. Такое напоминание могло расцениваться как своего рода противовес ощущению неполноценности оказываемой военной помощи в количественном отношении» [37, с. 91].

ского войска попал под сокращение. Но когда Сказание имело хождение уже в таком виде в Новгородских землях, была сделана очередная редакция, плодом которой является иной «эпизод», с участием других лиц, раньше не упоминаемых (к тому же, новому редактору не было известно об участии выше упоминаемых посадников и бояр, иначе он бы сказал и об этом немаловажном факте и просто объединил бы оба эти сведения):

«Того же дни приехали из Великаго Новагорода посадники **Яков Иванов сын Зензин да Тимофей Костянтинович Микулин** к великому князю Дмитрею Ивановичю на помощь, а с ними прииде наугороцкие силы 30.000 князей и бояр и всяких людей. Рад же бысть великий князь Дмитрей Иванович и биша челом посадником и целоваша их с великою радостию: "Воистину есте дети Аврамли, яко в велицеи беде мне есть пособницы!"» [85, с. 28]. Только этот текст находится не перед описанием переправы русского войска через Оку, как в предыдущем случае, а непосредственно за описанием пересчета русских войск, произведенного, согласно рукописям, после переправы через Оку.

Второе упоминание новгородцев — при описании объезда Куликова Поля великим князем после победы [88, с. 36—37]: «И поеха по побоищу и **наехав убита** крепкаго своего воеводу Данила Белоусова, да Костянтина Конановича, ***да новгородцких посадников Тимофея Костянтиновича Микулина, да Якова Зензина,*** да около их вкупе лежат побиты семь сот новгороцких выборных дворян. Над ними же нача князь великий плакатися: "Любимыи мои братия, приехали вы есте своею волею ко мне, а не по моему велению, видя

мене в беде великой, и главы свои поклали!"». Вскоре за этим следует общее перечисление потерь.

В рукописном Синодике Борисо-Глебской новгородской церкви есть слова о поминовении убитых на Дону новгородцев: «...и на Дону избиенных братии вашей при велицем князе Дмитреи Ивановиче» *(см.: Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 5. Июль, 1911)*. Кто-то возражает, мол, «эти слова могли быть взяты из общего поминовения убитых в битве 1380 г.» [83, с. 287). Чтобы разобраться и попытаться опровергнуть данное мнение, приведем полностью соответствующий отрывок из указанного Синодика:

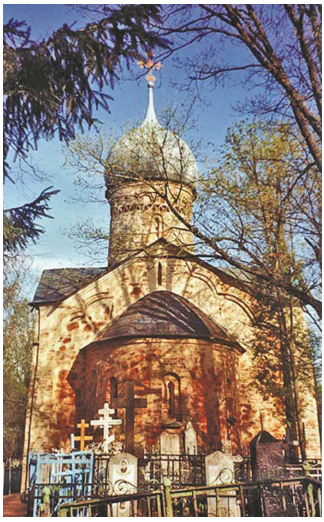
«Покои Господи избиенных на Неве от немецъ при велицем князе Александре Ярославичи и княжих воевод, и новгородцкых воевод, и всех избиеных братии нашей; и на ледом избиеных от немецъ братии нашеи; и на Ракоборе избиеных от немецъ братии нашеи; и у Венца избиеных от немец при князе Андреи; и у Выбора избиеных от немецъ братии нашеи при князе Юрьи; и в Орехове скончавшихся братии нашеи; и под Корельским городом избиеных от немецъ братии нашеи; и на Нарове избиеных при князе Александре Ярославлице; и на Мурманех, и на Печере, и в Перме, и на Югре избиеных братии нашеи; и под Псковом избиеных братии нашеи; и в полону скончавшихся братии нашеи, и в поганьском языкы; ***и на Дону избиеных братии нашеи при велицем князе Дмитреи Ивановичи;*** *и под Торжком избиеных братии нашеи от князя Михаила, и згоревших от огня в Торьжку; и в Новомграде избиеных братии нашеи; и на Руссе избиеных боляр новгородцкых и иных братию нашю от князя Василья Васильевича».*

Из вышеприведенного текста (кстати, обратите внимание, что здесь не приводятся конкретные имена, как и в Новгородской летописи, видимо, из-за великого количества) явствует и напрашивается совершенно иной вывод: речь идет именно о новгородцах, принимавших участие в Куликовской битве в 1380 г., так как все поминания данного раздела относятся *исключительно к погибшим жителям Новгорода* (Новгородской земли). Сие подтверждает необоснованность предположения ученых М. Н. Тихомирова и Л. А. Дмитриева.

Надо отметить и тот факт, что сразу после Великой Победы на Дону, в 1381 г., в Новгороде возводится каменный Храм Димитрия Солунского на Славкове улице. Он построен в честь «ангела» Димитрия Донского, который был святым покровителем великого князя и всего русского войска. В сохранившейся храмовой краткой летописи сказано о том, что храм воздвигнут *«по обещанию великого князя Димитрия Донского»*, данного этим князем во время Куликовской битвы. Новгородская Погодинская летопись указывает, что церковь заложена *«по завету о победе на Мамая»*, что это — церковь, *«обещанная, чтобы Богъ пособил победити Мамая безбожного князю Димитрию»*.

Церковь Дмитрия Солунского на Славкове улице (1381)

В этот же год в Новгороде строится и церковь Рождества Христова на Красном Поле. В ее синодике



Церковь Рождества Христова на Красном Поле (1381–1382, перестроена в 1462)

Дмитрий Донской прямо указывается создателем этой церкви. В нем же, кроме Дмитрия Донского, «строителями» храма (*с начала его существования — по XVIII век*) были записаны также «Андрей, Геронтий, Константин, Вениамин, Кирилл, Трифон, Аркадий (ок. 1647 г.), Иосиф, Варлаам, Павел, Харитон, Онуфрий и Александр». Азбелев предполагает, что среди этих имен могли быть в начале списка оставшиеся в живых новгородцы, вернувшиеся с войны 1380 г.

В заключение данного подвопроса напрашиваются два вывода. ***Первый:*** если бы новгородцы не приняли участие в священной войне, нарушив договор, то вряд ли Димитрий Донской был бы вдохновителем и оказался бы причастен к постройке этих двух церквей. ***Второй:*** если даже и сделать предположение о том, что Димитрий Иванович тут ни при чем, и это позднейшая вставка (только исходя из каких таких побуждений?), то построить храмы могли только новгородцы — непосредственные участники этих боевых действий.

И последний, очень деликатный момент — *о степени участия* новгородцев: так приняли ли они участие в битве на Куликовом Поле, или же лишь уже по ее окончании, когда воины разъезжались по домам, пришлось им сразиться с литовско-татарским соединением?

Азбелев справедливо отмечает странность того факта, что при разработанном детальнейшим образом мотиве отправки новгородского войска в Сказании наблюдается скомканность мотива объединения его с московскими дружинами, а также и самих боевых действий новгородцев. По Пространной же версии новгородцы так и не влились в войско, а «особо стояще» и далее двигались самостоятельно. И действительно, при расположении на правом фланге в день самой Битвы, может быть, у них и задачи-то прямого участия в сражении вовсе не стояло — возможно, от новгородцев требовалось лишь пребывать в готовности в любую минуту отразить литовцев, которые могли вот-вот появиться, а также обезопасить русскую армию от флангового удара. Поскольку Новгород, согласно договору, обязывался оказать военную помощь именно против Литвы, естественнее всего было использовать как раз новгородское войско в качестве заслона от ожидавшегося удара со стороны Ягайла. К тому же во время Битвы всю свою мощь татары направили на левый фланг. Азбелев делает смелое предположение: «Однако сражаться им, очевидно, пришлось не против литовского войска. Оно, по-видимому, предпочло дождаться исхода боя». В современной тем событиям немецкой хронике Детмара говорится: «...Русские выиграли битву. Когда они отправились домой с большой добычей, то столкнулись с литовцами, которые были позваны на помощь татарами, и (литовцы) отняли у русских их добычу и убили их много на поле». Когда татары после поражения разбегались по разным сторонам, то часть из них присоединилась к литовским отрядам. Неслучайно поэтому Епифаний Премудрый спустя 12 дней [51, с. 457] после Куликовской битвы записал: «...весть прииде, яко литва грядут

с агарянами» (т.е. ордынцами). Видимо, сообщается о нападении литовских отрядов на новгородский отряд, который возвращался с военной добычей в свою землю вдоль литовской границы. К западным же историкам этот факт попал, по всей вероятности, через торговый союз Ганзу (членом которой являлся Новгород). Съезд Ганзы состоялся в 1381 г. Из всего сказанного становится понятным, почему старшие Новгородские летописи молчат об участии в Битве городского ополчения. К тому же чуть позже ухудшились отношения Москвы с Новгородом, в результате чего произошел военный конфликт в 1386 году.

Как бы то ни было, участие новгородцев в Куликовской битве, пусть и малыми силами, неоспоримо. Вносим в наш ***Синодикъ*** для поминовения имена восьмерых воинов-новгородцев:

‡ **Тимофей Константинович Микулин**, посадник;
‡ **Яков (Иаков) Иванович Зензин**, посадник;
Иван Васильевич, посадник;
Андрей Волосатый, сын его;
Фома Михайлович Красный;
Дмитрий Данилович Завережский;
Михаил пан Львович (Панльович, Паналвич);
Юрий Захарьевич (Захаринич) **Хромой**.

Другие участники Битвы

Храм Успения Богоматери в Епифани (1990-е годы)

‡ *Григорий Капустин*
‡ *Степан Огурцов*

Нарочи́тые[1] богатыри

***Источник информации и содержание*:**

Сказание о Мамаевом побоище
в Основной редакции по Ермолаевскому списку [26]

> ***Стр. 249:*** ...Прииде же на ино место, видев Пересвета чернеца и близ его ***нарочита*** **богатыря Григория Капустина...** (после Битвы, найдены на Поле убитыми. — *Прим. сост.*)

Сказание о Мамаевом побоище *в редакции*
Летописца князя И. Ф. Хворостинина [20]

> ***Стр. 292–293:*** ...И приехав великии князь Дмитреи Иванович на иное место, и видев дву братов чернецов Пересвета да Ослебя, а телеса их лежаще светли суть... И блиско дву братов чернецов лежаще ***нарочитых*** **два богатыря Степан Огурцов да Григореи Капустин убиени суть**.

Наш комментарий:

Григорий Капустин в подобном контексте упоминается также и *в редакции Кохановского (стр. 364)*. Имя Степана Огурцова более в использованных нами источниках не встретили.

[1] Нарочи́тые богатыри — знаменитые, известные богатыри.

Комм., стр. 313: Имя Григория Капустина было... вставлено еще в Основную редакцию «Сказания о Мамаевом побоище». Оно встречается в ряде списков Распространенной редакции (*Шамбинаго, 1906, с. 190, 223–233, 315*). Добавление к Капустину Огурцова характеризует литературную манеру составителя Хворостининской редакции памятника или ее основного источника.

Наш комментарий:

Есть мнение В. А. Кучкина, что Григорий Капустин назван вместо татарина, убитого Пересветом (*см. комм. в книге «Памятники...»* [82, с. 340] на текст из Никоновской или Патриаршией летописи [11]): «*И преиде на другое место, и виде Сергиева чернеца Пересвета и близ его нарочитаго богатыря Татарского...*»). Однако мы не видим прямых доказательств вымышленности этих имен.

Живая вода Непрядвы [51]

Комм. на стр. 590: Гриша Капустин – русский воин, упомянутый в Основной редакции Сказания как «знаменитый богатырь»; согласно этому известию, Григорий Капустин бился в первых рядах русского войска на Куликовом поле и пал рядом с Александром Пересветом.

Другие участники Куликовской Битвы

‡ ***Иван Александрович*** – возможно, Нетша/Нетшин – из рода смоленских князей, либо Хлудень – внук московского боярина Андрея Кобылы

Князь Семен Иванович – один из воевод *Полка Правой Руки*;

‡ ***Михаил Иванович*** – предположительно боярин князя Владимира Андреевича Серпуховского;

‡ ***Феодоръ Мемко*** – из бояр и воевод;

‡ ***Иван Сано*** – из бояр и воевод;

Тимофей Загоскин – сын боярский из полка князя Владимира Андреевича;

Иван Синицын – сын боярский, отвез тела Пересвета и Осляби к игумену Сергию;

‡ ***Василий Перфильевич*** – из бояр или детей боярских;

‡ ***Каргаша Михайлович*** – из бояр или детей боярских;

‡ ***Иван Кожухов*** – дворецкий Тимофея Васильевича Волуевича

***Источник информации и содержание*:**

Рассказ о Куликовской битве
в Софийской I летописи старшего извода [17]

Стр. 38: Тогда же на томъ побоищи **убиенъ быть на ссупе**... Микула Васильевъ сынъ тысячьского, князь Володимеръ Дорогобужьскыи Голова, Иванъ Иванович Толбуга, Михаило Ивановъ сынъ Окинфовича, ***Иванъ Александрович***, Андреи Серкизъ... и инии мнози, их же имена суть

писана въ книгах животных; зде же не все писаны избиеных имена, но токмо князи и воеводы нарочитыи и воеводы и старшихъ бояръ, а прочихъ бояръ и слугъ оставихъ имена и не писах множьства ради именъ, мнози бо на тои брани побьени быша.

Прим. 51 на стр. 60: Загадочно *имя указанного далее в списке павших на Куликовом поле* в «Летописной повести» **Ивана Александровича.** Но трудность его отождествления с одним из современников Дмитрия Донского еще не дает права сомневаться в его действительном участии в сражении с Мамаем. При допущении, что Иван Александрович принадлежал к числу лиц, служивших Дмитрию Московскому, его, как кажется, можно *отождествлять* лишь двумя лицами: *с Иваном Александровичем Хлуденем, внуком известного боярина Симеона Гордого Андрея Кобылы,* **или с Иваном, сыном Александра Кетши, происходившего из рода смоленских князей.** Впрочем, надо заметить, что оба Ивана оставили потомство (здесь дается ссылка на С. Б. Веселовского, стр. 143, 451. Однако у него [47] на стр. 450—454 целая глава посвящена известному роду **Нетши, а не Кетши**! В комментарии явная опечатка! — *Прим. сост.*).

Наш комментарий:

М. Д. Каратеев считает, что упомянутый здесь **Иван Александрович — это третий сын князя Всеволода-Александра Глебовича, брат воевод Дмитрия и Владимира Всеволожей**, но ссылок на источники также не дает. Однако, как мы убедились, изучая ис-

точники, это не так: **в летописях вышеназванный Иван Александрович упоминается в списке убитых на Поле Куликовом, а у С. Б. Веселовского** (*см. ниже*) **показано упоминание в летописях Ивана Всеволожа под 1392 годом!** По-видимому, имя Ивана Александровича (участника Куликовской битвы) трактуется каждым исследователем по собственным догадкам, исходя из прочитанного ими материала. Помещаем в наш ***Поминальный Синодикъ*** только имя – ***Иван Александрович.***

Летописный сборник, именуемый Патриаршая или Никоновская летопись [11]

> *Стр. 59:* (перед Битвой. – *Прим. сост.)*...И повеле полком своим вмале выступити. Бе же полцы его передовые воеводы его Дмитрей Всеволож, да Володимер брат его; с правую же руку прииде Микула Васильевич, **да *князь Семен Иванович*,** да Семен Мелик со многими силами...

Наш комментарий:

Как видим, имя *«князь **Семен Иванович**»* упомянуто летописью в числе воевод *Полка Правой Руки*. Принадлежность имени достоверно установить не удалось. С. Б. Веселовский [47] говорит, что такого имени «за это время нет ни в одном роде». М. Д. Каратеев [62] приписывает к такому имени прозвище «Собакин» и причисляет его к числу погибших (однако об этом мы в источниках информации не нашли). В роду Фоминских-Березуйских *(Бархатная книга* [31]*)* действительно есть Семен Иванович – сын Ивана Федоровича Собакина, боярина великого князя Димитрия Ивановича. Также в родословцах показан еще один Семен

Иванович (Ряполовский) — внук участника Куликовской битвы князя Андрея Федоровича Стародубского. Может быть, Семен Иванович (участник Битвы) действительно кто-то из них, но пока это только предположение. Помещаем в наш ***Поминальный Синодикъ*** только имя — ***князь Семен Иванович.***

Летописная повесть о побоище на Дону [10]

> ***Комм. 27 на стр. 241:*** **Убитые бояре и воеводы перечислены в Синодике, хранящемся в ГИМ в Москве (Синод. собр. № 667, листы 68–68об.**, рукопись на пергаменте написана полууставом XV в.): «*Князю Федору Белозерскому и сыну его Ивану, убиенным от безбожного Мамая, вечная память* (на полях приписано: *Константину Ивановичу*). *И в той брани избиенным: Симеону Михайловичу, Никуле Васильевичу, Тимофею Васильевичу* (на полях приписано: *Валуевичу*), *Андрею Ивановичу Серкизову,* ***Михаилу Ивановичу и другому Михаилу Ивановичу****, Льву Ивановичу, Семену Мелику и всей дружине их,* ***по благочестию скончавшимся за святыя церкви и за православную веру, вечная память*** (сбоку написано: *возглас*)».

Наш комментарий:

Первое из имен «Михаил Иванович», по мнению известных историков, принадлежит Михаилу Ивановичу Акинфовичу, имя же **другого Михаила Ивановича** могло принадлежать одному из бояр князя Владимира Андреевича Серпуховского (*С. Б. Веселовский* [47, с. 499]). Есть и другое мнение (*С. Б. Скрынников* [90, с. 68]). Этот историк предполагает, исходя из сопос-

тавления текстов Троицкой летописи и древнего Синодика, фрагмент из которого приведен выше, что имя другого Михаила Ивановича принадлежит Михаилу Андреевичу Бренку, и что отчество его было именно Иванович. Что ж, все возможно, но не доказано. Будем поминать и «другого Михаила Ивановича», как погибшего на Поле Куликовом (боярина или воеводу — неведомо), ибо имя его вписано среди немногих в один из древнейших Синодиков.

Задонщина. Краткая редакция *по Кирилло-Белозерскому списку* [5]

> *Стр. 91:* Тогда же не тури возрыкаютъ на поле Куликове, на речке Непрядне, возопиша **избиении от поганыхъ князи великых и боляръ сановных**, князя Феодора Романовича Белозерскаго и сына его князя Ивана, Микулу Васильевича, ***Феодоръ Мемко, Иванъ Сано,*** Михило Вренковъ, Иаковъ Ослебятинъ, Пересвет чернець и иная многая дружина.

Наш комментарий:

Хотя только здесь упоминаются эти имена — Федор Мемко и Иван Сано, — и не знаем, кто за ними стоит, но известно, что этот список «Задонщины» (Кирилло-Белозерский) является одним из самых древних и отличается краткостью (*см. комм.* [5, с. 92-94]). Невозможно было в столь коротком и близком по времени создания к событиям Куликовской битвы произведении увековечить вымышленные имена. Помещаем в наш ***Поминальный Синодикъ*** имена — ***Федор Мемко и Иван Сано***.

Сказание о Мамаевом побоище *в редакции Летописца князя И. Ф. Хворостинина* [20]

Стр. 286: Сии же бысть **нехто *сынъ боярскии именем Тимофеи Загоскин*** *от полку князя Володимера Ондреевича*, и сказавше ему, князю Володимеру Ондреевичу, про великого князя Дмитрея Ивановича видение, что он, великии князь, убиен бысть, а не до смерти. И рече тот же сынъ боярскии князю Володимеро Ондреевичю: «Видех я въ 6 час сего дни, и над вами небо разверзостася, и огнь изыде ис тово облока, аки багрян на зоре утренои, и над вами, государь держаще то облако исполнены все руки человеческими, каяждо рука держаще венцы над русским полки, и иныя руки держащее торцы. И как наставшу шестому часу месяца сентября въ 14 день, и многия венцы изо облака того отпустишася на полки руския».

Стр. 293: И приехав великии князь Дмитреи Иванович на иное место, и видев дву братов чернецов Пересвета и Ослебя, а телеса их лежащее светли суть. И взяв их телеса великии князь Дмитреи Иванович и отослал их ко преподобному игумену Сергию к Живоначальной Троице ***с сыном боярским Иваном Синицыным***, а с ним послаша воиска 2000. И привезоша Иван Синицын телеса их к Живоначальной Троице ко преподобному игумену Сергии... Преподобныи же игумен Сергии взем телеса их у Ивана Синицына на чесно месяца сентября въ 23 день, и погребоша их в землю. И рече преподобныи игумен Сергие Ивану Синицыну: «Уже ли вы, господине, победили вра-

гов своих?» И рече Иван Синицын ко преподобному Сергию: «Твоими, государь, святыми молитвами побеждени суть враги наши». И преподобныи игумен Сергеи отпустил тово сыно боярского к Москве.

Устюжские и Вологодские летописи XVI-XVIII вв. [29]

Стр. 77: ...Тогда же убиенных князеи было русских и воивод, и бояр, и детеи боярских: ...Микула Васильвич, ***Василеи Перфирьевичь, Каргаша Михаиловичь,*** Иван Александровичь, Андреи Серкизовичь, Тимофеи Васильвичь, Волуи Окатьивичь, Михаило Бренко.., то все князи и бояре приметные, а иных безчислено сечено; тут же лежит...

Наш комментарий:

Более нигде в летописных и древних источниках выделенных нами имен не встретили. Возможно, писавшие эту летопись знали по другим источникам эти имена. Из текста понятно, что люди эти были из знатных — по-видимому, бояре, или их дети, но поскольку прозвищ или фамилий не сообщается, то из каких родов они — нам неведомо. Правда, может быть и другое: в разделе о московском боярине и воеводе Михаиле Ивановиче Акинфовиче главы «Московское кгняжество», мы показали, что только в этой летописи появляются приведенные выше имена, и причем на месте упущенного в ней имени Михаила Ивановича Акинфовича, стоящего в других летописях и редакциях Сказания между Микулой Васильевичем и Иваном Александровичем. Есть еще одно примечание: у М. Д. Каратеева в списке

участников Битвы эти имена сливаются в одно «*Каргоша Василий Порфирьевич*», но ссылок и объяснений нет. Возможно, М. Д. Каратеев допустил ошибку, выписывая из летописи имена, и, таким образом, потерялось одно имя. Мы же вписываем в наш ***Поминальный Синодик*** оба имени — ***Каргаша Михайлович и Василий Перфильевич.***

Сказание о Мамаевом побоище *по списку Михайловского* [28]

Стр. 36: …И поехав мало, наеха убита Михаила Васильевича, да пять князей ярославских, да четырех князей дорогобужских, да тутo же лежит князь Глеб Иванович Брянский, да *Тимофей Волуевич*, да с ними же лежит ***дворецкий его Иван Кожухов,*** изсечен в части. Над ними став князь великий нача плакатися...

Худ. П. Рыженко. Куликовская битва

Очевидцы того, как сражался великий князь Димитрий Иванович:

***Борис**, князь Углецкой;*
***Стефан/Степан Новосильский/Новосильцев**, князь (?);*
***Михаил** Иванович Байков, князь;*
***Юрий** (Юрка-Сапожник);*
***Василий** (Васюк Сухоборец);*
***Семен** (Сенька Быков);*
***Григорий** (Гридя[1] Хрулец)*

«Уже и день кончился, ...затрубили во всех полках русских в трубы. Князь Владимир Андреевич стал на татарских костях под черным (чермным. — *Прим. сост.*) знаменем великого князя Дмитрия. Грозно видеть и жалобно смотреть на кровопролитие русских сынов; человеческие трупы, точно великие стога, наворочены, конь не может быстро через них перескочить, в крови по колено бродят, а реки три дня текли кровью. Князь же Владимир не нашел брата своего, великого князя Дмитрия Ивановича, в полку, но только литовские князья приехали с боя. И начал князь Владимир и литовские князья плакать и биться о сырую землю и по полкам ездить, и велели трубить в трубы, собирая лю-

[1] *Гридя* — одна из уменьшительных форм имени Григорий (от греч. - бодрствующий). Небезынтересно, что в Древней Руси словами «гридя» и «гридень» обозначались княжеские дружинники.

дей. И съехались по трубным звукам со всех сторон русские удальцы, распевая песни крестные, мученические, Богородичные. И собравшиеся люди не нашли в этот час великого князя Дмитрия Ивановича. И начал говорить князь Владимир: “Братья мои милые, князья и бояре, русские сыны и молодые люди. Кто видел или кто слышал государя Русской земли великого князя Дмитрия Ивановича, вождя и начальника?” И сказал ему *первый самовидец*, ***Юрка-сапожник***: “Я видел его, государя, на третьем часу, сражался он железною палицею”... *Второй самовидец*, ***Васюк Сухоборец***: “Я его видел в четвертом часу, бился он крепко”. *Третий* сказал, ***Сенька Быков:*** “Я его видел в пятом часу, бился он крепко”. *Четвертый* же сказал ***Гридя Хрулец***: “Я его видел в шестом часу, бился он крепко с четырьмя татарами”...» (*Сказание о Мамаевом побоище по Забелинскому списку* [27, с. 322]).

Были и иные очевидцы тех событий:

«Рече же ***князь Борис Углецкой:*** “Яз видех великаго князя в пятом часу, видех крепко бьющеся палицею своею”. В то же время приехав ***князь Михайло Иванович Байков***: “Яз видех великаго князя в шестом часу с четырьмя тотарыми бьющеся”. Рече же ***князь Степан Новосильской***: “Яз его, государя, видех пред самым твоим приходом пеша идуща с побоища, вельми уязвена”...» (*Сказание о Мамаевом побоище по списку Михайловского* [28, с. 35]).

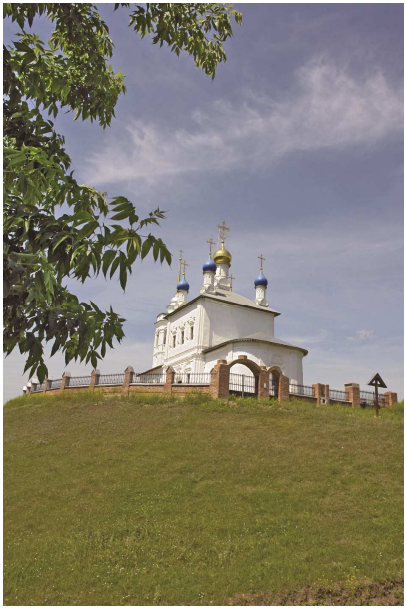
Имена всех вышеназванных «самовидцев», кроме князя Стефана Новосильского (*о нем см. в главе «Новосильское княжество»*), в других редакциях и списках Сказания, в списках Задонщины и в летописных источниках нами не найдены (видимо, потому что эти витязи

были из малоизвестных, но явленная ими храбрость все же послужила к увековечиванию их памяти). В подобном контексте в других источниках говорится только: «некий человек рече» или «иный рече». Замечательно, что не только княжеские имена становятся известными нам из этих эпизодов, но и имена простых людей, выходцев из ремесленного сословия. «Прозвище "сапожник" говорит о ремесленной профессии этого московского ополченца; уменьшительные имена Васюк, Сенька и Гридя указывают на невысокое общественное положение этих людей». (*М. Н. Тихомиров,* [102, с. 353]*)*. Вместе с ними в литературных памятниках запечатлен и весь русский народ, вставший на решительную защиту своей Земли от поганых агарян. Новгородский хронограф XVII века (именно ему принадлежит текст «Сказания...» по Забелинскому списку) «позволяет установить... важную черту, характеризующую состав русского войска на Куликовом поле. Великий князь Дмитрий Иванович обращается с речью к своим воинам: "Братие, князи и воеводы *и молодые* люди, *сынове* христианстии, от мала до велика". Так же говорит и Владимир Андреевич: "Братия моя милая, князи и бояре русские, *сынове и молодые люди*". "*Молодыми людьми*" *называли* в то время *ремесленников*, *крестьян*... в данном случае ополченцев. Кажется, нельзя найти более ясные доказательства всенародности русского ополчения, сражавшегося на Куликовом поле» *(М. Н. Тихомиров,* [102, с. 353-354]*)*.

‡ *Игумен Епифаний*

Хочется поведать и о малоизвестном кому подвиге игумена Епифания, память о котором сохранил народ (1. *Слово. Проповеди, конспекты, лекции из архива МДА», изд. МДА, Свято-Троицкий Ново-Голутвинский монастырь, 1993 г., стр. 307*; 10. *Слово. «В подарок детям», стр. 349*).

В «Сказании о Мамаевом побоище» только-то и сообщено, что «Ольгерд же Литовский прослышав, что князь Димитрий Иванович победил Мамая, возвратился восвояси со стыдом великим» (имеется в виду сын Ольгерда — Ягайло).



Храм Успения Богоматери в Епифани

А на самом деле вышло так. Литовский князь был уже на подходе, чтобы слиться с войском неприятеля. Он обещался быть на Семенов день, но (по воле Божией) запутался и пришел к одному монастырю (теперь там город Епифань, по версии, назван так в память игумена, который был начальником в той обители), где-то в 24 км от Куликова

Поля — совсем рукой подать! Епифаний отпустил свою братию к князю Димитрию, а сам принял всю тяжесть удара на себя. На расспросы о том, где расположены войска, настоятель юродствовал, ответствуя, что ничего не знает. Затем открыл все погреба и пригласил врагов как «самых дорогих» гостей к трапезе. Нет-нет, отравлены они не были, но набражничались так, что им было не до чего; в таком состоянии теряется не только голова, но и самый смысл «зачем» и «почему». А когда на следующий день «красные ноги» гонца известили о том, что время упущено и битва проиграна, то Епифания сейчас же предали лютой смерти, ибо все стало сразу ясно.

Разве это не чудо стойкости и мужества монаха, воина Христова и воина Русской Земли, облеченного только в броню веры и верности! Да дарует ему Господь мученический венец. Засадный Полк ведь мог бы и не справиться с подоспевшими свежими силами ворога. Следовательно, могло случиться, что Куликовская битва была бы проиграна.

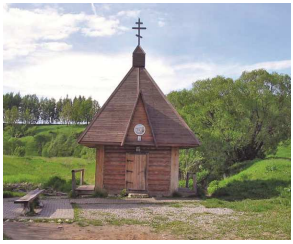
Отче Епифание, друже Христов, моли Бога о нас. Могилку твою теперь только Господь весть.

Где-то году в 1997—1998 был крестный ход вокруг полуразрушенного Храма Успения Богоматери (это все, что осталось от Епифанского монастыря). И некоторые из паломников слышали внутри Церкви ангельское пение... (Свящ. Валерий Мешков [79, с. 65]).

Битва завершилась, но...

В 12-ти километрах от поля Боя, где протекает величественный Дон, находится место, называемое Прощеный Колодец. Здесь русские воины тогда омывали раны, прощались и расходились по домам: по градам, селам и весям — каждый на свою родимую сторонушку, малую родину.

Среди них были и 12 русских витязей, имена которых нам сегодня неизвестны. Они погибли, к великому сожалению, уже после того, как трубный глас возвестил о Победе. Сражение закончилось, но не для них. Литовские отряды, которые по промыслу Божию опоздали к Битве, и иже с ними, яко хищные волки и коршуны рыскали, грабя и ища хоть какой-то добычи. Русские герои не привыкли сдаваться. Бой был неравный... Пали они от вражеского оружия близ деревни Свиридово (Веневский район Тульской области). В народной памяти это место отныне величается **«12 ключей»**. Сегодня в шуме вод этих родников слышится звук мечей того побоища, последних земных минут их жизни... Их подвиг явился тем духовным ключом, который отворил им врата Царствия Небесного.



Источник «12 ключей» (д. Свиридово Веневского района Тульской области)

Включаем этих безымянных, но небезызвестных героев Русской Земли в наш ***Поминальный Синодикъ*** общим списком:

‡ — ***12 воинов, погибших близ Венева.***

Споспешествовавшие победе и воспевшие ее

Худ. Н. Н. Дубовской.
В обители. Троице-Сергиева Лавра 1917 г.

На титульной странице — крест-энколпион,
найденный на Куликовом Поле

Епископ Герасим

Благословил великого князя Дмитрия Донского
и все русское войско пойти против нечестивых агарян

***Источник информации и содержание*:**

Летописная повесть о побоище на Дону [10].

Стр. 231: …И окончив молитву, пошел к Пречистой и ***к епископу Герасиму*** и сказал ему: «Благослови меня, отец, пойти против окаянного этого сыроядца Мамая и нечестивого Ягайла и отступника нашего Олега…» **Святитель же Герасим благословил князя и всех воинов пойти против нечестивых агарян…**

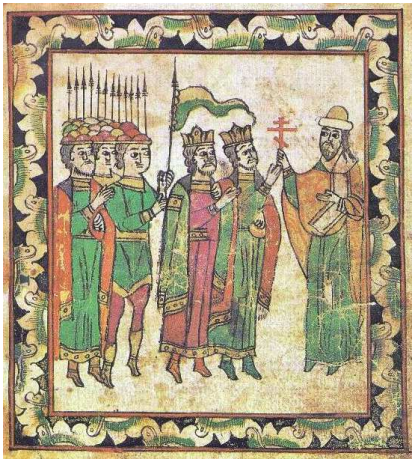
Прим. на стр. 240: ***Коломенский епископ Герасим*** в это время правил митрополией, так как Дмитрий Донской не хотел принимать митрополитов Пимена и Киприана, поставленных на русскую митрополию в Константинополе без его согласия. В Сказаниях, где говорится о митрополите Киприане, как московском митрополите в это время, — явный подлог или ошибка.

Сказание о Мамаевом побоище.
Основная редакция [24]

Стр. 257: Князь же великий пришел на Коломну… **Архиепископ же Геронтий коломенский** встретил великого князя в городских воротах с живоносными крестами и со святыми иконами, со

всем причтом, и осенил его живоносным крестом и молитву сотворил: «Спаси, Боже, люди своя».

Прим. на стр. 284: **Коломенским епископом в 1380 г. был Герасим.** В Летописной и Распространенной редакциях Сказания коломенский епископ **назван верно — Герасим**, в Основной редакции — Геронтием. Замена имени Герасима Геронтием могла произойти в период между 1453—1473 гг., когда коломенским епископом был Геронтий и по созвучию имен в этот период вместо Герасима переписчики могли написать Геронтий. После 1473 г. этого не могло произойти, так как после этого года Геронтий стал митрополитом. В некоторых списках коломенский епископ назван Геласием, но епископа с таким именем не было вообще, и в данном случае — простая путаница имен.



Епископ Герасим благословляет войско на битву. XVII в. ГИМ

Инок (старец) Нектарий

Доставил на Куликово Поле перед Битвой великому князю Димитрию Ивановичу Богородичную просфору и своеручную грамотку от преподобного Сергия

***Источник информации и содержание*:**

Сказание о Мамевом побоище *в редакции Летописца князя И. Ф. Хворостинина* [20]

Стр. 283: ...И в тоже время приидоша к великому князю Дмитрею Ивановичю книги от препадобнаго игумена Сергия с ***старцем Нектарием*** месяца сентября в 9. В них же бе написано великому князю Дмитрею Ивановичю и ко всем рускимъ князем и ко всему православному воинству от преподобнаго игумена Сергия мир и благословение. И слышав то писание великии князь Дмитреи Иванович от преподобнаго игумена Сергия, и целова старца Нектария любезно. Старец же Нектареи поднесе великому князю Дмитрею Ивановичю посланныи дар от преподобнаго игумена Сергия: хлебец от трапезы ево святыя Пречистыя Богоматери. И князь великии Дмитреи Иванович прием и съяде хлебец Святыя Богородицы. И биша челом великии князь старцу Нектарию, и простер руце свои на небо и возопиша велегласно: «Велико имя Господине! Пресвятая Госпоже Богородице, помоги нам, рабом Своим, и помолися за нас Сыну своему Господу Богу нашему молитвами прподобнаго твоего игумена Сергия!»

Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия игумена Радонежского и всея России чудотворца [53]

Стр. 218–220: ...8 сентября 1380 года с раннего утра они стали в боевой порядок между рек Дон и Непрядва, готовые встретить безбожного врага.

В это самое время является перед великим князем ***инок Нектарий*** (имя Нектария сохранилось в одной из рукописей XIV века, которою мы пользовались. – *Архиепископ Никон*), посланный с другими братьями от преподобного Сергия, нося мир и благословение ему и всему христолюбивому его воинству. Святой старец провидел духом нужду еще раз укрепить мужество великого князя перед самою битвою и прислал ему в благословение богородичную просфору и своеручную грамотку, конец которой сохранила для потомства одна из наших летописей. Грамотка эта, увещевая великого князя сражаться мужественно за дело Божие и пребывать в несомненном уповании, что Бог увенчает их дело счастливым успехом, оканчивалась следующим изречением: «Чтобы ты, господине,

Старец Нектарий принес князю Димитрию просфору от преподобного Сергия

таки пошел, а поможет ти Бог и Троица».

Великий князь прочитал грамотку, вкусил от святой просфоры и, воздев руки, громко произнес молитву…

Быстро разнеслась по полкам весть о посланцах Сергиевых; в лице их великий печальник русской земли как бы сам посетил и благословил русское воинство, и это посещение, в такую важную и решительную для всех минуту, было сколько неожиданно, столько же и благовременно. Теперь и слабые духом воодушевились мужеством, и каждый воин, ободренный надеждою на молитвы великого старца, бесстрашно шел на битву, готовый положить душу свою за святую веру православную, за своего князя любимого, за дорогое отечество.

С честью отпустил великий князь посланцев Сергиевых и стал на высоком холме…

Ф. Алексеев. Троице-Сергиева Лавра

Федор Андреевич Свибло

Московский боярин из рода Ратшичей.
во время похода Дмитрия Донского против Мамая
был оставлен в Москве для охраны столицы
и путей сообщения с Москвой вышедших в поход полков,
а также в качестве попечителя великокняжеской семьи.

***Источник информации и содержание*:**

Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода [17]

Стр. 34: …И начаша возитися за Оку … А самъ великии князь Дмитрии Иванович в понедельникъ перебродися съ своимъ дворомъ, **а на Москве остави воеводъ своих у великие княгини и у сыновъ своихъ Федора Андреевича.**

Рассказ о Куликовской битве в Новгородской IV летописи [15]

Стр. 70: И начашя възитися за Оку за неделю до Семеня дни, в день неделныи; и переехавше за реку, внидошя в землю Рязаньскую. А самь князь в понеделник перебреде своимь двором, а на Москве остави воевод своих у великои княгини Евдокеи и у сынов своих, у Василья, у Юрья и у Ивана **Федора Андреевича**.

Комм. на стр. 55 [82]: М. Н. Тихомиров и В. Ф. Ржига принимали Федора Андреевича за боярина Дмитрия Московского Ф. А. Кошку (*По-*

вести о Куликовской битве, 1959, с. 240). **Вернее,** однако, **видеть в Федоре Андреевиче** другого **боярина князя Дмитрия — Федора Андреевича Свибла.** Зимой 1377/78 г. Ф. А. Свибло возглавил московскую рать, посланную на помощь тестю Дмитрия нижегородскому великому князю Дмитрию Константиновичу. Ф. А. Свибло был старше и опытнее в военных делах Ф. А. Кошки. Поэтому естественнее в нем видеть **попечителя оставшейся в Москве семьи Дмитрия.**

С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев [47]

Стр. 39-40:

Из Немец пришел Ратша.

…

У Гаврилы дети: Иван Морхиня да Акинф Великий.

У Акинфа Гавриловича Великого дети: Иван да бездетный Федор.

У Ивана Акинфовича дети: Андрей, Владимир, Роман Каменский, да Михаил, убит на Дону (1380 г.).

…

А у Андрея Ивановича восемь сыновей: **Федор Свибло**, Иван Хромой, Александр Остей, Иван Бутурля, Андрей Слизень, Михаил, бездетные Федор Корова и Иван Зеленый…

Стр. 54-55: …Исторически самым значительным было потомство Андрея Ивановича Акинфова. Пятеро его сыновей, а, может быть, и все шесть были боярами великих князей Дмитрия

Донского и Василия Дмитриевича. Старший сын боярина Андрея Ивановича Федор Свибло (свиблой, швиблой — шепелявый, косноязычный), в 1366-67 гг., будучи молодым человеком, принимал участие в спешной постройке первых каменных укреплений московского Кремля и оставил по себе память до наших дней в названии одной из башен кремлевских стен (Свиблова, или Водовзводная — угловая башня от Боровицких ворот к р. Москве). Большое историческое значение этого предприятия Дмитрия Донского не только для самой Москвы, но и для всего Московского княжения сказалось в следующем же 1368 г., когда великий князь литовский Ольгерд произвел внезапный набег на Московское княжество и должен был отступить перед неожиданно для него воздвигнутыми укреплениями Москвы. В 1377 г. Федор Свибло был воеводой в походе на Мордовскую землю…

Во время похода Дмитрия Донского против Мамая Федор Свибло был оставлен в Москве для охраны столицы и путей сообщения с Москвой вышедших в поход полков.

В 1389 г. Федор Свибло в числе самых близких к великому князю Дмитрию Донскому бояр, был свидетелем его духовного завещания.

В самом конце XIV или в начале XV в. Федор Свибло по неизвестной причине подвергся опале, и все его вотчины и имущество были конфискованы…

Софоний (Софроний) Рязанец

Автор «Задонщины»,
мог быть реальным участником Битвы.
Но даже если и не участвовал в этом Сражении,
то на века сохранил память о нем

Писатель-историк М. Д. Каратеев при составлении списка «Участников Куликовской битвы» не обошел вниманием ***Софония,*** зачислив его для поминовения в свой синодик, к тому же сопроводил это имя следующим текстом [61]: *«Рязанец, Софроний*[1]*, священник, автор "Задонщины". **Есть основания думать, что он сопровождал Дмитрия Донского в этом походе.** Во всяком случае, как современник, давший первое и наиболее яркое описание Куликовской битвы, **он получил право на внесение в этот список***». Мы абсолютно согласны с Михаилом Дмитриевичем и вслед за ним вносим это имя в наш ***Поминальный Синодикъ.***

Попытаемся немного рассказать о Софонии Рязанце, приводя здесь информацию из работ отечественных историков.

[1] В некоторых более поздних списках «Задонщины», которые, возможно, и были под рукой у М. Д. Каратеева (а он жил и трудился в эмиграции), а также в заглавии некоторых более поздних рукописных списков «Сказания...» имя автора, действительно, Софроний, а не Софоний. Но это уже совершенно другое имя. Конечно, могла произойти ошибка по невнимательности переписчиков, т.к., например, в одном из списков (ГИМ № 2060, конца XVI в., по данным В. Ф. Ржиги [83, с. 402]) имя это вообще звучит «Ефоний». Оно созвучно первым двум именам и также наводит на мысль об искажении его при переписке.

«Задонщина» сложилась на фундаменте летописного сказания, из устных преданий, эпического народного творчества и вероятного свидетельства описываемого события.

Вот какие заключения о времени написания и о времени жизни автора этого произведения, а также о его рязанском происхождении делает **В. Ф. Ржига,** *в статье «Слово Софония Рязанца о Куликовской битве (Задонщина) как литературный пямятник 80-х годов XIV в.»* [83, с. 377–400]):

«...уяснение художественного метода Софония рязанца невозможно без постановки вопроса о его идейных позициях. В период Куликовской битвы наблюдалась неоднородность и противоречивость интересов отдельных княжеств, входивших в состав тогдашней Руси. Несмотря на то, что вокруг Москвы началось государственное объединение, все еще сильна была феодальная раздробленность и разобщенность... Еще до 1380 г. Москва боролась с Рязанью, а теперь, в годину Мамаева нашествия положение Рязани становилось поистине трагическим. На Рязанскую землю, вследствие ее географического положения, прежде всего должны были обрушиться удары татарских захватчиков, и естественно, что в сознании рязанцев возникал грозный конфликт между понятием родины в узком смысле — родной земли, и понятием родины в широком смысле — Русской земли вообще. Одни рязанцы... перешли на сторону Мамая... Другие... несмотря на всю тяжесть переживаемого, сохранили верность Русской земле. Безусловно, поэт-рязанец должен был глубоко и остро переживать то трагическое противоречие, которое возникло в сознании его современников-земляков. Мест-

ный патриотизм поэта сказался... в развернутом изображении тяжелых потерь, связанных с Куликовской битвой и особенно коснувшихся Рязани... Интересно, что в конце произведения, в подсчете потерь боярства по областным центрам, состоящем большею частью из цифр 20, 30, 40, 50, выделяется цифра потерь рязанского боярства, доходящая до 70 и таким образом являющаяся максимальной...

Для понимания Слова Софония рязанца важно и уточнение времени его создания... сравнительно недавно было обращено внимание на то, что в памятнике упоминается Торнава, т.е. Тырново, столица Болгарского царства, а так как в 1393 г. Тырново взяли турецкие войска, то отсюда был сделан вывод, что Слово Софония рязанца создано до 1393 г. ...Необходимо признать, что попытки приурочить памятник ко времени более близкому к 1380 г. представляются вполне целесообразными. Они отвечают тому явно эмоциональному характеру, какой имеет *Слово Софония* с начала до конца. В связи с этим есть основания считать, что *Слово Софония* появилось сразу же после Куликовской битвы, быть может, в том же 1380 году, или следующем.

Вопрос о месте создания Слова Софония рязанца в основном ясен. Это произведение было написано не в Рязани, а в Московском княжестве... в сфере влияния серпуховского князя Владимира Андреевича...».

О личности автора Задонщины **В. Ф. Ржига** продолжает рассуждать в другой работе *(статья «О Софонии рязанце»* [83, с. 401–405]*):*

«Свидетельства памятников о личности автора Слова о Куликовской битве, или так называемой *Задонщины*, распадаются на три группы:

1. *Во всех* списках «Задонщины» автор произведения называется Софонием и характеризуется эпитетом «рязанец», что значит уроженец Рязани, выходец из Рязани... Поскольку эпитеты, указывающие на происхождение лица из какой-нибудь области, давались обычно тогда, когда это лицо действовало в ином месте, то нет сомнения в том, что Софоний, ранее живший в Рязани, переселился в другой центр, в котором и создал произведение, сделавшее его известным.

2. Другая категория сведений о Софонии встречается гораздо реже: ...к имени Софония, кроме эпитета «рязанец», добавлен еще эпитет «иерей»... Иерейство Софония, о котором говорится в поздних памятниках, в нашей научно-исследовательской литературе вызвало серьезные сомнения...

3. Последний вид сведений... встречается только один раз: в списке Тверской летописи, сохранившемся в рукописи Погодинского собрания, №790, начала XVII в., Софоний рязанец характеризуется как брянский боярин... Сведение... не может быть возведено к первоисточнику: оно или получено было из вторых рук, или возникло как домысел составителя Тверской летописи...

...Можем сказать только одно, что Софоний был выходцем из Рязани. Определить же его социальное происхождение пока что трудно. Некоторый намек в этом отношении дает как будто бы заглавие Задонщины по Кирилло-Белозерскому списку XV в., где Софоний назван не только рязанцем, но и "старцем". Слово "старец" в древней Руси имело двоякое значение: 1) старик, человек преклонного возраста; 2) монах».

Иначе относится к личности Софония Рязанца **А. В. Соловьев** (статья «Автор "Задонщины" и его политические идеи». Труды отдела древнерусской литературы. Т.XIV, 1958. с. 183–197):

«Софоний был, несомненно, священником, может быть иеромонахом-"старцем", жившим в Рязани. Однако прозвище "Рязанец" не указывает на его происхождение: древнейшее упоминание о нем, в Тверской летописи, ясно называет его еще "брянским боярином". Уже С. К. Шамбинаго правильно заметил: "Он мог стать священником после того, как был боярин. Родом с юга, он легко мог принести с собой в Рязань рукопись Слова о полку Игореве, а может быть и целую библиотеку, так как видно, что он был человеком книжным, а судя по его Слову – и не без таланта"... Нам кажется, что "Задонщина" была написана непосредственно после Куликовской битвы, когда авторитет Дмитрия Донского особенно возрос, и когда у него появились планы объединения всей Руси, даже литовской... По нашему мнению, она была написана еще при жизни Дмитрия, в 1380 г., до получения сведений о смерти Мамая и до сожжения Москвы Тохтамышем.

Летописные известия помещают непосредственно после подробной повести о Куликовской битве рассказ о том, как Мамай вернулся в Орду, собирая новую рать против Руси, но на него пришел Тохтамыш из Синей орды и победил Мамая "на Калках". Тогда... Мамай "с единомысленники" бежал в Кафу... Кафинцы... приняли его... но затем, посовещавшись, убили его... Все это рассказывается в рамках 6888 (мартовского) года. Следовательно, Мамай был убит зимой 1380/81 г., во всяком случае, до 1 марта 1381 г.

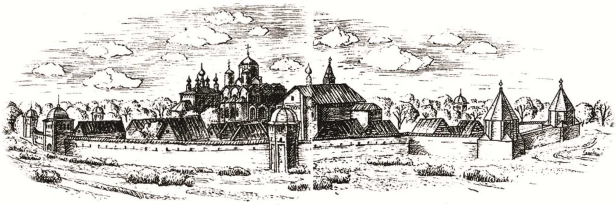
...Между тем рассказ "Задонщины" о бегстве Мамая не знает никаких подробностей, не упоминает даже Тохтамыша. Говорится лишь о бегстве Мамая в Кафу и о насмешках, которыми его там встретили... Генуэзцы предлагают ему бежать обратно... О смерти Мамая ничего не сказано. Между тем, если б иерей Софоний знал об убийстве Мамая, он непременно упомянул бы этот "суд Божий" над нечестивым врагом. Мы считаем, что "Задонщина" была уже написана в начале зимы 1380 г., когда на Русь дошли первые слухи о том, что Мамай бежал в Кафу, и что кафинцы не хотят принимать его... "Задонщина" была уже готова, но Софоний... внес в нее дополнительно эпизод о бегстве Мамая, и знаменательно, что ни один из позднейших списков не вставил в текст упоминания о смерти Мамая».

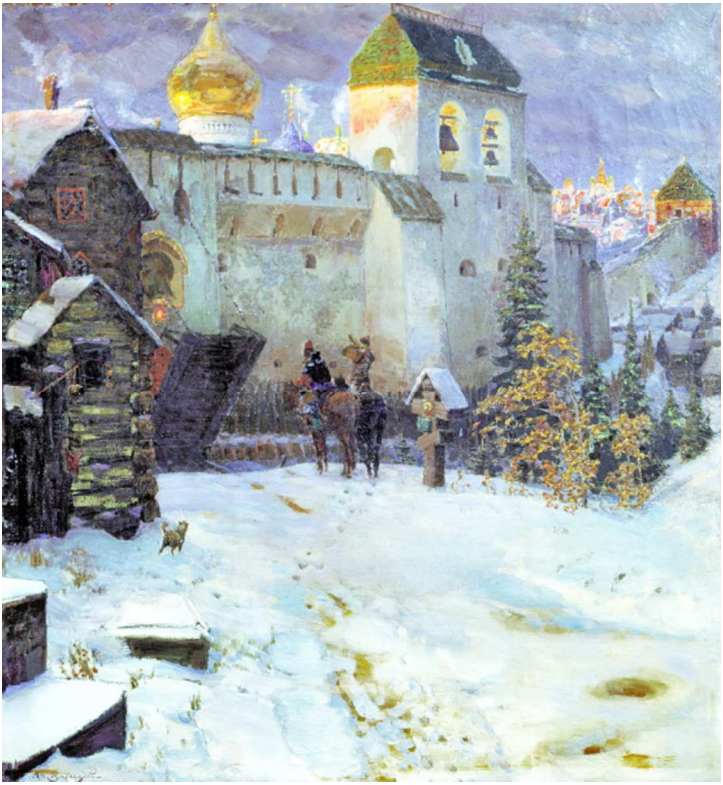
Существуют и другие мнения (Л. А. Дмитриев; И. Назаров; Р. П. Дмитриева и др.).

Итак, как бы там ни было, и из какого бы уголка земли Русской не происходил Софоний — Рязани или Брянска, мы будем поминать его в нашем Синодике, как современника, увековечившего память об этом славном событии — Великой победе Русского Народа над погаными, положившей начало объединения разрозненных земель русских в Единое Государство.

Заметки о Нижегородско-Суздальском княжестве

(по поводу возможного участия его посланцев в Битве)





Худ. А. М. Васнецов. Старорусский город

На титульной странице — рисунок с реконструированной панорамой Покровского монастыря в Суздале. XVI—XIX вв.

Приведем некоторые сведения о Нижегородско-Суздальском княжестве тех времен (различные авторы называют его по-разному: то Нижегородско-Суздальское, то Суздальско-Нижегородское, то просто Нижегородское *великое*, поэтому в наших заметках название его также будет звучать по-разному).

Суздальско-Нижегородское княжество, одно из княжеств Северо-Восточной Руси. Занимало территорию по р. Ирмису, среднему течению р. Нерли Клязьминской, нижним течениям Клязьмы и Оки, среднему течению Волги от низовьев р. Унжи до низовьев р. Суры. Основными его центрами были Суздаль, Нижний Новгород, Гороховец, Городец, Курмыш.

Вспомним основные вехи истории двух главных городов: Нижнего Новгорода и Суздаля.

В середине XII века на устье Оки, на территории современного **Нижнего Новгорода**, основано славянское укрепленное городище, названное современниками «Старым городком». В 1221 году (по другой версии — в 1212 г.) на более выгодном в военно-стратегическом отношении месте, над слиянием Оки с Волгой, **основан Нижний Новгород** — «Нижний» относительно уже стоявшего в 4-х верстах вверх по Оке Старого городка.

В 1238 и 1239 годах край дважды разоряли монголо-татары. Память об этом страшном времени сохраняет поэтическое сказание «Китежский летописец».

Суздаль же впервые упоминается на страницах русских летописей в 1024 году, а значит, этому красивейшему русскому городу — целая 1000 лет! В XI веке Суздаль — крупный город на северо-востоке могущественной Киевской державы. В середине XI века Суздаль достигает наивысшего расцвета: он становится *столицей Ростово-Суздальского княжества*, крупным торгово-ремесленным центром. *Это было во времена княжения* сына Владимира Мономаха *Юрия Долгорукого, ставшего первым самостоятельным суздальским князем*. Юрий Долгорукий жил больше в Суздале, чем в Ростове. Во время правления Юрия княжество становится обширным. Границы его простираются до Белого озера — на севере, до Волги — на востоке, до Муромской земли — на юге и до Смоленщины — на западе. Политическое значение Суздаля в эти годы сильно возрастает. В 1152 году в загородной княжеской резиденции в селе Кидекша на берегу Нерли по указу Юрия Долгорукого была построена церковь Бориса и Глеба, положившая начало белокаменному зодчеству на Северо-Востоке Руси. При сыне Юрия Долгорукого Андрее Боголюбском столица княжества была перенесена во Владимир.

Но протекало все не так уж гладко. Во время междоусобной борьбы в 1096 году князей Олега Черниговского и Мстислава Новгородского Суздаль подвергся сожжению. В 1107 году полчища булгар разграбили его окрестности, а суздальцы отсиделись в укрепленном городе. Трагические события монголо-татарского

нашествия наносят экономике и культуре края тяжелый урон. Суздаль был сожжен и разграблен, значительная часть населения города была уведена в плен...

Объединенное **Суздальско-Нижегородское княжество** (Нижегородское великое) было сформировано после смерти Ивана Калиты и в результате прямого воздействия Орды. Оно образовалось в 1341 году, когда монголо-татары передали суздальскому князю Константину Васильевичу ярлык на Нижний Новгород и Городец. Так в Северо-Восточной Руси возникло новое государственное образование с обширной территорией, сложившейся из земель бывшего Суздальского и бывшего Нижегородского (ранее — Городецкого) княжеств. Столицей *четвертого* по счету северо-восточного русского *великого* княжества стал Нижний Новгород (подъем Нижнего Новгорода в 1-й половине XIV в. привел к перенесению туда из Суздаля столицы вновь образованного княжества).

Развитие феодального землевладения и торговли, особенно в Поволжье, поддержка со стороны Орды и Новгорода Великого позволили князьям Суздальско-Нижегородского княжества Константину Васильевичу и его сыну Дмитрию вести борьбу с московскими князьями за великое княжение владимирское. Дмитрий в 1360 и 1363 захватывал великое княжение, но ненадолго. С 1364 по 1382 он действовал уже как союзник московского князя.

В 1377 году здесь инок Лаврентий по просьбе князя создает древнейшую из сохранившихся на Руси пергаментную «Лаврентьевскую» летопись. Особо следует подчеркнуть тот факт, что Нижний Новгород был вторым после Москвы городом Северо-Восточной Ру-

си, где приступили к строительству каменного кремля. Новое княжество и его столица стали одними из самых значительных на русском Северо-Востоке, а нижегородский князь начал играть крупную политическую роль не только на Руси, но и во всей Восточной Европе. Константин Васильевич сумел породниться с великим князем Литовским Ольгердом. На дочерях Константина женились Михаил Александрович Тверской и Андрей Федорович Ростовский, ставшие впоследствии великими князьями своих княжеств.

После смерти в 1355 году князя Константина осталось четверо его сыновей: Андрей, Дмитрий (в крещении Фома), Борис и еще один Дмитрий, по прозвищу Ноготь. Все они получили уделы, по-видимому, согласно отцовскому завещанию. Эта политика в свою очередь во многом определялась антиордынскими целями и задачами внешней политики Москвы, с князем которой Дмитрием, будущим Донским, породнился Дмитрий Нижегородский, выдав за него в начале 1367 г. свою дочь Евдокию. На первых порах союз с Москвой принес нижегородскому князю определенные выгоды. Братья послушно ходили под его рукой, а ряд успешных военных акций против монголо-татар в 1367, 1370, 1374 и 1377 годах позволил Дмитрию Константиновичу, видимо, несколько расширить свои владения на востоке и даже посадить своего ставленника в Булгаре. Но в 1375 г. активные действия против Нижегородского княжества начал Мамай. В 1375 г. монголо-татары Мамая сожгли Кишь и разграбили Запьяние. В августе 1377 г., несмотря на помощь Москвы, они вместе с мордовскими князьями вероломно напали на оплошавших русских воевод, нанесли им страшное поражение на

Пьяне, а затем «изгоном» взяли Нижний Новгород. Осенью того же года царевич Арапша и осмелевшие мордовские князья воевали на восточных и южных рубежах Нижегородского княжества. Летом 1378 г. мамаевы войска вновь неожиданно захватили Нижний Новгород.

Существование уделов в Суздальско-Нижегородском княжестве (главный из уделов — Городецкий) и давление Орды способствовали обострению феодальных противоречий в нем. Ориентация части нижегородских князей на монголо-татар противоречила объединительным стремлениям Москвы. Участие вместе с Москвой в антиордынской борьбе оборачивалось для пограничного русского княжества тяжкими последствиями. И хотя **в 1380 г. Дмитрий Константинович еще помог своему зятю** (*на Куликовом поле сражались суздальские полки, хотя не было городецких и нижегородских*), между союзниками назревал конфликт. Когда в 1382 г. на Москву двинулся хан Тохтамыш, Дмитрий Нижегородский выслал ему в помощь двух своих сыновей. Их предательское поведение, приведшее к взятию и сожжению 26 августа Москвы и убийству практически всех москвичей монголо-татарами, лишило нижегородского князя великокняжеской поддержки[1].

В 1392 году суздальско-нижегородские земли присоединяются к Москве. С этого времени московские великие князья удерживали Поволжье в своих руках, хотя князья Суздальско-Нижегородского княжества с

[1] Своеобразным искуплением этого предательства считаем тот факт, что в Смутное время (нач. XVII века) именно в Нижнем Новгороде стало собираться ополчение, сыгравшее решающую роль в освобождении Москвы от польских интервентов.

помощью монголо-татар иногда добивались возвращения Нижнего Новгорода (1395, 1411–1414, 40-е гг. XV в.).

Относительно участия дружин из Нижегородско-Суздальского княжества в Куликовской битве первоисточники сообщают следующее:

Задонщина. Пространная редакция *по списку В. М. Ундольского* [8]

> *Стр. 119:* ...нету, государь, у нас 40 бояринов московских, 12 князей Белозерских, 30 новгородских посадников, 20 бояринов коломенских, 40 бояр серпуховских, 30 панов литовских, 20 бояринов переславских, 25 бояр костромских, 35 бояр володимеровских, ***8 бояр суздаских***, 40 бояр Муромских, 70 бояр резанских, 34 бояринов ростовских, 23 бояр дмитровских, 60 бояр можайских, 30 бояр звенигородских, 15 бояр углецких...

Комментарий В. А. Кучкина на приведенный фрагмент текста [82, с. 122]:

> «В перечне убитых бояр интерес представляет не их численность, поскольку достоверность приведенных цифр проверить невозможно, а *указания на принадлежность бояр к определенным городам*. В перечне косвенно упоминаются города Москва, Коломна, Серпухов, Переяславль, Кострома, Владимир, Дмитров, Можайск, Звенигород, Углич. Эти города и их округи к 1380 г. составляли отчинное владение Дмитрия Ивановича и его двоюродного брата Владимира Андреевича. Города Белоозеро, Муром и Ростов были центрами трех княжеств, находившихся в **весьма тесных союзных отношениях с Москвой. В таких же отно-**

шениях с Москвой было великое княжество Нижегородское, которому принадлежал второй по значению город княжества Суздаль...».

Сказание о Мамаевом побоище.
Основная редакция [24]

Стр. 274-275: ...Нет у нас, государь, 40 бояринов московских.., да ***50 бояринов Новгорода Нижнего***, да 40 бояринов серпуховских.., да **50 бояринов суздальских...**

Подобные сведения встречаются и в других списках и редакциях памятников Куликовской битвы.

Кроме указания числа бояр Нижнего Новгорода и суздальских в источниках более никаких сведений о посланцах этой земли на Битву не встречается. Только **у *В. Н. Татищева в «Истории Российской»*** [96, с. 145] неожиданно находим **имя *«князя нижегородского Дмитрия»*** в следующем контексте *(в других источниках информации о его участии в Битве нет)*:

«Пред свитанием септемврия 8 дня приидоша слышан бысть топот конский и шум велий. Тогда князь великий созва вся князи, и уложища, яко князю великому быти в середине и смотрети на вся полки, камо потребно будет помогати; направе стати Ольгердовичем с северским и новогородским полками и псковичи; налеве белозерским и ярославским; впереди тверскому, а *князю Володимеру Андреевичу **и князю Димитрию нижегородскому позади,** и когда узрит татар наступая, то ему стати в засаде в дуброву у реки Дону, а на его место стати Дмитрию.* И тако разрядивше начаша вооружатися... сторожевыя, возвесчаюсче, яко татаре идут.

...Егда же татарове начаша левую руку князей Белозерских одолевати, *и минуша дуброву, иде же стояше князь Володимер Андреевич и воевода литовский Дмитрий Волынец с засадою*, тии видевше сие, удариша со стороны и в тыл татаром. **А князь Дмитрий Ольгердович созади большого полку** вступи на то место, где оторвася *левый полк*, и нападе с северяны и псковичи на больший полк татарский. Тогда же князь Глеб брянский **с полком володимерским и суздальским** поступи чрез трупы мертвых, и ту бысть бой тяжкий...».

Как видим, здесь сообщается не только имя нижегородского князя, но и даются одна из версий уряжения полков перед Битвой, а также сведения о ходе сражения. По описанию Василия Николаевича ***полки были уряжены следующим образом:***

1) **Великокняжеский Большой Полк** под предводительством ***великого князя Димитрия Иванови-ча.*** Располагается в ***«середине»***, «*яко князю великому... смотрети на вся полки, камо потребно будет помогати*». По дальнейшему тексту, описывающему саму Битву, становится понятным, что в этом полку сражались *владимирцы и* ***суздальцы*** *под командованием князя Глеба Брянского.*

2) **Полк Правой Руки (***в тексте* — ***«напра-ве»)*** под командованием князей Ольгердовичей, Дмитрия и Андрея, с северскими и новгородскими полками и с псковичами. При описании самой Битвы в этом полку упоминается только князь Андрей Ольгердович, князь же Дмитрий Ольгердович сражается «*созади большого полку*», т.е. в Резервном Полку.

3) **Полк Левой Руки** (*в тексте — **«налеве»**)* под началом князей Белозерских и Ярославских.

4) **Передовой Полк** (*в тексте — **«впереди»**)* под командованием тверского князя, по-видимому, Ивана Всеволодовича Холмского, об участии которого в Битве сообщается другими источниками (*в тексте — **«впереди тверскому»**)*.

5) **Засадный Полк** *(по тексту «**в засаде»**),* под командованием князя Владимира Андреевича Серпуховского и воеводы Дмитрия Михайловича Волынца.

6) **Резервный Полк** (в тексте — **«позади»**), возглавляемый, как будто, князем **Серпуховским Владимиром Андреевичем** и **князем Дмитрием Нижегородским** (в тексте — «князю Володимеру Андреевичу и князю Димитрию нижегородскому позади»), но «когда узрит татар наступая, то **ему стати в засаде в дуброву у реки Дону, а на его место стати Дмитрию».** Какому Дмитрию встать на его место, из этого отрывка не ясно, но дальнейший текст помогает нам: «А князь Дмитрий Ольгердович созади большого полку вступи на то место, где оторвася левый полк, и нападе с северяны и псковичи на больший полк татарский...».

Вот наши рассуждения по этому сюжету. Можно предположить об участии в Битве **некоего князя Дмитрия Нижегородского.** Однако если внимательно отнестись к прочитанному не только в этом, но и в других источниках, то напрашивается такой вывод: **в этом тексте, скорее всего, Дмитрием Нижегородским назван Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский.**

Просто у Татищева история с Засадным Полком выглядит несколько иначе: здесь командиры Засадного Полка якобы не находятся вместе с Полком в Засаде, а почему-то назначены стоять позади Большого Полка до поры-до времени, что, конечно же, весьма странно выглядит. Как может Полк находиться в Дубраве без командиров? Также в пользу того, что князем Дмитрием Нижегородским Татищев, по-видимому, называет Дмитрия Боброка говорит следующая информация: «**Боброк-Волынский Дмитрий Михайлович – безудельный князь**, сын литовского князя на Волыни Кориата (Михаила) Гедеминовича (*внук Гедемина*), воевода великого князя Дмитрия Ивановича Донского. Выехал с Волыни и **был сначала тысяцким у нижегородского князя Дмитрия Константиновича Старшего,** а затем, в 1370-е гг., перешел на службу в Москву» *(См. в главе о Боброке-Волынском).*

(*По материалам:* [83], [82], [72], [73], [81], [137], [151])

Нижний Новгород в XIV веке (рис. С. Агафонова)

Заметки о Рязанском княжестве

(по поводу возможного участия его представителей в Битве)

Миниатюра к "Повести о Куликовской битве" к тексту: "... Татрове же, прише(д)ше, взяша град Дубокъ и сожгоша, и Переславль сожгоша, и прочиа грады по(ж)гоша"

На титульной странице — старое фото Рязани с видом на Рязанский кремль

Рязанское княжество — феодальное княжество, выделившееся в 1127 г. вместе с Муромом из Черниговского княжества в Муромо-Рязанскую землю, которая досталась Ярославу Святославичу, а при его детях Святославе и Ростиславе распалась на Рязанское и Муромское княжества, которые окончательно обособились после смерти (в 1145 г.) Святослава Ярославича.

С IX века н.э. здесь известны значительные поселения славянского племени вятичей. Самое крупное из них возникло в IX веке у современной Рязани — на дюне села Борки. Удобное расположение поселения — между реками Трубеж и Ока, — и без укреплений надежно защищало его от врагов, способствовало его быстрому развитию.

XII и начало XIII века были периодом расцвета Рязанского княжества, его культуры и искусства. *В XII веке уже образуется «великое княжество»* — так оно именуется, начиная с княжения Игоря Святославовича (1147—1149), если не раньше. Это наименование сохранилось за ним до его упразднения в XVI веке.

До начала XIV века столицей[1] Рязанского княжества была не теперешняя **Рязань**, а город на реке Оке, у нынешнего районного центра Спасска, который до разорения его ханом Батыем имел название Рязань. Нынешняя же столица имела первоначальное название **Переяславль-Рязанский.** Это название города историки связывают с именем черниговского князя Ярослава Святославича.

Имя **«Рязань»** употребляется в летописях не только для обозначения города, но и всей Рязанской земли. Существует большое количество версий, объясняющих происхождение названия «Рязань», но единого мнения до сих пор не существует. Вот некоторые из топонимов: 1) от слова ***ряса,*** т.е. топкое, но не совсем болотистое место; 2) от названия древнерусской денежной единицы ***резаны***; 3) от наименования одного из мордовских племен – ***эрзя***; 4) от слова ***ряж***, которым обозначалось крепостное строение в виде деревянного сруба, погружаемого в грунт и заполняемого обыкновенно вязкой, жидкой глиной или булыжником; 5) от слова ***рязань*** в значении «дикая яблоня» (мелкие, дичковые яблоки в народной речи тоже называются рязань/резань).

Поселение на месте нынешней Рязани в IX–XI веках и Старая Рязань в XI–XII веках были крупнейшими торговыми центрами на великом «янтарном» пути от Балтийского моря и его портов до Индии и Китая.

[1] «Столица», или «стольный град». Слово имеет корень «стол». По С. И.Ожегову [115], обозначает (в Древней Руси) княжение, престол, т.е. город, где находился княжеский стол (престол).

Дата основания Переяславля-Рязанского (т.е. нынешней Рязани) — 1095 год — записана на листе псалтыри конца XVI — начала XVII века из церкви Николы Старого. Она принимается обычно исследователями безоговорочно и подтверждается данными археологии. В эти времена Рязань имела статус страны, а название столицы можно найти лишь в Никоновской летописи.

В XII веке на Рязанской земле был построен первый Ольговский Успенский монастырь — один из старейших монастырей Руси. В 1187 г. (а возможно — в 1198 г.) произошло отделение Рязани от Черниговской епархии, и она стала самостоятельной (Рязанской) епархией.

В середине XII века Рязанское княжество вступило в борьбу с Ростово-Суздальским княжеством. В конце XII — начале XIII вв. Рязанское княжество попало в зависимость от Владимира и оставалась в таком состоянии до смерти Всеволода Большое Гнездо.

В XIII веке княжество имело свое ядро в среднем течении реки Оки и просуществовало достаточно долго. Со слов Д. И. Иловайского [60] «Рязанское княжество — составляло самую воинственную и беспокойную ветвь Рюрикова дома». Русские, начавшие в конце I тысячелетия заселять окское правобережье, сталкивались с натиском кочевых скотоводческих племен, то и дело вторгавшихся в леса юга. Рязань первой среди русских городов приняла удар монголо-татарского нашествия. В 1237 году она была разрушена ими и превратилась в село (теперь — городище), известное под названием Старая Рязань.

Монголо-татарское нашествие привело к разрушению производительных сил края, уничтожению многих

городов, резкому ослаблению государственной власти княжества. В XIV в. Рязанское княжество снова усилилось, расширились его экономические и политические связи с другими землями Руси, с Золотой Ордой и Литвой. В состав Рязанского княжества в XIV в. вошли земли, примыкающие к Оке вплоть до ее верховьев. После нескольких столкновений с Москвой в конце XIV в. установились мирные отношения, которые были скреплены браком рязанского князя Федора Ольговича (правил в 1402 — около 1417) с дочерью Димитрия Ивановича Донского.

На степных рубежах разворачивались главные события, связанные с преодолением Русью зависимости от Орды: Куликовская битва — в 1380 году, в верховьях Дона (на Угре) — в 1480 году. Вплоть до XVIII века степняки продолжали тревожить русские земли стремительными набегами с юга. Естественной защитой от степной угрозы длительное время были реки Ока и ее левый приток Угра. Летописцы именовали их поясом Пресвятой Богородицы, защищавшим Русскую землю...

Если говорить об отношениях княжества с Москвой, то следует отметить, что поздние московские летописи неизменно изображали князя Олега Рязанского злейшим врагом, изменившим общерусскому делу. Из летописей 1350—1402 годов видно, что основной расцвет и могущество Рязанское княжество приобрело при князе Олеге Ивановиче, который был незаурядным воином и политиком. Эти качества помогали ему постоянно лавировать между Ордой, Литвой и Москвой... Потомки князя Олега Ивановича после его смерти не смогли противостоять Москве, и в 1521 году Рязанское княжество перешло в подчинение Москвы. Такой

взгляд долго господствовал в историографии, но он далеко не историчен и не поддерживается в серьезной науке. Ведь Рязанской земле в гораздо большей степени, чем каким-либо другим русским землям, пришлось пережить ужасы татарских набегов. Так или иначе, Олег вошел в историю как воин, а пограничное положение Рязанщины сделало этот образ самым важным и любимым.

Современная Рязань долгое время именовалась Переславлем-Рязанским. С этими местами связаны русские предания, герои которых отважно сопротивлялись врагу: о славном воине Евпатии Коловрате; о зарайской княгине, бросившейся с кремлевской башни, чтобы не стать наложницей хана, об Авдотье Рязаночке…

В 1778 году по Указу императрицы Екатерины II Переславль-Рязанский получил более короткое название — Рязань.

Касательно участия воинов-рязанцев в Мамаевом побоище (на стороне русского войска) в первоисточниках есть следующие сообщения:

Задонщина. Пространная редакция
по списку В. М. Ундольского [8]

> *Стр. 119:* ...нету, государь, у нас 40 бояринов московских, 12 князей Белозерских, 30 новгородских посадников, 20 бояринов коломенских, 40 бояр серпуховских, 30 панов литовских, 20 бояринов переславских, 25 бояр костромских, 35 бояр володимеровских, 8 бояр суздаских, 40 бояр Муромских, ***70 бояр резанских,*** 34 бояринов ростовских, 23 бояр дмитровских, 60 бояр можайских, 30 бояр звенигородских, 15 бояр углецких...»

Комментарий В. А. Кучкина к данному тексту [82]

Стр. 122: В перечне убитых бояр интерес представляет не их численность, поскольку достоверность приведенных цифр проверить невозможно, а указания на принадлежность бояр к определенным городам... Если оценить в целом извлекаемый из списка убитых на Куликовом поле бояр перечень русских городов, то окажется, что несмотря на явные пропуски... список верно отразил состав русских полков в сражении с Мамаем. Основную их часть составили полки с территорий, подвластных непосредственно московским князьям. Были выставлены полки союзными княжествами, а также Новгородом и перешедшими на сторону Дмитрия литовскими князьями.

Недоумение вызывает только указание на павших ***рязанских бояр***, причем их число превышает число бояр от какого-либо другого города, даже от Москвы. Это явно недостоверное известие об участии рязанских бояр в Куликовской битве может свидетельствовать об использовании в «Задонщине» сочинения о битве, созданного рязанцем.

Оставим на совести категоричность последнего высказывания автора. Число бояр, вероятно, и завышено, но считаем, что совсем уж отрицать участие рязанцев в Куликовской битве на нашей стороне было бы все-таки неоправданно...

Приведем также, хотя и повторяясь, высказывание историка **В. Ф. Ржиги** в статье «*Слово Софония Рязанца о Куликовской битве*» [83, с. 377–400]:

«...уяснение художественного метода Софония рязанца невозможно без постановки вопроса о его идейных позициях. В период Куликовской битвы наблюдалась неоднородность и противоречивость интересов отдельных княжеств, входивших в состав тогдашней Руси. Несмотря на то, что вокруг Москвы началось государственное объединение, все еще сильна была феодальная раздробленность и разобщенность... Еще до 1380 г. Москва боролась с Рязанью, а теперь, в годину Мамаева нашествия положение Рязани становилось поистине трагическим. На Рязанскую землю, вследствие ее географического положения, прежде всего должны были обрушиться удары татарских захватчиков, и естественно, что в сознании рязанцев возникал грозный конфликт между понятием родины в узком смысле — родной земли, и понятием родины в широком смысле — Русской земли вообще.

Миниатюра к "Повести о Куликовской битве" к тексту: "...и власти, и села повоеваша и пожгоша, и многъ полонъ собравше, возвратишася во свояси, Рязаньскую же землю пусту сотворишя"

Одни рязанцы... перешли на сторону Мамая... Другие... несмотря на всю тяжесть переживаемого, сохранили

верность Русской земле. Безусловно, поэт-рязанец должен был глубоко и остро переживать то трагическое противоречие, которое возникло в сознании его современников-земляков.

Местный патриотизм поэта сказался не только в развернутом изображении тяжелых потерь, связанных с Куликовской битвой и особенно коснувшихся Рязани, но и в прямом указании на то запустение, какое постигло тогда именно Рязанскую землю... Интересно, что в конце произведения, в подсчете потерь боярства по областным центрам, состоящем большею частью из цифр 20, 30, 40, 50, выделяется цифра потерь рязанского боярства, доходящая до 70 и таким образом являющаяся максимальной...»

О предательстве князя Олега и его сговоре с Мамаем и литовским князем Ягайло сообщают практически все списки Сказания и другие летописные источники, причем настолько подробно и красочно, что приводить здесь эти тексты не имеет смысла — читайте источники. А вот что говорится о его поведении после побоища в ***Рассказе о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода*** **[17, стр. 40-41]**, которая датируется примерно 30-ми годами XV века:

> «Поведаша же великому князю Дмитрию Ивановичу, что князь Олегъ Резаньскыи посылал Мамаю на помощь свою силу, а самъ на рекахъ мосты переметал, а кто поехалъ с Доновьского побоища домовъ въсквозе его отчину Рязаньскую землю бояре и слуги, а техъ велелъ имати и грабити и нагихъ пущати. Великыи же князь Дмитрии Иванович хоте противу на князя Олга послати свою рать, и се внезапу приехаша к нему бояре ре-

заньские и поведаша, что князь Олегъ повергъ свою землю Рязаньскую, а самъ побежа и со княгинею и с детьми и с бояры. И молиша его много о семъ, дабы на них рати не послалъ, а сами биша ему челомъ в рядъ и урядившеся у него. Велики же князь Дмитрии Иванович послуша ихъ, приимъ челобитие их, рати на нихъ не посла, а на Резаньскомъ княжении посажа наместницы свои».

Так же считает и официальный российский историк Н. М. Карамзин.

У нас имеется свое отношение к князю Олегу Рязанскому и его возможной позиции в те непростые времена:

«Была ли измена князя Рязанского Олега? Начнем с того, что на этот вопрос уже давно за недостаточностью "улик" дан отрицательный ответ не менее маститыми учеными, чем соавтор статьи "В. Путин едет в Казань" в "Татарских новостях". Например, князем М. М. Шахматовым (историком XVIII в.), Д. И. Иловайским (XIX в.), нашими современниками Ф. Шахмагоновым и А. Г. Кузьминым, академиками Б. А. Тихомировым и Б. А. Рыбаковым.

Надо учитывать сложность и противоречивость обстановки перед Куликовской битвой. Рязанское княжество всегда страдало первым от удара степняков (12 набегов было только при князе Олеге) из-за своего пограничного положения. Олег Иванович узнает о готовящемся походе Мамая на Русь и ведет как бы "двойную игру": ссылается с Мамаем и Ягайло, но одновременно и сообщает и предупреждает князя Димитрия Ивановича (будущего Донского). Это дипломатический ход, чтобы знать намерения иноземного ворога и на-

стоящего внешнего агрессора. Да, были стычки у него в 1353 г. (были и позже) с князем Московским и Владимирским... Но впоследствии все разрешалось (свои же, сочтутся и разберутся, в конце концов), и князь рязанский в 1375 г. уже призывается быть третейским судией в спорных вопросах между Димитрием Ивановичем и князем Тверским Михаилом.

Накануне Куликовской битвы в 1378 г. была одержана победа над Бегичем на р. Воже (территория Рязанского княжества), благодаря совместным действиям московской и рязанской дружин. Мамай хотел было пойти отомстить Москве тотчас же, но ограничился тем, что пожег новую рязанскую столицу Переславль (старая Рязань была уничтожена практически до основания) и другие рязанские города и селения. После этого "вся земля бысть пуста и огнем сожжена", из-за чего Рязанщина оказалась обезкровлена. Психологически князя Олега понять можно: Мамай готовился основательно идти на Русь и на пути ему не миновать Рязанское княжество, которое темник, конечно же, опять не помилует за разгром на реке Воже. Поэтому Рязанскому князю открыто вступать в союз с Димитрием было нельзя, но только тайно. С другой стороны, это было и хорошо. Стратегический расчет был верным: князь Олег как бы вступал в официальный сговор с Мамаем, чтобы иметь информацию о противнике Русской земли, и как-то обезопасить свой удел.

Мамай, подошедши к южным границам Рязанского княжества, стал за Доном в районе устья р. Воронеж. Целых 3 недели (!) ушло на поджидание союзников, которое оказалось безполезным. Союзники так и не подошли: Литва, по промыслу Божию, опоздала, а

рязанцы, видимо, просто не пошли. Время для внезапного нашествия было упущено: время, которое было так необходимо русской армии, чтобы успеть собраться и подойти вплотную ко врагу...

Олег Иванович шлет письмо брату Димитрию, где говорит о том, что оказывается есть еще один союзник орды — литовский князь Ягайло, который должен пробираться с Запада. Поэтому Димитрий идет вдоль р. Оки к Лопасне, где соединяется с князем Владимиром Серпуховским. Обратите внимание: Олег Рязанский с места не сдвинул свои войска: "прииде на рубеж Литовский..." и стоит, ничего не предпринимая. Более того. В Никоновской летописи мы читаем о сокрушении Ягайлы, т.к. доверившись Олегу, позволил себя обмануть: "Никогда же убо бываше Литва от Рязани учима... ныне же почто аз в безумие впадох...". К тому же немецкий средневековый хронист А. Кранц говорит о нападении литовцев и татар на возвращающиеся московские войска; но рязанцев опять же тут нет!

Академик М. Н. Тихомиров резонно говорит о том, что Симеоновская летопись передает в части до 1390 г. сгоревшую Троицкую и Рогожскую летописи. А поэтому она содержит древнейший рассказ о Куликовской битве, где отсутствуют позднейшие вставки (ведь "Сказание о Мамаевом побоище" писалось более чем через 100 лет после битвы) или явные сокращения. Так вот имени Олега Рязанского здесь не упоминается!..

Через год после Мамаева побоища в очередной договорной грамоте Олега и Димитрия рязанец называет князя Московского и Владимирского "брат старейши", а себя — "братом молодшим". "...А к Литве князю великому Олегу целование сложить... А будет немир

князю великому Димитрию и брату его... с татары, князю великому Олегу быть со князем великим Димитрием... заодно на татар и биться с ними".

И последнее. В 1386 г. Димитрий Донской отдает замуж свою дочь Софию за сына Олега Рязанского Феодора. Поэтому я уверен в том, что если бы Олег был предателем Русской земли, учитывая особенности жизни той эпохи, этот брак был бы просто невозможен» *(из статьи священника Валерия Мешкова «Символ Русской веры»* [80]*).*

(*По материалам* [82], [83], [73], [46], [60], [80], [89], [119])

Свято-Троицкий мужской монастырь. В 1386 году в монастыре останавливался прп. Сергий Радонежский, который приходил в Рязань, чтобы помирить рязанского князя Олега с великим князем московским Димитрием Донским

О церковном поминовении усопших

Каждение у алтаря. Средневековая миниатюра

На титульной странице — средневековая просфорная печать

ПОМИНОВЕНИЕ (помин поименно: по именам) совершается на вводной части Божественной Литургии (иначе именуемой Евхаристией, что означает по-гречески «Благодарение») — ПРОСКОМИДИИ. Оно совершается также и на заупокойной ектении, и по освящении Даров, во время пения «Достойно есть...» или задостойника (когда служится полная Литургия), и даже в день воскресный, который есть малая Пасха. «Это наше, — как сказал святитель Николай Сербский, — соприкосновение с Царством Небесным и небесным гражданством».

Кстати говоря, у инославных ПРОСКОМИДИИ нет. На греческом это слово означает «*принесение*» и так называется потому, что означает действие лица, приносящего жертвуемый дар — особый хлебец в виде просфоры.

На ПРОСКОМИДИИ на дискос возле приготовленного для Евхаристии Агнца Божия[1] священник кладет вынимаемые при помощи особого копия из богослужебных просфор частицы, знаменующие состав Церкви Небесной и земной: за Богоматерь и всех святых, за живых христиан и *о упокоении* наших праотцев (пра...дедов), отцов и матерей, братьев и сестер... Здесь отсутствуют границы времени и пространства, раздвигаясь до безконечности и вечности, где во Христе нет национальных границ. Там, в Царстве Отца, — одна большая семья Божия, одно гражданство — небесное.

Эти частицы в конце Литургии после причащения мирян священник погружает во Святую Чашу (Потир). Они, соприкасаясь с Телом и Честной Животворящей Кровью Христа Спасителя (под видом пресуществленных хлеба и вина), омываются/очищаются от грехов этой

[1] Так назвал Господа нашего Иоанн Предтеча: «Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира».

самой безкровной Жертвой. «Тут каждая часть, проникаясь Кровью Спасителя, делается уже, так сказать, предстательницей пред Нимъ за того, о чьем имени она вынута». Поэтому так важно и спасительно вынуть из просфоры частицу о умершем (и живом) на Литургии[2].

ПРОСФОРА — это особый квасной (дрожжевой) хлебец круглой (круг — символ вечности) формы. Она — знамение благодати, которая есть сила Божия, низпосылаемая свыше — Божий дар; ею мы освящаем-

[2] Молиться о упокоении можно и нужно утром и вечером, и на всякий час — всюду. Но вот какой удивительный и чудесный случай поведал святой Григорий Двоеслов в подтверждение того, как это необходимо делать, когда именно служится Божественная Литургия. По своему значению, силе и действенности это не может быть сравнимо ни с какими другими молитвенными поминовениями. Не только святые по изволению Божию являлись людям на земле и возвещали им те или другие истины ради спасения человеческих душ, но и грешники являлись из потустороннего мира. Святитель Григорий рассказал о жившем в его время пресвитере, который часто ходил в баню. «*Однажды, придя в баню, он увидел подошедшего к нему незнакомца, который начал ему прислуживать; он прислуживал так же и по окончании бани. Так повторялось несколько раз. Пресвитер, желая отблагодарить незнакомца, взял однажды в баню две просфоры. Незнакомец пришел и на этот раз и стал помогать пресвитеру снимать сапоги и подавать полотенце после купания. Пресвитер дает ему за его усердие и любовь обе просфоры, но незнакомец изрек с горькими слезами: "Отче! Что ты делаешь! Ведь это хлеб святой, мне его есть нельзя. Я, которого ты видишь, был господином этих мест, но за мои грехи осужден. Если ты хочешь оказать мне свою любовь, то принеси этот хлеб Господу и помолись обо мне у Престола Божия, и если меня в следующий раз здесь не увидишь, то твоя молитва будет услышана". Пресвитер целую неделю со слезами молился о душе этого незнакомца, принося за него каждый день безкровную Жертву. Когда он снова посетил баню, незнакомец ему не явился*». Итак, будучи удостоверены в бытии будущей жизни, будем молиться с усердием за наших почивших родных и за всех православных христиан. (*Архимандрит Кирилл. Проповеди*…[85]).

ся, духовно растем и спасаемся через веру (то есть достигаем в идеале Царствия Небесного).

Приносить в жертву хлеб было заповедано с ветхозаветных времен (Лев. 7, 13). Хлебы предложения, состоящие из 2-х частей, были в скинии Моисея (которая, можно сказать, была первым Храмом). Двусоставность их означает «хлеб земной и небесный, то есть два естества, Божеское и человеческое» [131]. Так же и в православных Храмах просфоры делаются двучастными в ознаменование Божества и человечества (Богочеловечества) Сына Божия — Иисуса Христа, соединившего в Себе Божественную и человеческую природу.

На верхней части просфоры ставится печать, на которой изображен четырехконечный равносторонний крест с надписью IC XC (Иисусъ Христосъ), NIKA (по-гречески — «победитель»). В просфоре, из которой вынимаются частицы о упокоении, верхняя часть с печатью означает духовное начало в человеке (который есть образ Божий), нижняя же часть — соответствует земному (плотскому) составу человека.

Просфора — святыня; благоговейно вкушается верующим православным прежде принятия всякой пищи.

За гробом жизнь безсмертной души продолжается, поэтому для тех, кто отдал жизни свои «за други своя», смерть — благодатное приобретение.

И память их в род и род

По преданию, около храма Рождества Богородицы на Старом Симонове были похоронены не только Александр Пересвет и Андрея Ослябя, но и многие другие погибшие на Куликовом поле витязи.

Панихида при перезахоронении останков. Храм Рождества Богородицы на Старом Симонове, 1989 год

Древняя надгробная плита (найдена на месте разрушенного кладбища около храма)

В советские времена, когда храм был закрыт и в нем была устроена заводская компрессорная, было разорено и древнее кладбище. Надгробные плиты покололи и использовали как бордюрный камень на близлежащих улицах.

При производстве строительных и реставрационных работ на территории храма находили (и находят по сей день) немалое количество человеческих останков — их собрали достаточно, чтобы наполнить около десяти гробов, которые были перезахоронены близ храма в братской могиле. Возможно, среди них есть и косточки Куликовских героев...

Синодик

ратников православных

на Поле Куликовом

Землю Русскую

от Мамая поганого боронивших

и споспешествовавших Великой Победе

Троица Ветхозаветная. Икона XV века,
писаная преподобным Андреем Рублевым,
учеником преподобного Сергия Радонежского,
молитвами которого раздробленные русские княжества
смогли объединиться и выйти на Поле брани
против Мамая с ордами.

В заключительную часть мы помещаем собственно ***Поминальный Синодикъ*** (так мы назвали результат нашего аналитического труда, представленного в этом издании). Это ***список всех имен, которые нам удалось разыскать в источниках в связи с упоминанием об участии в Куликовской битве носивших эти имена людей.*** Состоит из 4-х разделов:

Участники Куликовской битвы, причисленные к лику святых. В этом разделе ***3*** имени.

Участники Куликовской битвы. Этот раздел собственно и является ***Поминальным Синодиком***. Здесь помещены имена тех ратников, которых мы обоснованно признали принимавшими участие в этом Великом Сражении – их известно ***139***. Вместе с ними в список включены ***20*** воинов, чьи имена не удалось установить, а также имена тех, кто споспешествовал Великой Победе – их насчитывается ***10***.

Дополнение 1. Список тех имен, которые **требуют дополнительной проверки и поисков более достоверной информации для причисления носивших их людей к участникам Куликовской битвы**. В этом списке ***31*** имя (в том числе ***10*** купцов-сурожан). Поминать их, как участников Битвы, можно келейно.

Дополнение 2. Список имен тех, **кто упоминался в источниках в связи с участием в Куликовской битве, но по обоснованным нами причинам эти имена не вошли в *Поминальный Синодикъ* из-за *невозможности* участия носивших их людей в Побоище на Дону**. В этом списке оказалось ***64*** имени. Поминать их как участников Битвы не следует.

Каждое включенное в разделы Поминального Синодика имя сопровождается краткой информацией, дающей представление о человеке, которому оно при-

надлежит. Таким образом, интересующимся дается возможность поминать не безликие имена участников Куликовской битвы, а видеть за ними живших в то время очень разных, но любивших Отечество людей.

Рождество Богородицы. Икона XIV века из собрания Государственной Третьяковской галереи (Москва). Куликовская битва произошла 8 (21 по н.ст.) сентября 1380 года "в субботу на Рождество Святой Богородицы"

Участники Куликовской битвы, причисленные к лику святых

Димитрий Иоаннович Донской

Святой благоверный великий князь Московский и Владимирский.
Главнокомандующий русского войска в Куликовской битве.

Преподобномученик Александр Пересвет (‡)[1]

Схимонах из обители прп. Сергия Радонежского и его ученик, бывший в миру боярином Брянским. ***«Зачинатель» Куликовской битвы***, сразившийся с непобедимым доселе татарским богатырем. Перед Битвой был определен в ***Передовой Полк***.

Преподобномученик Андрей Ослябя (‡)

Схимонах из обители прп. Сергия Радонежского и его ученик. В миру был Любецким боярином. ***Передовой Полк.***

[1] (‡), (‡) — такой крест в скобках обозначает гибель ратника в Куликовской битве.

Погребение русских воинов после Куликовской битвы. Миниатюра из Летописного Лицевого Свода XVI века

ПОМИНАЛЬНЫЙ СИНОДИКЪ
участников Куликовской битвы

Главные воеводы

Владимир Андреевич Серпуховской (Хоро́брый)

Князь Серпуховской и Боровский, двоюродный брат Димитрия Ивановича Донского, ***второй главнокомандующий русского войска*** в Мамаевом побоище, непосредственно в сражении *командовал Засадным Полком*, решившим исход сражения.

Об участии его в Куликовской битве сообщается *во всех многочисленных летописных, а также во множестве исторических и современных источниках.*

Димитрий Михайлович Бобро́к-Волынский

Московский боярин, опытнейший воевода, ***главный специалист по расстановке сил и тактике боя***. В Битве вместе с Владимиром Андреевичем Серпуховским был основным воеводой *Засадного Полка*.

Об участии его в Мамаевом побоище известно *по многочисленным летописным, историческим и современным источникам.*

Имя вписано в Бархатную книгу ***(БК)****, а также известно Российской Родословной книге кн. П. Долгорукова* ***(РРКД)*** *и другим трудам по родословию.*

Московские бояре и воеводы, а также костромские и углицкие (угличские) вотчинники Московского княжества

Михаил Андреевич Бренк (Бренóк) (‡)

Боярин, сражался в *Большом Полку* в доспехах великого князя Димитрия Ивановича. Погиб от смертельной раны в голову.
Об участии и гибели его в Битве сообщается в *многочисленных летописных, исторических и современных источниках.*
В родословной книге ***(РСРДФ)*** *называется родоначальником Челищевых, некоторые историки возводят от него род Брянчаниновых.*

Тимофей Васильевич Вельяминов

Боярин, окольничий, брат последнего московского тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова, назван в источниках «великим воеводой». В Куликовском сражении командовал *Большим Полком.*
Об участии его в Битве сообщается в *летописных, исторических и современных источниках.*
Известен родословным книгам ***(БК, РРКД*** *и др.).*

Николай (Микула/Никула) Васильевич Вельяминов (‡)

Боярин, сын последнего московского тысяцкого, свояк великого князя Димитрия Ивановича (они были женаты на сестрах), племянник окольничего Тимофея Васильевича Вельяминова (участника Куликовской битвы). *Коломенский воевода,* в сражении участвовал в командном составе *Полка Правой Руки.*

Об участии и гибели его в Битве сообщается в многочисленных летописных, исторических и современных источниках. Имя внесено в Синодикъ XV века, хранящийся в ГИМе в Москве.

Известен родословным книгам ***(БК, РРКД*** *и др.).*

Юрий Васильевич Грунка-Вельяминов

Брат последнего московского тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова. В Куликовской сече сражался в составе воевод *Полка Правой Руки*.

Участие его в Битве подтверждается анализом *известных исторических сведений и высказываний историков.*

Известен родословным книгам ***(БК, РРКД*** *и др.).*

Федор Васильевич Воронец-Вельяминов

либо

Юрьевич Грунка-Вельяминов

В Битве, в командном составе *Полка Правой Руки*, предположительно мог участвовать кто-то один из этих Федоров. К такому выводу пришли *на основании проведенного нами анализа известных исторических сведений (см. полный «Синодикъ или Куликовская битва в лицах»).*

Об участии Федора Грунки в Битве сообщается в *Новгородской летописи по списку Дубровского и у Н. М. Карамзина*, который добавляет к имени «*боярин*».

Оба имени известны родословным книгам ***(БК, РККД*** *и др.).* Оба были в то время боярами. Первый Федор — брат участников Куликовской битвы Тимофея Васильевича Вельяминова и Юрия Грунки-Вельяминова, второй —

сын последнего (Юрия Васильевича Грунки-Вельяминова.)

Тимофей Васильевич Волуевич (Волуй Окатьевич) (‡)

Боярин из древнейшего московского рода Окатия. На Куликовом поле был *воеводой Владимирского и Юрьевского Полков*.

Об участии и гибели его в Битве *сообщается в многочисленных летописных, исторических и современных источниках. Имя внесено в Синодикъ XV века, хранящийся в ГИМе в Москве*.

Историки считают Тимофея Васильевича *родоначальником рода Валуевых*, который хотя и был в XIV веке известным крупным боярским родом, но «быстро захудал», а посему *в родословные книги не попал*.

Иван (*в монашестве* ***Игнатий***) Родионович Квашня

Один из наиболее приближенных к великому князю Димитрию Ивановичу боярин и воевода. В сражении на Куликовом поле *командовал Костромской дружиной*, входившей в состав *Большого Полка*.

Об участии его в Битве сообщается *в многочисленных редакциях «Сказания...», в Новгородской летописи по списку Дубровского, во многих исторических и современных источниках*.

Известен родословным книгам ***(БК, РККД*** *и др.)*.

Андрей Иванович Серкизов (‡)

Боярин, сын бывшего ордынского царевича Серкиза, выехавшего в Москву из Большой Орды. В Куликовском сражении командовал *Переяславской дружиной Сторожевого Полка*.

Об участии и гибели его в Битве сообщается в *многочисленных летописных, исторических и современных источниках. Имя внесено в Синодикъ XV века, хранящийся в ГИМе в Москве.*
Известен родословным книгам ***(БК, РККД*** *и др.)*, от его сына Федора Старко пошел род Старковых.

Лев Иванович Морозов (‡)

Боярин, один из воевод *Полка Левой Руки.*
Об участии и гибели его в Битве сообщается *в летописных, исторических и современных источниках. Имя внесено в Синодикъ XV века, хранящийся в ГИМе в Москве.*
Известен родословным книгам ***(БК*** *и др.), его отец Иван Мороз считается родоначальником Морозовых.*

Юрий Елизарович (Морозов) (‡)

Федор Елизарович (Морозов) (‡)

Двоюродные дядья Льва Ивановича Морозова (они не назывались Морозовыми, эта фамилия приписана в скобках, чтобы обратить внимание на родство).
Об участии и гибели их в Битве сообщается *у С. Б. Веселовского со ссылкой на родословные книги (например, РК — Родословная книга, под названием «Временник ОИДР», кн. X. Материалы. М., 1851, стр. 183).*

Михаил Иванович Акинфов (Акинфович) (‡)

Боярин из рода Ратшичей, внук боярина Акинфа Великого. *В Куликовском сражении* был одним из воевод *Сторожевого Полка.*
Об участии и гибели его в Битве сообщается *в многочисленных лето-*

писных, исторических и современных источниках. Имя внесено в Синодикъ XV века, хранящийся в ГИМе в Москве.
*Известен родословным книгам (**БК** и др.).*

Даниил/ Александр Андреевич Белеут (Белеутов, Белоусов)

Боярин, один из воевод войска князя Владимира Андреевича Серпуховского.
Об участии его в Битве сообщается *в летописях и различных редакциях «Сказания...»*, где он назван *Данилой*. Однако *в роду Белеутовых* в то время был известен только *боярин Александр Андреевич Белеут* (от него пошли Белеутовы), который, по мнению некоторых историков, *скорее всего и участвовал в Битве*.
М. Д. Каратеев считал, что это два разных участника, но оснований для этого недостаточно (имена заменяют друг друга в одинаковых контекстах).
Вписываем для поминовения двойное имя этого ратника.

Константин Иванович Конанов (Конанович) (‡)

Боярин, один из воевод войска князя Владимира Андреевича Серпуховского.
Об участии и гибели его в Битве сообщается *в летописях и различных редакциях «Сказания...»*. Имя *«Константин Иванович»* внесено в *Синодикъ XV века*, хранящийся в ГИМе в Москве (*Щукинский список этого Синодика* конкретизирует имя как *«Константин Конанович»*).
В родословных книгах имя не найдено.

Андрей Шуба (‡)

Боярин, вероятнее всего из Серпуховской дружины *(по предположению наиболее осведомленного исследователя служилых бояр того времени С. Б. Веселовского, он, скорее всего, родственник боярина, служившего у князя Владимира Андреевича Серпуховского — Акинфа Федоровича Шубы, который был убит Ольгердом в 1368 г.)*.
О гибели его в Битве сообщается *в Патриаршей или Никоновской летописи, а также у В. Н. Татищева в «Истории Российской»*.
В родословных книгах имя не найдено.

Михаил Александрович (Воронцов?)

Боярин, участвовавший в подсчете погибших в Битве русских воинов.
Имя и отчество сообщаются *в многочисленных редакциях «Сказания...» и «Задонщины»* (фамилия появляется только в *редакции «Сказания...» по списку Михайловского*).
В родословных книгах имя не найдено.

Григорий Александрович

Боярин, участвовавший в подсчете погибших в Битве русских воинов.
Упоминается *в двух редакциях «Сказания...» (по Ермолаевскому списку и в редакции Пантелеймона Кохановского)*.

Михаил Андреевич

Боярин, участвовавший в подсчете погибших в Битве русских воинов. М. Д. Каратеев приписывает ему фамилию «Челяднин», что нами пока не проверено.

Упоминается *только в Пространной редакции «Задонщины» по списку ГИМ.*

Федор Семенович Висковатый

Боярин, сообщивший перед сражением великому князю Димитрию Ивановичу о числе ратников *в Большом Полку.*
Упоминается только *в «Сказании...» по списку Михайловского.*
В родословных книгах имя не найдено.

Федор Иванович Сабур

Сын боярский из рода Зерновых, костромич. Вместе с Григорием Холопищевым нашел по окончании сражения раненного великого князя Димитрия Ивановича.
Об участии его в Битве сообщается *в многочисленных летописных, исторических и современных источниках.*
Родословным книгам ***(БК и др.)*** *известен, как основатель родовой ветви Сабуровых.*

Григорий Владимирович Холопищев

Сын боярский из рода Ратшичей, костромич. Вместе с Федором Сабуром нашел после Битвы израненного великого князя.
Об участии его в Битве *сообщается в многочисленных летописных, исторических и современных источниках.*
Известен родословным книгам.

Борис
князь
углецкий

Упоминается только *в редакции «Сказания...» по списку Михайловского*, где назван *князем* ***углецким***[3] *и очевидцем* того, как мужественно сражался с татарами великий князь Димитрий Иванович.
В родословных книгах имен углецких князей, живших во второй половине XIV века, не показано.

Роман
Давыдович
(‡)

Князь углецкий, который упоминается *вместе с четырьмя сыновьями в числе убитых ратников* только *в редакции «Сказания...» по списку Михайловского.*

Иван
Романович
(‡)

Владимир
Романович
(‡)

Святослав
Романович
(‡)

Яков
Романович
(‡)

Иван, Владимир, Святослав и Яков Романовичи названы в источнике углецкими князьями и сыновьями Романа Давыдовича. Как и отец, они упоминаются только *в редакции «Сказания...» по списку Михайловского* в числе убитых ратников.

[3] Об удельном Углецком княжестве с 1320 г. в летописях не говорится. Во времена Димитрия Донского эти земли были «куплей» великого князя; первым князем углецким от великих князей московских стал сын Димитрия Ивановича Донского Петр Дмитриевич.

Белозерские князья
(числом 12, поименно из которых известно 8)

В Коломне были определены в *Большой Полк*.
Все погибли в Битве, сражаясь *в Передовом Полку и Полку Левой Руки*.

Федор Романович (‡)

Старший из белозерских князей, участвовавших в Куликовской битве.
Об участии и гибели его в Мамаевом побоище вместе с сыном Иваном Федоровичем сообщается *в летописных источниках, в многочисленных редакциях «Сказания о Мамаевом побоище», в некоторых редакциях «Задонщины», а также в Российской родословной книге князя Петра Долгорукова. Имя внесено в Синодикъ XV века*, хранящийся в ГИМе в Москве.
*Известен родословным книгам (**БК**, **РРКД** и др.)*.

Иван Федорович (‡)

Сын Федора Романовича.
Упоминается во всех вышеперечисленных источниках вместе с отцом.
*Известен родословным книгам (**БК**, **РРКД** и др.)*.

Семен Михайлович (‡)

Об участии и гибели его в Битве сообщается *практически во всех списках «Сказания о Мамаевом побоище». Имя также внесено в Синодикъ XV века*, хранящийся в ГИМе в Москве.
В родословных книгах имя не найдено.

Федор Семенович Каргопольский (‡)

Об участии его в Битве сообщается *практически во всех списках «Сказания о Мамаевом побоище»*, а о гибели — *в списке «Задонщина», именуемой «Слово Сафония Рязанца», а также в не-*

которых других старых источниках.
В родословных книгах такое имя-отчество встречается в «поколении внуков» (*в* ***РРКД*** *есть князь Федор Семенович Сугорский — внук Василия Романовича Сугорского, приходившегося братом погибшему в Куликовской битве Федору Романовичу*). К тому же и каргопольские краеведы вполне обоснованно считают, что князь с таким именем жил в то время.

Глеб Семенович Каргопольский (‡)

Об участии его в Битве сообщается *во многих редакциях «Сказания о Мамаевом побоище»*, а о гибели можем предположить *по общему числу убитых в сражении князей белозерских.*
В родословных книгах имя не найдено.

Андрей Иванович Кемский (‡)

Об участии его в Битве сообщается *практически во всех списках «Сказания о Мамаевом побоище»*, а о гибели можем предполагать *по общему числу убитых в сражении князей белозерских.*
В родословных книгах имя не найдено.

Глеб Карголомский (‡)

Об участии его в Битве сообщается *в Летописной повести о Куликовской битве, входящей в состав Вологодско-Пермской летописи*, а о гибели можем предполагать *по общему числу убитых в сражении князей белозерских.*
В родословных книгах имя не найдено.

Андрей Карголомский (‡)

Об участии его в Битве сообщается в *Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» по варианту Ундольского*, а о гибели можем предполагать *по общему числу убитых в сражении князей белозерских*.
В родословных книгах имя не найдено.

Четверо Андомских князей (имена неизвестны) (‡)

Имен этих князей установить не удалось. Числом их, вероятно, было четверо (исходя из общего числа белозерских князей — 12, а также установленных имен — 8, остальные могли быть андомскими).
Об участии андомских князей в Мамаевом побоище сообщается *практически во всех списках «Сказания о Мамаевом побоище»*, а о гибели их можем судить *по общему числу убитых в сражении князей белозерских*.

Ростовские князья и княжны (общим числом 26)

Андрей (*в монашестве* ***Афанасий***) Федорович, ум. в 1409

Один из основных воевод Куликовской битвы, *главный воевода Ростовской дружины. Полк Правой Руки*.
Об участии его в Битве сообщается *в многочисленных летописных, исторических и современных источниках*.
*Известен родословным книгам (**БК**, **РРКД**, **РТ** и др.)*.

Димитрий Ростовский

Нет достоверных данных о том, кому из ростовских князей принадлежит это имя.
Об участии его в Битве сообщается *в летописных источниках, а также в многочисленных редакциях «Сказания о Мамаевом побоище»*.

Александр (*в монашестве* ***Андрей***) Константинович, ум. в 1404

Двоюродный брат Андрея Федоровича, один из братьев «Константиновичей». *Полк Правой Руки*.
Об участии его в Битве сообщается в ***РЛ, РРКД.*** В некоторых источниках он называется *епископом Арсением*, но эта информация нами доказательно опровергнута.
Известен родословным книгам (***БК, РРКД, РТ***).

Владимир Константинович

Двоюродный брат Андрея Федоровича, младший из братьев «Константиновичей». *Полк Правой Руки*.
Об участии его в Битве сообщается *в* ***РЛ***, ***РРКД, РУ***, ***РТ.***
Известен родословным книгам (***БК, РРКД, РТ***).

Иван Андреевич (Голена — по Артынову)

Старший сын Андрея Федоровича. Один из участников съезда ростовских князей, проходившего через 2,5 месяца после Куликовской битвы.
Об участии его в Битве сообщается в ***РЛ.***
Известен родословным книгам (***БК, РРКД, РТ***).

Федор Андреевич (Щепин — по Артынову)

Юрий (*в монашестве* ***Герасим***) Андреевич, ум. в 1413

Константин (*в монашестве* ***Кассиан***) Андреевич, ум. в 1397

Средние сыновья главного Ростовского воеводы Андрея Федоровича. Об участии их в Куликовской битве сообщает А. Я. Артынов в ***РЛ,*** *Все князья вписаны в родословные книги (****БК, РРКД, РТ*** *и др.).*

Михаил Андреевич (‡)

Борис Андреевич (‡)

Младшие сыновья главного Ростовского воеводы Андрея Федоровича. Об участии и гибели их в Куликовской битве сообщает А. Я. Артынов в ***РЛ.*** Кроме того, у А. А. Титова в ***РУ*** найдено известие, подтверждающее то, что Михаил Андреевич действительно *«пал на Куликовом поле».* *Князья вписаны в родословные книги (****БК, РРКД, РТ*** *и др.).*

Андрей Александрович

Федор Александрович

Иван Александрович

Сыновья Александра Константиновича Об участии в Битве старших его сыновей Андрея и Федора сообщается в ***РЛ.*** Младший из братьев — Иван Александрович — жених, и впоследствии муж, участницы Куликовского сражения княжны Дарьи Андреевны Ростовской, дочери Андрея Федоровича. Об его участии в

Битве вместе со своей невестой рассказывается у А. А. Титова в ***РУ.***
Все они известны родословным книгам (***БК, РРКД, РТ***).

Константин (*в монашестве* ***Кассиан***) Владимирович, ум. в 1415

Старший сын Владимира Константиновича.
Об участии его в Битве сообщается в ***РУ.***
Известен родословным книгам (***БК, РРКД, РТ***).

Иван Владимирович Бычок

Второй сын Владимира Константиновича.
Об участии его в Битве сообщается в *«Преданиях о Ростовских князьях» А. Титова* (далее будет указываться как ***Предания***) *со ссылкой на родословную князей Бычковых, составленную кн. Ф. Бычковым.*
Известен родословным книгам (***БК, РРКД, РТ***).

Юрий Иванович Немой (Голенин-Немой по Артынову)

Федор Иванович Голена (Щепин по Артынову)

Внуки Андрея Федоровича (главного Ростовского воеводы) от старшего сына Ивана.
Об участии их в Битве сообщается в ***РЛ.***
Оба князя были участниками съезда ростовских князей, обсуждавших последствия Куликовской битвы, о чем неоднократно сообщается в ***РУ.***
Известны родословным книгам (***БК, РРКД, РТ*** *и др.*).

Александр Федорович Щепин

Старший внук Андрея Федоровича от второго сына Федора.
Об участии его в Битве сообщается в ***РЛ.***
Известен родословным книгам ***(БК, РРКД, РТ)***. Родоначальник князей Щепиных-Ростовских.

Иван Федорович Большой (Щепин-Большой — по Артынову) (‡)

Федор Федорович (Щепин — по Артынову) (‡)

Погибшие в Куликовской битве внуки Андрея Федоровича от второго по старшинству сына Федора.
Об участии и гибели их в Битве сообщается в ***РЛ,*** по князю Ивану Федоровичу Большому информация подтверждается в ***РУ***.
Известны родословным книгам ***(БК, РРКД, РТ)***.

Русан Федорович (Щепин или Щегош — по Артынову)

Внук Андрея Федоровича от того же сына Федора, в сыновьях не оставивший потомства, но отец троих дочерей, о чем известно из ***РУ и РТ.***
Об участии его в Битве сообщается в ***РЛ и РУ.***
Известен родословным книгам ***(БК, РРКД, РТ*** *и др.)*.

Дмитрий Федорович Приимок (Щепин-Приимок — по Артынову)

Внук Андрея Федоровича от сына Федора.
Об участии его в Битве сообщается в ***РЛ.***
Известен родословным книгам ***(БК, РРКД, РТ)***. Родоначальник князей Приимковых-Ростовских, Бахтеяровых-Ростовских.

Иван Федорович Меньшой (Щепин-Меньшой — по Артынову)

Младший внук Андрея Федоровича от сына Федора. Один из участников съезда ростовских князей, обсуждавших последствия Куликовской битвы (***РУ***).
Об участии его в Битве сообщается в ***РЛ.***
Известен родословным книгам (***БК, РРКД, РТ*** *и др.*).

Дарья Андреевна Ростовская

Дочь Андрея Федоровича, главного Ростовского воеводы. Мужественно сражалась с татарами вместе со своим женихом, князем Иваном Александровичем.
Об участии ее в Битве сообщается в ***РУ.***

Дарья Ивановна Ростовская

Родство этой княжны достоверно определить не удалось.
Об участии ее в Битве сообщается *в ростовском предании, опубликованном в книжечке:* ***«Княжна Дарья Ростовская»*** (*Серия «Русские сказки и исторические легенды». Общество сохранения литерат. наследия, М., студия «Диафильм», 2003*).

Феодо́ра (Меньшая) Константиновна Ростовская

Родство этой княжны также не удалось определить достоверно: она была либо младшей дочерью Константина Васильевича (сестрой братьев «Константиновичей»), либо (что больше похоже на правду) — дочерью Константина Андреевича (сына главного Ростовского воеводы Андрея Федоровича).
Об участии ее в Битве сообщается в ***РЛ.***

Ярославские князья

В Коломне Ярославская дружина была уряжена в *Полк Правой Руки*, а в Битве ратники этой земли сражались в *Полку Левой Руки*

Василий Васильевич

Старший из ярославских князей-братьев, сыновей Василия Давыдовича. Об участии его в Битве сообщают *Н. М. Карамзин*, *А. В. Экземплярский*, ***ссылаясь на утерянные источники***, а также потомок ярославских князей (род Шаховских) *протоиерей Александр Киселев в работе «Поле Куликово».*
*Известен родословным книгам (**БК**, **РРКД** и др.).*

Глеб Васильевич (‡)

Средний из сыновей Василия Давыдовича.
Об участии и гибели его в Битве *сообщает потомок князей Шаховских (род которых начался от сына князя Глеба Васильевича Ярославского) протоиерей Александр Киселев в работе «Поле Куликово».*
*Известен родословным книгам (**БК, РРКД** и др.).*

Роман Васильевич (‡)

Младший брат Василия и Глеба Васильевичей (*ошибочно в Сказании назван Прозоровским).*
Об участии его в Битве сообщают *летописи и различные редакции «Сказания...»*, а также *А. В. Экземплярский, князь П. Долгоруков в **РРКД***. Подтверждает эти сведения и *потомок князей ярославских ерей Александр Киселев в работе*

«*Поле Куликово*», где он говорит также и о *гибели князя Романа* в Куликовской битве.
Известен родословным книгам (***БК, РРКД*** *и др.*).

Андрей Романович

Сын Романа Васильевича.
Об участии его в Битве сообщают *летописи и различные редакции «Сказания...», а также А. В. Экземплярский.*
Известен родословным книгам (***БК, РРКД*** *и др.*).

Лев Курбский

По-видимому, удельный князь Ярославского княжества. Об участии его в Битве сообщают *летописи и различные списки «Сказания...».*
Заметно, что имя претерпело искажения в разных редакциях: так, в Забелинском списке оно в том же контексте пишется как *«Левкей Перемский»*, а в Вологодско-Пермской летописи — *«Лев Серъпъский».*
В родословных книгах имя не найдено.

Моложские князья

Федор (*в монашестве* ***Феодорит***) Михайлович

Удельный князь Моложского удельного княжества, выделившегося из состава Ярославского. Один из воевод *Полка Левой Руки.*
Об участии его в Битве сообщают *Новгородская летопись по списку Дубровского, Н. М. Карамзин, А. В. Экземплярский.*
Известен родословным книгам (***БК, РРКД*** *и др.*).

Иван Михайлович (‡)

Младший брат Федора Михайловича, удельный князь.

Об участии и гибели его в Битве сообщают *Патриаршая или Никоновская летопись, В. Н. Татищев, А. В. Экземплярский.*

Известен родословным книгам ***(БК, РРКД и др.)***.

Литовские князья и их дружинники

Андрей Ольгердович Полоцкий

Сын великого князя литовского Ольгерда, бывший князь Полоцкий, служивший великому князю Димитрию Ивановичу. В Битве был воеводой *либо Полка Правой Руки, либо Передового Полка.*

Об участии его в Мамаевом побоище сообщается *в многочисленных летописных, исторических и современных источниках.*

Известен родословным книгам ***(БК****,* ***РРКД*** *и др.)*.

Дмитрий Ольгердович Брянский и Трубчевский

Сын великого князя литовского Ольгерда, бывший князь Брянский и Трубчевский; в 1379 г. перешел служить к великому князю Димитрию Ивановичу. В сражении был *воеводой либо Резервного Полка, либо Передового Полка.*

Об участии его в Куликовской битве сообщается *в многочисленных летописных, исторических и современных источниках.*

Известен родословным книгам ***(БК****,* ***РРКД и др.)***.

Владислав (*в крещении* ***Владимир***) Нелидов

Был в составе дружины Дмитрия Ольгердовича, с которым и приехал в Москву (выходец из Польши, во святом крещении получил имя Владимир).
Об участии его в Куликовской битве говорится в ***РСРДФ,*** а также некоторым образом *подтверждается в* ***ОГДР.***
Считается *родоначальником Нелидовых и в последующем — Отрепьевых* ***(РСРДФ, ОГДР).***

Брянские князья

Глеб Иванович/ Васильевич (‡)

Точно происхождение этого князя определить не удалось, предположительно — сын или внук известного родословным книгам князя Василия Романовича Брянского. В Коломне назначен воеводой *Полка Левой Руки*, а в Битве был одним из воевод *Большого Полка.*
Об участии его в Битве сообщается *в нескольких редакциях «Сказания...», а также в исторических и современных источниках*; а о гибели *сказано в редакции «Сказания...» по списку Михайловского*, где названо и отчество — «Иванович».
В родословных книгах имя не найдено, возможно, князь был без удела.

Роман Михайлович

Происхождение достоверно определить не удалось. В сражении был одним из *воевод Засадного Полка.*
Об участии его в Битве сообщается *в Новгородской летописи по списку Дубровского и у Н. М. Карамзина*, а также в исторических и современных источниках.
В родословных книгах имя не найдено.

Выходцы из Смоленского княжества

Дмитрий Александрович/ Всеволодович Всеволож
Владимир Александрович/ Всеволодович Всеволож

Сыновья смоленского князя Александра-Всеволода Глебовича, переехавшего в Москву. *Воеводы Передового Полка.*
Об участии их в Битве сообщается *во всех списках и редакциях «Сказания...», в Бархатной книге*, а также в исторических и современных источниках.
*Известны по родословным книгам (**БК** и др.).*

Иван Васильевич Смоленский

Смоленский князь. В сражении участвовал в составе *Большого полка.*
Об участии его в Битве сообщается *у Н. М. Карамзина*, а также и в современных энциклопедических изданиях.
*Известен родословным книгам (**БК, РРКД** и др.).*

Иван Иванович/ Федорович Толбуга (‡)

Из князей фоминско-березуйских, выехавших в Москву из Смоленского княжества.
О гибели его в Битве сообщается *в Софийской I летописи старшего извода.*
*Известен родословным книгам (**БК**, **РРКД** и др.).*

Глеб (Васильевич?) Друцкий

Князь Друцкий (Дрютский), возможно сын князя Василия Михайловича Друцкого, известного родословным книгам, однако достоверно определить не удалось. Согласно летописям — *воевода Передового Полка.*
Об участии его в Битве (без указания отчества) сообщается *в Летописной, Распространенной и Хворостининской редакциях «Сказания...».*
В родословных книгах имя не найдено.

Князья Тарусского дома

Федор Иванович Тарусский (‡)

Один из воевод *Сторожевого/Передового Полка*.
Об участии и гибели его в Битве сообщается *в Летописной повести о побоище на Дону, в Софийской I летописи старшего извода, в Новгородской IV летописи, у Н. М. Карамзина, И. Афремова*, а также в многочисленных исторических и родословных изданиях.
*Известен родословным книгам (**БК**, **РРКД** и др.)*.

Мстислав Иванович Тарусский (‡)

Брат предыдущего. Один из воевод *Сторожевого/Передового Полка*.
Об участии и гибели его в Битве сообщается *в Летописной повести о побоище на Дону, Софийской I летописи старшего извода, Новгородской IV летописи, у Н. М. Карамзина, И. Афремова*.
В родословных книгах имя не найдено.

Семен Константинович Оболенский

Один из воевод *Сторожевого/Передового Полка*.
Об участии его в Битве сообщается *в Новгородской летописи по списку Дубровского, у Ивана Афремова, в других исторических и родословных изданиях*.
*Известен родословным книгам (**РРКД** и др.)*.

Иван Константинович Оболенский

Брат предыдущего. Один из воевод *Сторожевого/Передового Полка*.
Об участии его в Битве сообщается *в Новгородской летописи по списку Дубровского, у Ивана Афремова и в других исторических и родословных изданиях*.
*Известен родословным книгам (**БК**, **РРКД** и др.)*.

Новосильское, Елецкое, Муромское, Мещерское, Стародубское княжества

Стефан Новосильский (Новосельцов)

В летописях назван либо князем *(Патриаршая или Никоновская летопись и многие редакции «Сказания...»)*, либо «юрьевским юношей» Степаном Новосельцовым или Новосильским *(в редакциях «Сказания...» по Забелинскому списку и Летописной)*. Этот воин — один из очевидцев того, как мужественно сражался великий князь Димитрий Иванович.
В родословных книгах имя не найдено.

(либо **Василий**, либо **Лев**, либо **Юрий** — Господи, Ты знаешь!) Романович Новосильский

Сын князя Романа Семеновича Новосильского (имя не указано). Согласно ***БК*** у Романа Семеновича было 3 сына — ***Василий, Лев и Юрий***, который из них был участником Мамаева побоища — выяснить не удалось.
Известно, что этот ратник был одним из воевод *Засадного Полка*, о чем сообщается *в Новгородской летописи по списку Дубровского и у Н. М. Карамзина.*
*Род Новосильских известен родословным книгам (**БК**, **РРКД** и др.).*

Федор Иванович Елецкий

Сын князя Ивана Титыча Козельского. Как участник Битвы, упомянут *практически во всех редакциях «Сказания...»;* при уряжении полков в Коломне вместе с князьями Андреем Муромским и Юрием Мещерским был назначен воеводой в *Полк Правой Руки*, а в Битве — мог быть в составе *Засадного Полка.*
*Известен родословным книгам (**БК**, **РРКД** и др.)*, считается родоначальником князей Елецких.

Андрей Муромский

Удельный князь Муромский, возможно сын князя Федора Глебовича Муромского. Как участник Битвы, упомянут *практически во всех редакциях «Сказания...»*, при уряжении полков в Коломне вместе с князьями Федором Елецким и Юрием Мещерским был назначен воеводой в *Полк Правой Руки*, в Битве же мог быть в составе *Засадного Полка*.
В родословных книгах имя не найдено, но обозначено в списке правителей Муромского княжества (138?-1392) [131].

Юрий Федорович Мещерский (‡)

Князь Мещерский. Как участник Битвы упомянут *практически во всех редакциях «Сказания...»*, а также *в* ***БК***. При уряжении полков в Коломне вместе с князьями Федором Елецким и Андреем Муромским был назначен воеводой в *Полк Правой Руки*, в Битве же мог быть в составе *Засадного Полка*. Есть сведения *о гибели «его на Дону» (ВОИДР, кн.X, с. 73)*.
*Известен родословным книгам (****БК****, ****РРКД****, ****РСРДФ*** *и др.)*.

Андрей Федорович Стародубский

Удельный князь Стародубского княжества Северо-Восточной Руси. Воевода *Полка Правой Руки*.
Об участии его в Битве сообщается *в Новгородской летописи по списку Дубровского и у Н. М. Карамзина*.
*Известен родословным книгам (****БК****, ****РРКД*** *и др.), его потомки — князья Пожарские, Ряполовские, Гагарины и другие*.

Представители Тверского княжества (в том числе Дорогобужские князья)

Иван Всеволодович Холмский

Князь Холмского удела Тверского княжества. По-видимому, один из воевод *Передового Полка*.
Об участии его в Битве сообщается *в Патриаршией или Никоновской летописи*, у В. Н. Татищева и в других исторических источниках.
*Известен родословным книгам (**БК** и др.)*.

Василий Михайлович Кашинский

Князь Кашинского (независимого) удела Тверского княжества. Один из воевод *Засадного Полка*.
Об участии его в Битве сообщается *в Новгородской летописи по списку Дубровского, у Н. М. Карамзина, у И. Афремова*.
*Известен родословным книгам (**БК** и др.)*.

Тарас Шатнев (Шетнев) (‡)

Возможно, тверской боярин из семьи тверских тысяцких Шетневых, известной в те времена.
О гибели его в Куликовской битве сообщают *Патриаршая или Никоновская летопись и В. Н. Татищев*.
В родословных книгах имя не найдено.

Владимир Дорогобужский Голова (‡)

Скорее всего, один из удельных князей либо Дорогобужа Тверского, либо Дорогобужа Смоленского (скорее первого).
С. Б. Веселовский и М. Д. Каратеев отождествляют его с Владимиром Александровичем Всеволожем, но это всего лишь предположение.

О гибели в Куликовской битве ратника с таким именем говорится *в Софийской I летописи старшего извода.*
В родословных книгах имя не найдено.

Четверо князей Дорогобужских (имена неизвестны) (‡)

Князья-ратники либо Тверской, либо Смоленской земли (скорее первой).
О гибели их в Куликовской битве сообщается *только в редакции «Сказания...» по списку Михайловского.*

Представители Новгорода Великого

Иоанн Васильевич Посадник

В Распространенной редакция «Сказания...» (где и сообщается об *участии его в Битве*) этот ратник назван Новгородским посадником. Об этом говорится и в работах *С. Азбелева.*
В Битве новгородцы сражались в составе *Полка Правой Руки (Распространенная редакция «Сказания...», В. Н. Татищев).*
Известен по Новгородским летописям.

Андрей Иоаннович (Волосатый)

Сын Иоанна Васильевича Посадника. Об участии его в Куликовской битве сообщается в *Распространенной редакции «Сказания...»*, а также в работах *С. Азбелева.*
Известен по Новгородским летописям.

Фома Михайлович Красный

Дмитрий Данилович Завережский

Михаил пан Львович (Паналвич)

Юрий Захарьевич (Захаринич) Хромой

Об участии в Куликовской битве этих четверых новгородцев известно из *Распространенной редакции* «*Сказания...*», а также по работам *С. Азбелева*. Все они сражались в составе *Полка Правой Руки*.
Юрий Захарьевич Хромой, похоже, был известен *Новгородским летописям*, о чем говорится у *С. Азбелева*.

Яков Иванович Зензин (‡)

Тимофей Константинович Микулин (‡)

Об участии и гибели в Битве этих двух новгородцев сообщается только в *редакции* «*Сказания...*» *по списку Михайловского*, где они названы Новгородскими посадниками.

Другие участники Битвы

Иван Александрович (‡)

Достоверную принадлежность этого имени кому-то из князей или бояр установить не удалось. Возможно, это Нетша/Нетшин (из рода смоленских князей) или Хлудень (внук московского боярина Андрея Кобылы).
Имя *упоминается в Софийской I летописи старшего извода в числе погибших в Битве русских воинов*.

Михаил Иванович (‡)

Имя вписано в *Синодикъ XV в., хранящийся в ГИМе в Москве (Синод. собр. № 667, листы 68–68об., рукопись на пергаменте написана полууставом XV в.)*, после имени Михаила Ивановича (Акинфовича) читаем: «*...и другому Михаилу Ивановичу...*». С. Б. Веселовский высказал предположение, что это один из бояр князя *Владимира Андреевича Серпуховского*.

Семен Иванович

Это имя упомянуто в числе воевод *Полка Правой Руки* (при уряжении полков перед Битвой) *в Патриаршей или Никоновской летописи*. Принадлежность имени достоверно установить не удалось. С. Б. Веселовский говорит, что такого имени «за это время нет ни в одном роде».

М. Д. Каратеев приписывает к этому имени прозвище «Собакин», но причисляет его к числу погибших (об этом мы информации не нашли).

В родословцах ***(БК)*** показан еще один Семен Иванович (Ряполовский) — внук участника Куликовской битвы Андрея Федоровича Стародубского. Может быть, это кто-то из них.

Федор Мемко (‡)

Иван Сано (‡)

Федор Мемко и Иван Сано упомянуты *в числе убитых* знатных князей и бояр *только в редакции «Задонщины» по Кирилло-Белозерскому списку*.

В родословных книгах имена не найдены.

Василий Перфильевич (‡)

Каргаша Михайлович (‡)

Василий Перфильевич и Каргаша Михайлович упоминаются только *в Устюжском своде в списке убиенных* князей, воевод, бояр и детей боярских.

Иван Кожухов (‡)

Назван дворецким Тимофея Волуевича, найден *«изсечен в части»* рядом со своим погибшим господином. О нем сообщается *только в редакции «Сказания...» по списку Михайловского.*

Григорий (Гридя Хрулец)

Василий (Васюк Сухоборец)

Семен (Сенька Быков)

Юрий (Юрка Сапожник)

Четыре ратника из простых людей *Гридя Хрулец, Васюк Сухоборец, Сенька Быков и Юрка Сапожник* были *очевидцами* того, как мужественно сражался великий князь Димитрий Иванович с татарами.
Об этом сообщается *в Забелинском списке «Сказания о Мамаевом побоище».*

Михаил Иванович Байков

Князь, *очевидец* того, как великий князь бился с четырьмя татарами.
Упоминается только *в редакции «Сказания...» по списку Михайловского.*

Григорий Капустин (‡)

Нарочи́тый богатырь, найден убитым рядом с Александром Пересветом.
Упоминается *в редакциях «Сказания...» Летописца князя Хворостинина и по Ермолаевскому списку.*

Степан
Огурцов
(‡)

Нарочи́тый богатырь, найден убитым рядом с Александром Пересветом. Упоминается только *в Хворостининской редакции «Сказания...»*.

Тимофей
Загоскин

Сын боярский из дружины Владимира Андреевича Серпуховского. Упоминается только *в Хворостининской редакции «Сказания...»*, как сподобившийся перед Битвой видения о том, что великий князь будет тяжело изранен, но останется жив.

Иван
Синицин

Отвез с поля брани в дубовых колодах *тела Пересвета и Осляби* в Сергиеву обитель Живоначальной Троицы. Об этом сообщается *только в Хворостининской редакции «Сказания...»*.

12 воинов, погибших близ Венева
(имена неизвестны)
(‡)

Об этих воинах рассказывают в местном предании *(д. Свиридово, Веневский р-н Тульской области):* они *погибли от рук литовцев, уже возвращаясь победителями с Поля брани домой*. На месте их гибели забил источник святой воды, который в народной памяти величается «12 ключей».

Игумен Епифаний
(‡)

Задержал литовцев накануне Битвы в монастыре нынешней Епифани, помешав им прийти на помощь Мамаю. Был жестоко убит. Это известно из местного *предания*, а также из следующих изданий: 1) *«1. Слово. Проповеди, конспекты, лекции из архива МДА» (изд. МДА, Свято-Троицкий Ново-Голутвин-ский монастырь, 1993г., стр. 307); 2) «10. Слово. «В подарок детям», стр. 349.*

Русская разведка (сторо́жа)

Эти мужественные ратники участвовали не только в самой Битве в составе Сторожевого Полка, но и задолго до сражения они постоянно выезжали на «встречи» с врагом, дабы раздобыть сведения о его местонахождении и намерениях.

I. Предваряющая разведка,

принесшая самые первые сведения о том, что Мамай идет на Русь.

Андрей Семенович Попов

Один из представителей *княжеской разведки, которая* названа нами *«предваряющая»*. Этот ратник был также и в составе посольства Захария Тютчева к Мамаю. Сведения о нем приводятся в *Забелинском списке «Сказания...»*.
В родословных книгах имя не найдено, по-видимому, не принадлежал к известным родам.

Федор Стремен Милюк

Родион Жидовинов

Эти представители «предваряющей разведки» известны только *Забелинскому списку «Сказания...»*.
В родословных книгах имена их также не найдены.

II. Первая сторóжа,

посланная узнать о передвижениях Мамая,
взявшая знатного татарского языка.

Василий
Тупик

Один из основных разведчиков *Первой сторóжи*.
Известен по *многим редакциям «Сказания о Мамаевом побоище»*.
Не из знатных людей — в родословных книгах имя не найдено.

Родион
Ржевский

Московский воевода из состава *Первой сторóжи*.
Об участии его в событиях, связанных с Куликовской битвой, сообщается во *многих редакциях «Сказания о Мамаевом побоище», а также в РРКД*.
Принадлежит известному роду Ржевских ***(РРКД)***.

Андрей
Волосатый

О том, что он из разведчиков *Первой сторóжи*, сообщают *многие редакции «Сказания о Мамаевом побоище»*.
В родословных книгах имя не найдено, но некоторые историки считают его *предком дворянского рода Волосатых*.

Яков (Иаков)
Ослебятин
(‡)

Сын преподобномученика Андрея Ослябби. Был в составе *Первой сторóжи*, о чем сообщается *в Забелинском списке и в Распространенной редакции «Сказания...»*.
О гибели его в Битве известно из *Кирилло-Белозерского списка «Задонщины»* и некоторых других редакций этого источника.

III. Вторая сторо́жа,

посланная великим князем Димитрием Ивановичем
вслед «замедлившей» Первой сторо́же.

Климент
Полянин/
Полев

Иван
Всеславин/
Свеславин

Григорий
Судоков
(Судаков)

Разведчики из *Второй сторо́жи* Климент Полянин, Иван Всеславин, и Григорий Судоков известны *по многим спискам и редакциям «Сказания...».*
В родословных книгах имена первых двоих не найдены. Имя Григория Судакова известно ***РРКД***, где также сообщается, что он *«был воеводою в войсках великого князя Дмитрия Донского в день Куликовской битвы».*

Фома
Кацибей
(Кацыбеевъ)

Бывший разбойник, разведчик из состава *Второй сторо́жи*. Накануне Битвы был поставлен *«для крепкой стражи»* на реке Чуре, и Богъ, утверждая его в Вере, открыл ему видение...
Об участии его в Битве сообщается *во многих спискам и редакциях «Сказания...».*

IV. Третья сторо́жа,

посланная в разведку великим князем
Димитрием Ивановичем
после переправы русского войска через Оку.

Семен
Мелик
(Меликов)
(‡)

Московский боярин и воевода. Командующий *Третьей сторожей*, о действиях которой рассказывается *практически во всех редакциях «Сказания...».* Он же был одним из *воевод Передового/Сторожевого Полка*, в составе которого, по-видимому, все разведчики участвовали в Битве. *Погиб* во время сражения, о

чем сообщается в *Летописной повести о побоище на Дону*. *Семен Мелик* — один из тех немногих, чье *имя внесено в Синодикъ XVв., хранящийся в ГИМе* в Москве.
Историки (*С. Б. Веселовский и др.*) называют его *родоначальником Меликовых (Старые и Милюковы)*.

Петр Горский

Разведчик из состава *Третьей сторожи*, дружинники которой *упоминаются практически во всех редакциях «Сказания...»*.
В современных изданиях *(В. Богуславский)* сообщается, что он выходец из Золотой Орды и *родоначальник Горских*. Нами этот вопрос пока не изучен.

Карп Олексин (Алексеев)
Игнатий Крень
Фома Тынин
Петр Чуриков

Имена Карпа Олексина, Игнатия Креня, Фомы Тынина, Петра Чурикова также *практически во всех редакциях «Сказания...»* называются в составе *Третьей сторожи*.

Семен Жеребцов

Сын московского боярина Андрея Кобылы, разведчик из состава *Третьей сторожи*. Упоминается только *в редакции «Сказания...» Летописца князя Хворостинина*.
*Известен родословным книгам как Семен Андреевич Жеребцов (**БК** и др.)*.

Федор Мелединков

Из состава *Третьей сторожи*.
Упоминается *только в редакции «Сказания...» Летописца князя Хворостинина*.
В родословных книгах имя не найдено.

Споспешествовавшие Великой Победе

Епископ
Герасим
Коломенский

Благословил в Коломне русское войско перед походом к месту Сражения («*Летописная повесть о побоище на Дону*» и «*Сказание... Основная редакция*»).

Инок
Нектарий

Инок из обители Живоначальной Троицы. Доставил на Куликово Поле перед Битвой Богородичную просфору и своеручную грамотку от прп. Сергия великому князю Димитрию Ивановичу, чтобы еще раз укрепить его и русское войско перед сражением (это известно из «*Жития и подвигов преподобного и богоносного отца нашего Сергия...*», составленного иеромонахом Никоном), а также из «*Сказания...*» *в редакции Летописца князя Хворостинина.*

Русские послы

Об участии послов великого князя Димитрия Ивановича непосредственно в Куликовской битве в источниках конкретно не сообщается, однако нельзя и исключать таковую возможность. В любом случае, без их талантливой службы как в подготовке к Великому Сражению, так и в походе к Полю Боя было не обойтись.

Будем поминать их
в числе споспешествовавших Великой Победе.

Захарий
Тютчев

Русский княжеский посол к Мамаю. Известен *всем редакциям «Сказания о Мамаевом побоище»* (в других летописных источниках, связаных с Куликовской битвой, не упоминается). Некоторые родословцы и историки *считают его родоначальником Тютчевых (**РСРДФ** и др.).*

Федор Скворцов
Андрей Скворцов

Два боярских сына, по-видимому, братья — из служащих посольства Захария Тютчева.
Известны *по списку «Сказания...» в редакции Летописца князя Хворостинина.*
В родословных книгах имена не найдены.

Григорий Сурин

Боярский сын, посланный великим князем Димитрием Иоанновичем (во время следования войска на Поле Битвы) к князю Олегу Рязанскому.
Известен *по списку «Сказания...» в редакции Летописца князя Хворостинина.*

Игнатий Орлов «с товарищи»

Группа посланников от великого князя Димитрия Иоанновича (во время следования войска к Дону) к князю Олегу Рязанскому.
Известны *по списку «Сказания...» в редакции Летописца князя Хворостинина.*

Тимофей Воронцов

Гонец великого князя Димитрия Иоанновича к Московскому митрополиту, дабы сообщить ему о том, что к русскому войску присоединились литовские князья — братья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи.
Известен *по списку «Сказания...» в редакции Летописца князя Хворостинина.*

А также:

Софоний Рязанец (возможно, иерей)

Автор «Задонщины», *мог быть реальным участником Куликовского сражения*. Но даже если не участвовал в Битве, то *на века сохранил память о ней*.

Федор Андреевич Свибло

В *Рассказе о Куликовской битве*, входящем в состав *Софийской I летописи старшего извода*, говорится: «...*а на Москве остави воеводъ своих у великие княгини и у сыновъ своихъ Федора Андреевича*». Это имя историки приписывают Федору Андреевичу Свибло, московскому боярину, внуку Ивана Ивановича Акинфовича от старшего его сына Андрея. *Известен родословным книгам* (***БК, РРКД*** *и др.*).

Была на мне рука Господа, и Господь вывел меня духом
и поставил меня среди поля, и оно было полно костей...
И сказал мне: изреки пророчество на кости сии и скажи им:
«кости сухие! слушайте слово Господне!»
Так говорит Господь Бог костям сим: вот, Я введу дух в вас,
и вы оживете. И обложу вас жилами, и выращу на вас плоть,
и покрою вас кожею, и введу в вас дух, и оживете, и узнаете, что
Я — Господь.
Я изрек пророчество, как повелено было мне;
и когда я пророчествовал, произошел шум, и вот движение, и стали
сближаться кости, кость с костью своею.
И видел я: и вот, жилы были на них, и плоть выросла, и кожа
покрыла их сверху, а духа не было в них.
Тогда сказал Он мне: изреки пророчество духу, изреки пророчество,
сын человеческий, и скажи духу: так говорит Господь Бог:
от четырех ветров приди, дух, и дохни на этих убитых, и они оживут.
И я изрек пророчество, как Он повелел мне, и вошел в них дух, и они
ожили, и стали на ноги свои — весьма, весьма великое полчище.

(Пророчество Иезекииля, 37, 1-10)

Дополнение 1
к СИНОДИКУ
ратников православных на Поле Куликовом Землю Русскую от Мамая поганого боронивших

Список имен,

которые упоминались в тех или иных источниках ***в связи с участием в Куликовской битве*** носивших их людей, но ***для причисления их к участникам Куликовской битвы требуются более достоверные свидетельства***

Иван Окатьевич Волуй

Дядя Тимофея Васильевича Волуевича, погибшего в Куликовской битве. Участником Битвы его считал *М. Д. Каратеев*, но не подкрепил известие об этом ссылкой на источники информации. В летописных источниках имя не упоминается в связи с участием в Мамаевом побоище. Считаем, что требуются более убедительные доказательства для причисления Ивана Окатьевича Волуя к участникам Куликовской битвы.

Иван Серкиз

М. Д. Каратеев без ссылки на источники называет в числе участников Куликовской битвы бывшего ордынского царевича Серкиза (в крещении Иван). *Известен родословным книгам (**БК** и др.)*.
Подобных сведений нигде более не обнаружили. Участником Мамаева побоища достоверно был его сын — Андрей Иванович Серкизов.
Оставляем пока имя Ивана Серкиза в списке тех, чьи имена нуждаются в более достоверном обосновании для причисления их обладателей к участникам Куликовской битвы.

Иван Александрович Всеволожский

Младший брат Дмитрия и Владимира Всеволожей, участников Куликовской битвы. *Участие в этом сражении ему приписывает М. Д. Каратеев,* хотя ни в первоисточниках, ни в более поздних исторических исследованиях и трудах об этом не сказано.

Мы также не можем привязать это имя к упомянутому *в Софийской I летописи старшего извода в списке* ***погибших*** Ивану Александровичу, поскольку И. А. Всеволож, согласно летописям, еще длительное время жил после событий Побоища на Дону.

Оставляем пока это имя в списке тех, чьи имена нуждаются в более обоснованной информации.

*Известен родословным книгам (**БК** и др.).*

Роман Семенович Новосильский

Князь Одоевский и Новосильский, верный соратник Димитрия Донского, один из сыновей которого достоверно участвовал в Куликовской битве. Об участии же самого Романа Семеновича в этом сражении нашли не подкрепленное доказательствами сообщение наших современников [136].

Информация требует проверки и поиска более достоверных сведений.

*Известен родословным книгам (**БК** и др.).*

Левкей (Левский) Перемский и **Лев** Серпьской

Имя «Левкей Перемский» появляется в Основной редакции «Сказания...» по Забелинскому списку вместо имени «Лев Курбский» в аналогичном контексте в других списках «Сказания...», а имя «Лев

Серьпьской» в таком же контексте вместо имени Льва Курбского упоминается в Вологодско-Пермской летописи. Посему считаем, что произошло искажение имени Льва Курбского при переписке летописей и списков «Сказания…».

М. Д. Каратеев приписывает имя *«Левкей Перемский»* туземному князю, называя его *Аликеем*, а имя *«Лев Серьпьский»* — князю *Льву Серпейскому*, называя его *«из Карачевских»*. И хотя никаких ссылок и доказательств к сказанному не добавляет, совсем исключить эти имена из списка не можем (возможно, у М. Д. Каратеева были под рукой какие-то не известные нам источники).

Владимир Ольгердович

Сын великого князя литовского Ольгерда, во времена Куликовской битвы был князем Киевским.

Об участии его в Битве говорится без ссылок на источники *у В. Богуславского*.

Оставляем его в списке имен, требующих более достоверных свидетельств для причисления их обладателей к участникам Куликовской битвы.

*Известен родословным книгам (**БК** и др.)*.

Монтвид/ Монтвил, возможно, Гедиминович

Из литовских князей, происхождение точно неизвестно, *возможно, из Гедиминовичей*.

Участие в Битве под сомнением, т.к. о нем говорится только у *С. Нилуса в книге «Великое в малом»*, в пове-

ствовании о пророческом сновидении отца Николая Александровича Мотовилова о рождении сына. В том же сне говорится и о предке Мотовиловых с именем *Монтвид-Монтвил*, участвовавшем в Куликовской битве.
Считаем, что требуются более достоверные свидетельства для внесения имени в список участников Куликовской битвы.

Иван Нелидов
Юрий Нелидов

М. Д. Каратеев без ссылки на источники называет в числе участников Куликовской битвы двух братьев Нелидовых, Ивана и Юрия, ссылаясь на не обозначенные родословные росписи.
В «Родословномъ сборнике русскихъ дворянскихъ фамилий» В. В. Руммеля и В. В. Голубцова (С.-Петербургъ, 1886) найдено только *имя Юрия*, который показан сыном участника Куликовской битвы Владислава (в крещении Владимира) Нелидова. Имени Ивана в ближайшем окружении по росписям не обнаружено. Об участии Юрия в Побоище на Дону никаких сведений нет.
Считаем, что по этим именам требуется найти более достоверные свидетельства.

Андрей Константинович Оболенский

Это имя *вписано в Синодик М. Д. Каратеева*. Согласно родословным книгам, это — младший брат участников Куликовской битвы Ивана и Семена Константиновичей Оболенских.
Об участии его в Битве говорится на сайте [135]: со ссылкой на книгу

П. Симсона «История Серпухова». Найти эту книгу пока не удалось. Для внесения имени в список участников Мамаева побоища требуются дополнительные изыскания.

Михаил Андреевич Оболенский

И это имя *вписано в Синодик М. Д. Каратеева*. Мы о таком князе вообще ничего пока не знаем. Можно только предположить, что имя перепутано с именем Михаила Андреевича Бренка, погибшего в Куликовской битве.
Оставляем пока это имя в списке тех, чьи имена требуют дополнительных изысканий.

Семен Стародубский

Упомянут *только в Синодике М. Д. Каратеева* без ссылки на источники, а посему участие этого князя в Куликовской битве остается под сомнением и требует более достоверных свидетельств.
*В **БК** такое имя принадлежит внуку князя Андрея Федоровича Стародубского — Семену Ивановичу Ряполовскому. Скорее всего, по возрасту, он не мог участвовать в Куликовской битве. В списке участников есть имя Семена Ивановича без обозначения родства, однако решиться приписать это участие Семену Ряполовскому (Стародубскому) без более достоверной информации не можем.*

Дмитрий Владимирович Холмский

Показан участником Куликовской битвы *в списке М. Д. Каратеева*, который к тому же сообщает, что

«тут в отчестве явная ошибка летописцев, ибо был только Дмитрий Еремеевич, двоюродный брат предыдущего».
Участника Битвы с таким именем в летописях и других первоисточниках мы не обнаружили. Нет такого имени и ***в БК*** (в ней с именем Дмитрий прописан племянник участника Побоища на Дону Ивана Всеволодовича Холмского Дмитрий Юрьевич).
Требуются более достоверные свидетельства.

Федор Белецкий

Имя вписано *в Синодик М. Д. Каратеева* с авторским исправлением в примечании на ***Федора Белевского.*** Нам же думается, что это искажение имени *Федора Елецкого*. Первоисточников М. Д. Каратеев не называет, доступа к его архивам у нас нет, проверить и проанализировать информацию пока не имеем возможности.

Владимир Дмитриевич Муромский Красный («Снабдя»)

Имя названо *только в Синодике М. Д. Каратеева* в разделе имен *князей-участников Куликовской битвы* без каких-либо ссылок и примечаний.
По С. Б. Веселовскому среди московских таковой боярин жил в то время, но об участии его в Мамаевом побоище никаких сведений не найдено.
Требуется более достоверная информация.

Иван
Семенович
Мороз

Фирс
Иванович
Морозов

Эти два имени принадлежат отцу и дяде погибшего в Куликовской битве боярина Льва Морозова. Вписаны они только *в Синодик М. Д. Каратеева* без ссылок и комментариев. В других источниках и исследовательских трудах среди сражавшихся в Куликовской битве таких имен не найдено.
Чтобы добавить их в список участников, либо же исключить из него, *требуется более достоверная информация*.

Иван
Григорьевич
Драница

Имя названо *только в Синодике М. Д. Каратеева без ссылки на первоисточники;* автор сообщает лишь о том, что потомки этого человека — Чуриловы.
Мы пока не нашли по этому имени никакой информации, а посему оставляем его в настоящем списке.

Иван
Гаврилович
Кутузов

Имя вписано *только в Синодик М. Д. Каратеева без ссылок и комментариев*. Ни в первоисточниках, ни у кого-то из историков и исследователей, ни в родословных книгах никакой информации о таком боярине и участии его в Куликовской битве не нашли.
Род Кутузовых пошел от жившего в XIV в. боярина Александра Прокшича Кутуза, который согласно родословцам (***РРКД*** *и др.*) был по отчеству Гаврилович. Возможно, у М. Д. Каратеева речь идет о нем.
Оставляем имя в данном списке

для последующей проверки и получения дополнительной информации.

Мартос
Погож

Имя также названо *только в Синодике М. Д. Каратеева без ссылок и комментариев.* Все попытки что-либо узнать о нем оказались пока тщетны.
И все же оставляем его для последующей проверки и получения дополнительной информации.

Василий
Капица

Сидор
Олферьев

Константин
Петунов

Козьма
Ковря

Семен
Онтонов

Михаил
Саларев

Дементий
Саларев

Тимофей
Весяков

Димитрий
Черный

Иван Ших

Следующие 10 имен принадлежат *купцам-сурожанам*, которые известны практически всем редакциям «Сказания...»: «*Понеже князь великый взял с собою 10 мужий сурожан гостей видениа ради. Аще что случится, Господь Бог поможет, ти же имут поведати в дальних землях, яко сущыи ходницы...*»
Причислить их к участникам Битвы пока не можем, т.к. об этом никаких известий не встретили, а посему *оставляем их в списке тех, чьи имена требуют более достоверных сведений для причисления их обладателей к участникам Куликовской битвы.*

Дополнение 2
к СИНОДИКУ
ратников православных на Поле Куликовом Землю Русскую от Мамая поганого боронивших

Список имен,
которые ***упоминались*** в тех или иных источниках
в связи с участием в Куликовской битве,
но не вошли в Синодикъ по причине ***невозможности участия в Побоище на Дону*** носивших эти имена людей

I. Ростовское княжество

Иван Константинович
Глеб Константинович

Эти имена принадлежат двоюродным братьям Андрея Федоровича, главного Ростовского воеводы, они — старшие из братьев «Константиновичей».
Известны родословным книгам (***РРКД***, ***БК***, ***РТ*** *и др.*).
Считаем, что их имена *ошибочно* причислены *А. Я. Артыновым* (***РЛ***) *к участникам Куликовской битвы:* князья эти *умерли в 1365 г.* (по данным А. В. Экземлярского).

Дмитрий
Андреевич

Иван
Андреевич Ян

Петр
Андреевич

Варсонофий
Иванович

Константин
Иванович
Пужбольский

Эти пять имен ростовских князей принадлежат *внукам* участника Куликовской битвы *Александра Константиновича*. Все эти князья ***жили в XV веке*** (что доказано анализом информации), а посему они не могли участвовать в Мамаевом побоище.
*Имена их известны родословным книгам (**РРКД**, **БК**, **РТ** и др.)*.
Об участии их в Куликовской битве *ошибочно* сообщается А. Я. Артыновым в ***РЛ*** (Иван Андреевич Ян) и рассказано А. А. Титовым в ***РУ*** (все остальные братья).

Семен
Юрьевич
Голенин-Ворона

Иван
Федорович
Голенин

Андрей
Федорович
Голена

Дмитрий
Александрович
Щепа

Федор
Дмитриевич
Приимков

Следующие пять имен ростовских князей *принадлежат правнукам Андрея Федоровича*, главного Ростовского воеводы. Имена эти *известны родословным книгам **(РРКД, БК, РТ** и др.)*.
Поколение правнуков старших участников сражения *не могло по возрасту участвовать в Куликовской битве*, поскольку ***жили они все в XV и даже в начале XVI века***, о чем доказательно изложено в главе «*Ростовское княжество*» настоящего труда.
Таким образом, все эти имена *ошибочно* помещены *А. Я. Артыновым **(РЛ)** в списки участников Куликовской битвы и погибших в ней*.
Кроме того, об участии Андрея Федоровича Голены в Мамаевом побоище также *ошибочно сообщает А. А. Титов в **РУ***.

Андрей Иванович Хохолков

Дмитрий Владимирович

Александр Владимирович

Дмитрий Иванович Янов

Михаил Иванович Пужбольский-Шендон

Эти пять имен ростовских князей *из «поколения правнуков» Александра Константиновича*, двоюродного брата главного Ростовского воеводы. У Александра Константиновича даже внуки не были участниками Куликовской битвы, а князья из поколения его правнуков и тем более не могли быть ими, поскольку ***жили они все в XV – начале XVI века***. *Имена всех названных князей известны родословным книгам (**РРКД**, **БК**, **РТ** и др.).*

Все они *ошибочно* упоминаются в связи с участием в Куликовской битве *в преданиях*, помещенных А. А. Титовым ***в РУ***.

Михаил Александрович Касатка

Федор Александрович Голубой

Василий Александрович Ластка

Названные здесь три имени ростовских князей-братьев также относятся к *«поколению правнуков»* участников Куликовской битвы. *Это поколение* по возрасту *не могло участвовать в Куликовской битве*, поскольку ***жили эти князья в XV–XVI веке***.

В связи с участием в Куликовской битве о Михаиле и Федоре Александровичах *ошибочно* рассказывается в преданиях, помещенных А. А. Титовым ***в РУ.*** Об участии в Битве Василия Александровича – А. А. Титов *ошибочно* сообщает в книге «***Предания*** *о ростовских князьях*».

Василий Дмитриевич Бритый-Бычков

Юрий Дмитриевич Бритый-Бычков

Следующие двое ростовских князей — братья *Бритые-Бычковы — из «поколения правнуков»* участника Куликовской битвы *Владимира Константиновича.*

Имена их известны родословным книгам (***РРКД***, ***БК***, ***РТ*** *и др.*).

Эти князья также *по возрасту не могли участвовать в Куликовской битве*, поскольку ***жили они все в XV–XVI веке***. Они *ошибочно* названы *А. А. Титовым* участниками Великого сражения в «***Преданиях*** *о ростовских князьях*».

Александр Андреевич Хохолков

Федор Александрович Горбатый

Петр Владимирович Бритый-Бычков

Эти трое ростовских князей принадлежат уже *«поколению праправнуков»* основных участников Куликовской битвы от Ростовского княжества (XX колено от Рюрика).

Все они *известны родословным книгам* (***РРКД***, ***БК***, ***РТ*** *и др.*), ***жили в XVI веке*** и, конечно же, не могли участвовать в Мамаевом побоище.

Имена Александра Андреевича Хохолкова и Федора Александровича Горбатого (потомки Александра Константиновича) *ошибочно* помещены *А. Я. Артыновым* (***РЛ***) в список участников Куликовской битвы. Об участии же Петра Владимировича Бритого-Бычкова (праправнук Владимира Константиновича) в Куликовской битве *ошибочно* рассказано *А. А. Титовым в* ***РУ.***

Петр Иванович Катырев

Этот князь из XXI колена от Рюрика. Согласно родословным книгам (***РРКД***, ***БК***, ***РТ*** *и др.)* он приходится *пра-пра-правнуком* участнику Куликовской битвы *Александру Константиновичу*. ***Жил в XVI веке***, а посему участвовать в Битве не мог.

Имя его ошибочно внесено А. Я. Артыновым ***(РЛ)*** в список участников Мамаева побоища.

Далее показан перечень имен ***из рода ростовских князей Щепиных*** (начиная от «*поколения пра-правнуков*» и заканчивая еще более молодыми), которые очень «дружно» *ошибочно попали в число участников Куликовской битвы*. Подробный анализ известий о них в источниках и родословных книгах приведен в главе «Ростовское княжество» настоящего издания. Здесь будет только указано их место в родословных книгах и источники, в которых они упоминались в связи с их «участием» в Мамаевом побоище.

Семен Дмитриевич Щепин-Горбатый

Этот князь — *пра-правнук* Андрея Федоровича, главного Ростовского воеводы.

Известен родословным книгам (***РРКД***, ***БК***, ***РТ*** *и др.)*.

Его имя *ошибочно внесено А. Я. Артыновым* ***(РЛ)*** и в список участников Мамаева побоища, и в список погибших в нем. Однако *князь этот в Битве участвовать не мог, так как реально* ***жил в начале XVI века.***

Борис Семенович Щепин
Иван Семенович Щепин

Эти князья — родные братья, сыновья Семена Дмитриевича Щепина-Горбатого. *Известны родословным книгам* ***(РРКД, БК, РТ** и др.)*. Приходятся *пра-пра-правнуками* Андрею Федоровичу Ростовскому. ***Жили в XVI веке.***

Их имена ошибочно внесены *А. Я. Артыновым* ***(РЛ)*** в список *участников Куликовской битвы*, а Борис Семенович еще и в список погибших в ней.

Дмитрий Борисович Щепин-Внучек
Петр Борисович Щепин
Иван Борисович Щепин
Роман Борисович Щепин

Следующие четыре имени принадлежат сыновьям Бориса Семеновича Щепина. Все эти князья-братья из XXII колена от Рюрика, *правнуки уже в 4-ой степени* Андрея Федоровича, главного Ростовского воеводы, ***жившие в XVI веке.***

Известны родословным книгам ***(РРКД, БК, РТ** и др.)*.

Их имена ошибочно внесены А. Я. Артыновым ***(РЛ)*** *в список участников Куликовской битвы.*

Данило Петрович Щепин
Иван Петрович Щепин-Безсон

Эти двое князей-братьев — сыновья Петра Борисовича Щепина — уже из XXIII колена от Рюрика, *правнуки в 5-ой степени* Андрея Федоровича Ростовского — ***жили в XVI веке.*** Имена их *известны родословным книгам* ***(РРКД, БК, РТ и др.).***

Оба князя *ошибочно* причислены А. Я. Артыновым ***(РЛ)*** *к участникам Куликовской битвы.*

Владимир Романович Щепин

Иван Романович Щепин

Эти князья-братья — сыновья Романа Борисовича Щепина. Они также из XXIII колена от Рюрика, *правнуки в 5-ой степени* Андрея Федоровича Ростовского, ***жившие в XVI веке.***

Известны родословным книгам (***РРКД***, ***БК***, ***РТ*** *и др.*).

Оба имени ошибочно внесены А. Я. Артыновым (***РЛ***) в список *участников Куликовской битвы*.

Алексей Иванович Щепин

Этот князь — племянник Данилы и Ивана Петровичей, показанных выше, приходится *правнуком уже в 6-ой степени* Андрею Федоровичу Ростовскому.

Известен родословным книгам (***РРКД***, ***РТ***), ***жил в XVII веке***.

Его имя ошибочно помещено А. Я. Артыновым (***РЛ***) в списки *участников Куликовской битвы и погибших в ней*.

Яков Борисович Щепин

Этот князь — уже *правнук в 7-ой степени* Андрея Федоровича.

Известен родословным книгам (***РРКД*** *и* ***БК***). Реально *мог* ***жить в XVII веке***.

Его имя *ошибочно* внесено А. Я. Артыновым (***РЛ***) *и в список участников Куликовской битвы, и в список погибших в ней*.

Кроме того, ***в РЛ*** *А. Я. Артыновым* помещен целый рассказ, в котором Яков Борисович Щепин называется женихом Феодоры Константиновны, реальной участницы Битвы. Признать

это достоверным не смогли, слишком навязчиво — из поколения в поколение, охватывая временной промежуток с XV по XVII вв., князьям из рода Щепиных, известным родословным книгам, приписано участие в Куликовской битве.

Василий Иванович Щепин

Этот князь — *уже правнук в 8-ой степени* Андрея Федоровича Ростовского (XXVI колено от Рюрика), реально ***мог жить в XVII веке.***
Известен родословным книгам (***РРКД*** *и* ***БК***).
Имя его *ошибочно* показано А. Я. Артыновым (***РЛ***) *и в списке участников, и в списке погибших в Куликовской битве.*

Далее идут имена ростовских княжон, которым приписано участие в Куликовской битве

Феодо́ра Ивановна Пужбольская-Верши

В Родословных книгах этого имени нет. Первый Пужбольский (Иван Иванович) показан в родословцах в «*поколении внуков*» основных участников Куликовской битвы от Ростовского княжества. Даже если бы такая княжна была его дочерью, то «*поколение правнуков*» участвовать по возрасту в Мамаевом побоище все равно не могло.
Анализ известий, в которых упоминается это имя в связи с участием в Куликовской битве в сопоставлении с другими материалами, показывает *недостоверность участия княжны с таким именем в этом Великом Сражении.*

Антонина Пужбольская

Есть сведения, что княжна с именем «*Антонида Пужбольская*» ***жила в XVI веке (РУ А. А. Титова)***.
Анализ известий, в которых упоминается это имя в связи с участием в Куликовской битве, показал *полную недостоверность* этих утверждений.

Никита/ Никифор Лихошерст

Это имя упоминается только в книжечке «*Княжна Дарья Ростовская*» (*серия «Русские сказки и исторические легенды». Общество сохранения литературного наследия, Москва, 2003)* и принадлежит (согласно преданию) старому воеводе, который был в услужении у княжны Дарьи Ивановны Ростовской.
Однако отнести этого воеводу к участникам Битвы не можем, так как считаем, что имя его могло быть просто придумано рассказчиками и пересказчиками.

II. Другие имена

Иван Акинфович

Имя принадлежит боярину из рода Ратшичей, сыну Акинфа по прозвищу Великий. Он — отец погибшего в Куликовской битве Михаила Ивановича Акинфова. *Известен родословным книгам* ***(БК*** *и др.)*.
Несмотря на то, что его имя упоминается *в Патриаршей или Никоновской летописи и у В. Н. Татищева в «Истории Российской»*, проведенное нами исследование показало, что в этих источниках *произошла подмена имени «Михаил Иванович*

сын Акинфовича» на «Михаил и Иван Акинфовичи».
Имя включено *ошибочно* и *М. Д. Каратеевым* в свой список участников Куликовской битвы.

Иван Иванович Окинфиев

Имя вписано только в *Синодик М. Д. Каратеева* без ссылок на источники и без примечаний.
Считаем, что это имя соответствует имени предыдущего боярина — Ивана Акинфовича, а посему не можем причислить его к числу участников Куликовской битвы.

Михаил Акинфиевич Шубин

Это имя также включено *в Синодик М. Д. Каратеева* без ссылки на источники, причем фамилию «Шубин» он сам приписывает к имени, бездоказательно считая Михаила Акинфиевича племянником участника Куликовской битвы Андрея Федоровича Шубы.
На наш же взгляд, здесь, по-видимому, произошла подмена имени Михаила Ивановича Акинфовича, погибшего в Мамаевом побоище, именем «Михаил Акинфиевич».

Федор Туровский
Мстислав Туровский

Эти два имени помещены в *Синодик М. Д. Каратеева*, где он в комментариях сообщает: «*историки считают, что Устюжский и другие летописцы… спутали их с князьями Тарусскими…*». Мы тоже так считаем, тем более что эти имена действительно в некоторых летописях в аналогичных контекстах занимают места князей Тарусских.

Лев
Дружеский

Имя упоминается в *списке М. Д. Каратеева* с его личной переделкой (в отличие от летописей) с «Дружеского» на «Друцкого». Мы с этим не согласны. При сравнении аналогичных контекстов в разных летописях заметно, что это искаженное имя Льва Курбского, который занесен нами в Поминальный Синодикъ.

Семен
Андреевич
Оболенский

Имя вписано в *Синодик М. Д. Каратеева* с примечанием: *«по ошибке в некоторых источниках назван Семеном Константиновичем»*. Здесь налицо *явная ошибка М. Д. Каратеева*, поскольку именно известный родословным книгам Семен Константинович Оболенский и упоминается в летописных повествованиях о Куликовской битве. Имени же Семена Андреевича Оболенского мы не нашли и в родословцах.
Не можем включить это имя в число участников Куликовской битвы.

Афанасий
Шехонский

Это имя вписано только *в Синодик М. Д. Каратеева*, где он говорит, что этот князь в летописях ошибочно назван Глебом Цыдонским. Однако при анализе всех одинаковых контекстов имя Глеба Цыдонского идентифицировано нами с Глебом Каргопольским.
Не можем включить имя Афанасия Шехонского в список участников Куликовской битвы.

Роман Прозоровский

Имя упоминается в летописях и внесено в *Синодик М. Д. Каратеева*, но общепризнано, что принадлежит оно князю Роману Васильевичу Ярославскому

Глеб Кубенский

Имя внесено в *Синодик М. Д. Каратеева* без ссылки на источники. Род Кубенских возник в XVIII колене от Рюрика (поколение правнуков Ярославских князей Василия, Романа и Глеба). Считаем, что под этим именем у М. Д. Каратеева скрывается князь Глеб Васильевич Ярославский.

Дмитрий Александрович Монастырев

Дмитрий Минич

Имена воевод Дмитрия Монастырева и Дмитрия Мининича (или Минича) упоминаются в списке убитых на Куликовом поле *в Летописной повести о побоище на Дону, в Софийской I летописи старшего извода, в Новгородской IV летописи, в Новгородской летописи по списку Дубровского, в Патриаршией или Никоновской летописи*. В других эпизодах и в текстах «Сказания…» этих имен нет. Эти князья действительно были в числе *воевод, знатных и старейших бояр* при князе Димитрии Ивановиче Донском. Однако есть известные летописные сведения, что Дмитрий Минич был убит в 1368 году в бою с Ольгердом, а Дмитрий Монастырев — убит в 1378 году в бою с татарами на р. Воже.

Не можем оставить эти имена в

Синодике ратников Куликовской битвы, хотя поминать этих воинов в Воинском Помяннике было бы достойно.

Карп
Александров

Упомянут *только в Синодике М. Д. Каратеева*. Считаем, что это испорченное имя Карпа Олéксина, разведчика из *Третьей сторóжи*.

Василий
Брадин

Максим
Васильевич
Брадин

Петр
Максимович
Брадин

Андрей
Максимович
Брадин

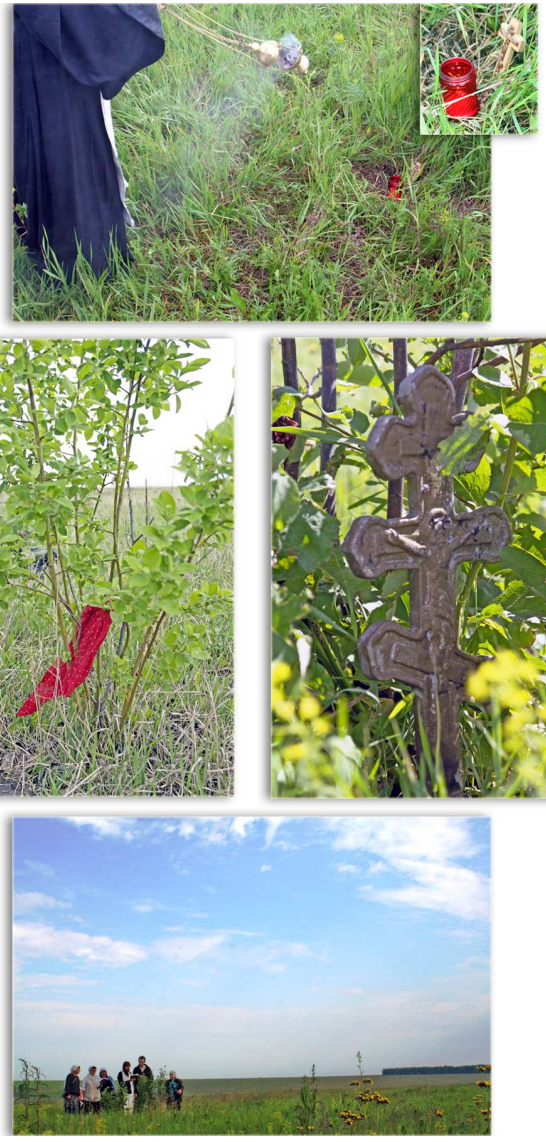
Михаил
Максимович
Брадин

Александр
Максимович
Брадин

Клим
Кожевник

Пуня
Соловей

Все эти восемь имен включены *в Синодик М. Д. Каратеева*. Сам он сообщает, что взяты они им *из исторического романа С. Бородина «Дмитрий Донской»*, но поскольку он знает, что С. Бородин широко пользовался источниками, то таким данным можно доверять.
Категорически отвергаем это утверждение. Не можем причислить к участникам Куликовской битвы *тех, чьи имена взяты из художественной литературы и не известны первоисточникам*.



Панихида по куликовским воинам в центре Поля Куликова (2008 г.)

...И часъ прииде...
пошли съ великимъ княземъ за всю землю Руськую
на острая копія...

✣

... БЫСТЬ СЕЧА ЗЛА,
аки же не бывала в Руси...
пролилась, аки дождевая туча, кровь...

...бысть треск великий и шум
от ломающихся копий и от ударов мечей;
так что нельзя было в тот горький час обозреть
это грозное побоище...

✣

Уже многих увили, многие богатыри русские погибли,
как деревья прислонившись, точно трава
от солнца усыхая и под копыта подстилается...

✣

...ставъ на костехъ и похвали БОГа
и Того Всенепорочную Матерь
и возвратися въ свою отчину
поведивъ своя враги.

Библиография

Основные источники

1. **Синодикъ Успенского Собора**, хранящийся в ГИМе (Синод. собр., № 667, листы 68-68об., рукопись на пергаменте написана полууставом XVв.).
2. **Вологодско-Пермская летопись.** ПСРЛ. Т. XXVI. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1959.
3. **Дмитрий Иоаннович Донской, или История о Мамаевом побоище.** Изд. второе. 1845. // В кн.: Димитрий Донской (серия «Русские святые и подвижники»). М.: Христианский Православный благотворительный фонд Преображение, 2000.
4. **Ермолинская летопись**. ПСРЛ. Т. XXIII, М.: Языки славянской культуры, 2004.
5. **Задонщина. Краткая редакция по Кирилло-Белозерскому списку**. // В кн.: Памятники Куликовского цикла. Гл. редактор Б. А. Рыбаков. СПб.: РАН, БЛИЦ, 1998.
6. **Задонщина. Пространная редакция по Синодальному списку.** // В кн.: Памятники Куликовского цикла. Гл. редактор Б. А. Рыбаков. СПб.: РАН, БЛИЦ, 1998.
7. **Задонщина. Пространная редакция по списку Государственного Исторического музея.** // В кн.: Памятники Куликовского цикла. Гл. редактор Б. А. Рыбаков. СПб.: РАН, БЛИЦ, 1998.
8. **Задонщина. Пространная редакция по списку В. М. Ундольского.** // В кн.: Памятники Куликовского цикла. Гл. редактор Б. А. Рыбаков. СПб.: РАН, БЛИЦ, 1998.

9. **Задонщина. Слово Сафония Рязанца**. // В кн.: Повести о Куликовской битве. М.: Изд. АН СССР, 1959.
10. **Летописная повесть** о побоище на Дону. // В кн.: Повести о Куликовской битве. М.: Изд. АН СССР, 1959.
11. **Летописный сборник, именуемый Патриаршая или Никоновская летопись.** ПСРЛ. Т. XI. М.: Языки славянской культуры, 2000.
12. **Московский летописный свод конца XV века.** ПСРЛ. Т. XXV. М.: Языки славянской культуры, 2004.
13. **Новгородская летопись *по списку П. П. Дубровского.*** ПСРЛ. Т. XLIII(43). М.: Языки славянской культуры, 2004.
14. **Рассказ о Куликовской битве в Новгородской I летописи.** // В кн.: Памятники Куликовского цикла. Гл. редактор Б. А. Рыбаков. СПб.: РАН, БЛИЦ, 1998.
15. **Рассказ о Куликовской битве в Новгородской IV летописи.** // В кн.: Памятники Куликовского цикла. Гл. редактор Б. А. Рыбаков. СПб.: РАН, БЛИЦ, 1998.
16. **Рассказ о Куликовской битве в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи.** // В кн.: Памятники Куликовского цикла. Гл. редактор Б. А. Рыбаков. СПб.: РАН, БЛИЦ, 1998.
17. **Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода.** // В кн.: Памятники Куликовского цикла. Гл. редактор Б. А. Рыбаков. СПб.: РАН, БЛИЦ, 1998.

18. **Ростовское предание по рукописи Российской Национальной библиотеки**, из собрания А. А. Титова, № 2768, под названием **«Ростовский летописец» А. Я. Артынова**, 1883/1884 гг. Л. 202об. (С. 382) – 204 (С. 385). // В сб.: *От Древней Руси к новой России* (с. 185-189). М.: Изд. Паломнического центра Московского Патриархата, 2005.
19. **Сказание о Мамаевом побоище в редакции 1681 г. Пантелеймона Кохановского**. // В кн.: Памятники Куликовского цикла. Гл. редактор Б. А. Рыбаков. СПб.: РАН, БЛИЦ, 1998.
20. **Сказание о Мамаевом побоище в редакции Летописца князя И. Ф. Хворостинина.** // В кн.: Памятники Куликовского цикла. Гл. редактор Б. А. Рыбаков. СПб.: РАН, БЛИЦ, 1998.
21. **Сказание о Мамаевом побоище в редакции Синопсиса**. // В кн.: Памятники Куликовского цикла. Гл. редактор Б. А. Рыбаков. СПб.: РАН, БЛИЦ, 1998.
22. **Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского).** // В кн.: Памятники Куликовского цикла. Гл. редактор Б. А. Рыбаков. СПб.: РАН, БЛИЦ, 1998.
23. **Сказание о Мамаевом побоище. *Летописная редакция*** *(по списку ГИМ в Москве, Синод. собрание № 485, Вологодско-Пермская летопись)*. // В кн.: Повести о Куликовской битве. М.: Изд. АН СССР, 1959.
24. **Сказание о Мамаевом побоище. *Основная редакция*** *(по списку Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде)*. // В

кн.: Повести о Куликовской битве. М.: Изд. АН СССР, 1959.

25. **Сказание о Мамаевом побоище. *Распространенная редакция*** *(по списку ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собрание Погодина № 1414)*. // В кн.: Повести о Куликовской битве. М.: Изд. АН СССР, 1959.
26. **Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку.** // В кн.: Памятники Куликовского цикла. Гл. редактор Б. А. Рыбаков. СПб.: РАН, БЛИЦ, 1998.
27. **Сказание о Мамаевом побоище *по Забелинскому списку*** *(по списку ГИМ в Москве, собр. Забелина, № 261)*. // В кн.: Повести о Куликовской битве. М.: Изд. АН СССР, 1959.
28. **Сказание о Мамаевом побоище *по списку Михайловского.*** // В кн.: Русские повести XV-XVI веков. М.-Л., 1958.
29. **Устюжские и Вологодские летописи XVI-XVIII вв.** ПСРЛ. Т. XXXVII. Л.: Наука, 1982.
30. **Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец).** М.-Л.: Изд. АН СССР, 1950.

Родословные книги

31. **Бархатная книга (Родословная книга князей и дворянъ россійскихъ и въезжихъ)**. Москва. В Университетской типографіи у Н. Новикова, 1787 г.
32. **Дворянские роды Российской империи. Т. 1. Князья**. Рук. авт. колл. П. Х. Гребельский. СПб.: ИПК «Вести», 1993.

33. **Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи, начатый в 1797 г.** (Интернет-проект «Геральдика.ру» (www.geraldika.ru)).
34. **Родословная князей Ростовских**. // В кн.: А. А. Титов. Ростовский уезд Ярославской губернии. Москва. В Синодальной Типографии, 1885.
35. **Россійская Родословная книга, издаваемая Княземъ Петромъ Долгоруковымъ**. С.-Петербургъ. Печатано в Типографии Карла Вингебера, 1854.
36. **Руммель В. В. и Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Том 1, 2**. С.-Петербург. Издание А. С. Суворина, 1886.

Историческая и историко-публицистическая литература:

37. **Азбелев С. Н. Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому.** // В сб.: Русская народная проза. Русский фольклор, XIII. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1972.
38. **Афремов И. Куликово Поле с реставрационным планом Куликовской битвы. Отрывок из исторического обозрения Тульской губернии**. М., 1849.
39. **Ашурков В. Н. На поле Куликовом.** // В кн.: Избранное. История Тульского края. Тула: Приокское кн. изд-во, 1970.
40. **Бегунов Ю. К. Новонайденный Ростовский источник о Куликовской битве.** // В сб.: От Древней Руси к новой России. М.: Паломнический центр Московского Патриархата, 2005.
41. **Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище».** // В кн.: «Слово

о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.-Л., 1966.

42. **Беллярминов И. И. Курс русской истории.** М., 1994.
43. **Борзаковский В. С. История Тверского княжества.** С.-Петербург. Издание книгопродавца И. Г. Мартынова, 1876.
44. **Бочаров Г., Выгалов В. Вологда. Кириллов. Ферапонтово. Белозерск.** М., 1969. (на сайте *www.kirillov.pskovcity.ru*).
45. **Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г.** Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям **А. В. Экземплярскаго.** Том II. Санкт-Петербург, 1891, Типография Имперской Академии наук.
46. **Великий князь Олег Иванович Рязанский**. Рязань, 2002.
47. **Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев.** М., 1969.
48. **Данилевич В. Е. Очерки истории Полоцкой земли до конца XIV столетия.** Киев, 1896.
49. **Дворянская семья. Из истории дворянских фамилий в России.** СПб.: Искусство-СПБ, «Набоковский фонд», 2000.
50. **Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси**. Труды Юбилейной научной конференции «Дмитрий Донской — государственный деятель, полководец, святой». Тула, Тульский полиграфист, 2001.
51. **Живая вода Непрядвы**. М., Молодая гвардия, 1988.

52. **Житие и подвиги преподобного отца нашего игумена Кирилла.** Сост. иеромонах Пахомий со Святой горы. // В кн.: Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские (серия «Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях»). СПб., Глаголъ, 1993.
53. **Житие преподобного Сергия Радонежского.** Архиепископ Никон (Рождественский). М.: АНО «Развитие духовности, культуры и науки», ООО «Аксиос», 2002.
54. **Житие преподобномучеников Александра и Андрея Радонежских.** Сост. священник Валерий Мешков. М., 2005.
55. **Житие свт. Стефана Пермского, составленное свт. Димитрием Ростовским.**
56. **За землю Русскую!** М.: Советская Россия, 1981.
57. **Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро.** М., 2004.
58. **Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому Синодику и о Черниговском княжестве в Татарское время.** СПб., 1893.
59. **Иванчин-Писарев Н. Прогулка по древнему Коломенскому уезду.** М.: Типография при Императорской медико-хирургической Академии. 1843.
60. **Иловайский Д. И. История Рязанского княжества**. М.: Кучково поле, 2009.
61. **Карамзин Н. М. История Государства Российского.** М.: Книга, 1989.
62. **Каратеев М. Д. Участники Куликовской битвы.** // Альманах «Военная быль» общекадетского объединения, № 85, май 1967 года, Париж.

63. **Каргалов В. В. Куликовская битва.** М.: Воениздат, 1980.
64. **Кирпичников А. Н. Куликовская битва.** Л., 1980.
65. **Княжна Дарья Ростовская** (серия «Русские сказки и исторические легенды»). М., Общество сохранения исторического наследия, 2003.
66. **Кожинов В. В. История Руси и русского слова: Современный взгляд.** М.: Чарли, Московский учебник-2000, 1997.
67. **Крючкова М. Княжество все же существовало!** // Каргополье, 2003, 11 июня.
68. **Кудрявцев М. Поиски Северной столицы. Памятники Отечества.** М., 1994. (Сайт: *www.kirillov.pskovsity.ru*).
69. **Кузьмин А. В. Родословная князя Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского.** // В кн.: Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. Труды Юбилейной научной конференции «Дмитрий Донской — государственный деятель, полководец, святой». Тула: Тульский полиграфист, 2001.
70. **Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия**. Тула, 2000.
71. **Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины**. Материалы юбилейной научной конференции. М.: Изд. Московского университета, 1983.
72. **Кучкин В. А. Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XII-XIV вв. Польша и Русь.** М., 1974.

73. **Кучкин В. А. Формирование государственной территории северо-восточной Руси в X-XIV вв.** М., Наука, 1984.
74. **Кюнтцель В. В.,** проф. **Потомки героев Куликовской битвы.** // Историко-публицистический и литературно-художественный альманах «Дворянское собрание». 1995, № 3.
75. **Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века.** СПб., 1888.
76. **Лощиц Ю. М. Дмитрий Донской.** М., Изд-во «ИТРК», 2002.
77. **Митрополит Макарий. История Русской церкви.** Том 5, прил. 2. (*www.rus-sky.com*).
78. **Макаров М. Н. Село Рожествено-Монастырщина и Поле Куликово.** М., 1826.
79. **Мешков Валерий, священник. Священный зов.** М., 2009.
80. **Мешков Валерий, священник. Символ русской веры**. // Российский писатель, 2003, сентябрь, № 17(116), с. 4
81. **Насонов А. Н. Монголы и Русь**. М.-Л., 1940.
82. **Памятники Куликовского цикла.** Гл. редактор Б. А. Рыбаков. СПб.: РАН, БЛИЦ, 1998.
83. **Повести о Куликовской битве.** М.: Изд. АН СССР, 1959.
84. **Покровительница. Преподобная Евфросиния Великая княгиня Московская. Житие. Акафист.** М.: Изд. Храма прп. Евфросинии Великой княгини Московской, Московский Патриархат, 2005.
85. **Проповеди о достоверности загробной жизни и молитвенном поминании усопших. Архимандрит Кирилл.** Троице-Сергиева Лавра, 1995.

86. **Протоиерей Александр Киселев. Поле Куликово 1380-1980. Историософский опыт.** // Русский независимый православный национальный журнал «Русское возрождение». 1996.
87. **Рогов И. В., Уткин С. А. Ипатьевский монастырь. Исторический очерк.** М.: Северный паломник, 2003.
88. **Русские повести XV-XVI веков.** Сост. М. О. Скрипаль. М.-Л., 1958.
89. **Симон, архиепископ Рязанский и Касимовский. Труды. Послания. Слова и речи.** Рязань, 1998.
90. **Скрынников С. Б. Куликовская битва. Проблемы изучения.** // В кн.: Куликовская битва в истории и культуре нашей родины (материалы юбилейной научной конференции). М.: Изд-во Московского университета, 1983.
91. **«Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла.** М.-Л., 1966.
92. **Соболев Ф. В. История и подробное описание села Никульского Коломенского уезда Московской губернии.** М., 1995.
93. **Соловьев С. М. История России**. Кн. II, Т. 3.
94. **Солоухин В. Древо.** М.: Молодая гвардия, 1991.
95. **Сударушкин М. Б. Следы былых событий.** (*http://sudar-mb.narod.ru*).
96. **Татищев В. Н. История Российская. Т. V.** М.: Ладомир, 1995.
97. **Татищев В. Н. История Российская. Т.VI.** М., Ладомир, 1996.
98. **Титов А. А. Предания о Ростовских князьях.** Москва. Типография М. П. Щепкина. Сред. Кисловка, д. Волковых, 1885.

99. **Титов А. А. Путевые заметки от Ростова Ярославского до Переславля Залесского.** 1884.
100. **Титов А. А. Ростовский уезд Ярославской губернии.** Москва. В Синодальной Типографии. 1885.
101. **Титов А. А. Св. Иаков, епископ Ростовский и основанный им монастырь в Ростове Великом, Ярославской губернии.** 1898 г.
102. **Тихомиров М. Н. Куликовская битва.** // В кн.: Повести о Куликовской битве. М.: Изд. АН СССР, 1959.
103. **Тихомиров М. Н. Труды по истории Москвы.** М.: Языки славянской культуры, 2003.
104. **Чернов С. З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI века. Структуры землевладения.** М., 1998.
105. **Чивилихин В. А. Память (роман-эссе).** М.: Художественная литература, 1984.
106. **Шабульдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе княжества Литовского**. (Сайт: *www.krotov.info*).
107. **Шафранова О. И. К история рода Брянчаниновых.** М.: Изд-во имени свт. Игнатия Ставропольского, 1998.
108. **Шахмагонов Ф. На Куликовом поле.** (Серия «Писатель и время»). М.: Советская Россия, 1980.
109. **Шокарев С. Русские княжества в XIV-XV столетиях.**
110. **Щербаков А., Дзысь И. Куликовская битва.** М.: Центр «Экспринт», 2001.

Энциклопедическая и справочная литература

111. **Богуславский В. В. Держава Рюриковичей: Славяне – Русь – Россия. Т. I, (А-В).** Тула: Русский лексикон, 1994.
112. **Богуславский В. В. Славянская энциклопедия. Т. I.** М.: Олма-Пресс, 2005.
113. **Богуславский В. В. Славянская энциклопедия. Т. II.** М.: Олма-Пресс, 2005.
114. **Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах.** М.: Русский язык, 1978.
115. **Ожегов С. И. Словарь русского языка.** М.: Русский язык, 1984.
116. **Паншин Г. Куликово поле от «А» до «Я».** // Литературное приложение к журналу «Поле Куликово». Новомосковск Тульской обл., 1996.
117. **Паншин Г. Энциклопедия Куликова Поля**. Новомосковск Тульской обл., 1996.
118. **Полный церковнославянский словарь (ПЦСС). Сост. протоиерей Григорий Дьяченко**. М.: Отчий дом, 2004.
119. **Топонимический словарь Рязанской области. Под редакцией А. А. Никольского**. Рязань, 2001-2002.
120. **Федорченко В. Дворянские роды, прославившие Отечество. Энциклопедия дворянских родов**. М.: Олма-Пресс, 2004.
121. **Энциклопедический ресурс «Рубрикон»** (сайт: *www.rubricon.com*).
122. **Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона** (отдельные статьи с разных сайтов: *www.bibliotekar.ru* и др.).

Другие современные источники

123. **Гринева Н. Княжны на поле Куликовом**. // Трибуна, 2004, 8 сентября, № 160, с. 8.
124. **Известные люди. Статья Луговской-Грива Арсений.** // На сайте: *www.knownpeople.ru/biography*.
125. **Кайдаш С. Н. Сильнее бедствия земного**. М.: Молодая гвардия, 1983.
126. **Мартишина Н. Дорога Дмитрия Донского**. // Отечественные записки (приложение к газете «Советская Россия»), вып. 49, 16 сентября, 2004.
127. **Православные русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской Империи и на Афоне**. РИИР.
128. **«Российская символика».** Интернет-портал (www.rossimvolika.ru). Историческая справка. **Ростов Великий — Ростов Ярославский — город Древней Руси.**
129. **Смирнова Н. Елец в ожерелье куполов.** // Пока не поздно, № 24, декабрь, 2003 г.
130. **«Хронос».** Исторический интернет-портал.
131. **Что такое просфора, антидор, артос**. М., Сретенский монастырь, 1998.
132. Сайт: *www.admin.debryansk.ru*. Брянщина и объединение русских земель.
133. Сайт: *www.admin.smolensk.ru*.
134. Сайт: *www.alexpolenov.chat.ru*. Русские князья.
135. Сайт: *www.dorogobuzh.narod.ru*.
136. Сайт: *www.egorievsk.ru*. Егорьевск — ворота в Мещеру.
137. Сайт: *www.e-nn.ru*. Открытый Нижний Новгород.
138. Сайт: *www.genealogia.ru*.

139. Сайт: *www.kasimov.ru*. Информационный сайт города Касимов.
140. Сайт: *www.kargopol.net*.
141. Сайт: *www.kostroma-info.ru*. Сайт администрации города Костромы.
142. Сайт: *www.kultinfo.ru*. Культура в Вологодской области.
143. Сайт: *www.mojgorod.ru*. Народная энциклопедия городов и регионов России «Мой город». Новосиль.
144. Сайт: *www.obolensk.chat.ru*. Оболенск.
145. Сайт: *www.petrov.genealogia.ru*.
146. Сайт: *www.roskultura.ru*. Федеральное агентство по культуре и кинематографии.
147. Сайт: *www.rulex.ru*
148. Сайт: *www.safonovo.ru*.
149. Сайт: *www.savikom.ru/voskresensk.shtml*. История города Воскресенск.
150. Сайт: *www.tatar.famclan.ru*. История татарских родов.
151. Сайт: *www.zolotoe-koltso.ru/suzdal*. Все Золотое кольцо. Суздаль.

Список сокращений

БК — *Бархатная книга (Родословная книга князей и дворян российских и въезжих)*

РРКД — *Российская Родословная книга, издаваемая Князем Петром Долгоруковым*

РЛ — *Ростовский летописец Артынова*

РУ — *А. А. Титов. «Ростовский уездъ Ярославской губернии»*

РТ — *Родословная Ростовских князей по А. А. Титову, помещенная в* ***РУ***

РСРДФ — *В. В. Руммель и В. В. Голубцов. «Родословный сборник русских дворянских фамилий»*

ОГДР — *«Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи»*

Оглавление

От авторов-составителей 6

Предисловие..... 11

Главнокомандующий и главные воеводы.....25

Благословение
преподобного Сергия Радонежского 57

Посольство и разведка 71

Московское княжество 119

Белозерское княжество.....247

Ростовское княжество..... 281

Ярославское и Моложское княжества 417

Представители Великого княжества Литовского . 439

Брянское княжество 463

Выходцы из Смоленского княжества 475

Тарусское княжество и его уделы..... 495

Новосильское княжество 513

Елецкое, Муромское и Мещерское княжества..... 527

Стародубское княжество.....541

Представители Тверского княжества 547

Новгород Великий.....565

Другие участники Битвы 579

Споспешествовавшие победе и воспевшие ее.....597

Заметки о Нижегородско-Суздальском княжестве 613

Заметки о Рязанском княжестве 625

О церковном поминовении усопших 639

Синодикъ ратников православных на Поле Куликовом Землю Русскую от Мамая поганого боронивших и споспешествовавших Великой Победе..... 645

Библиография..... 713

Список сокращений 727

Оглавление.....728

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЫПУСКАЕТ БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ РУССКОГО НАРОДА

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация *(вышел)*

Русское Православие в трех томах *(вышли)*

Русское государство *(вышел)*

Русский патриотизм *(вышел)*

Русское мировоззрение *(вышел)*

Русский образ жизни *(вышел)*

Русская география

Русское хозяйство *(вышел)*

Международные отношения

Национальные отношения

Русская литература *(вышел)*

Русская икона и религиозная живопись в двух томах *(вышли)*

Русская архитектура и скульптура

Русская живопись

Русский театр

Русская музыка

Русская наука

Русская школа

Русское воинство

Памятники Отечества

Русские за рубежом

Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.

Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
Феофан Затворник. Добролюбие, 752 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.

Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Кожинов В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
Очерки истории русской иконы, 592 с.
Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.

Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
Синодикъ или Куликовская битва в лицах, 736 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог цареубийства, 496 с.
Платонов О. История цареубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор цареубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.
Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.
Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.
Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Звенигородское шос., д. 4 (пав. «Детский мир на Пресне»), тел. 8(495)-788-41-48, podina@rw.ru), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)